

Палестинський МАРАФОН

Антоніо РУБЬБІ

УДК 327(569.4=927)
ББК 66.4(5ИЗр-6Пал)
Р82

МАРЬАМ
НОФАР

30 лет
борьбы за мир
на Ближнем
Востоке

© Editori Riuniti, 1996
© Г.П. Смирнов, перевод, 2001
© Подготовка к изданию и оформление
изд-ва «Международные отношения»,
2001

ISBN 5-7133-1107-4

Содержание

- 7 *К российскому читателю*
- 12 *Вместо вступления*
-
- 15 Открытие палестинского движения
- 32 1974 — поворотный год
- 63 В ливанской преисподней
- 99 Израильское вторжение в Ливан
- 123 Арафат в Риме
- 138 В тунисском тылу
- 167 Двойной визит в Израиль
- 198 Интифада
- 225 Провозглашение независимости
- 260 ООП и война в Персидском заливе
- 285 Мирный процесс. От Мадрида
до Вашингтона через Осло
- 311 Возвращение в Палестину
-
- 350 *Примечания*

7	К российскому читателю
12	Вместо введения
12	Открытие палестинского движения
32	1974 — поворотный год
63	В ливанской пленопленей
99	Нарядское вторжение в Ливан
123	Арабы в Риме
138	В тунисском лагере
167	Двойной вылет в Наряд
198	Нитфала
225	Провозглашение независимости
260	ООН и война в Палестинском лагере
282	Мирный процесс. От Мадрида до Вашингтона через Осло
311	Возвращение в Палестину
320	Примечания

ISBN 5-7133-1167-4

© Ефим Копельман, 1996
 © Г.П. Смирнов, перевод, 2001
 Подготовка к изданию и оформление
 изд-ва «Международные отношения»,
 2001

К российскому читателю

Когда летом 1996 года эта книга была представлена в Риме Нелианой Терсильей, известной итальянской тележурналисткой, хорошо разбирающейся в ближневосточных проблемах, она высказала пожелание изменить оптимистическую, на ее взгляд, концовку: для этого достаточно дополнить действия, доведенные в книге до конца января 1996 года, тем, что произошло ко времени ее выхода в конце июня.

Стоит напомнить, что речь шла о событиях действительно поворотного масштаба. Огромная часть страны все еще оплакивала Ицхака Рабина, крупнейшего деятеля борьбы за «мир смелых», подло убитого фанатиком, сторонником одного из многочисленных иудаистских ортодоксальных течений. Однако большинство на парламентских выборах перешло от лейбористов и Шимона Переса к наиболее непримиримому представителю правых сил Бен-жамину Нетаньяху, тут же заключившему союз с религиозными партиями и создавшему правительство, которое отказалось от стратегии переговоров. Не было больше и речи о возврате оккупированных в 1967 году земель в обмен на мир, равно как об установлении новых границ и провозглашении Палестинского государства. Безопасность Израиля выдвигалась в качестве предварительного условия для продолжения диалога и достижения возможных соглашений, словно этого можно было добиться без атмосферы сотрудничества с другой стороной, достижимой лишь на пути полного претворения в жизнь соглашений, достигнутых в Осло.

Считая вполне уместными высказанные пожелания, я, тем не менее, отказался внести изменения в книгу, поскольку сам ее замысел и 30-летняя история израильско-палестинского конфликта виделись мне значительно шире учета текущих, пусть и важных, событий. Они свидетельствовали о глубине конфликта, о его, казалось бы, непримиримом характере, о крайних трудностях в отыскании изначального пути, ведущего к взаимному признанию и диалогу, и, наконец, о хрупкости соглашений, немедленно оспаривавшихся экстремистскими группировками, широко представленными и в том, и в другом лагере. Не было никаких сомнений, что речь шла о весьма трудном деле, настолько трудном, что невозможно принять тезис о необратимости мирного процесса, отмеченного слишком частыми террористическими актами, многократными всплесками насилия и непрерывными отрывками политического и религиозного экстремизма и с той и с другой стороны. Но была еще и вера, что, несмотря на все превратности судьбы, в конце концов одержат верх разум, воля к жизни, сознание общей судьбы, неизбежно обрекающие израильтян и палестинцев на общее сосуществование. Так что не оптимизм, а конкретная надежда на мирный исход для этой истерзанной земли и для народов, которые тысячелетиями живут на ней, проходит красной нитью через всю книгу и ее эпилог.

Этот эпизод и вызванные им размышления вновь пришли мне на память, когда издательство «Международные отношения» изъявило намерение выпустить книгу на русском языке через пять лет после ее публикации в Италии и через три года — на арабском языке. Срок этот очень велик для любого политического события нашей эпохи, а тем более для израильско-палестинского конфликта, который, согласно временным рамкам, намеченным в Осло, давно уже должен был бы привести к окончательному урегулированию наиболее сложных вопросов, стоявших в центре переговоров, — отвод израильских войск с оккупированных территорий, судьба новых поселенцев, возвращение перемещенных лиц, использование водных ресурсов, проблема Иерусалима, окончательное установление границ. И все же, как часто уже случалось в этих краях, перемены политической конъюнктуры не

оказали существенного воздействия на причины конфликта и не принесли значительных сдвигов в мирное урегулирование. Изнурительные дипломатические и переговорные процессы чередовались с напряженными периодами насилия и столкновений, которые привели в последний год к вспышке новой Интифады.

Спорные вопросы еще больше обострились. Колонисты, поселившиеся на оккупированных территориях, составлявшие 5 лет назад 130 тысяч, превысили теперь 200 тысяч человек. Раздел водных ресурсов велся из расчета 1 к 3,5 (среднее годовое потребление воды на душу населения для промышленных, сельскохозяйственных и бытовых целей составляло 104 м³ на одного палестинца и 360 м³ на одного израильтянина, хотя водные ресурсы находились большей частью за пределами израильской территории), трудовые доходы палестинцев были тесно связаны с возможностью свободного передвижения, предоставляемой израильтянами. Условия жизни палестинцев отнюдь не улучшились и сейчас в значительной мере все еще зависят от международной помощи и содействия. В этой обстановке застоя, регресса и роста неудовлетворенных потребностей становятся неизбежными новый взрыв ненависти и злобы, активизация наиболее экстремистских элементов среди еврейских колонистов и религиозных движений, среди исламских фундаменталистов Джихада и движения Хамас, все более частое применение силы, с одной стороны, слепое и преступное следование разнузданному терроризму — с другой. Такова, к сожалению, современная картина, перед лицом которой, похоже, оказывается бессильной демократическая и миролюбивая часть израильского общества, неспособная возвысить свой голос; подавлен, по-видимому, и сам Арафат, который не в состоянии обуздать экстремистские выходки и руководить мирным процессом, не приносящим никаких результатов.

Эта картина омрачается все более беспокоящим бездействием международного сообщества. ООН, как это случается теперь почти во всех сложных ситуациях (вспомним Югославию), была отодвинута на задний план, ельцинская Россия добровольно отреклась от своей роли в мировых событиях, а зачастую и от защиты собственных ин-

интересов, богатый Европейский Союз считал, что его совесть чиста, ибо он увеличил фонды, предназначенные для помощи Ближневосточному региону и, в частности, палестинскому народу. В результате этого после встреч в Осло и Вашингтоне (сентябрь 1993 г.) израильско-палестинский вопрос целиком был отдан на откуп Соединенным Штатам. К чему это привело, несмотря на все усилия Билла Клинтона, можно судить по современной драматической ситуации, приводящей в содрогание новую американскую администрацию, которая предпочитает, по крайней мере до сих пор, стоять в стороне.

Если в целом так обстоят дела, то чем же может быть интересна российскому читателю книга, посвященная истории, которая к тому же ставит точку на событиях пятилетней давности?

Интересна она тем, что может освежить память, вновь привлечь интерес к израильско-палестинской проблеме, обнажая ее истоки и внутренние пружины конфликта, пробудить действительную тревогу, которая будет способствовать выдвижению инициатив по вопросу, как никогда грозящему опасностью Ближнему Востоку и всему миру и не допускающему небрежности и забвения.

К России это относится в не меньшей степени, чем к Италии или всей Европе. И даже в большей степени, если принять во внимание российские интересы в регионе и большое число российских граждан, переселившихся на эти земли, и если в полной мере оценить ту роль, которую может сыграть Россия в этом поистине международном решении. Вот в чем, пожалуй, и заключается смысл и целесообразность перевода книги на русский язык и публикации ее в России.

Поэтому я разделяю и ценю инициативу издательства «Международные отношения» и горячо надеюсь, что российский читатель примет книгу с интересом и удовлетворением.

Антонио Рубби
Сентябрь 2001 г.

P.S. Эти строки были написаны мною буквально накануне чудовищных террористических актов, совершенных против Соединенных Штатов Америки. Вряд ли нужно разъяснять, что после 11 сентября 2001 года взрывной потенциал конфликтов, подобных арабо-израильскому, неизмеримо возрос и еще больше возросла необходимость найти пути к разрешению этих конфликтов, к ликвидации самих очагов величайшей угрозы нашего времени — терроризма. Может быть, самое трудное и самое главное в этих поисках — разум и знание, чему и призвана служить эта книга всем своим духом и содержанием.

A.P.

Вот почему, несмотря на то, что эта книга была написана мною в 1996 году, она не утратила своей актуальности. И наоборот, она приобретает все большее значение в свете событий, произошедших в сентябре 2001 года. Вряд ли нужно разъяснять, что после 11 сентября 2001 года взрывной потенциал конфликтов, подобных арабо-израильскому, неизмеримо возрос и еще больше возросла необходимость найти пути к разрешению этих конфликтов, к ликвидации самих очагов величайшей угрозы нашего времени — терроризма. Может быть, самое трудное и самое главное в этих поисках — разум и знание, чему и призвана служить эта книга всем своим духом и содержанием.

Вместо вступления

На мысль написать эту книгу меня натолкнул сам Арафат. Посредником выступил Немер Хаммад, посол ООП в Риме, только что получивший из Туниса послание палестинского лидера в связи с десятой годовщиной со дня смерти Энрико Берлингуэра. К нему была приложена записка, касающаяся меня. За неделю до этого я послал Арафату экземпляр своей книги «Мир Берлингуэра», одна из глав которой была посвящена их первой и единственной встрече в теперь уже далеком 1982 году. Арафат благодарил меня, но в то же время просил как активного участника и свидетеля событий почти двух десятилетий подробнее написать о действительных отношениях, существовавших в течение четверти века между Организацией освобождения Палестины и Итальянской компартией (в последние годы — Демократической партией левых сил), между Арафатом и Берлингуэром, а впоследствии и с другими высшими руководителями партии. По мнению Арафата, эти отношения оказались очень полезными для палестинцев, но надо, чтобы и другие знали подлинную суть этих не всегда простых отношений и оказанных услуг. Похвалы Арафата показались мне даже чрезмерными. «Энрико Берлингуэра, — писал он, — был тем политическим деятелем на Западе, который нам лучше других помог понять, что в одиночку мы никогда не победим и что для признания наших национальных прав следует искать союзников не только в арабских странах, а на основе растущего взаимопонимания строить диалог с той частью Израиля, которая верит в возможность достижения мира. Своими советами он помог нам

политически вырасти..., преодолеть некоторые из наиболее сложных моментов в нашей истории... Мирные договоренности с Израилем — это и его победа». Эти слова использовал для своего интервью газете «Унита» Немер Хаммад¹. Арафат также отмечал, что в последующие десять лет, с приходом в партию других руководителей, этот вклад получил дальнейшее развитие и обогащение.

Тогда много говорили о соглашениях в Осло, об историческом рукопожатии Арафата с Рабином и Пересом на эффектно фоне Белого дома в Вашингтоне: на авансцену мирного процесса вышли первые актеры, чтобы сыграть главные роли. Но разве можно забыть о множестве незаметных героев, часто за кулисами событий пытавшихся соткать канву, которую тысячу раз рвали и столько же раз восстанавливали, чтобы прийти к желаемому результату? Разве можно забыть о солидарности и усилиях Италии и ее народа, о ее наиболее активных политических и общественных силах и, в частности, левых силах и католиках? Да, об этом действительно следует написать.

Но как? Необходимо, по крайней мере, ограничить себя определенными рамками. Прежде всего, не следует слишком вдаваться в специфическое описание исторических событий. Даже при рассмотрении роли многочисленных его участников, которые были призваны в нашей стране заниматься этой проблемой, — правительства и парламента, а также Ватикана, экономических и общественных сил, институтов местной власти, партий, обществ дружбы и солидарности, — упоминание вклада других действующих лиц и организаций может быть сведено к минимуму с учетом той главной задачи, которую поставил перед собой автор.

Восстановление почти 30-летней канвы отношений с палестинским движением связано также с необходимостью обращения в рамках этого периода к истории наших отношений с Израилем и со значительной частью его политических сил и выдающихся политических и культурных деятелей, а также еврейских общин Италии. Мы должны были рассматривать все аспекты ближневосточной политики, учитывая доводы с той и с другой стороны, права и надежды обоих народов, несмотря на их конфликты между собой. То, что в нашей позиции, особенно на начальном этапе, проявлялись некоторая односторонность и пристрастность с точки зрения проводимого нами анализа, а также отставание с выдвиганием политических предложе-

ний, ничуть не преуменьшает, на мой взгляд, значения наших усилий, всегда искренне направленных на поиск путей удовлетворения прав и отстаивание мирного существования израильского и палестинского народов, что было признано обеими сторонами. В этом смысле вышеупомянутое политическое признание Арафатом заслуг Берлингуэра («...мирные договоренности с Израилем — это и его победа») может быть, звучит и высокопарно, но безусловно содержит в себе элемент истины. Так что об этом не следует забывать, тогда мы сможем не только восстановить истину вопреки тенденциозным и неверным толкованиям, но и напомним о тех обязанностях, которые продолжаем нести в отношении обоих народов, особенно палестинского, все еще не добившегося окончательного воссоединения и свободы на своей земле.

А.Р.

Мне трудно выделить кого-то особо из тех, кто помогал мне в этой работе материалами, свидетельствами и ценными указаниями. Таких помощников было у меня так много, что я наверняка забыл бы кого-нибудь. Тем не менее мне хотелось бы сердечно поблагодарить их всех.

Особую признательность я выражаю Джанне Пекорари за ее неоценимую и действенную помощь.

Открытие палестинского движения

«Думаю, что о нем и о его движении мы еще не раз услышим», — сообщил Лонго Джанкарло Пайетта, только что вернувшийся из Аммана, где 22 декабря он вместе с Пьетро Секкьей и Романо Леддой встречался с Арафатом. Это был первый прямой контакт между ИКП и высшим руководителем палестинского сопротивления. Хотя имя Арафата часто упоминалось на Западе, а авторитетный журнал «Тайм» поместил его портрет на обложке последнего номера за 1968 год, в нашей партии о нем говорили мало. Да и о самом палестинском движении стало известно совсем недавно. Оно удостоилось внимания хроникеров после того, как 21 марта 1968 года произошло открытое столкновение с израильской армией в Карамехе, что привлекло внимание Конференции антиимпериалистических и прогрессивных сил, состоявшейся в апреле в Риме, в заключительном коммюнике которой говорилось о «поддержке сопротивления палестинского народа и его праве на самоопределение».

Но лишь год спустя впервые будет отмечено присутствие наблюдателя от Фатха на совещании в Алжире (от ИКП в нем участвовали Райхлин, Ледда и Паволини) и в ноябре на конференцию «Средиземноморье-70» в Палермо направлена настоящая делегация. Именно эта делегация была принята политическим секретарем партии Луиджи Лонго, что фактически положило начало официальным отношениям между ИКП и ООП, хотя они осуществлялись через наиболее многочисленную и представи-

тельную организацию — Фатх. Об этой встрече, в которой от ИКП, помимо Лонго, приняли также участие Берлингуэр, Пайетта, Оккетто, Ледда и Дина Форти, кратко сообщалось в печати без упоминания участников с палестинской стороны. Наиболее важный результат состоял в том, что было положено начало контактам и передано приглашение нашей делегации, которое было незамедлительно принято. Пайетта докладывал о результатах этой первой поездки, которую, как всегда, подробно описал Секкья в своих блокнотах¹. Первое впечатление от записок было в значительной мере благоприятным. Речь шла о «сильной и хорошо организованной структуре как с военной, так и с общественно-политической точки зрения», с целой сетью связей с палестинцами на оккупированных территориях, обладавшей возможностью направлять военные действия против Израиля с иорданской территории. Она пользовалась влиянием во всех лагерях беженцев, где занималась практической деятельностью и оказанием помощи. «Палестинцы еще как существуют!» — восклицал Пайетта, памятуя о презрительном ответе, который незадолго до того был дан израильским премьер-министром Голдой Меир назойливому журналисту «Санди Таймс» («Палестинцы? Их попросту не существует!»). По оценке Секкья, их там, напротив, было слишком много, и занимали они явно важные позиции, если он смог написать, что «в Иордании палестинцы представляют собой государство в государстве», на что некоторые даже жаловались, в том числе и Иорданская компартия. В записке для внутреннего пользования, подготовленной делегацией для членов руководства, чувствовалось определенное дистанцирование от позиций Арафата (которого Пайетта стал вскоре именовать по его боевой кличке — не иначе как Абу Амаром). Единственным возможным выходом для палестинцев было сопротивление на оккупированных территориях и вооруженная борьба народа, с «сионистским образованием», утверждали они, не могло быть никаких политических компромиссов. Национальный совет ООП отвергал всякую мысль о политическом решении. Палестинцы боролись за «новую Палестину», в которой на равных правах и без религиозных и расовых ущемлений могли бы сосуществовать евреи, христиане и мусульмане.

Наша делегация возразила: то, что они называют «сионистским образованием», было на самом деле Государством Израиль, в отношении законности и права на существование которого ИКП не имела и не имеет никаких сомнений. Иное дело — его политика, подвергавшаяся, в частности, критике за то, что Израиль захватил территории Трансиордании и Газы, с которых, в соответствии с резолюцией 242 ГА ООН, он должен был уйти. Палестинцы не придавали никакого значения резолюциям ООН, а тем более резолюции 242, даже не принимавшей их в расчет и считавшей попросту беженцами, едва ли достойными сострадания.

В этом вопросе, имевшем для палестинцев решающее значение, Арафат был предельно откровенен, в том числе и с советскими руководителями. Когда в июле 1968 года Насер пригласил Арафата поехать с египетской делегацией в Москву, чтобы познакомить его с высшим советским руководством, Арафат просил и добился того, чтобы резолюции ООН не обсуждались. Каждый, по-видимому, остался на своих позициях. Брежнев же даже не принял его всерьез. «Оставь ты этих помещанных, — сказал он Насеру, — это обычные арабские сказки». Арафат, напротив, стоял на своем и повторил то же самое делегации ИКП. Пайетта высказал сомнение, что вооруженная борьба не может иметь иной альтернативы и что ее можно долго вести против столь мощного и решительного противника, не имея своей территории. Ответ руководителей Фатха, видимо, не был столь же категоричным, как и предыдущий, если Секкья смог записать: «В отношении перспективы у них нет больших иллюзий». На одном, однако, Арафат настаивал: либо палестинский народ, независимо от условий борьбы, будет выступать за свои права, либо он исчезнет как нация. Добьются ли они своего — спорный вопрос, но сохранить надежду для будущих палестинских поколений было их непреложной обязанностью. К тому же эта борьба являлась стимулом для всего арабского мира и для его обновления, что ясно дал понять глава Фатха. Палестинское движение в свою очередь нуждалось в поддержке всех арабских стран — от самых прогрессивных до самых реакционных. В конце концов палестинцы сами являлись составной частью этого мира, его истории, культуры и цивилизации. Но целью их борьбы было

освобождение своей территории и обретение национальной самобытности.

Таково было лицо новой ООП, которую Арафат возглавил 3 февраля 1969 года в Каире. Предыдущая Организация освобождения Палестины, созданная в 1964 году Ахмедом Сухейри, являлась лишь орудием в руках арабских стран. Теперь же она должна была стать подлинно палестинской организацией, независимой от интересов отдельных правительств и господствующих идеологий. В этой связи была заново написана ее Учредительная хартия, пересмотрены ее основные принципы и внутренняя организация, ставшая больше походить на Национальный фронт освобождения. К ней сразу же примкнул НФОП (Народный фронт освобождения Палестины) Жоржа Хаббаша. Правда, последний весьма скоро начал бороться за внутреннюю гегемонию в Фатхе.

Насер, положительно воспринявший преобразование ООП, также призывал Арафата к проведению линии, независимой от различных арабских режимов. Выполнить это условие было не так-то легко, поскольку Арафат нуждался в территории арабских стран для предоставления убежища целому народу — «изгнаннику», а также в оружии для борьбы и финансировании.

Открытие палестинского движения как самостоятельного и специфического фактора в ближневосточном конфликте ускорило в нашей партии дискуссию в отношении линии, проводимой в этом конфликте. Число сторонников некоторой ее коррекции возрастало. Необходимо было выйти из изоляции, в которую мы попали в июне 1967 года, во время и после «семядневной войны». Наши противники максимально использовали это обстоятельство для того, чтобы отмежеваться от партии и лишить ее поддержки общественного мнения. Третья арабо-израильская война в июне 1967 года казалась большинству попыткой уничтожить маленькое Государство Израиль, с трудом восстановленное еврейским народом после многовековых преследований и страданий — народом, который наконец получил от международного сообщества справедливое воздаяние в виде родного очага, вокруг которого можно было собраться. Теперь, как утверждали, этому народу-страдальцу снова грозило уничтожение от

окружавших его 60 миллионов арабов, собиравшихся на него напасть под прикрытием советской державы и ее союзников. Несмотря на то, что коммунисты оказались более, чем кто-либо, товарищами по несчастью и страданиям евреев во времена фашизма и в нацистских лагерях, и что в ноябре 1947 года ИКП горячо поддержала решение Объединенных Наций о создании еврейского государства, и с тех пор при любых обстоятельствах подтверждала законность Государства Израиль и его право на существование*, сдержать кампанию, развязанную против ИКП, и избежать ее изоляции не удалось. Сыграла, конечно, роль и политика блоков на международной арене. Соединенные Штаты и западные союзники сразу выступили в защиту Израиля, Советский Союз, народный Китай и восточноевропейские страны, за исключением Румынии, приняли сторону арабских стран. Партии, поддерживающие правительство, солидаризировались с первыми, ИКП и ИСППЕ — со вторыми. С одной стороны, шли выступления за свободу и демократию, с другой — в поддержку движения за национальную независимость, против пережитков колониализма и империализма.

Тем не менее главным в позиции ИКП было не это, а самостоятельная разработка тем, связанных с тенденциями в мировых процессах, ведущих к освобождению народов третьего мира от прежнего засилья, к завоеванию независимости и началу внутренних преобразований, которые могли вписаться в великое движение вперед, к социализму в мировом масштабе, чему империализм стремился всячески помешать, как это явствовало из агрессии США во Вьетнаме. Такой анализ облегчал арабским странам возможность рассматривать себя в качестве главных действующих лиц в этом процессе. Речь идет, прежде всего, об алжирской революции, а также о значительных переменах, которые происходили в Судане, Сирии и Ираке. В центре внимания уже давно была насеровская революция в Египте.

* 24 мая 1967 года руководство ИКП в одном из своих коммюнике привлекло внимание к «идеям, неоднократно высказывавшимся в прошлом относительно признания права Государства Израиль на полную национальную независимость» и вновь выразило «пожелание, чтобы это государство развивалось в обстановке мира, сосуществования и сотрудничества со всеми соседними народами, независимо от расовых и религиозных различий»².

Джанкарло Пайетта и Романо Ледда, в частности, не раз посещали эти страны и были главными защитниками такой потенциальной линии развития. Их большая заслуга состояла в том, что они познакомили не только партию, но и общественное мнение нашей страны с малоизвестной до того времени действительностью и проблемами, которые недостаточно доходили до сознания людей. Заключение же, основанное на мессианском социализме и на концепциях развития третьего мира, вызывали много недоуменных вопросов. Так, Карло Галлуцци³, тогдашний заведующий Международным отделом ИКП, включенный в феврале 1965 года в состав делегации во главе с Пайеттой, которая направлялась в Каир, рассказывал: «... уже давно на страницах «Ринашита»... проходила широкая и оживленная дискуссия о египетском опыте, а в более общем плане — об арабском социализме. Некоторые утверждали, что насеровский эксперимент был социалистическим, другие, напротив, считали, что речь идет о националистической революции, имевшей мало общего с социализмом». По окончании визита на основании материала, собранного при общении с египетскими собеседниками, Галлуцци пришел к выводу, что «арабский социализм, если бы он был осуществимым, является настолько сложной материей, что в данный момент это скорее идеологическая абстракция, чем реальный факт». Но если подобные утверждения могли быть предметом обсуждения, то таковым, по крайней мере для нас, не мог стать отказ этих стран от признания реальности Израиля «в качестве политической данности, которую нельзя игнорировать».

По этому пункту ИКП всегда занимала решительную и твердую позицию со всеми арабскими и палестинскими собеседниками, хотя этот аспект, пожалуй, недостаточно нами подчеркивался. Он не вывел бы нас из изоляции, но способствовал бы большему прояснению нашей позиции.

Итог «семидневной войны» привел, однако, к еще одному последствию, которое не замедлило поставить под вопрос различные убеждения и позиции и вызвать новые сомнения в общественном мнении и среди политических сил.

Израиль не ограничился обороной от арабов, но вторгся в чужие земли и присоединил их к себе. Такая судьба постигла Восточный Иерусалим, Синай и Голанские высоты,

откуда значительная часть населения вынуждена была эмигрировать. Таким образом возникла новая проблем оккупированных территорий и беженцев, которые в большинстве своем были палестинцами, всегда жившими на этих землях (хотя международное сообщество не спешило назвать вещи своими именами). Новой обстановке была дана оценка в специальной резолюции ГА Организации Объединенных Наций за номером 242, принятой 22 ноября 1967 года, которая требовала «вывода всех израильских вооруженных сил с оккупированных территорий, прекращения состояния войны и уважения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех стран этого региона и обеспечения права на мирную жизнь в пределах надежных и признанных границ, а также справедливого решения проблемы беженцев». Перед мировым сообществом предстала, со всеми своими нравственными и политическими проблемами, новая диаспора, на этот раз — палестинская, а виновником был признан Израиль, не собиравшийся выполнять резолюцию ООН. Условия противостояния политических сил отчасти изменились. То же самое произошло и во взглядах людей. «Многие силы, — отмечал Секкья⁴, — занимавшие произраильскую позицию, не только начинают испытывать сомнения, но и переходят на противоположную точку зрения. Они не против существования Израиля, но осуждают его агрессивную политику. Процесс изменения отношения очевиден в католическом мире (...)». И добавлял, несколько перегибая палку, что «итальянские социалисты два года назад стояли на произраильских позициях, теперь же они выступают за палестинское сопротивление». Если оставить в стороне некоторые преувеличения, то можно сказать, что настроения в обществе действительно менялись и это вызывало тревогу у наиболее реакционных кругов нашей страны. Дело доходило до того, что, комментируя дебаты в палате депутатов, происходившие 9 января 1969 года по поводу ближневосточного кризиса, некоторые газеты⁵ посвятили броские заголовки выступлению главы парламентской группы Христианско-демократической партии Джулио Андреотти, которое, по правде говоря, не отличалось новизной. Что сказал Андреотти? «Быть, как мы, друзьями евреев не означает не быть друзьями арабов, с которыми мы поддержива-

ем прекрасные отношения. Решающим моментом разговора о мире на Ближнем Востоке является признание права на жизнь Государства Израиль». Ни одна из итальянских политических сил никогда не оспаривала это право. Подлинной проблемой, нуждавшейся в решении, была другая: вывод израильских войск с оккупированных территорий. В этом вопросе мнения правящих партий расходились. Если 9 октября 1969 года в Нью-Йорке на встрече с израильским премьер-министром Голдой Меир по случаю очередной сессии ГА ООН министр иностранных дел Моро «твердо изложил (по сообщению посла Винчи⁶) точку зрения итальянского правительства по поводу вывода войск», то Уго Ла Мальфа писал в газете «Воце Републикана», что выживание и безопасность Израиля зависят от безопасных границ, «которые должны находиться как можно дальше от границ, существовавших до 1967 года, чтобы не чувствовать себя окруженным со всех сторон». В позиции социалистической партии, которая сначала приняла сторону Израиля в «семидневной войне», произошли перемены. В своей речи в палате депутатов 9 января 1969 года Пьетро Ненни выступил в поддержку необходимости исполнения резолюции 242 и позитивно оценил инициативу Генерального секретаря ООН У Тана направить на Ближний Восток Гуннара Ярринга во главе дипломатической миссии, которая должна была обсудить с заинтересованными сторонами соглашение по этому вопросу. Несколькими неделями позже Ненни первым из представителей итальянского правительства выступил по поводу палестинцев, и не только беженцев, указав палестинские организации среди сторон, заинтересованных в налаживании нормальной жизни в регионе.

В изменившейся обстановке в Риме был создан Итальянский комитет солидарности с палестинским народом. Демонстрации солидарности с палестинцами проходили и раньше, когда в сентябре и ноябре 1967 года в оккупированной Трансиордании вспыхнули забастовки, а в Газе произошли первые инциденты из-за разгона большой демонстрации женщин, в результате чего было ранено 93 человека. В январе в одном из римских кварталов прошла демонстрация молодежи. Инициативные мероприятия были проведены также в целях оказания помощи палестинцам, жившим в лагерях для

беженцев в Иордании и Сирии, куда направлялись одеяла и медикаменты. Представители палестинского сопротивления старались установить связи с итальянскими политическими силами, а именно с ИКП, ИСППЕ и некоторыми католическими организациями. Названный комитет возник, однако, не вследствие прямых действий партий, а по инициативе группы политических деятелей, журналистов и граждан, занимавшихся ближневосточной и палестинской проблематикой. Сообщение о его создании было сделано 5 марта 1969 года. В состав комитета, временно оформленного в виде рабочей группы по палестинскому вопросу, входили Джузеппе Конато, Бруно Крими, Пьеро Делла Сета, Роберто Джамманко, Клаудио Джульяни, Бруно Гриеко, Джорджо Мильярди, Энрико Мистретта, Джанфранко Пинторе, Джанфранко Полилло, Эннио Поллито, Пино Тальядзукки. В сообщении говорилось, что «комитет ставит своей целью способствовать лучшему ознакомлению общественного мнения с борьбой палестинского народа за освобождение своей земли от сионизма и за построение новой, светской и демократической Палестины, в которой могли бы равноправно жить мусульмане, евреи и христиане»⁷. Легко убедиться, что эти программные установки полностью брали на вооружение формулировку Фатха, что не могло не идти вразрез со взглядами партий, и особенно ИКП, поскольку такие установки противоречили ее линии. Прообраз единого демократического или двунационального государства не только начисто отметал политику, проводившуюся прежней организацией Сухейри и немалым числом арабских стран, стремившихся «сбросить евреев в море», но и противоречил решениям ООН о создании двух государств. Можно было понять возражения палестинской стороны, утверждавшей, что не им же расплачиваться за прежние обиды евреев и холокост, но все же Государство Израиль являлось теперь международной и ближневосточной действительностью, которую нельзя было сбросить со счетов. Не приходится поэтому удивляться, что дискуссии как в комитете, так и в организациях, занимавшихся проведением выдвинутых им инициатив, оказывались зачастую «жаркими и напряженными», как о том свидетельствует Джульяни⁸, который был назначен национальным секретарем комитета. Тем не менее деятельность

комитета была позитивной, поскольку позволила лучше ознакомить публику с помощью издаваемого им еженедельника «Риволюционе Палестинезе» с палестинским вопросом и привлечь внимание к проблеме, которая десятилетиями будет оставаться узловой среди самых запутанных и сложных в международной жизни. Комитет провел множество мероприятий — дебатов, митингов, демонстраций — и выставку произведений живописи, на которой были представлены 190 картин, присланных в дар выдающимися художниками. Но одной из важнейших функций комитета стало то, что он превратился в центр притяжения не только отдельных личностей, но и деятелей различных политических сил, все еще выступавших неофициально. Уже во второй половине 1969 года комитет избрал руководство, куда вошли Мильтярди (ИСППЕ), Орилья (МАС), Кардия (ИКП), Бенциони (ИСП) и депутат парламента Корги (ХДП). Работа этой группы принесла свои результаты, в том числе и на парламентском уровне, содействуя достижению соглашений, позволивших в начале февраля 1970 года создать представительную делегацию в составе Галлони, Фраканцани, Роньони (ХДП), Бассо и Луццато (ИСППЕ), Орилья и Карреттони (Независимые левые), Банфи (ИСП), Пайетта, Каламандреи, Сандри и Кардия (ИКП), которая приняла участие в Межпарламентской конференции по вопросу кризиса на Ближнем Востоке. Разумеется, в этой организации довольно открыто проявлялись различные позиции. Явным доказательством этого стал вопрос об отношении к выдвинутому (после провала миссии Ярринга) летом 1970 года американскому плану мира, известному как план Уильяма Роджерса, названному так по имени госсекретаря США. План был адресован Израилю, ОАР и Иордании и предусматривал прекращение огня по крайней мере на три месяца и начало переговоров с целью заключения соглашения между сторонами на основе резолюции ООН 242. В комитете были люди, оценивавшие этот шаг как «новый факт, способный положить начало мирному процессу». Другие же, напротив, отвергали его, поскольку он не принимал во внимание палестинский вопрос. Об этом позаботились сами стороны, заинтересованные в разрешении этой дилеммы, они четко размежевались между собой. Сирия отвергла названный план, так же поступила и ООП, развен-

чавшая его как «план сдачи, который полностью игнорирует наши права и нашу борьбу и снова переводит нас из разряда вооруженного народа в сборище перемещенных лиц». «Принятие плана Роджерса со стороны Израиля, Египта и Иордании представляет собой попытку ликвидации нашего дела, и мы готовы бороться с этой попыткой до конца», — заявил Фарук Каддуми редактору еженедельника ИСППЕ «Мондо нуово» Джанкарло Ланнутти.

От дискуссий по плану Роджерса нас отвлекли летом 1970 года тяжелые столкновения в Иордании между партизанскими отрядами палестинцев и иорданской армией. Подталкиваемый наиболее яркими противниками пребывания палестинцев в стране и стремлением прийти к соглашению, которое позволило бы вернуть обратно территории в Трансиордании, король Хусейн не колеблясь пошел на строгие ограничения любых передвижений палестинских формирований на иорданской территории с целью прекращения всех военных действий против Израиля и изоляции беженцев в лагерях. Осуществлению этого замысла короля Хусейна способствовали дерзкая тактика отдельных палестинских отрядов и использование НФОП Хабаша таких террористических мер, какими явились быстро следовавшие друг за другом захваты заложников: 9 июня в Аммане 68 представителей западных стран и угон самолета ДС-8 швейцарской компании «Свисэр» и Боинга-707 «Тва», взорванных 6 сентября. Спустя неделю очередь дошла до самолета «Боак» ВС-10. Эта волна угонов играла на руку тем, кто хотел освободиться от нежелательного присутствия палестинцев в Иордании, и поэтому «Арафат рвал и метал»⁹. Романо Ледда, ставший очевидцем этих трагических дней, именно тогда взял первое интервью для газеты «Унита»¹⁰ у Ясира Арафата. Место и условия получения этого интервью передают весь драматизм ситуации. «Дом на одном из многих холмов иорданской столицы, голая комната, два одеяла на лежанке, стул, маленький стол». Таково было помещение, в котором находилось командование палестинского сопротивления. Здесь в ночь на 9 сентября Арафат принимает Романо Ледда. «Интервью неоднократно прерывается стрельбой, идут совещания, вбегают и выбегают вестовые». И в этой лихорадочной атмосфере Арафат сразу же затрагивает вопрос об угоне самолетов. «Наши

методы борьбы направлены против врага на полях сражений, а не против иностранных самолетов». ЦС ООП бурно обсуждал этот вопрос, и большинство высказалось против подобных действий, но во избежание подрыва единства Народный фронт не был подвергнут публичной критике. Ледда говорит в ответ, что подобные действия наносят огромный ущерб представлению о движении сопротивления и дают повод и оправдание тем, кто выступает против палестинского движения. Арафат и сам убежден в этом. Он сильно озабочен военными маневрами англо-американских сил в Средиземноморье и растущей решимостью иорданских властей и правительства, проваливающих любую попытку арабского посредничества. «Они хотят ликвидировать палестинское сопротивление... в полном соответствии с американскими и империалистическими замыслами... против нас ведется жесткая борьба, поскольку мы являемся авангардом и движущей силой освободительного движения в регионе». Арафат говорит, что в их намерения не входит подрыв власти короля Хусейна или воздействие на внутреннее положение в Иордании. «Мы отстаиваем лишь наше существование и палестинскую революцию, которым угрожают физическое уничтожение и политическая ликвидация... Разве можно требовать от народа, чтобы он примирился с прекращением своего существования?» Глава палестинского сопротивления поясняет, что такова и сущность плана Роджерса и что поэтому с ним нельзя соглашаться. Арафат возмущается теми, кто считает палестинцев экстремистами. «Разве можно называть экстремизмом требование уважать законное право людей, переживших 22 года изгнаний и угнетения, утраты своей национальности, жалкого существования в качестве беженцев?.. Мы не беженцы, а народ, лишенный национальной значимости после тысячелетнего существования на этой земле. Сейчас нас превратили в людей без родины, без достоинства, без будущего. Мы боремся за основные права всех народов».

Ровно через неделю после этого интервью, 16 сентября, иорданская армия нанесла последний, решающий удар по палестинскому сопротивлению, проведя сражение не на жизнь, а на смерть, которое после шести дней кровопролитных столкновений оставило на поле боя несколько десятков тысяч убитых. Это был «Черный сентябрь», который

Романо Ледда, переживший его непосредственно, великолепно воплотит в своей книге¹¹, ставшей сенсацией благодаря леденящим душу подробностям. Случившееся произвело огромное впечатление во всем мире и вызвало настоящий шок в арабских странах. Вызванный для того, чтобы договориться о непрочном перемирии на совещании в арабских верхах в Каире, Насер сумел 27 сентября добиться лишь прекращения огня и холодного рукопожатия между Арафатом и Хусейном, но, едва попрощавшись со своими гостями в аэропорту, он вскоре умер. Таким образом он хотя бы не присутствовал на последнем акте войны между иорданскими войсками и феодалами летом будущего года. 21 июля 1971 года произошло решающее наступление на последнюю цитадель сопротивления в Аджлуне, отличавшееся такой же жестокостью, что и сентябрьское. Политбюро ИКП сообщило 21 июля о настоящей бойне и заклеило новую агрессию короля Хусейна, виновного в посягательстве на силы палестинского сопротивления. Гнев по поводу происшедшего сопровождался выражением солидарности с «героическим и обездоленным палестинским народом», которому, к сожалению, ничего не оставалось, как искать путь к новому исходу в Сирию и Ливан.

После встречи Лонго с делегацией Фатха и посещения Пайеттой Арафата в Аммане ИКП пыталась подвести предварительные итоги событий на Ближнем Востоке, происшедших спустя почти три года после войны в июне 1967 года. В феврале 1970 года собралась I комиссия Центрального комитета, обсудившая обширное выступление Джанкарло Пайетты, опубликованное затем в виде брошюры под названием «Социализм и арабский мир»¹². Главным в нем по-прежнему оставался анализ процесса развития арабских стран, но на этот раз он отличался дифференцированным подходом и акцент ставился не на панарабизме вообще, а на особенностях развития каждой страны, с тем чтобы разделить их на три группы и на этой основе определить позицию партии. К первой группе, вызывавшей симпатии, были отнесены страны, ставшие на путь прогресса, в которых, с объективной точки зрения, происходившие процессы могли привести к социалистическому выбору. Таковыми были Алжир, Египет, Сирия, Ирак, Судан, Ливия и оба Йемена. Во время войны

1967 года некоторые из этих стран совершили грубые политические и пропагандистские ошибки, подорвавшие к ним симпатии и ослабившие их связи, особенно с западными странами. И все-таки именно против них были направлены политика империализма и агрессивность сионизма. США и Израиль задалась, в частности, целью свергнуть прогрессивные режимы Египта и Сирии. Необходимо было укрепить отношения с этими странами и с их наиболее передовыми силами. Признавалось, однако, что эти силы отражали чаще всего интересы отдельных групп интеллигенции и военных каст и что в этих странах, за исключением Алжира, власть держалась не на согласии масс и носила авторитарный характер. Демократия в них была еще «открытым вопросом».

Под англо-американским и французским влиянием оставались страны второй группы (Марокко, Тунис, Ливан и Иордания), хотя внутри них и развивались нетипичные прогрессивные движения, которые могли сыграть важную роль в антиимпериалистической борьбе и в процессе арабского возрождения. И наконец, ярко выраженные феодальные режимы господствовали в ряде стран Аравийского полуострова (Саудовская Аравия, Кувейт, Эмираты, Оман). В заключении этой части доклада Пайетты говорилось о том, что движение за арабское возрождение «объективно созрело для того, чтобы пойти и отчасти уже пошло по пути социалистического развития»¹³. В этом анализе идеология преобладала над действительностью, что сдерживало выработку более уравновешенной линии партии в отношении сложной ситуации на Ближнем Востоке.

Позиция партии по Израилю также не была полностью удовлетворительной. В ней подтверждались законность его существования и его право на существование в признанных границах, осуждался захват земель в результате войны и в соответствии с резолюцией Организации Объединенных Наций требовались их возврат и восстановление границ, существовавших до войны 1967 года. Но в этой части вводилась в значительной мере новая оценка, касавшаяся государственной структуры и требовавшая пересмотра отношения к сионизму. Пайетта утверждал, что последний перестал быть ро-

мантической доктриной, вдохновлявшей пионеров борьбы за дело еврейского народа, поддерживавшей их во время преследований, которым они подвергались в Восточной Европе, и спасшей их от ассимиляции на Западе, позволив таким образом сохранить свое духовное и культурное лицо, и превратился в своего рода опору для проведения агрессивной и колониалистской политики. Докладчик постарался тут же добавить, что абсолютно необходимо избегать любого возврата к антисемитизму, против которого ИКП всегда выступала, но подобный подход к природе нового государства неизбежно вел к преувеличению, с одной стороны, его религиозно-шовинистической окраски, а с другой — усиливал антиссионистскую полемику. ИКП, которая до тех пор старательно избегала во время своих встреч, в своих документах и выступлениях антиссионистской фразеологии, всегда превалировавшей у арабской и палестинской сторон, направила 17 марта послание Израильской коммунистической партии по случаю 50-летия ее основания. В нем подчеркивалась «правильная позиция», которую израильские коммунисты «занимают в борьбе против сионизма и агрессивной и дискриминационной сионистской политики, проводимой руководящими классами» этой страны¹⁴. Это не соответствовало, конечно, духу наших отношений с партией Мапам, считавшейся наиболее подлинной выразительницей социалистического сионизма. Подобное заявление не могло способствовать утверждению светской и демократической концепции Израильского государства.

Значительная часть доклада была, разумеется, отведена палестинцам, и Пайетта подробно изложил в ней многочисленные детали своей первой встречи с Арафатом и движением палестинского сопротивления, которое вобрало в себя силы и группировки различного направления и различной ориентации. Отмечалось наличие свыше 30 группировок в иорданских лагерях. Некоторые из них, как, например, НФОП, занимались деятельностью, не поддерживавшейся Фатхом. В беседе с Арафатом делегация ИКП подняла вопрос, связанный с угонами самолетов начиная с 22 июля 1968 года, когда был захвачен «Боинг-707» компании «Эл Ал», совершавший рейсы по маршруту Рим — Тель-Авив, и терактами

против израильских посольств и представительств за рубежом, одним из последних среди которых стало нападение на афинское посольство в ноябре 1969 года. Арафат немедленно отреагировал, сказав, что Фатх выступает против акций, проводимых в зарубежных странах. К тому же в палестинские лагеря съехались молодежные группировки «шестьдесят восьмого года» из Германии, Швеции, Японии и даже из Италии. Часть из них занималась оказанием необходимой помощи населению в лагерях перемещенных лиц, другие же пошли сражаться «наряду с участниками палестинской революции против общего врага — сионизма». Таких помощников, добавлял дальновидный Пайетта, надо остерегаться. Действительно, в террористических группировках, которые в последующие годы заложат основу японской «Красной армии» и немецких РАФ и «Баден Майнхоф», окажутся люди, набравшиеся опыта в иорданских лагерях, или те, кто, восхваляя пример фedaинов, примкнул к различным внепарламентским экстремистским группировкам, в том числе и в Италии. Основное ядро движения, организованное Фатхом и тяготевшее к нему, было выразителем подлинной борьбы за национальное освобождение. ИКП признавала палестинцев не как беженцев, а как народ, стремившийся к утверждению своих национальных прав, и прежде всего к возможности жить на своей земле. В этом плане ИКП оказала ему всемерную поддержку. Палестинское движение было нами не только открыто, но и полностью принято. Оставалось решить серьезную проблему: до какого предела можно было идти в этом направлении с учетом незыблемости положений о законности и существовании Государства Израиль и как достичь этой цели, если нельзя считать вооруженную борьбу единственной и безальтернативной формой действия? Было ясно, что нужна иная территориальная и политическая стратегия, поскольку возможность сосуществования палестинцев и евреев в едином государстве выглядела достаточно иллюзорной. Но такой стратегии не было в замыслах палестинцев, и пока что приходилось задумываться о ней лишь в аналитических расчетах ИКП. Когда в упомянутом интервью Романо Ледда задал Арафату вопрос, намечаются ли промежуточные цели и этапы в их долгосрочной «борьбе, которая вовлечет в себя и следующее поколение», он получил от

Арафата несколько туманный ответ. «Мы не игнорируем возможность долгосрочной борьбы, и все наши планы связаны с раздумьями и практическим опытом такого рода борьбы, которая прошла много этапов, и у нас их будет еще столько же. Всякая борьба имеет свои рубежи и этапы. Важно, чтобы революция всегда знала, чего она хочет, к чему стремится. И это сейчас необходимо подчеркнуть». Это заявление так и не разъяснило вопрос.

В завершение своего длинного выступления Пайетта остановился на итальянской внешней политике, оцененной им как вялой. Это была сдержанная критика, умерявшаяся также тем, что Италия заняла особую позицию в ООН, воздержавшись при голосовании проекта арабской резолюции, против которой выступили Соединенные Штаты и другие страны Атлантического союза, а также в связи с тем, что правительство настойчивей, чем другие западные правительства, требовало от Израиля претворения в жизнь резолюции 242 и ухода с оккупированных территорий. Кроме того, сохранялись хорошие отношения с арабскими странами, и Италия немедленно признала ливийскую революцию и перемены, происшедшие в Сирии. Однако Пайетта, исходя из того что «ближневосточный вопрос представляет собой основной пункт внешней политики любой страны и в особенности любой нации в Средиземноморье», потребовал освобождения Средиземноморья от любого иностранного военного присутствия, отказа Италии от дальнейшего предоставления своих военных баз и в конечном счете проведения нашей страной нейтральной внешней политики по проблемам Ближнего Востока и выдвижения самостоятельных инициатив. В заключение он заявил, что и Италия по примеру де Голля во Франции должна предоставить возможность палестинскому движению открыть у нас законное представительство.

1974 — поворотный год

С лета 1971-го по осень 1973 года палестинское движение пережило один из наиболее мрачных и отчаянных периодов в своем безотрадном существовании. Выкорчеванный из собственной земли в результате трех насильственных изгнаний, зверски подавленный в Иордании, палестинский народ был обречен на дальнейшую диаспору. Около 500 тысяч палестинцев остались в пределах старых границ Израиля, существовавших до войны 1967 года, 600 тысяч находились в Трансиордании, 400 тысяч — в Газе, столько же — в Иордании, более 100 тысяч — в Сирии, 150 тысяч — в Кувейте и Саудовской Аравии, 100 тысяч были рассеяны между Египтом, Йеменом и другими арабскими странами, около 400 тысяч перебрались в Ливан. Именно в последнем движении сопротивления, расквартированное в жалких лагерях, особенно на юге Ливана, на границах с Израилем, обретает свой новый оплот. В самом движении царят разброд и отчаяние. Почти никто не пришел ему на помощь, когда король Хусейн попытался прибегнуть к его физическому уничтожению. Возмущение вызвало к мести, начинается второй этап палестинского терроризма, первой жертвой которого станет именно иорданский премьер-министр Васфи-Таль, убитый в Каире 28 ноября 1971 года. Этот акт не случайно был осуществлен террористической группировкой «Черный сентябрь», которая в последующие годы станет печально известной, наводя страх и ужас на половину Европы. С этого времени и вплоть до начала 1974 года будет совершено 39 терак-

тов: угоны самолетов и захваты морских судов, нападения на промышленные объекты, посольства и представительства воздушных компаний, покушения на дипломатов и различных деятелей, убийства гражданских лиц. Наиболее зверскими преступлениями стали побоища, совершенные в израильском аэропорту Лод в мае 1972 года, нападение на израильскую олимпийскую команду в Мюнхене в сентябре 1972 года, бойня в афинском аэропорту в сентябре 1973 года и теракт в аэропорту Рима Фьюмичино в декабре того же года, жертвами которого стали 32 человека. Фотографии этих ужасных преступлений обошли весь мир и нанесли огромный ущерб палестинскому движению и делу, за которое оно боролось. Иного мнения придерживались некоторые внутренние подразделения ООП, такие как НФОП Жорджа Хаббаша, который полагал, что если теракты 1970 года подтвердили жизнеспособность палестинского движения, то вылазки, совершенные на следующий день после иорданской репрессии, послужат доказательством того, что движение не прекратило своего существования и шок, вызванный в мировом общественном мнении, не позволит снять с повестки дня палестинскую проблему. Возможно, у Хаббаша стояли еще перед глазами сцены, засвидетельствованные Марио Капанной¹, которые вызывали у палестинских бойцов первые угоны самолетов в сентябре 1970 года. До него не доходили тревога и возмущение даже той части общественности, которая питала чувства солидарности и симпатии к палестинцам. Внутри весьма разношерстного палестинского движения эти преступные действия вызывали осуждение в определенных кругах и замешательство в других. Один из наиболее видных руководителей ООП Абу Саид публично высказал свое осуждение. Ясир Арафат (заявивший Ориане Фаллачи в марте 1972 г.: «От НФОП нас отделяют некоторые формы борьбы. В самом деле, люди Фатха никогда не угоняли ни одного самолета и никогда не взрывали бомб и не поднимали стрельбу в других странах»²) вынужден был, хотя и с запозданием и не всегда достаточно убедительно, отмежевываться от подобных действий, как он поступил в связи с побоищем в Мюнхене. Как оказалось впоследствии, в «команде», действовавшей в Мюнхене, были также члены Фатха. Были они и среди палестинцев, арестованных в Остии и имевших при себе базуки СА-7,

предназначавшиеся для атаки на израильский самолет. Вопрос об использовании террористических актов надолго стал поводом для бурной полемики в наших отношениях с палестинцами. Только преднамеренное желание не считаться с позициями, занятыми нашей партией, могло привести к появлению странных строк, написанных в связи с убийством 11 израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде: «Осуждение палестинских террористов было быстрым и единодушным во всей Италии, но и тут ИКП заняла особую позицию оправдания террористической вылазки, объяснив ее отчаянием палестинцев»³. ИКП никогда не оправдывала подобные вылазки, осуждая их с самого начала. Достаточно обратиться для этого к записям Секкья о первой встрече с Арафатом в декабре 1969 года и к сообщению руководства партии от 18 сентября 1980 года о том, что касается первого этапа. 12 сентября, после расправы над олимпийцами, руководство ИКП «резко осудило террористический акт в Мюнхене». В том же сообщении особо подчеркивалось, что руководство «осуждает метод террора как орудие политического действия»⁴. А на следующий день после событий во Фьюмичино в декабре 1973 года оно «выразило свое негодование в связи с варварской бойней», добавив, что «криминальные действия подобного рода не могут иметь иной цели, кроме саботажа усилий для достижения справедливого мира на Ближнем Востоке, компрометации международной разрядки и осуществления коварных подрывных планов»⁵. 11 февраля 1974 года Пайетта заявил Арафату во время встречи в Бейруте, что терроризм никогда не оправдывал своего применения и что отмежевание от подобных варварских действий должно вестись вплоть до поиска исполнителей и до их справедливого наказания. В позициях нашей партии не было, следовательно, никакого умолчания или лицемерия. И тем более мы не собирались никого оправдывать. Следовательно, не нам, а некоторым внутренним и международным силам следовало бы разглядеть связь терроризма с мелкими группами различного толка, призывавшими в те годы устроить на площадях «1—10—100 Вьетнамов» и выдававших подобные бессмысленные деяния за «подлинное революционное насилие», или с теми темными силами, которые побоищем на площади Фонтана в Милане положили начало стра-

тегии напряженности. Эти преступные деяния отражали тревожное переплетение терроризма палестинского толка с правыми и экстремистскими группировками, прибегавшими к насилию в различных странах. Перед лицом этой вереницы терактов израильское правительство стало на путь политики «кровь за кровь». Оно начало мстить всем без разбора, усиливая тем самым напряженность. В ходе одного из драматических заседаний кнессета, состоявшегося сразу же после событий в Мюнхене, Голда Меир заявила в заключение своей жесткой и угрожающей речи, что «Израиль не видит иной альтернативы, кроме как нанесение ударов по арабским террористам где только возможно»⁶. Вечером 16 октября в Риме был убит представитель ООП Ваэль Цвайтер, скромный палестинский преподаватель, много лет живший в Италии. Люди, хорошо знавшие его, исключали какую-либо связь с любыми террористами. Эннио Полито так вспоминал о нем: «Член движения палестинского сопротивления, представлявший в Италии Фатх, человек, которого мы знали, был кем угодно, но только не бойцом сопротивления или политическим деятелем в узком смысле слова. К оружию он испытывал отвращение, а что касается политики, то она не была ни его призванием, ни любимым делом»⁷. Эта характеристика по существу не очень отличается от той, которую дало ему в своем сообщении от 5 марта 1973 года Министерство внутренних дел Италии: «Известно, что Цвайтер был борником политического решения арабо-израильского конфликта и сторонником возможности мирного сосуществования обоих национальных сообществ в Израиле. К тому же он выражал неодобрение ряду террористических актов, совершенных отдельными группировками движения палестинского сопротивления... Нет оснований считать, что Цвайтер имел контакты с палестинской «командой», которая 16 августа прошлого года пыталась сбить самолет компании «Эл Ал». Кто же тогда убил Цвайтера? В сообщении министерства высказываются два предположения: «...либо палестинские экстремисты, либо израильская террористическая организация». Вереница террористических вылазок, в которых просматривается израильский след, также опасно нарастает. 8 декабря 1972 года в Париже был убит представитель ООП Махмуд Хамшари; 10 апреля 1973 года израильская «команда» совер-

шает в Бейруте дерзкий ночной налет и ликвидирует трех руководителей Фатха; 21 июля 1973 года в Норвегии был уничтожен какой-то бедняга марокканец, которого приняли за представителя организации «Черный сентябрь»; 10 августа 1973 года была угнана «Каравелла» иракских авиалиний с 74 пассажирами на борту, среди которых не оказалось, как предполагали, Жоржа Хаббаша, и был сбит ливийский самолет, что привело к гибели всех пассажиров. Таким образом действий и противодействий, которая наложит отпечаток в последующие годы на израильско-палестинский конфликт. В конце 1973 года, после очередной вылазки «Черного сентября» в Хартуме, в ходе которой были убиты американский посол и два дипломата, Арафат предупреждает своих людей, что использование терроризма на международной арене «приведет лишь к отрицательным результатам», и заявляет, что с терроризмом надо бесповоротно покончить.

В политическом и дипломатическом плане возникает застойная ситуация. План Роджерса, отвергнутый Сирией и ООП, заходит в тупик, несмотря на то что король Хусейн, освободившись от палестинского движения сопротивления на иорданской территории, стремится к возвращению своих земель в Трансиордании, а преемник Насера Анвар Садат готовится к ошеломляющей смене своих союзников, отдаляясь от Советского Союза и сближаясь с Соединенными Штатами. Их планы наталкиваются на палестинский вопрос. Не считаться с ним, как хотелось бы американцам и Израилю, они не могут: о нем бы напомнили народные массы их стран, а этого они боятся больше всего. Принять решение самим было бы весьма желательно, но это уже невозможно, поскольку палестинское движение, хотя и поставленное на колени в результате обрушившихся на него ужасных несчастий, твердо и бесповоротно пришло к заключению: добиться национального самоопределения можно самостоятельно. Оно остается, однако, увязшим в безальтернативной стратегии вооруженной борьбы. О политических решениях движения и слышать не хочет. Арафат отвечает Ориане Фаллачи, наседающей на него с этим вопросом: «Это будет длительная, очень длительная война. Скорей всего, она будет переходить из поколения в поколение, мы не остановимся до тех

пор, пока не вернемся к себе домой и не разрушим Израиль. Прекращение существования Израиля — цель нашей борьбы, и она не совместима ни с компромиссами, ни с посредничеством. Мы против намерений некоторых глав арабских государств решить конфликт путем мирного соглашения, мы хотим не мира, а войны и победы»⁸. На XI сессии НСП (Национальный совет Палестины), проведенной в Каире в январе 1973 года, была принята программа, следовавшая этой ориентации. Первоочередной задачей, поставленной перед ООП, стало «продолжение вооруженной борьбы для освобождения всей палестинской родины и строительства нового демократического палестинского общества без расовой или религиозной дискриминации». Поэтому «следует вести борьбу против капитуляции и ее последствий, против тенденции к ликвидации дела нашего народа и против псевдополитических планов, создания марионеточного палестинского государства. Подобные планы и инициативы должны отвергаться путем вооруженной политической борьбы». Эта борьба должна вестись в местах дислокации сопротивления, но «нам хочется подчеркнуть, что необходимо также охватить массы на оккупированных территориях и вооружить их для повышения боеспособности в борьбе против сионистского колониализма»⁹. Эта линия поведения разделяется и поддерживается рядом арабских стран. Таково было впечатление, которое вынесли из своих поездок в Багдад, Дамаск и Бейрут в феврале 1972 года Пайетта, Ледда и Санлоренцо. Ремо Салати, руководитель секции по вопросам Ближнего Востока ЦК ИКП, слышал подобные высказывания на съезде Ливанской коммунистической партии несколько месяцев спустя. То же самое рассказывал Джулиано Пайетта, встречавшийся с Каддафи в Триполи. Эти позиции были также взяты на вооружение Фронтом национального освобождения в Алжире. Делегация ИКП, возглавляемая Агостино Новеллой, в которую входили Педжо, Кардия, Прандини, Галлико и автор этих строк, слышала в Алжире в мае 1971 года от президента республики Хуари Бумедьена, что единственным козырем палестинского движения сопротивления является вооруженная борьба и что палестинцам надо сделать с израильянами то, что алжирцы сделали с французами. После оценок, высказанных президентом по поводу европейских левых сил,

трудно было ожидать от него более взвешенных высказываний, особенно если учесть резолюции Организации Объединенных Наций, соотношение сил на международной арене и в регионах, а также крайние трудности, с которыми сталкивалось палестинское движение. Бумедьен привел нас всех в изумление, когда заявил, что в 1968—1969 годах французские коммунисты отказались взять власть, которая практически была уже завоевана студентами и рабочими на площадях французских городов, и что в Италии единственной революционной силой является ИСППЕ.

Итальянским силам, намеревавшимся внести свой вклад в разрешение ближневосточного кризиса и в дело палестинского народа, также было необходимо определиться и привести свои позиции в соответствие с сегодняшним днем. Следует сказать, что по сравнению с резкой полемикой и разногласиями, имевшими место в 1967 году, общая атмосфера претерпела глубокие изменения. Иордано-палестинский кризис был подробно обсужден в парламенте, и правительство заняло довольно взвешенные позиции. Председатель Совета министров Эмилио Коломбо объявил о предстоящем визите Никсона, и во время парламентских дебатов была предварительно намечена та линия, которой будет придерживаться правительство в отношении своего главного союзника. Не было существенных расхождений, но был сделан акцент на специфике итальянской позиции. Министр иностранных дел Моро уточнил, что Италия не рассматривает страны южного и восточного побережья Средиземноморья в качестве потенциальных противников и возможные инициативы НАТО не должны выйти за пределы компетенции этой организации и положений ее учредительного акта. В Средиземноморье надо было действовать таким образом, чтобы добиться сотрудничества всех заинтересованных сторон, в том числе вовлеченных в арабо-израильский конфликт. Моро первым предложил провести европейскую конференцию по Средиземноморью. Уже в этих лаконичных утверждениях вырисовывался курс, которого придерживались Христианско-демократическая партия и сформированные ею правительства со времен Суэцкой войны 1956 года. Этот курс был продиктован, прежде всего, геополитическими соображениями. Италия была страной, вдовавшейся в Средиземное

море, и она не могла не считаться с этим фактом при определении своих стратегических задач, прежде всего экономического характера, и интересов своей безопасности. «География и экономика подсказывают нам особую важность отношений с арабскими странами», — говорил еще в октябре 1967 года Фанфани в Сенате. Политика, издавна проводимая МСИ, и объем товарообмена (седьмая часть общего объема) говорили сами за себя. Но было еще кое-что, связанное с далеким прошлым. Речь шла об общем культурном наследии и цивилизации всех народов Средиземноморского бассейна и о духовных связях, носителями которых чувствовали себя католическая церковь и Ватикан. Накануне Рождества 1972 года Павел VI призвал к миру среди арабов и евреев. «Мы возобновляем наш страстный призыв, — сказал он, — приложить искренние и добровольные усилия для достижения скорейшего и справедливого мира. Наряду с другими, этого ждут вместе с нами, но с еще более оправданным настоянием, сыновья палестинского народа, долгие годы ожидающие и требующие справедливого признания своих чаяний, но не в противопоставлении, а гармоническом сочетании их с правами других народов».

Все эти элементы учитывались также при выработке курса и конкретных политических действий христианско-демократической партии и ее правительств, что нередко приводило к своего рода двойственности поведения внутри Атлантического блока. Шедшие в едином строю и даже весьма податливые по ряду проблем, касающихся других частей света, они обнаруживали неожиданную самостоятельность, когда речь заходила о средиземноморских и ближневосточных вопросах. Без учета этой стороны дела трудно понять немалую напряженность, отмечавшуюся впоследствии в отношениях с Соединенными Штатами. Моро хотел дать понять Никсону, что Италия будет выступать в поддержку собственной позиции, а не просто возьмет под козырек при защите интересов Соединенных Штатов. Выступивший сразу после него Ненни положительно оценил подобный подход и настаивал, чтобы были предприняты все усилия для того, чтобы способствовать началу косвенных переговоров между Израилем и арабскими государствами при отсутствии прямых переговоров, что было бы идеальным и к которым рано или

поздно должны все же прийти»¹⁰. Лидер ИСП призвал затем не забывать о двух требованиях времени, проявившихся в последнее время, — «безопасности границ для Израиля и приграничных арабских стран и решении вопроса о палестинских беженцах, обретших отныне свое национальное лицо». В устах Ненни это высказывание было весьма важным, поскольку он указывал израильским руководителям, к которым питал чувство подлинной дружбы, на реальность, которую они игнорировали. Риккардо Ломбарди пошел еще дальше и высказался о палестинцах как о «стороне, без которой отныне не обойтись на переговорах». Спустя три года после войны 1967 года в крупнейших партиях правительственной коалиции отмечалось, таким образом, значительное изменение подхода и оценки в отношении главных субъектов ближневосточного конфликта. Сказались изменения в общественном мнении и деятельный вклад Комитета солидарности с палестинцами, который не ограничивался больше простой пропагандой, а осуществлял конкретные инициативы, привлекая внимание к законным правам палестинского народа. Инициативы комитета находили поддержку среди важных кругов демократически настроенных католиков, у таких деятелей ХДП, как Гранелли, Роньони, Фраканцани, Боналуми, Сильвестри, у левых социалистов Ломбарди и представителей большинства, таких как Де Паскалис, Эголи и другие. Одна лишь ИРП застыла на позициях 1967 года. На ее упорную защиту позиций правительства Тель-Авива влияли культурно-политические связи, подпитываемые далекой традицией государственного возрождения (Спадолини неоднократно будет вспоминать о «возрождении двух государств»), культивируемой также основателями сионизма. Сказывались и тесные отношения республиканской партии с главными еврейскими общинами нашей страны. ИРП сохранил жесткие позиции и в последующие годы, когда ближневосточные и израильско-палестинские дела претерпят значительную эволюцию, а в парламенте и в стране произойдет растущее совпадение точек зрения итальянских демократических сил на оценку роли враждующих сторон и возможные решения конфликта.

ИКП также была призвана к серьезной проверке своих позиций и их корректировке. XIII съезд партии, состоявшийся

в марте 1972 года, отказался от требования нейтралитета Италии и ее выхода из НАТО. Энрико Берлингуэр, избранный в конце работы съезда генеральным секретарем, заявил, что место страны в международном контексте должно определяться «с динамических, а не статических позиций «холодной войны», ибо параметры международного положения претерпели значительные изменения. Дело шло к новому этапу разрядки напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами; Европа покончила со спорными вопросами, оставшимися после окончания войны; решительный выбор в пользу объединенной Европы закладывал предпосылки для уравновешенных отношений между Западной Европой и Соединенными Штатами. Берлингуэру было уже недостаточно просто высказаться за или против НАТО, необходимо было начать «общее движение в сторону освобождения Европы от американской гегемонии и постепенного преодоления, вплоть до ликвидации, противостоящих друг другу блоков». На этом новом направлении могла внести существенный вклад все более самостоятельная ИКП, способная играть собственную роль в европейских и мировых делах. ИКП, таким образом, выбирала путь отхода от политики международного равнения на определенный лагерь, брала на себя функции и роль, присущие западноевропейской партии, стремилась идти вперед в соответствии с собственным курсом и выдвигала самостоятельные инициативы в отношении нерешенных крупных проблем, и прежде всего разоружения и политического решения конфликтов, происходящих в различных регионах мира, среди которых ближайшей и жизненно важной для судеб безопасности и национальных интересов была ближневосточная проблема. Изменение было существенным и намечало новые направления и цели в наших действиях. Помимо прочего, речь шла о корректировке анализа и отношения к арабским странам. Вновь отвергались грубые антиарабские кампании, которые велись подчас в неприкрыто расистском тоне некоторыми культурными и политическими кругами страны, но отмечался их вклад в позитивный процесс деколонизации, освобождения и прогресса народов. Однако в отличие от первой комиссии, работавшей два года назад, не акцентировались антиимпериалистический характер и «объективность» социалистичес-

кого подхода, в то же время были углублены дифференцированный анализ различных реальностей и оценка внутренних режимов, весьма недееспособных в утверждении политических и гражданских прав, элементов и институтов демократической жизни. Правильное понимание значения панарабского компонента, существенного культурного, языкового, религиозного единства и таких важных политических явлений, как, например, Лига арабских государств, не должно было заслонять необходимость глубокого подхода к различным реалиям и каждой отдельно взятой специфической политике. Что касается подхода к реалиям и политике, то между ИКП и арабскими странами сохранялись полное разногласие в оценке отношения к Израилю и элементы сильной дифференциации в отношениях с палестинцами. Иорданская трагедия, а затем также первые атаки на движение в Ливане и отсутствие помощи в моменты величайших бедствий свидетельствовали не только о трудностях сосуществования, но и о нежелании содействовать линии, направленной на самостоятельность палестинского движения, которую ИКП полностью поддерживала.

Более глубоких размышлений заслуживало также наше отношение к Израилю. Недостаточно было подтверждать по любому поводу право этого государства на существование, надо было яснее выразить свое согласие с необходимостью его безопасности, как это делалось в отношении всех других стран этого региона. И без того, чтобы это сопровождалось агрессией и присоединением чужих территорий. Осуждение захватов, совершенных в 1967 году, оставалось в силе, как оставалось в силе требование ухода с оккупированных территорий. В официальных партийных документах все эти утверждения уже имели место. Теперь же необходимо было сделать шаг вперед, чтобы посмотреть, можно ли обрести гарантии существования и безопасности для всех без того, чтобы Израиль превратился в «бастион империализма США на Ближнем Востоке», а арабские страны были бы вынуждены обращаться к Москве. Возможно ли было самостоятельное развитие стран Средиземноморья и Ближнего Востока без какого-либо воздействия великих держав? К этому времени (1972—1973) относятся проведение первых конференций по вопросам мира, безопасности и сотрудничества в Средизем-

номорье и требования полностью освободить соответствующий бассейн от обоих военных флотов или, в другом варианте, от судов, снабженных ядерным оружием. Еще один аспект был связан с израильским обществом, о котором мы имели слабое представление и с которым было мало непосредственных контактов. Те, с кем мы уже поддерживали отношения (компартия Раках и Мапам), были живыми свидетельствами наличия подлинной оппозиции в обществе, основанном на демократических принципах. Но столь ограниченных связей было недостаточно. Следовало отойти от предыдущих идеологических схем и конкретней познакомиться с действительностью, расширить сферу наших связей. Рассматривался также деликатный вопрос наших отношений с итальянскими еврейскими общинами. Нас объединяло общее наследие, связанное со страданиями, репрессиями и борьбой в период фашистского двадцатилетия и с муками, перенесенными во время нацистских преследований. Многие евреи были членами нашей партии, некоторые — от Террачини до Серени — ее авторитетными руководителями. В самом начале корректировки нашего курса в руководство Иностранного отдела ЦК партии вошел Серджо Серге. Эпизоды проявившегося кое-где антисемитизма встречали решительный отпор с нашей стороны. Впрочем, не столь уж трудно было установить его источник: свастики на стенах говорили сами за себя. Тот же Молинари, отнюдь не симпатизировавший нашей партии, писал, что «обвинение в антисемитизме, которое в начале 70-х годов обращали в адрес ИКП все более широкие круги итальянского еврейства, не имело особого основания»¹¹. И все же в отношениях с еврейскими общинами проявлялись элементы болезненности и дискомфорта. Вся ли вина падала на ИКП? В пространном интервью газете «Унита»¹² раввин, возглавлявший римскую еврейскую общину, профессор Элио Тоафф заявил, что антисемитизм вспыхнул с новой силой в 1972 году, в момент, когда возникло противопоставление израильтян палестинцам, и что ИКП несет за это свою долю ответственности. «Во время войны, — заявил Тоафф, — мы боролись вместе, часто коммунисты нам помогали, защищали, спасали, но после создания еврейского государства в 1967 году наши отношения ухудшились из-за изменения отношения Советского Союза к

Израилю. Ныне диалог вновь возобновился, отпали предубеждения как со стороны евреев, так и со стороны ИКП». В те времена Пазолини также жаловался на то, что ИКП способствовала созданию массового антиизраильского сознания. Нет сомнения, как мы и пытались это объяснить, что позиции, занятые ИКП в ходе конфликта 1967 года и в течение некоторого времени после этого, испытывали воздействие блоковой политики в международном плане (что, впрочем, относится и к правившим тогда партиям), а также проарабских симпатий. И, возможно, не было достаточно ясным наше отмежевание от высказываний и лозунгов того собрания мелких групп и группировок парламентского или внепарламентского толка, которые метали молнии не только против политики империализма и Израиля, но и против политики ИКП. Могло подействовать в этом плане также влияние некоторых внутренних факторов, особенно после слияния в 1972 году с ИСППЕ. Данный критический пересмотр не может, однако, проводиться без учета ряда неоспоримых фактов. Во первых, Израиль путем войны захватил в 1967 году территории других стран и, несмотря на почти единогласные требования международного сообщества об их возврате, виду не подавал, что он хотя бы их понял. Поистине странно, что профессор Тоафф в упомянутом интервью (кстати, прекрасном и настолько просторном, что оно заняло целую газетную полосу) не удосужился упомянуть этот факт, который был одним из самых потрясающих в ближневосточном кризисе. А что он действительно являлся таковым, показывают также бурные споры в самих еврейских общинах, где было немало людей, не разделявших политику израильского правительства и требовавших возврата захваченных территорий. Другой факт состоит в том, что в то время была развязана небескорыстная кампания, направленная на изоляцию и подрыв ИКП. В этих целях использовался даже процесс в Ленинграде, где в декабре 1970 года судили российских евреев, пытавшихся угнать советский самолет и приговоренных к строжайшим наказаниям (двоих — к смертной казни). При угоне самолетов палестинскими экстремистами их надлежало незамедлительно осуждать, как делали и мы. В данном же случае от нас требовали осудить не угонщиков, а сам процесс против них. Подобная логика не лезла ни

и какие ворота, и все же на вечерних бдениях, организованных в Риме, в квартале Портико д'Оттавия, наиболее жесткая критика была обращена в адрес ИКП, которая в этом случае пошла на гораздо большее, чем просто использование данного факта в своих интересах. Так, Луиджи Лонго обращался к советским руководителям до тех пор, пока не добился отмены обоих смертных приговоров и значительного смягчения сроков заключения. Этот факт прошел почти незамеченным. И сколько раз такое будет повторяться впоследствии, когда речь пойдет о российских евреях, добивавшихся разрешения на выезд, или о преследуемых евреях — диссидентах! Так что, с одной стороны, велись шумные пропагандистские кампании, а с другой — итальянские коммунисты предпринимали конкретные шаги, зачастую приносившие положительные результаты. В Италии не было ни одной партии, которая сделала бы для российских евреев столько, сколько ИКП. И все же надо было повернуться лицом к Израилю, в большей мере понять его потребности, прежде всего связанные с его безопасностью.

Последнее касалось наших отношений с палестинской организацией и ее лидера Арафата. Естественно, необходимо было подтвердить нашу солидарность, более того, ее надо было укрепить, так как и в новом месте изгнания, в Ливане, где условия жизни сотен тысяч беженцев были тяжелейшими, стали возникать трудности сосуществования с правыми фалангистами, уже предпринимавшими нападения на некоторые лагеря. Несмотря на тяжелейший урон, нанесенный Иордании, движение реорганизовалось и воспряло для того, чтобы поставить мир не просто перед лицом чисто гуманитарной проблемы, а перед «палестинским вопросом». Последний требовал своего решения. На XIII съезде ИКП разговор шел о «правах для обоих народов», о праве на существование и безопасность для Израиля и о национальных правах и праве на самоопределение для палестинского народа. Как добиться этого? Надо было искать иные пути, которые не сводились бы лишь к одной безальтернативной вооруженной борьбе. Необходимо было, напротив, найти политическое решение. ООП и Арафат отказывались принимать в расчет подобную перспективу. Делегация ИКП в составе Туллио Веккьетти, Анджело Оливы и Ремо Салати направи-

лась 5 сентября 1972 года в Бейрут к Арафату и рассказала ему от имени Берлингуэра о результатах XIII съезда партии. По мнению ИКП, вооруженную борьбу следовало сопровождать дипломатической инициативой. Однако это предполагало отказ со стороны ООП от отрицания права Израиля на существование, более четкое и решительное дистанцирование от террористических актов и готовность к диалогу со всеми сторонами, заинтересованными в мире, включая Израиль. На этой стезе можно было рассчитывать на большую поддержку в Италии и в Европейском сообществе. В протокольной записи беседы, составленной делегацией, нет и намека на согласие с нашим мнением. Напротив, отмечена быстрая и твердая реакция Арафата, заявившего, что палестинский народ располагает единственно возможным оружием, — вооруженной борьбой — для утверждения своих прав. Поиск политических компромиссов был бы равносителен предательству дела палестинского народа, а единственно возможной целью является освобождение от «сионистского образования» на палестинской земле. Это была безрезультатная встреча, не сопровождавшаяся даже традиционным совместным заявлением. По возвращении Веккьетти заявил лишь о том, что «повсеместно был отмечен интерес к ИКП и ее политическим действиям, направленным на поиск политического решения кризиса на Ближнем Востоке, которое привело бы к возвращению арабским странам оккупированных Израилем в 1967 году территорий и признанию прав палестинского народа».

В 1973 году были осуществлены важные инициативы — Конференция в Болонье, научный семинар по ближневосточному вопросу и первый официальный визит делегации ИКП в Израиль.

Болонская конференция «За мир и справедливость на Ближнем Востоке» была проведена после тщательной подготовки с 11 по 13 мая. Она проходила под патронажем областного управления Эмилии — Романьи, но на самом деле большой вклад в ее подготовку был внесен основными политическими силами страны, а именно: ИКП, ХДП и ИСП (представленными затем на ней квалифицированными делегациями: Джанкарло Пайеттой, Веккьетти, Луццато, Кардией, Оливой, Салати от ИКП, Джорджо Ла Пира, Гранелли и

Салинони от ХДП и Лагорио, Армароли, Де Паскалисом, Гуидо Фубини и Эголи от ИСП), ИПАЛМО (Туллио Карреттони и Андерлини) и Комитетом солидарности (Джулиани и др.).

Конференция получила послания от генеральных секретарей ООН и Организации африканского единства; кардинал Леркаро направил приветствие, а секретарь Всемирного совета мира Ромеш Чандра выступил на ней. В целом конференция стала крупным событием, которое собрало в Болонью Подеста представителей всей итальянской печати и многочисленных спецкоров иностранных газет. Но абсолютно новым моментом явилось одновременное присутствие на ней израильских и арабских делегатов. Такое случилось впервые, и был очевиден интерес к этой беспрецедентной встрече лицом к лицу. И тем более трудно объяснить, чем руководствовался Маурицио Молинари, когда писал, что «Болонский форум проходил с участием представителей арабских стран и палестинцев, но без израильтян»¹³. Все было как раз наоборот. Отсутствовали именно палестинцы, не сумевшие в последний момент направить свою делегацию из-за наступления ливанской армии на лагерь беженцев и одновременных атак израильтян на палестинские поселения на юге Ливана. Израильтяне же, напротив, присутствовали, и на достаточно высоком уровне. Это были два депутата кнессета — Туфик Туби (от Израильской компартии) и Ури Авнери (руководитель движения «Этот мир»), Натан Ялин Мор (бывший к тому же руководителем группы «Стерн»), руководитель левых социалистических сионистских сил Цеев Садек и представитель молодежных движений Амитаи. Присутствие свыше 200 делегатов от 34 стран свидетельствовало об открытом и широком характере конференции. Иностранная печать с восхищением писала об этой инициативе. Парижская «Монд» окрестила ее «беспрецедентным зрелищем». Но конференция явила собой не только уникальное зрелище в Европе, но и имела большое значение в плане своего содержания и выводов, к которым она пришла. Уже во вступительном докладе Гуидо Фанти, председателя областного правления, были обозначены цели, которые она перед собой ставила: сопоставление точек зрения, которое положило бы начало диалогу, необходимому для совместного поиска пред-

ложений о равноправном и мирном выходе из кризиса. Она исходила из трех кардинальных положений: уход с оккупированных территорий, признание прав обеих сторон, согласование политического решения. В ходе дебатов арабы и израильтяне высказали, естественно, свои, зачастую противоположные, точки зрения, но многозначительным стало то, что на конференции был единодушно принят «настоятельный призыв к народам всех стран мира сделать все, чтобы восторжествовало политическое решение конфликта на Ближнем Востоке путем полного исполнения резолюций ООН от 22 ноября 1967 года и от 4 ноября 1970 года, предусматривающих, прежде всего, вывод израильских вооруженных сил со всех оккупированных после июня 1967 года арабских территорий и признание законных национальных прав арабского палестинского народа, его права на самоопределение наряду с правом на существование, независимость, суверенность и безопасность всех народов и всех государств Ближнего Востока». Этот призыв был направлен парламентариям и правительствам всех стран и лидеру ООП Арафату. Было решено также создать во всех странах комитеты для проведения в жизнь этих положений. Анджело Олива, который подвел 28 мая итоги конференции в газете «Унита», подчеркнул «дух Болоньи», то есть новый подход к ближневосточному узлу, подразумевавший не столкновение, а сопоставление и диалог. Именно в этом направлении должны были действовать силы, выступавшие за мирное решение в противостоящих лагерях. Олива не скрывал двусмысленности, сохранявшейся в истолковании принятых документов, но старался подчеркнуть, что впервые арабы и израильтяне встретились лицом к лицу, и не анонимно, и им всем пришлось считаться с действительностью и правами обеих сторон и согласиться с тем, что их сосуществование требует совместного поиска мирных решений путем переговоров, а не военных столкновений. Болонская конференция явилась элементом начала установления все более интенсивных связей с миролюбивыми силами Израиля и послужила сигналом для палестинского движения в поиске иной стратегии борьбы.

ИКП постаралась внести в это дело дальнейший вклад путем проведения научного семинара, проходившего во Фраттоккье с 18 по 20 июня на тему «Вопросы положения

на Ближнем Востоке». В течение трех дней партийные кадры, лучше других знавшие средиземноморскую и ближневосточную проблематику, обсуждали эти вопросы в свете последних событий и решений Болонской конференции. Семинар оценивал дальнейшее развитие позиций партии по сравнению с XIII съездом, особенно в том, что касалось перспектив борьбы палестинского народа. Результаты семинара лучше определили нашу линию. Жесткость позиций ООП была вызвана и тем, что исход палестинских беженцев в разные арабские страны способствовал их разделению на различные группировки, экономически поддерживаемые тем или иным из арабских государств, что могло приводить к ограничению самостоятельности и единства проводимого ими анализа. Для сохранения внутреннего единства Арафату приходилось постоянно посредничать между разными компонентами движения и сохранять максимально идеологизированную стратегию, целиком направленную на вооруженную борьбу. Но без политической программы и промежуточных целей «палестинское движение должно будет рано или поздно испытать глубокий кризис». Веккьетти, которому надлежало подвести итоги, утверждал, что «палестинский вопрос становится с течением времени все более трудным и связь движения с палестинскими массами рискует стать неосуществимой без наличия территориальной базы, с которой можно будет действовать». Решение могло состоять в том, чтобы «с помощью дипломатии... выкроить кусок территории для создания государства»¹⁴. Так впервые было указано, что политическая цель состоит в создании Палестинского государства, которое будет существовать рядом с Израилем. Когда через месяц Дарио Валори встретился с Арафатом в Бейруте и рассказал ему о Болонской конференции и о выводах, сделанных на семинаре ИКП, он неожиданно почувствовал, что его слова вызывают больший интерес, чем он ожидал. Арафат попросил подробнее остановиться на высказываниях израильских делегатов в Болонье и спросил, не было ли продолжения. Валори сообщил, что ему показалось, что кое-что меняется и в палестинском руководстве, но это было лишь его собственное впечатление, и не более того. Важно было, однако, отметить, что при этом собеседник не уходил в глухую оборону и не выдвигал жестких возражений, как это случалось в прошлом.

11 июня 1973 года Альфредо Рейхлин, член Политбюро и депутат парламента, отправился в Израиль вместе с Анджело Оливио, заместителем Международным отделом ЦК ИКП, Пеккьо Паскуотто, депутатом парламента, и Франко Фабриани, сотрудником газеты «Унита». Это был первый официальный визит делегации ИКП. В предшествующие годы у нас были встречи с некоторыми политическими силами Израиля. С коммунистической партией (Раках) существовали давние отношения. После войны 1967 года в Риме состоялась встреча Лонго, Галлуцци и Пеккьоли с Салибой Хамисом, членом Политбюро, а в апреле 1970 года там же, в Риме, — с генеральным секретарем израильских коммунистов Меиром Вильнером. Были отмечены общие позиции в отношении необходимости выполнения Израилем резолюции ООН 242, его ухода с захваченных территорий (годом ранее делегат израильской КП Абрам Левенбраум удостоился продолжительных аплодисментов на XII съезде ИКП, когда заявил, что «ни один народ не согласится без борьбы жить в стране, оккупированной чужеземцами»¹⁵) и осуждения терроризма. В отношении всего остального в коммюнике предпочли ограничиться упоминанием «соответствующих позиций». Израильская КП была единственной партией, в которой уживались евреи и арабы и которая объявляла себя антисионистской. Левосионистской партией была, напротив, Мапам (Объединенная рабочая партия), считавшаяся рабочей совестью Лейбористской партии, с которой в 1969 году она подписала пакт о сотрудничестве. С этой второй партией у нас имелось много совпадающих точек зрения. Разделяла нас оценка палестинского движения. Мапам четко заявила, что «Израиль должен вести переговоры о мире с палестинцами оккупированных территорий, а не с террористами Фатха». По счастливой случайности, именно в день, когда разразилась «семидневная война», состоялась встреча также с Мапай. Генеральный секретарь этой партии Ицхак Патиш находился с визитом в Риме, и Пьетро Инграо и Галлуцци смогли рассказать ему о позициях ИКП. По-настоящему Рейхлин не был первым руководителем ИКП, который выезжал в Израиль (в январе 1969 г. Умберто Кардия присутствовал в Тель-Авиве на съезде Израильской компартии), но возглавляемая им делегация ИКП нанесла первый офици-

альный визит в Израиль, который так и воспринимался итальянской и израильской печатью. До этого своего рода монополия итальянского политического присутствия в Израиле принадлежала республиканцам и социалистам. Особенно социалистам, которые в 1970 году направили в Израиль первую делегацию в составе Антонио Ландольфи, Пьетро Лецци, Лучано Де Паскалеса и Франческо Гоццано. Делегация была принята премьер-министром Голдой Меир и министром иностранных дел Аббой Эбаном. На следующий год очередь дошла до Пьетро Ненни, которого сопровождали его дочь и Беттино Кракси. Их с большой помпой приняли израильские руководители, которых лидер итальянских социалистов назвал «зодчими возрождения государства и народа». В декабре 1970 года была принята той же Голдой Меир делегация парламентариев Христианско-демократической партии. Теперь дело дошло и до ИКП, принятой с не меньшим шумом, но и с любопытством и интересом тех кругов, которые не были расположены к какому-либо доверию к нашей партии. Речь шла о первом установлении контактов с израильскими политическими и общественными силами. И проходило оно весьма интенсивно. Делегация посетила Тель-Авив, Назарет, Хайфу, Акри и Иерусалим и возложила венок в святилище Яд-Вашем в память жертв нацизма и фашизма. В некоторых из вышеупомянутых городов она участвовала в общественных мероприятиях, но самым значительным стало участие в фестивале еврейской и арабской молодежи Израиля — инициативе, весьма необычной для тех времен. Впрочем, уже в тот период в Израиле стали складываться первые движения за мир, что подтверждалось встречами, которую имела делегация с израильским комитетом движения «За справедливый мир в Израиле и в арабских странах», ставшем ядром того широкого движения за мир, которое затем возникнет в этой стране. Наиболее выдающимся моментом визита была встреча с президентом кнессета Израэлем Изаи. Рейхлин получил возможность изложить в парламенте позиции нашей партии и заключения, к которым пришла Болонская конференция, получившая отклик также и в Израиле: положительный среди сил мира, отрицательный в израильском руководстве, которое подвергло суровой критике Ури Авнери за его участие в конференции. Делегация ИКП имела воз-

возможность поставить вопрос, постепенно приобретавший все большее значение, — вопрос о колонизации оккупированных территорий и большом риске, которому подвергалась в этой связи перспектива мира. Единственным коммюнике о визите было сообщение, подписанное с Компартией Израиля. В нем выражалось удовлетворение в связи с атмосферой разрядки, достигнутой во время встреч на высшем уровне между США и СССР, и результатами, которые были на ней достигнуты. Новая атмосфера могла открыть перспективы установления мира и сотрудничества в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где сохранялся арабо-израильский конфликт. Чтобы добиться его мирного урегулирования, необходимо было «полностью применить резолюцию 242 Совета Безопасности ООН, предусматривавшую вывод израильских войск со всех оккупированных территорий, признание независимости, суверенитета, территориальной целостности Государства Израиль и уважение законных национальных прав арабского палестинского народа, включая его право на самоопределение»¹⁶.

6 октября 1973 года, во время еврейского праздника Йом-Киппур¹⁷, Египет и Сирия при участии континентов других арабских стран и ООП начали войну против Израиля. Этому событию суждено было всколыхнуть обстановку застоя, сложившуюся на Ближнем Востоке после 1967 года, и заставить все вовлеченные в конфликт стороны пересмотреть свою стратегию. В первые дни наступления египетские танки вновь пересекли Суэцкий канал и отвоевали полосу на Синае. Это произвело огромное впечатление как на израильтян, достигнутых врасплох в дни одного из своих самых великих религиозных праздников, так и на весь арабский мир, понявший, что в войне с Израилем можно и не проигрывать. Эта частичная победа перечеркнула позор поражения 1967 года. Но это был скорее психологический, чем реальный результат, так как военные достижения оказались весьма скромными и были утрачены, как только израильская армия очнулась и перешла в контрнаступление. По правде говоря, Садат, бывший главным творцом военной инициативы, не имел намерения развязывать тотальную войну против Израиля, а хотел возобновить переговоры, которые позволили бы ему

опытаться за поражение 1967 года. Достижению этой цели способствовало не столько военное нападение, сколько давление арабских стран — производителей нефти, решивших 17 октября пойти на сокращение ее производства и повысить цены на сырье, что вскоре привело к настоящему прекращению поставок и вздорожанию нефти более чем на 70%. Не только страны Западной Европы, испытывавшие уже и без того особые трудности из-за подобных мер, но и Соединенные Штаты немедленно ощутили опасность, которой подвергались их экономика и общество, и стали искать какой-то выход. Нефтяной козырь сыграл решающую роль. Со своей стороны, Советский Союз увидел в этих обстоятельствах новую возможность принять участие в игре на Ближнем Востоке и без колебаний выступил с предупреждениями против возможного вмешательства извне, заявив даже о готовности отплатить Соединенным Штатам той же монетой, если они осуществят свою угрозу и прибегнут к ядерному оружию. К тому же разве Брежнев и Никсон не подписали в июне в Вашингтоне заявление, в котором подчеркивалась необходимость «справедливого и равноправного мира» и упоминались «законные интересы палестинского народа»? Тревожный сигнал был немедленно воспринят и в Италии, где все чаще раздавались голоса в пользу военного перемирия и начала подлинных мирных переговоров. Возникли трения между Европой и Соединенными Штатами: Италия и Испания отказались предоставить свои базы для использования американскими самолетами и судами, направлявшимися в Восточное Средиземноморье. Руководство ИКП дважды выступало с заявлениями. 9 октября для того, чтобы показать, что в основе конфликта лежит отказ Израиля претворить в жизнь резолюцию ООН и уйти с оккупированных территорий, Берлингуэр заявил, что происходящее было следствием нераспутанных узлов 1967 года и что «мира на Ближнем Востоке не будет до тех пор, пока не будут гарантированы права всех государств, включая Израиль, и всех народов, включая арабский палестинский народ». Кроме того, он рекомендовал правительству не принимать никакого участия в военных инициативах и действовать самостоятельно в рамках Европейского сообщества для созыва мирной конференции. 24 сентября он снова выступил, потребовав вмешательства ЕЭС, «ибо вся

Европа ущемляется в своих экономических интересах и безопасности».

Правительство действовало с большой осторожностью, оно не могло чрезмерно отмежевываться от своего американского союзника, но ощущало напряженность, растущую в Средиземноморье, и испытывало опасения в связи с истощением нефтяных запасов. Была уже введена экстренная мера, запрещавшая автомобильное движение в городах в выходные дни. Те же самые опасения испытывали девять министерств иностранных дел стран ЕЭС, собравшиеся в Копенгагене и заявившие о целесообразности начать диалог между европейскими и арабскими странами. Это было проявление автономного решения стран ЕЭС (Англия, по правде говоря, не очень была с ним согласна), принятого независимо от американского союзника по вопросу об отношениях с арабским миром. Нефтяное эмбарго угрожало, прежде всего, Европе, чья экономическая система и гражданская жизнь в значительной мере зависели от ввоза сырой нефти из арабских стран. Но в позициях стран ЕЭС проявилась также большая чувствительность к ближневосточной тематике и палестинскому вопросу. В иностранной комиссии палаты депутатов министр иностранных дел Альдо Моро утверждал, что «палестинцы не просят помощи, а добиваются возвращения своей родины. Речь идет, следовательно, о защите национальных интересов палестинского народа, который не должен быть лишен возможности решать свою судьбу». После трех недель сражений Египет и другие непосредственно вовлеченные в конфликт арабские страны последовали призыву ООН о прекращении огня и начале переговоров об установлении «справедливого и длительного мира на Ближнем Востоке». Резолюция 338 Совета Безопасности от 22 октября, за которую проголосовали 14 его членов из 15 (Китай отсутствовал в момент голосования), постановляла прекратить конфликт, осуществить резолюцию 242 1967 года и немедленно начать переговоры «в соответствии с этими пожеланиями». 25 октября на израильско-египетский фронт были направлены «голубые каски» Организации Объединенных Наций для контроля за установлением перемирия. Подписание перемирия между Египтом и Израилем стало предпосылкой для созыва мирной конференции в Женеве, которая

обернется полуправалом. Открытая сопредседателями от Соединенных Штатов и Советского Союза 22 декабря, она закончится на следующий день после малозначащего ораторского состязания, в котором примут участие Египет, Израиль и Иордания. Отказ Сирии от участия в конференции и упорное стремление Израиля исключить ООП из числа участников и не обсуждать палестинский вопрос уменьшили вдвое ее значение. На самом деле, каждая из этих сторон преследовала определенные цели: Египет восстановил свое право на ведение переговоров и вновь выдвинул собственную кандидатуру на центральное место в арабском мире; иорданский король Хусейн стремился, как никогда, вернуть свои территории в Трансиордании, дабы осуществить проект создания Объединенного арабского королевства, провозглашенный в марте 1972 года; Советский Союз вновь заявил о своем присутствии в регионе; Израиль укрепил связи с Соединенными Штатами и получил новые обещания помощи. Соединенные Штаты шли на конференцию без особого убеждения. Киссинджер, госсекретарь во время президентства Форда, взявший отныне на себя режиссуру этой операции, вынашивает план, который основывается на двусторонних секретных соглашениях при американском посредничестве.

Начинается «политика малых шагов», которая должна развязать руки США и позволить им действовать самостоятельно, вне рамок и предписаний ООН, чтобы держать как можно дальше от региона Советский Союз и вести дело к секретным союзам между Израилем и отдельными арабскими странами. В этом уравнении отсутствует такой фактор, как ООП, которая, однако, воспользуется этими событиями для того, чтобы осуществить стратегический поворот кардинального значения, который снова перемешает все карты и изменит развитие конфликта.

«Война в дни Киппура» и соглашение о перемирии между Египтом и Израилем ставят перед руководящей группой ООП двойственный вопрос: участвовать или не участвовать в Женевской конференции, соглашаться или не соглашаться с промежуточной целью, не включающей в себя освобождение всей Палестины и построение демократического государства? Палестинцы весьма сильно опасаются, что при по-

пустительстве двух великих держав Израиль, Египет и Иордания могут подписать соглашения за спиной палестинского движения и фактически исключить его из игры. Но участвовать в переговорах на основе резолюции 242, рассматривающей палестинцев в качестве беженцев, а не народа с национальными правами и равного другим народам и фактически означающей признание Израиля, значило бы отказаться от проводимой до сих пор линии. Идея «палестинской государственности» на оккупированных территориях также ведет к отказу от стратегической цели, выдвинутой в программе ООП и состоящей в создании единого демократического государства на всей территории Палестины. Если отказаться от этой цели, то эти территории перейдут под власть Хашимитского Королевства. В ООП и составляющих его организациях начинается широкое, бурное и драматическое обсуждение. Идея о создании Палестинского государства на Западном берегу Иордана и в Газе не нова. Первым ее обсуждал еще Насер после 1967 года. Затем она возникла после ужасной иорданской трагедии собственно на самих оккупированных территориях, где родилось движение сопротивления оккупации, начавшее первые выступления под знаменем ООП. Руководителям этого движения мечта о едином государстве, которое стерло бы с лица земли Израиль, весьма скоро представилась неосуществимой. Сильное и многочисленное движение на этих территориях могло быть построено только на основе реально достижимых целей. Самоопределение и создание своего, хотя и небольшого, государства на указанных территориях — такова цель, за которую можно было решительно бороться. В октябре и ноябре 1973 года «внешнее» палестинское движение встает также перед необходимостью без промедления высказаться по этому поводу, так как события быстро развиваются, а международные инициативы следуют одна за другой. Имеет место и внешнее давление на ООП. Уже давно Садат предложил Арафату создать палестинское правительство в изгнании. Теперь давит и Советский Союз. Арафат должен считаться с этим, потому что поддержка СССР важна для того, чтобы уравновесить проникающее американское присутствие и инициативы Киссинджера, приступившего к челночным поездкам в различные ближневосточные столицы. Послание от советских деятелей по-

ступает через их посла в Бейруте Сарвара Азимова, они предпочитают занять реалистическую позицию, принять участие в мирных переговорах с Израилем, считаться с возможностью создания мини-государства в Трансиордании и Газе. Внимательный наблюдатель за ближневосточными вопросами Фредерик Дюшан пишет, что «советская подсказка была катастрофичной для палестинских руководителей»¹⁸. Но он хватил через край. Арафат уже некоторое время ставит этот вопрос. Он знает, о чем думают руководители оккупированных территорий, и осторожно зондирует мнение лидеров арабских стран, но поворот подобного рода должен вызреть и быть решенным внутри ООП. В этих обстоятельствах, как и в аналогичных, возникающих на нелегком пути палестинского движения, лидер ООП проявляет характерное для его руководства колебание перед принятием решения (что можно истолковать как сомнение и двусмысленность), но вместе с тем и дальнейшую решительность, порой выражающуюся в авторитарности, которую ему зачастую ставят в укор. Арафат по-прежнему считает своей высшей задачей заботу о единстве различных компонентов ООП, предотвращение любой ценой расхождений и расколов. За это ему часто приходится расплачиваться высокой ценой (как, например, закрытие некоторых террористических актов, которые он тем не менее осуждает) и подчас внутренними столкновениями и расколами, чреватými еще более тяжкими последствиями. Так он ведет себя и сейчас. Ему известно, что Найеф Хаватмех, лидер ДНФОП (Демократического народного фронта освобождения Палестины, основанного последним в 1969 г.), уже в августе высказался за поворот в политике движения и что так же поступили Абу Саид и другие представители Фатха. Но вместе с тем он знает, что значительная часть Фатха и НФОП Хаббаша выступают против и упорно поддерживают три «нет»: никакого мира, никакого признания Израиля, никакого отказа от исторических прав палестинцев. Парадоксально, что израильское вето на участие палестинцев в Женевской конференции, поддержанное американцами, и промежуточный характер последней сыграли на руку лидеру ООП, освободив его от дилеммы — участвовать или не участвовать в конференции, и дали ему передышку, достаточную для того, чтобы внутри его организации при макси-

мальной поддержке созрели предпосылки для совершения поворота. Арафат разворачивает с этой целью интенсивную дипломатическую деятельность, прикрывающую ему тылы, и обеспечивает широкую международную поддержку. В сентябре 1973 года его уже принимают как главу государства в Движении неприсоединения; в ноябре в Алжире он удостоился соответствующей инвеституры от арабских государств (хотя само решение не было обнародовано, дабы не раздражать отсутствовавшего короля Хусейна) в качестве законного представителя палестинского народа; в феврале 1974 года в Лагосе Конференция исламских стран признала ООП «единственным представителем палестинского народа». Арафат начинает смело пускать в ход оружие дипломатии. Он чувствует, что позиции обеих великих держав сближаются по некоторым серьезным проблемам, и посылает в США первые сигналы о своей готовности начать диалог, а также усиливает свои связи с СССР.

Тем временем нарастают внутренние дебаты. Народный фронт Хаватмеха четко высказывается в пользу «национальной власти» на всей освобожденной части палестинской территории, и тот же Хаватмех предлагает в интервью, впервые предоставленном палестинским руководителем израильской газете в марте 1974 года, создать «независимое национальное Палестинское государство в Трансиордании и в секторе Газа и восстановить национальные права Палестинских беженцев». Центральный совет Фатха высказывается также за идею создания Палестинского государства «в каждой части освобожденной территории», даже если стратегической целью остается «освобождение Палестины от сионистского колониализма, построение демократического Палестинского государства во всей Палестине, возвращение всех палестинцев на свою родину...». Именно эту сторону дела отметит в первую очередь делегация ИКП (Д.К. Пайетта, Барка, Кардия, Салати), встречавшаяся в Бейруте с Арафатом и Кадуми 15 февраля 1974 года. В отчете, составленном делегацией по возвращении, можно прочесть: «Впечатление таково, что ООП сохраняет все кардинальные точки предыдущей линии, так что недавние заявления представляются скорее тактическим ходом, нежели переменой целей». На самом деле изменение в значительной мере уже произошло, но ведется

работа по преодолению оставшегося сопротивления и достигнута более широкого согласия. Решающим моментом этих драматических дискуссий стал 12-й Национальный совет Палестины (НСП), открывшийся в Каире 1 июня 1974 года, в котором приняли участие 187 делегатов. Это — историческое заседание, осуществившее столь долгожданный поворот. «Переходная программа», как она будет названа впоследствии, предусматривала создание «народной власти на оккупированных территориях». Десять пунктов заключительного документа поддавались и более узкому прочтению и истолкованию, к чему прибегнут затем организации и страны так называемого «Фронта отказа». В документе и впрямь есть много такого, что может быть истолковано двояко, ибо в нем вновь отвергается резолюция 242 и заверяется, что «любой этап в развитии освобождения служит продолжению стратегии ООП, направленной на построение Палестинского демократического государства в соответствии с предыдущими резолюциями НСП». Но есть в нем и новизна, да еще какая! Во втором пункте документа действительно говорится, что «ООП борется всеми средствами, и особенно с помощью вооруженной борьбы, за освобождение палестинской земли и за создание национальной, независимой и боевой власти народа в любой части освобожденной палестинской земли» (спустя некоторое время будет сказано: «...на каждой пяди земли, где только будет возможно поднять палестинский стяг»). Среди мер, намеченных к осуществлению, фигурируют также переговоры, не считающиеся, таким образом, «предательством». В самом деле, НСП принимает решение начать диалог с теми израильскими силами, которые согласны с правом на самоопределение палестинского народа. Весьма важен заключительный пункт, где заявляется о том, что «на основе данной программы революционное руководство одобряет тактику, способствующую достижению этих целей»¹⁹. Арафат и другие руководители ООП воспользуются в полной мере и без особых стеснений этим послаблением для возможного маневра. Упорная работа по постепенному сближению различных позиций принесла свои плоды: за заключительный документ проголосовали почти единодушно, всего при четырех против. Для Народного фронта Хаббаша речь шла, однако, лишь о временном совпадении точек зрения.

Три месяца спустя, в сентябре, НФОП отвергнет этот документ, обвинив ООП в «отходе от исторических позиций и в капитулянтских решениях». Он выйдет из Исполкома и вместе с мелкими группами сопротивления создаст «Фронт отказа», который сразу же найдет поддержку со стороны Ирака и Ливии.

Поворот, осуществленный НСП в Каире, стал своеобразной визитной карточкой, с которой Арафат предстанет на международной арене и добьется вскоре престижного и существенного признания. В Рабате 28 октября 1974 года Совещание в арабских верхах (на этот раз с участием короля Хусейна, вынужденного проглотить горькую пилюлю) признало ООП «единственным законным представителем палестинского народа». Спор о том, кому надлежит представлять палестинцев, получил окончательное разрешение. «Произошел поворот в истории палестинского народа и арабской нации», — заявил с подъемом Арафат, который к тому же мог считать своим достижением письменное обязательство некоторых арабских государств переводить ежегодно в кассы ООП 50 миллионов долларов. Такое признание налагало определенные обязанности даже на самых прохладных его сторонников в арабском лагере, поскольку иначе им пришлось бы теперь соразмерять свое отношение к делу палестинского освобождения и к ООП с настроениями масс в своих странах, и способствовало бы дальнейшему росту движения среди всех арабов-палестинцев, и в частности тех, кто жил на Западном берегу Иордана и в секторе Газа.

Окрыленный своим новым статусом, Арафат стал готовиться к эффектному появлению на крупнейшей сцене международной политики, во Дворце Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Подавляющее большинство, а именно 115 стран — членов ООН, проголосовало за то, чтобы специальное обсуждение палестинского вопроса проходило при участии ООП как «представителя палестинского народа». Ничуть не помогли протесты Израиля и группы американских евреев, оказывавших давление, особенно на США, чтобы помешать этому своеобразному акту освящения. Но у США имелись обязательства, которые они были вынуждены соблюдать в отношении Объединенных Наций, и самое большее, что они смогли сделать, — это прибегнуть к бюрокра-

тическим проволочкам, чтобы уменьшить значимость присутствия палестинцев в ООН и их вступления на американскую землю. Это создало некоторые неудобства, но не помешало, как отмечала сама американская печать, появлению Арафата и его выступлению перед Ассамблеей ООН 15 ноября, которое стало «успехом чрезвычайной важности». Арафат умело построил свою речь, изобиловавшую действительными эмоциональными мотивами. С высокой трибуны международного сообщества он мог привлечь внимание мирового общественного мнения к трагедии палестинского народа, прибегнув к образам, доступным всеобщему пониманию. Так, он сказал, что никогда не выпускал из рук оливковую ветвь, когда он, борясь за свободу, держал винтовку, и призвал слушателей сделать все, чтобы «оливковая ветвь не упала на землю». Арафат превознес борьбу палестинцев, которая должна была завершиться их возвращением на родину. «Почему я не могу мечтать и надеяться? Разве революция — это не осуществление надежд и мечтаний? Давайте вместе работать, чтобы осуществить мою мечту о возвращении вместе с изгнанным народом в Палестину»²⁰. Эта часть выступления Арафата была столь же возвышенной и впечатляющей, насколько слабой и поразительно устаревшей оказалась его заключительная часть, где не было и намека на новую программу, принятую в Каире. Напротив, Арафат вновь выдвинул прежнее положение о «демократическом государстве, в котором христиане, евреи и мусульмане смогут жить сообща в условиях справедливости, равенства, братства и прогресса». Итак, ни единого шага навстречу противной стороне, одни лишь обвинения в расизме и угнетении и по существу — отрицание самой израильской нации. Скорей всего, это было сделано сознательно. Но не в этом месте следовало говорить о компромиссах и соглашениях, тут нужно было поведать всему миру о трагедии народа, гордо требовавшего свободы и справедливости. В этом плане результат был полностью достигнут. Арафат не только попал на первые страницы газет, не только привлек внимание государственных канцелярий и завоевал симпатии значительной части общественного мнения, но и добился двух важных резолюций от Ассамблеи: во-первых, о признании права палестинского народа на самоопределение и, во-вторых, о статусе ООП в качестве по-

стоянного наблюдателя при Организации Объединенных Наций. Это был подлинный успех, давший палестинской организации возможность открыть дипломатические представительства в различных, в том числе западных, странах мира. В начале 1975 года ООП имела уже свои представительства в той или иной форме в 40 странах.

К концу 1974 года и в Рим прибыл представитель ООП — Немер Хаммад, 30-летний палестинец, уроженец Аль Кабу, что под Акко, вынужденный еще в детстве искать убежища в Ливане. Учился он в Каирском университете, где набрался первого политического опыта, затем перебрался в Дамаск, стал работать журналистом. В Италии Немер Хаммад всегда оставался в Риме (за исключением периода с 1983 по 1987 г., проведенного в Чехословакии и Югославии), внося ощутимый вклад в дело своего народа и содействуя развитию интенсивных и плодотворных связей с правительством и общественными силами Италии.

В ливанской преисподней

Имидж и политический успех, обретенные Арафатом и ООП в Рабате и Организации Объединенных Наций, оказали значительное влияние на ориентацию общественного мнения и на позицию различных политических сил. На XIV съезде ИКП, состоявшемся в марте 1975 года, Берлингуэр вновь заговорил о необходимости политического решения конфликта между Израилем и палестинцами, которое должно основываться на утверждении права на существование и безопасность всех народов и государств этого региона и на признании законных национальных прав палестинского народа в создании национального, независимого и суверенного государства и возвращении палестинских беженцев на свои земли.

Остальные демократические политические силы не очень отличались в формулировании своих позиций, так что не составило особого труда созвать новый международный форум «За мир и справедливость на Ближнем Востоке». На этот раз он проходил в Риме с 10 по 11 июня 1975 года и был создан по инициативе трех институтов, поддерживавших связи с крупнейшими политическими и культурными силами. Это были Форум за безопасность и сотрудничество в Европе и Средиземноморье, ИПАЛМ (Институт по вопросам развития отношений между Италией и странами Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока) и Общество италоя-арабской дружбы. С итальянской стороны выступили несколько человек (Гуидо Фанти, Джампаоло Кальки Новати, Карло Фракан-

цани и Чезаре Бенси), но наиболее важным моментом конференции вновь стало сопоставление позиций израильтян и палестинцев. Без всякой официальности, которая была бы немедленно отвергнута обеими сторонами, подобное сопоставление, начатое в Болонье, постоянно обогащалось новыми моментами. Арафат, сознавая, что Израиль пришел на Ближний Восток, чтобы «там и остаться», как он заметил в частном порядке, поручил Хаммами и Сартави попытаться организовать конфиденциальные встречи, используя для этого всевозможные поводы в виде интервью и участия в разного рода международных конференциях по вопросам положения на Ближнем Востоке. Такой случай не замедлил представиться. В конце 1974 года в Праге на международной конференции, организованной Всемирным советом мира, выступил, как сообщал журнал «Эспрессо»¹, помимо палестинского представителя, Натали Федер, генеральный секретарь партии Мапам (бывший в то время членом правительства Рабина, наряду с двумя другими министрами), который заявил о готовности к непосредственному обмену мнениями и переговорам «со всеми палестинцами, отвергающими терроризм». Со своей стороны, палестинский делегат заявил о готовности принять участие в Женевской конференции и «вести переговоры с Израилем относительно мирного договора». 3 мая 1975 года аналогичная конференция была проведена в Париже с участием Хаурани и Калака с палестинской стороны и израильтян Туби и Ялина Мора. Хаурани высказался в поддержку резолюций 338 и 326 ООН и сказал, что он высоко ценит борьбу демократических сил в Израиле «за признание и претворение в жизнь права палестинского народа на самоопределение». В Риме обмен мнениями проходил между Ури Авнери и Абу Аммаром Саедом. О том, насколько далеко продвинулась позиция ООП и миролюбивых сил Израиля, свидетельствует то, что Авнери выступил с намного более смелыми предложениями, чем два года назад в Болонье. Он без обиняков говорил о «важности переговоров между израильским правительством и ООП на основе признания Израиля необходимости безопасности и согласия с созданием суверенного национального палестинского государства». Он добавил, что единственной альтернативой конфликта является «взаимное признание национальных прав сосуществования,

безопасности и исторического примирения между арабским и израильским народами». В этой связи он отверг «*раx americana*» Киссинджера, ибо этот план «может создать предпосылки для возможного возобновления военных действий через два-три года». Ялин Мор начал свое выступление с того, что прямо обратился к «арабским палестинским друзьям» и сказал: «У нас с вами одна и та же родина, и мы должны поступать как братья; Израиль должен существовать, а ООП должна быть признана в качестве единственного законного представителя палестинского народа». Гораздо менее открытым было выступление палестинского делегата Саеда, поставившего под сомнение значимость Женевской конференции и ссылавшегося на то, что она основывается на резолюциях ООН 242 и 338, которые признают палестинцев не народом, а лишь «беженцами». «В любом случае, — добавил он, — мы не получали никакого приглашения». Саед высоко оценил слова израильских представителей, но дал понять, что не очень верит в намеченные ими перспективы, отметив в заключение, что борьба будет продолжена «всеми средствами в целях возвращения узурпированных земель».

Заключительная резолюция, однако, была принята единодушно. В ней вновь поднимался вопрос об Иерусалиме, в отношении которого требовалось принять решение, учитывающее историческую мотивацию, придающую этому городу «универсальный характер», к итальянскому же правительству обращался призыв «наращивать усилия» для достижения «мирного и справедливого решения» на Ближнем Востоке и установить по примеру некоторых европейских правительств, и прежде всего Франции, официальные контакты с ООП.

Казалось, настал подходящий момент для того, чтобы с использованием всех благоприятных обстоятельств добиваться политического решения на основе переговоров. Международная конъюнктура тоже способствовала этому.

Но произошли два события, которые вновь поставили под вопрос процессы созревания условий для начала диалога и привнесли новые моменты, вызвавшие напряженность в регионе. Речь идет о голосовании в ООН по вопросу о сионизме и гражданской войне в Ливане.

Позиция, занятая Организацией Объединенных Наций в отношении сионизма, не стала проявлением принципов цивилизованности и терпимости, которыми должен был бы руководствоваться высший институт международного права, и бросила тень на великий порыв, подтолкнувший год назад к приему Арафата и к политическому и дипломатическому признанию ООП. Постановить, что сионизм, наряду с апартеидом и другими сходными преступлениями, является «разновидностью расизма и дискриминации», было несправедливо и оскорбительно. Разумеется, сионизм обрел иные черты, отличные от тех, которые были задуманы его основателями, и при всей множественности его политических и религиозных проявлений реакционные и интегралистские черты обнаружили тенденцию к преобладанию над либеральными идеалами. Но он отличался и от того сионизма, который был обрисован в интервью бывшего генерального секретаря Лейбористской партии, на вопрос Сандро Оттоленги², «Чем является сионизм сегодня?» ответившего: «Сионизм должен быть только тем, к чему призывал нас Герцл: создать землю, где могли бы найти убежище все, кто хочет или должен сюда приехать, и создать еврейский центр, в котором можно развивать духовность и культурные ценности еврейского народа. И причем без всякой войны, аннексий, злоупотреблений и преследований. Ни с той, ни с другой стороны». Иначе обосновывали свое решение 72 страны (блок арабских государств, страны соцлагеря, кроме Румынии, и около половины стран третьего мира), проголосовавшие за указанную резолюцию. Против голосовали 35 стран, 32 воздержались. ТАСС грубо охарактеризовал это решение как «логическое и справедливое осуждение воинствующей сионистской доктрины». ИКП немедленно осудила эту резолюцию, подчеркнув, что борьба между палестинцами и Израилем носит политический характер, что яблоком раздора являются территории, а не идеология. Серджо Сегре подготовил для секретариата следующий проект сообщения, который без правки был помещен в газете: «Доктрина сионизма является, на взгляд нашего движения, консервативной и реакционной доктриной, используемой империализмом в корыстных целях и позволяющей руководителям израильского государства прибегать к агрессивным, экспансионист-

ским и дискриминационным мерам. Но мы считаем, что было бы ошибочно и безосновательно переносить на почву идеологии борьбу, подобную той, которая направлена на возвращение территорий, захваченных Тель-Авивом, и уважение национальных прав палестинского народа. Эта борьба должна вестись в политическом плане, и если ее участники хотят добиться успеха, то они должны прилагать постоянные усилия для того, чтобы обеспечить согласие и поддержку своему движению. Таковы наши принципиальные соображения, ибо мы отвергаем приравнение сионизма к расизму, а также считаем, что призыв к подобному «идеологическому» волеизъявлению со стороны ООН идет во вред самому арабскому делу, которое не только ничего не выигрывает от такой постановки вопроса, но и теряет союзников именно в тех странах Западной Европы, которые могут внести позитивный вклад в достижение справедливого мира на Ближнем Востоке»³.

Вскоре представились два случая, позволившие довести нашу точку зрения до арабской и палестинской сторон. Берлингуэр, возглавивший в конце ноября делегацию, в которую вошли Романо Ледда, Джорджо Череди и Франко Рапарелли, высказался на эту тему на встрече в Алжире с Хуари Бумедьеном. Естественно, было отмечено разногласие, и алжирцы попросили не упоминать об этом в заключительном коммюнике. В ответ Берлингуэр велел снять весь абзац, посвященный Ближнему Востоку, отчего сообщение приобрело двусмысленный и односторонний характер. Несколько дней спустя мы приняли в ЦК ИКП министра иностранных дел Фарука Каддуми, возвращавшегося из Нью-Йорка, куда он ездил по приглашению Совета Безопасности. Пайетта и Сегре вновь высказали наше неодобрение в связи с несчастной резолюцией по сионизму. Каддуми ограничился защитой, хотя и весьма слабой.

В Ливане в это время дело шло к гражданской войне. Первые стычки имели место еще в апреле, когда фалангисты напали на автобус с палестинцами и хладнокровно убили 28 пассажиров. Последовали три дня ожесточенных схваток с применением тяжелого оружия. Давно зревший нарыв теперь прорвался. Палестинцы находились в Ливане на основе соглашения между ООП и ливанским правительством, подписанного в 1969 году с помощью Египта. Соглашение пре-

дусматривало, что военные действия, проводимые в юго-восточном районе Ливана против Израиля, должны согласовываться с ливанской армией, что безопасность палестинских лагерей должна обеспечиваться ООП и что она обязывалась не вмешиваться во внутренние дела страны. После трагического «Черного сентября» 1970 года в Иордании присутствие палестинцев в Ливане значительно возросло, и эта территория стала теперь единственной, где можно было открыть линию фронта с Израилем. Ливан стал последним прибежищем палестинцев и последней территорией, с которой можно было вести вооруженную борьбу. Следует отметить, что после начального разброда, возникшего вслед за переселением из Иордана, палестинские бойцы перегруппировали свои ряды и, благодаря военным поставкам, поступавшим из многих стран, особенно из Советского Союза после встречи Громыко с Арафатом в Москве летом 1974 года, располагали уже 30 тысячами вооруженных бойцов, имевших в своем арсенале и тяжелое оружие. Несмотря на то что палестинцы ютились в бедняцких лагерях и ветхих строениях, лишенных самых необходимых санитарных удобств, а зачастую воды и света, они сумели наладить управление этой бедствующей массой, занять ее кое-какой деятельностью и создать центры вспомоществования, школы, больницы, небольшие предприятия.

По правде говоря, присутствие палестинцев в Ливане с их жизнеобеспечением и организационной структурой мозолило глаза той части страны, которая апеллировала к правым фалангистам. И все же не палестинское присутствие делало хрупкими институты и правящую структуру страны, а все нараставшее противостояние между христианско-маронитской общиной, с одной стороны, и мусульманской общиной и друзьями — с другой. Первая составляла меньшинство, но удерживала рычаги власти, а последние имели численное большинство, но были оттеснены на подчиненные роли в основных центрах жизни страны и в ее правительстве. Это вело ко все более острому противостоянию и растущей конфликтности на общественной, религиозной и политической почве. Система балансирования в распределении должностей в правящих органах и армии не удовлетворяла больше тех, кто намерен был играть на абсолютном преобладании в стране. Арафату и ООП ставили в вину, что они не

придерживались должного нейтралитета, а выступили во время гражданской войны в поддержку одной из сторон, а именно мусульман и левых сил. Можно, конечно, обсуждать правильность выбора, произведенного в тех трагических обстоятельствах, но ИКП, как будет сказано ниже, пошла на такое обсуждение в самый разгар гражданской войны. Разве не повторялась теперь схожая с Иорданией ситуация, когда при возникновении государства в государстве имело место неоправданное вмешательство во внутренние дела? Проявления наглости и злоупотреблений были неоспоримы, но оставаться над схваткой стало почти невозможно. Христиане — сторонники наиболее крайней линии из маронитской милитаристской фаланги во главе с Пьером Жмайелем и при поддержке президента республики Сулеймана Франжье начали добиваться изгнания палестинцев из страны. Для палестинцев это была битва за выживание. Естественными союзниками в этой борьбе могли стать только мусульмане, друзья и различные оппозиционные группировки, среди которых была ЛКП — одна из наиболее сильных и влиятельных компартий Ближнего Востока, имевшая целью стать руководящей силой страны. Страны, которая должна была бы придать себе светский характер, освободиться от политической системы, основанной на конфессионализме и привилегии христианско-маронитской общины, из которой всегда и независимо ни от чего должен был избираться президент; страны, которая должна была бы пойти по демократическому пути и предоставить каждой общественной группе одинаковые возможности. Коммунисты, в частности, противопоставляли богатство и привилегии маронитов бедности и угнетению мусульман. Палестинское движение принимало, конечно, близко к сердцу проблемы ливанского общества и полностью было вовлечено в его противоречия, но оно старалось лишь отстоять условия и обоснование своего присутствия в стране. У движения не было иного выбора, и потому оно могло идти только с теми, кто обещал ему поддержку, даже если такая линия вызывала критику, особенно со стороны коммунистов, которые, изливая душу Салати, побывавшему на их съезде, обвинили Арафата в том, что тот не захотел включиться в борьбу «за завоевание Ливана».

Джумблата. Первому он ставил в вину его поведение, которое не разделялось существенными кругами палестинского движения, начиная от палестинской организации Сайка (контролируемой им). Второго порицал за слишком амбициозные планы и цели. Джумблат, по словам Асада, мог бы стать господином и признанным вождем небольшой секты друзей и повелевать в горах Шуфа, но его претензия на лидерство во всем Ливане явно выходила за все мыслимые рамки. Удивительно, но Асад и словом не обмолвился о христианах-маронитах и фалангистских ополченцах. Свой обзор событий в Ливане он закончил выражением беспокойства по поводу их возможного развития и бросил довольно угрожающую фразу: «Мы не сможем безучастно взирать на резкое ухудшение обстановки». Я вспомнил эту фразу, когда несколько месяцев спустя сирийская армия вторглась в Ливан.

Мы прибыли в Бейрут, разделенный на две части воображаемой зеленой линией в виде автомобильных шин, расставленных вдоль ряда улиц, и бесконечных полицейских постов, перед которыми надо было останавливаться для проверки. Различие в форме проверяющих означало, что мы переходим с христианской стороны на мусульманскую, в которой проходили переговоры. Различные левые и мусульманские группировки слились в Ливанское национальное движение, на пост главы которого был назначен лидер друзей Камиль Джумблат — обаятельный человек, чьи политические замыслы отнюдь не объяснялись его аристократическим происхождением. Он с подъемом и страстью, воодушевлявшей, должно быть, французских утопистов, рассуждал о социализме, свободе, социальной справедливости, равенстве между расами и религиями, о демократических принципах в исполнении власти. Что же касалось ближайшего будущего, то тут его намерения были более приземленными. Надо, говорил он, заботиться о единстве движения, опираться на военную силу ООП, освободить от христианских ополченцев как можно больше территории, свести счеты с шатающейся властью Франжье, выдвинуть свою кандидатуру на пост руководителя страны. Коммунисты также считали, что Джумблат с этим справится и что он является подходящей фигурой для того, чтобы начать в Ливане процесс конституционных и демократических реформ. Оставалось только ус-

лышать, что по этому поводу думает лидер ООП, который после соглашения с главой мусульман-шиитов, имамом Мусой Садром, всеми считался союзником, который может сыграть решающую роль в деле перемены военно-политического равновесия в стране. Мы прождали два дня в гостинице, прежде чем нам была назначена встреча с Арафатом. В великолепном отеле на морском побережье, где мы остановились, царил такой же хаос, к какому катился сам Ливан. Кого там только не было! Летные экипажи разных авиакомпаний, то и дело вызываемые для полетов, которые неизбежно отменялись из-за воздушных тревог, объявлявшихся каждый день; безукоризненные официанты, предлагавшие великолепные блюда, с которыми не могла справиться опустевшая кухня; дамы, возлежавшие на пляже, в то время как на ближних улицах невидимые бойцы обменивались автоматными очередями; оркестранты, игравшие по вечерам на фоне неба, расцвеченного бенгальскими огнями. Богатый, цивилизованный, космополитический Бейрут сопротивлялся из последних сил надвигающейся катастрофе, носившейся в воздухе. На вторую ночь нас стащили с кроватей и повезли в какой-то квартал на периферии. Бесконечные пересадки в машины с зашторенными стеклами. Извилистый маршрут по кривым, темным, безлюдным переулкам. Наконец мы прибыли в небольшой двор весьма неказистого четырехэтажного дома. Последняя проверка перед лифтом, охраняемым двумя вооруженными до зубов юнцами. Арафат ждал нас вместе с Абу Маземом и двумя другими сотрудниками в небольшой комнате, беспорядок в которой свидетельствовал о только что закончившемся совещании и отсутствии женского присмотра. Арафат поднялся нам навстречу, обнял одного за другим и особенно тепло Ремо Салати, который был его старым знакомым. Для меня, однако, это была первая встреча со ставшим уже легендарным вождем палестинского сопротивления. На вид он был усталым и потрепанным, что вызвало у меня даже некоторое разочарование. Но его усталость, казалось, сразу прошла, как только Контти рассказал ему, что нас интересует и какие впечатления мы вынесли от встреч с Асадом и Джумблатом. Отвечая, Арафат ни разу не упомянул последних, но что он о них думал, прозвучало весьма отчетливо. Он сожалел, что прихо-

дится тратить силы и внимание на внутриванские дела, и то время как главным направлением борьбы ООП должны по-прежнему оставаться Израиль, его политика и оккупация территорий на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, приобретающая все более наглый и жесткий характер. Пока палестинцев отвлекали внутренние дела в Ливане, Израиль в сговоре с Соединенными Штатами искал способ договориться с Египтом, с одной стороны, и с Иорданией — с другой, чтобы окончательно покончить с палестинцами. Догадываются ли на Западе, что кроется под соглашением об отводе войск из Синая и тайными переговорами короля Хусейна с израильскими руководителями? Арафату было важно, чтобы мы хорошо поняли эту сторону дела, являющуюся приоритетной по сравнению со всеми остальными. Такая большая партия, как наша, могла многое сделать для разъяснения, оказания влияния и давления. И в отношении ливанских событий также надо иметь правильное представление. ООП столкнулась с угрозой своему присутствию на ливанской земле и подверглась серьезному нападению со стороны фалангистов, совершивших ужасные преступления против гражданского населения лагерей. Поэтому ООП пришлось защищаться и заключить соглашение о совместной борьбе с теми группировками ливанского общества, которые также пострадали от правых христиан-маронитов. Папе нужно было еще больше возвысить свой голос и остановить руку христиан, прежде чем они зашли так далеко.

Контти сразу же откликнулся на это замечание, чтобы сказать, что мы сделаем все, что в нашей власти, но мы не можем скрыть своей озабоченности тем, что ООП оказалась вовлечена в ливанское противостояние, что могло вызвать недовольство населения, а палестинцы нуждались в поддержке всех. Это был весьма недвусмысленный призыв к сохранению нейтралитета. Палестинская организация, возразил Арафат, не собиралась вмешиваться во внутренние дела, взаимодействие с Ливанским национальным движением вызвано необходимостью самозащиты, и это хорошо известно Джумблату, о котором, как сказал Арафат, он был весьма высокого мнения. Палестинское движение едино в этой оценке и не нуждается в подсказчиках со стороны, которые объясняли бы, как лучше отстаивать свое дело. Выпад в адрес Аса-

да прозвучал, таким образом, в конце разговора и был резким и сухим. После перерыва на чай с мятой, который Арафат пожелал собственноручно нам налить, разговор зашел о его людях и их суровой жизни в лагерях. Арафат спросил, видели ли мы лагерь. «В Сирии нас возили в один», — последовал быстрый ответ. Арафат поручил одному из сотрудников сопроводить нас в ближайший лагерь на следующий день. Уже светало, когда мы попрощались. Двор был заполнен вооруженными бойцами. Бейруту предстоял еще один тяжелый день.

В последние месяцы силы Ливанского национального движения и палестинцы отвоевывали все больше земель, но Асад не мог допустить, чтобы рухнул порядок, державшийся на христианах-маронитах, и решил, что пришла пора для вмешательства. 31 мая 1976 года 12 тысяч солдат и колонны танков пересекли границу и заняли все ключевые позиции в этой маленькой стране зеленых кедров. Сирийский президент стремился осуществить свои давнишние стремления: контролировать Ливан и взять под свою опеку палестинское движение. Сирийское вмешательство было открыто одобрено Соединенными Штатами и нашло благожелательное отношение со стороны Израиля, хранившего молчание. Ни одна из арабских стран не заняла какой-либо ясной позиции. Советский Союз оказался захвачен врасплох. Карен Брутенц, один из крупнейших советских экспертов по ближневосточным вопросам, утверждает⁴, что премьер-министр Косыгин, находившийся как раз в эти дни в Дамаске, выразил сирийскому президенту протест в связи с тем, что советские руководители не были поставлены в известность. О том же свидетельствуют и растерянные сообщения Москвы. ИКП отреагировала незамедлительно. 2 июня Берлингуэр, выступая в Париже вместе с Марше, потребовал прекращения вооруженных столкновений и сохранения независимости и целостности Ливана.

Ободренные сирийским покровительством, марониты перешли со своими вооруженными силами в контрнаступление и 22 июня напали на лагерь беженцев в Талл аль Заатаре, и без того уже печально известном по предыдущим побоищам. В течение целых 52 дней, при полном попустительстве сирийских войск убогие бараки из кирпича и жести подвергались яростным бомбардировкам. После их прекращения

из-под руин были извлечены 3 тысячи трупов. Это было леденящее душу зрелище, не укладывавшееся в человеческом сознании, но отнюдь не смутившее больших игроков, разыгрывавших шахматную партию на ближневосточной доске, не обращая никакого внимания на страдания палестинцев. ИКП была охвачена возмущением. 24 июля она вместе с другими партиями подписала требование о «немедленном выводе сирийских войск из Ливана и прекращении всякого вмешательства». 12 июля мы приняли в Риме сирийскую делегацию БААС, настойчиво просившую нас об этом, чтобы «рассеять все недоразумения». Во время встречи, где делегации был оказан ледяной прием, Пайетта особо резко высказался против военного вмешательства в Ливане и соучастия в расправе, творившейся в Талл аль Заатаре. Лаконичная формулировка заключительного коммюнике («Делегация ИКП выслушала переданную информацию и приняла к сведению сирийскую позицию в том виде, как она была изложена Баасом») отражала полное расхождение позиций сторон. 12 августа секретариат опубликовал обращение «Трагедия Ливана и палестинское сопротивление». В нем говорилось, что эта трагедия «может в любой момент привести к еще более кровопролитным событиям. Кошмару гражданской войны, продолжавшейся 15 месяцев, к жестокостям, символом которых стало мученичество палестинского лагеря Талл аль Заатар, павшего сегодня после нескольких недель неслыханного побоища, добавляется с ужасающей неизбежностью угроза настоящего геноцида палестинцев и распада национального единства Ливана»⁵. Мы требовали прекращения кровавой бойни и репрессий против палестинцев, вывода сирийских войск и начала диалога между различными политическими силами Ливана в целях выработки решения о «согласованном сосуществовании». Но Асад и не думал оттаивать, усматривая косвенное поощрение в молчании арабских стран, которым, разумеется, была не по сердцу перспектива создания светского плюралистического государства в Ливане, а также в открытой удовлетворенности Соединенных Штатов и Израиля. Романо Ледда, вновь непосредственно переживший трагические события, дал им свое, трудно опровержимое объяснение. «В такой момент, писал он, иорданский король Хусейн мог бы провести пере-

говоры от имени палестинцев, и таким образом Государство Израиль окончательно бы отделалось от проблем, связанных с ООП. Другими словами, довольно ясно прослеживается одно: нынешний сирийский режим не устоял перед искушением (заметно проявляющимся уже некоторое время) пойти по следам Египта и присоединиться к американской политике. Вот почему он без колебаний заплатил за это самую высокую цену, открыто начав подавление палестинцев, дабы принудить их следовать своей политике и превратить в зависимую от себя политическую силу, лишенную всякой реальной самостоятельности, словом, придать им совсем иной вес как политической стороне на возможных переговорах. А поскольку палестинцы оказывали сопротивление, их нужно было уничтожить»⁶. Впрочем, Асад резко говорил об этом и с Арафатом. «Вы представляете Палестину не больше, чем мы, — заявил он на двусторонней встрече, носившей бурный характер. — Нет никакого палестинского народа и никакой палестинской общности, а есть только Сирия. Вы неотделимая часть сирийского народа, а Палестина — неотделимая часть Сирии»⁷. Сирийское и фалангистское наступление продолжалось еще два месяца и привело к захвату всех наиболее важных стратегических позиций палестинцев и Ливанского национального движения. Лишь тогда, 4 октября, принц Фадх из Саудовской Аравии откликнулся на призыв Арафата и выступил с посредничеством, позволившем завершить первую главу гражданской войны в Ливане. Сирия получила право остаться в Ливане, превратившемся отныне в ее протекторат, под единственным предлогом включить свои силы в более широкую «воинскую группировку арабских сил устрашения». Палестинцам была отведена территория в южной части Ливана, между Бейрутом и рекой Литани, оппозиционным силам был нанесен сильнейший удар, а через несколько месяцев, в марте 1977 года, они лишились также своего вождя, Камала Джумבלата, убитого неизвестным лицом. Впрочем, не трудно было догадаться, кто направил убийцу.

Гражданская война в Ливане была воспринята на Западе с некоторой отстраненностью. Европейское сообщество было еще слишком слабым, чтобы действовать самостоятельно, к тому же ему приходилось справляться с достаточно

тяжелым экономическим положением. В Италии оно тоже было довольно серьезным и переплеталось с беспрецедентным политическим кризисом, ибо умеренные и центристские силы утратили после выборов 1975 и 1976 годов всякую возможность формировать правительства, не вступая в те или иные отношения с ИКП, одержавшей подлинную победу на выборах. Чтобы выйти из финансовых затруднений, Запад нуждался в свежих вливаниях капитала. В этой связи он обращает внимание на нефтедоллары арабских нефтедобывающих стран. Ими пользуются некоторые из крупнейших компаний. Так, немецкий концерн «Крупп» передает четверть своих акций Ирану, «Фиат» принимает Ливию в свои компаньоны. В ноябре 1976 года Каддафи станет пайщиком туринского консорциума, купив 13,4% его акций на сумму в 363 миллиарда итальянских лир. Немало деятелей приходит от этого в ужас. Уго Ла Мальфа яростно набрасывается на Аньелли, обвиняя его в откате к Средиземноморью, вместо того чтобы «использовать момент для продвижения в Европу», и выражает свою озабоченность последствиями стратегического порядка в отношении такой дружественной страны, как Израиль. Аньелли ответил, что он принял ливийское предложение не в политических целях («предприятие не работает на политику, тем более, стратегического порядка»). Правда, через десять лет, в сентябре 1986 года, когда Ливия расторгнет соглашение, он откажется от своего мнения. В этой связи его поздравит американский госсекретарь Шульц, а Аньелли будет оправдываться почти в тех же выражениях, которые употребил Ла Мальфа, и заявит, что настал момент «перейти через Альпы».

Привлечению интереса к событиям в Ливане способствовали движения солидарности, откликнувшиеся на призыв к оказанию помощи населению. Но ИКП не уменьшила своих усилий в плане выдвижения политических и дипломатических инициатив. Двое из наиболее видных руководителей Ливанской КП, Никола Шауи и Надим Абдулсамад, прибыли в Рим, чтобы изложить Берлингуэру причины глубокого кризиса в Ливане и попросить о помощи. Действовать в направлении поиска национального примирения представлялось им наиболее разумным и дальновидным. Странно, но они никоим образом не отреагировали на нашу резкую критику сирий-

ской оккупации Ливана и поведения сирийских солдат, в то время как фалангистские вооруженные силы нападали на палестинские лагеря. Ряды коммунистов сильно поредели. Выступление против сирийцев могло оказаться для них фатальным. По сравнению со смелыми предложениями, изложенными нам несколько месяцев назад их посланником Каримом Мруэхом, это было явным отступлением.

В декабре 1976 года Карло Галлуцци побывал в Хайфе на съезде Мапам, который произвел на него ободряющее впечатление. В израильском обществе, даже в его весьма весомой сионистской части, прогрессивные, демократические и просто пацифистские настроения выходили далеко за рамки обеих партий, с которыми мы имели отношения, и узкой интеллектуальной элиты, с которой мы поддерживали кое-какие контакты. Вывод Галлуцци состоял в том, что следовало лучше уяснить себе, чем жило это общество, и расширить круг наших связей.

Другим интересным моментом стали встречи с Абу Шараром и Абу Алаа (а позднее и с Фаруком Каддуми), приехавшими в Рим спустя некоторое время после трагического завершения осады Талл аль Заатара. Какой путь должна была избрать ООП после очередного кровавого испытания? Народный фронт и другие более мелкие организации объясняли понесенный урон отказом от откровенной и решительной борьбы с агрессором. Но Центральный совет ООП, проходивший в декабре 1976 года в Дамаске, высказался, несмотря на сильное противодействие, за более решительную политическую инициативу. В заключительном коммюнике четко проводилась мысль о том, что цель заключается в «ликвидации израильского присутствия на оккупированной территории и признании национальных прав палестинского народа, в особенности его права на возвращение родины, на самоопределение и создание независимого государства на собственной национальной территории». Эта цель была полностью подтверждена на 13-й сессии НСП, созванной 12 марта 1977 года в Каире. Сессия стала весьма важной вехой, ибо на ней было принято решение о значительном расширении состава Совета, в который впервые были включены 33 делегата от Трансиордании, что явилось признанием растущей роли, которую приобретала организация на оккупирован-

ных территориях, где спустя месяц она добьется серьезных результатов, в том числе на первых выборах мэров крупнейших городов Трансиордании. Это стало важнейшим событием, отмеченным руководством ИКП, которое в телеграмме, направленной мэру Наблуса, поздравило его с «успехом, достигнутым палестинским народом на выборах 12 апреля, когда он проголосовал за единые списки прогрессивных сил. Этот успех недвусмысленно свидетельствует о том, что арабский народ Палестины хочет жить свободно, независимо и быть хозяином своей судьбы»⁸. Мэры оккупированных территорий сыграют большую роль в распространении в нашей стране правды об условиях жизни палестинцев и о законности своих прав.

5 мая Романо Ледда встретился в Бейруте с Арафатом, который был решительно настроен на то, чтобы идти по пути, намеченному Национальным советом, но предупреждал, что ему придется столкнуться с большим сопротивлением как в самой ООП, так и со стороны воинственно настроенной группы арабских стран. Он считал, что это наилучший выбор для того, чтобы покончить с американской стратегией «малых шагов» и вновь поднять палестинский вопрос как центральный пункт возможных переговоров. В этой связи глава ООП, хотя и имевший большие сомнения в отношении резолюций ООН, особенно резолюции 242, давал понять, что он готов принять участие в переговорах. Необходимо было, однако, смягчить жесткую оппозицию и сопротивление внутри организации. Не могла ли ИКП, опираясь на свой авторитет и обширные связи, оказать помощь палестинскому движению? Просьба Арафата была тщательно взвешена на секретариате и в Международном отделе ЦК ИКП, а затем принята. В течение немногих месяцев были опрошены алжирцы, иракцы, марокканцы, йеменцы, ливийцы и сирийцы. Встречи с двумя последними стали особенно показательными. 26 июля в Триполи отправилась делегация в составе Джанкарло Пайетты, Джованни Берлингуэра и автора этих строк. Миссия оказалась не совсем удачной. По волновавшим нас вопросам было высказано мало суждений, но они звучали весьма отчетливо: «нет» любой международной конференции; готовность к встрече с Садатом, но держа палец на спусковом крючке, ибо он сосредото-

точил свои войска на границе; намерение Асада, подобно Садату, пойти на уступки США; отказ Ливии уступать как Египту, так и США. В довершение всего ливийцы тянули с организацией встречи с Каддафи, откладывая ее несколько раз, чем довели до белого каления Пайетту. Так что когда наконец мы предстали перед лицом полковника, Пайетта дал выход накопившемуся неудовольствию. Женевская конференция, сказал он, могла стать важным форумом по палестинскому вопросу, при условии, однако, что ее не будут бойкотировать. Нельзя отдавать ее на откуп Соединенным Штатам, Израилю и Египту, необходимо, напротив, чтобы Советский Союз сыграл на конференции важную роль и в ней приняли бы участие другие заинтересованные стороны и сама палестинская организация. Арабским странам надлежало бы поощрять, а не сдерживать эту инициативу. ИКП также питала сомнения в отношении разумности проводимой египтянами совместно с американцами инициативы, но лучше было бы поговорить с ними и попытаться убедить в необходимости сделать выбор, который пошел бы на пользу арабскому делу и особенно палестинской борьбе. Муамар Каддафи бесстрастно выслушал тираду Пайетты. Облаченный в элегантный белый балахон, он напоминал своей застывшей фигурой и неподвижным взглядом скорее погруженного в медитацию святого, чем вспыльчивого сатрапа, каким его представляли международные хроникеры. И даже его манера говорить вполголоса не вязалась с привычным образом. По его словам, всем нам, включая ИКП, надлежало осудить египетскую агрессию против Ливии. Эта агрессия — составная часть международного заговора Соединенных Штатов, имевших две вполне отчетливые цели: отрицание палестинской проблемы и ликвидация прогрессивных арабских режимов. Европейские страны Средиземноморского бассейна должны бы ставить на первое место отношения со странами Северной Африки, а не с Соединенными Штатами, занятыми только своими интересами. «Кто мешаает навести цивилизованные мосты между нами? Это Соединенные Штаты не хотят, чтобы между Ливией и Италией были хорошие отношения». Каддафи отрицал, что его страна получает авиационные двигатели из Италии, но сказал, что он заинтересован в закупке оружия и военных технологий, дабы не «об-

рашаться к другим рынкам». Пайетта резко перебил его, сказав, что оружия и так везде слишком много и следовало бы больше проводить политику взаимной безопасности и сотрудничества. Он напомнил в этой связи решения евро-арабской конференции, состоявшейся в мае во Флоренции, на которой ливийская делегация занималась больше пропагандой, чем программами развития. «Мы не можем иметь ничего общего, — возразил с досадой полковник, — с феодальным режимом Марокко, а тем более с Египтом, готовым ополчиться на нас по указке империализма». Еще более жестко он отозвался о возможной международной конференции по Ближнему Востоку, которая, по его словам, пошла бы на пользу одному лишь «сионистскому образованию» и перекрнула права палестинцев. Он удивился, что среди последних кое-кто был склонен искать компромиссы и политические решения. Арафат, похоже, и впрямь стоял ему поперек горла, если за два часа нашей беседы Каддафи ухитрился ни разу не упомянуть его имя.

Не лучшим образом прошла и встреча в Риме с делегацией сирийской БААС. С учетом наших позиций по сирийскому вмешательству в ливанские дела отношения между нами двумя партиями были скорее напряженными, разногласия сохранялись. Тем не менее был сделан важный шаг вперед, высоко оцененный руководством ООП. Речь шла о необходимости, подтвержденной обеими партиями, «созыва Женевской конференции как единственного и наиболее подходящего места для всеобщего урегулирования ближневосточного конфликта и для установления длительного и справедливого мира с участием всех вовлеченных сторон, включая законных представителей арабского палестинского народа»⁹.

1 октября Сайрус Вэнс от Соединенных Штатов и Андрей Громыко от Советского Союза подписали совместное коммюнике, в котором в течение года обязались созвать новую Женевскую конференцию с участием также «представителей палестинского народа» в целях поиска «глобального решения ближневосточного кризиса». С избранием Джимми Картера в американской политике, казалось, открылся новый этап. Еще в ходе избирательной кампании он заявил, что палестинский вопрос является «ключом для разрешения конфликта», который «должен дать родину палестинским

палестинцам», и что на Женевскую конференцию надо приглашать все стороны. Став президентом, Картер предложил Сайрусу Вэнсу занять место Генри Киссинджера, и эта перестановка сразу же привела к изменению отношения к палестинцам. Если Киссинджер со своим пресловутым «Бай, бай, ООП» намеревался окончательно покончить с ООП, то Вэнс искал связи с палестинцами. В этом ему подыграл Арафат, нашедший способ продемонстрировать готовность к включению в арабскую делегацию «малозаметных фигур из ООП». Известно было, что Израиль выступает против, тем более что с мая к власти пришло правое правительство Бегина, занимавшее гораздо более жесткие позиции, чем предыдущее. За созыв конференции и за ее открытость для палестинской стороны выступали также, помимо США и СССР, многие арабские страны и Европейское сообщество, которое в заявлении своего Совета подтвердило в конце июня, что решение конфликта на Ближнем Востоке невозможно до тех пор, пока не будет претворено в жизнь законное право палестинского народа на «подлинное выражение своей национальности с учетом потребности палестинского народа в родине».

Когда ситуация, казалось, созрела для позитивного исхода, возникли три новых обстоятельства, вновь радикально перемешавших все карты в регионе. Это были поездка Садата в Иерусалим, военная интервенция Израиля на юге Ливана, Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем при американском посредничестве.

«Я никогда не видел такого волнения и энтузиазма... люди плясали на улицах... За эти три дня все, не отрываясь, смотрели телевидение, никого больше не осталось на улицах. Это было нечто невероятное»¹⁰. Так рассказывал о визите Анвара Садата в Израиль бывший председатель Совета министров Франции Пьер Мендес-Франс, присутствовавший в те дни в Тель-Авиве, так же как и наш Витторио Орилья, в связи с участием в симпозиуме по вопросам арабо-израильского диалога.

Действительно, этот потрясающий и беспрецедентный визит наделал много шума и за пределами Израиля. Впервые лидер арабской страны ступил ногой на землю Израиля, признав тем самым государство, основанное в 1947 году и до

той поры презрительно называемое во всех арабских странах «сионистским образованием». Ликование израильтян, а также всех, кто усматривал в этом шаге возможность налаживания отношений, основанных на сосуществовании и мире между государствами региона, было, таким образом, полностью оправданным. В своей речи в кнессете Садат не только уделил внимание интересам Египта, главным из которых был возврат Синая, но и выступил выразителем законных чаяний палестинского народа: «Вы должны понять решимость палестинского народа создать свое государство, тем более на своей родине». Правда, при этом он ни разу не упомянул ООП, но в израильском парламенте этот вопрос никогда не обсуждался подобным образом. Озабоченный последствиями, которые могло вызвать это выступление, Бегин поспешил ответить, что территории, кое-кем называемые оккупированными, были попросту освобождены: «Мы не захватывали ничьих чужих земель. Связь нашего народа с этой землей установилась на заре истории человечества и никогда не прекращалась»¹¹.

Реакция ИКП была осторожной, и «Унита» не присоединилась к ликующему хору значительной части других газет. В отличие, однако, от большинства арабских стран, обвинявших Садата в предательстве, и Советского Союза, давшего суровые отрицательные оценки инициативе египетского «раиса», мы не могли осудить акт, направленный на конструктивный диалог между сторонами, которому мы желали успеха. С другой стороны, мы видели рискованность этой частной и односторонней операции, не согласованной с другими заинтересованными сторонами, в особенности с палестинцами. Своим жестом Садат стремился наметить выход для палестинцев, ставивший их объективно под иорданско-израильскую опеку (потому он и не упомянул ООП), исключив из будущих переговоров по созданию нового порядка в регионе Советский Союз и предложив американцам и израильтянам себя в качестве лидера умеренной арабской группировки. Если таковы были его намерения, то становилось ясно, что «глобальное и равноправное» решение ближневосточного кризиса в целом оставалось весьма далеким даже после его эффектного визита в Тель-Авив и Иерусалим. Тем не менее мы не могли разделить реакцию тех арабских стран

(Ливия, Сирия, Ирак, Алжир, Йемен), которые в начале декабря собрались в Триполи совместно с ООП и создали так называемый «фронт стойкости». Эта сектантская акция, наряду с обвинением Садата в «государственной измене» и требованием создания единого арабского фронта для его свержения и бойкота Египта, внесла в арабский мир элемент крайней радикализации и очередного раскола. В ООП немедленно возвысили голос все противники любой открытости, налившие на Арафата вину за то, что своими неприемлемыми уступками на 12-й и 13-й сессиях НСП он открыл путь Садату. Надо было, говорили они, вернуться к линии четкого противостояния и возобновлению вооруженной борьбы. У Арафата не оставалось иного выхода, как уступить, по крайней мере, на время, этим новым настроениям и вновь пойти навстречу Асаду, что было, на наш взгляд, шагом назад.

Именно в этой новой обстановке руководство партии поручило Пайетте и мне отправиться, во второй половине января 1978 года, с новой миссией в Ливан, Сирию и Ирак. Об этой поездке я вспоминаю как об одной из самых трудных и утомительных не только из-за сложности передвижений, но, главным образом, из-за огромного числа встреч и особой их напряженности. На этот раз мы начали с Арафата, ибо хотели лучше понять, насколько он разделяет задачи, намеченные в Триполи руководством «фронта стойкости», и какие перспективы вырисовываются теперь перед ООП. Мы встретились с Арафатом в новом, чуть более уютном помещении в древнем мусульманском квартале Фахани, в Западном Бейруте. С ним были Абу Джихад и Фарук Каддуми, вернувшийся с Ассамблеи Организации Объединенных Наций, где он выступил с пламенной речью против визита Садата в Иерусалим. Арафат знал, что встреча на высшем уровне в Триполи и быстрое согласие с ней ООП вызвали у нас сильное замешательство. Он тщательно подготовился к нашей встрече и взял на нее своих главных помощников. Арафат очень дорожил хорошими отношениями с ИКП и восхищался (о чем мы узнали позже) способностью нашей партии к выработке автономных позиций, ее независимостью и самостоятельностью суждений. Он захотел узнать новости о Берлингуэре и поинтересовался реакцией на его ставшую уже знаменитой речью о демократии, плюрализме и свет-

ском, не идеологическом государстве, произнесенную в по-
ябре в Кремле по случаю 60-летия Октябрьской революции.
Затем Арафат заговорил о Ливии. Пайетта сгорал от нетер-
пения сразу же приступить к делу. Арафат же, напротив, сле-
довал китайскому правилу, что лучше обойти гору, чем лезть
на нее. Затем выступил Каддуми, с необычной резкостью
отозвавшийся о Сирии. Стоило задуматься, чем было вызва-
но столь решительное начало. Пайетта уже понял, в чем дело:
нас хотели подготовить к поездке в Сирию и внушить, что
кривотолки о том, будто Арафат пошел на поводу Асада, не
соответствуют действительности. «Мы поговорим и с сирий-
цами», — отрезал Пайетта, которому не терпелось перейти
к разговору о диалоге, продолжавшемся между Египтом и
Израилем и приведшем после визита Садата к еще двум зна-
чительным последствиям. Это была, во-первых, Кипрская
конференция (14 сентября), задуманная ее инициаторами как
альтернатива Женевской конференции, но в которой при-
няли участие только Египет, Израиль и Соединенные Шта-
ты да представитель ООН и посланник Ватикана. Ливан,
Сирия, Иордания, ООП и Советский Союз от участия отка-
зались. Затем, на Рождество, в Иσμαилии состоялась встреча
между Садатом и Бегинем, в ходе которой израильский пре-
мьер изложил свой план мира, представленный до этого
кнессету. В нем предусматривался вывод войск с Синая в те-
чение трех лет и переход от военного к гражданскому управ-
лению на оккупированных территориях. «Автономия, — уточ-
нил Бегин, — не означает, что Израиль отказывается от сво-
его суверенитета над Трансиорданией и сектором Газа. Мы
имеем священные права на эти территории Израиля, эта наша
земля. Их жители могут избрать израильское или иорданское
гражданство; безопасность и общественный порядок оста-
ются компетенцией израильских властей, так же как и посе-
ления — под израильской юрисдикцией». Этот режим дол-
жен был продлиться пять лет, после чего войска Израиля
будут выведены, но автономия не приведет к какому-либо
самоопределению, в том числе и потому, что нет никакого
«палестинского народа», а есть лишь «арабы из Палестины».
Для Садата это был тяжелый удар, так же как и отказ от веде-
ния каких-либо переговоров по Иерусалиму. «Никто в ара-
бо-мусульманском или в христианско-маронитском мире, —

говорила египетский президент, — не согласится с израиль-
ским суверенитетом в отношении арабской части Иерусали-
ма». Но он все еще надеялся, что по этому вопросу можно
вести переговоры. Пайетта подытожил результаты дискуссии
в Италии. Министр иностранных дел Арнальдо Форлани ска-
зал в парламенте, что «инициатива президента Садата выз-
вала противоречивые суждения». Оценка правительства со-
стоит в том, что «оно ценит и благоприятно относится к
ней, ибо смелая попытка египетского президента предус-
матривает необходимость перекинуть мост через пропасть
неверия, разделяющую заинтересованные стороны»¹².

Позиция правительства совпадала не полностью с по-
зицией партий большинства так называемого «не недоверия»,
которые в резолюции, подписанной Фламинио Пикколи
(Х/ЦП), Адольфо Батталья (ИРП), Алессандро Натта (ИКП),
Винченцо Бальзамо (ИСП), Альдо Боцци (ИЛП), Луиджи
Прети (ИСДП), призвали правительство «не полагать рук
для поддержки всех усилий на Ближнем Востоке, направ-
ленных на скорейший созыв Женевской конференции за
справедливый мир в соответствии с принципами и решени-
ями ООН, с участием всех народов и заинтересованных го-
сударств, включая и представителей палестинского народа».
Арафат захлопал в ладоши — такие позиции устраивали и
его. Но они весьма отличались от тех, которые были одобре-
ны в Триполи «фронтом стойкости». И ему предстояло это
объяснить. Арафат начал издаека, с решений последних
национальных советов и постоянных зигзагов американской
политики. Как, например, американцы отреагировали на
шаги, предпринятые на 12-й и 13-й сессиях НСП? Киссин-
джер с большим чванством не принял их даже во внимание.
Палестинцы, рассеянные по разным странам, всегда остава-
лись для него беженцами, заслуживающими лишь матери-
альной помощи, а тех, кто жил на территориях так называ-
емого «иорданского опциона», надо было, по его мнению,
отдать под опеку короля Хусейна. Затем к власти пришли
Картер и Вэнс, проявившие, по крайней мере вначале, не-
сколько иные намерения. Они стали говорить о палестинцах
как о народе, имевшем свои права, в том числе право на
землю и родину. Вэнс договорился с Громыко о созыве но-
вой конференции в Женеве, и хотя ООП не могла признать

резолуцию 242 в качестве ее основы, она проявила все же готовность принять в ней участие. Неожиданно все изменилось. Картер написал Садату, чтобы он не тратил время на ООП, которая «должна быть вычеркнута» из числа действующих сторон, а начал бы прямые переговоры с Израилем. «Что получил Садат в обмен на свой визит в Израиль?» — задал саркастический вопрос Арафат. — В обмен он получил так называемый «план мира» Бегина, который считает оккупированные территории своего рода «бантустаном»... Пусть всем будет ясно — мы никогда не примем этот план. Мы никому не продадим национальную самобытность нашего народа и нашу самостоятельность». Арафат был блестящим и умелым собеседником. Единственным кредо, служившим, казалось, источником его страсти, была национальная борьба его народа. Но ответы, которые он давал Пайетте по поводу встречи в Триполи, приходилось, как говориться, читать между строк. «Что делать?» — вопрошал Арафат. «Не стоит обольщаться словами Садата о палестинцах, поскольку единственная перспектива, которую он наметил для них, сводится к зависимости от других. Именно поэтому он не заикнулся об ООП. Садат рядится в одежды нового фараона, но с нами этот трюк не пройдет». Мы должны были, сказал Арафат, как-то отреагировать на его продажный замысел. Конечно, было бы лучше, если бы все арабские страны объединились в своем отпоре. Но главная ответственность лежит, конечно, на Соединенных Штатах, которые и при новой администрации пошли по пути сепаратных соглашений. «Американцы должны понять, что без прямых переговоров с ООП они не добьются мира в регионе», — с силой подчеркнул Арафат. Затем палестинский лидер упомянул о правительствах европейских стран, особенно Средиземноморского бассейна. Их выступления, сказал он, хороши с принципиальной точки зрения, но не эффективны на деле. Им надо бы действовать, выдвигать самостоятельные инициативы, оказывать влияние на американского союзника. «Безопасность и мир в Средиземноморье касается их тоже, а без решения ближневосточного конфликта в нем не будет ни мира, ни безопасности». С этим Пайетта был согласен, да и ИКП, впрочем, выступала в том же направлении как в национальном парламенте, так и в рамках Европы. Но он не удержался

и вновь вернулся к встрече в Триполи. Разве группа, сплотившаяся на основе противодействия египетско-израильской инициативе, спросил он, так уж подходит для того, чтобы вызвать широкий отклик и солидарность? На этот раз Арафат сослался на необходимость максимально заботиться о внутреннем единстве палестинской организации. «Поговорим об этом позже, — сказал он, — после того, как вы услышите, что вам скажут Хаббаш и Хаватмех». (С обоими лидерами НФОП и ДФОП мы действительно увиделись на следующий день, и оба, хотя каждый по-своему и в разных выражениях, требовали изменения стратегии ООП в связи с инициативой, проявленной Садатом.) По окончании ужина глава ООП, прекрасно понявший обеспокоенность Пайетты, решил нас ободрить. «Палестинцы, — сказал он, — не изменят своей стратегии, но без всеобщего и равноправного соглашения не будет решения конфликта. Скоро это поймут и те, кто собирался в Каире». Именно это он хотел нам сказать напоследок. В отношении Ливана, по мнению Арафата, в Европе бытовало мнение, будто гражданская война уже кончена и нынешнее равновесие продлится долго. Но это — заблуждение. Сейчас в тайне вынашиваются планы раздела Ливана, и за Сирией последует «сионистский заговор», претендующий на свою долю. Уже теперь юг Ливана захвачен правыми ливанскими силами. «Вот увидите, скоро мы подвергнемся нападению». Арафат считал, что вскоре после того, как Израиль прикроет свои тылы путем соглашения с Египтом, он сразу же перейдет в наступление на севере. Это пророчество, надо сказать, оказалось верным. Стало понятно, почему в Ливане надо было поддерживать прогрессивные силы и искать договоренности с президентом Саркисом.

В верности высказываний Арафата мы вскоре убедились на наших встречах с Национальным движением и премьер-министром Салимом Хосом. Национальное движение представляло собой странную смесь. В него входили просирийская партия, единственная задача которой состояла, казалось, в том, чтобы обосновать сирийское военное присутствие в стране; мусульманская шиитская группировка «Амаль», стоявшая на явно экстремистских позициях, как, впрочем, и проиракское движение БААС. Наиболее существенными силами в стране были коммунистическая партия и социалист-

тическая прогрессистская партия Джумבלата, хотя его сын Валид, унаследовавший партию от покойного Камала, не обладал ни его харизмой, ни культурно-политическим видением. Жорж Хауи, секретарь Ливанской компартии, решительно выступал за пакт национального примирения под гарантией президента Саркиса. Требовались, однако, бо́льшие усилия для достижения национальной солидарности ливанскими прогрессивными силами. В отличие от Хауи Джумблат возлагал на Сирию главную ответственность за то, что происходило в Ливане. Он сразу же указал на эту страну как на виновницу убийства отца, затем обвинил ее в намерении разделить Ливан на четыре провинции и добиться создания «великой Сирии» и, наконец, зная о нашем завтрашнем выезде в Дамаск, поведал нам о том, что в Сирии подспудно зреет нечто вроде гражданского неповиновения, примером которого являются, по его словам, результаты только что прошедших там выборов, в которых приняло участие всего 6% населения. Ливанцы, сказал Джумблат, сами найдут путь к примирению, если удастся отправить домой сирийцев и сдержать израильтян на юге. В этом направлении сторонники Джумבלата ждали помощи от нас и от европейских демократов. Сам Джумблат собирался поговорить об этом на совещании Социалистического интернационала. Это была весьма упрощенная схема, к которой мы отнеслись с большим скептицизмом. Премьер-министр Селим Хос не произвел впечатления очень влиятельного человека. Он жил словно в изоляции, во дворце, утопавшем среди кедров и кипарисов на холме к югу от Бейрута. Несмотря на занимаемый им высокий пост, он казался человеком, предоставленным самому себе.

Беседа с Хафезом Асадом в Дамаске мало чем отличалась от привычного сценария, по которому проходили все встречи с сирийским президентом. Гость намечал темы, ради которых испрашивалась встреча, затем президент, спокойно и не повышая голоса, отвечал на поставленные вопросы. На встречах с Асадом трудно было рассчитывать получить новые сведения или вызвать обсуждение какого-либо вопроса. Дело в том, что перед встречей с президентом проводилась беседа с делегацией БААС примерно в таком же составе, на которой должны были обсуждаться спорные вопросы, могу-

щие вызывать напряженность. Так происходило и на сей раз. Изначально мы встретились с делегацией во главе с заместителем генерального секретаря БААС Абдулахом аль-Ахмаром вместе с министром иностранных дел Абделем Халимом Халладом. Наши оговорки в отношении «помощи ливанцам направленной, по их словам, на то, чтобы помешать братоубийственной войне, сирийцы сочли непонятными, а наши требования насчет вывода сирийских войск и вовсе исполнимыми. Разве мы хотим продолжения гражданской войны или разгрома христиан-маронитов? В таком случае другие не стали бы сидеть сложа руки. Джумблат, по их словам, не хотел, что не надо пытаться теснить христиан. Кроме того, мы упрекали в том, что мы проявили недостаточную ясность в критике Садата и его намерений заключить отдельные сделки с Израилем. «Как можно не понимать, что все это является частью американского плана достижения господства в регионе?» — воскликнул с пафосом министр иностранных дел Халлад. Педагогические средства воздействия менее всего убеждали Пайетту, особенно когда они применялись к нему самому. Он еще с утра не мог прийти в себя из-за того, что встречу с секретарем Сирийской компартии Халедом Баллом пришлось проводить в помещении БААС, да еще с помощью переводчика, предоставленного этой партией. Не то чтобы мы ожидали услышать бог весть какие новости от Бабдаша, но нам не хотелось, чтобы он чувствовал себя вынужденным говорить в унисон с руководителем БААС. Точка зрения ИКП, сказал Пайетта, не совпадает с сирийской, а сирийское вмешательство из временной акции превращается в постоянную. Ливан, таким образом, ущемляется в своей целостности и суверенности. От этого особенно страдают те силы, которые на своей родине вынуждены были терпеть засилье христианско-маронитского меньшинства. Джумблат боролся за пересмотр веса и власти различных общин, поэтому его поддерживали. «Кому-то это, очевидно, пришлось не по вкусу», — каверзно вернул тут Пайетта, и нашим собеседникам ничего не оставалось, как только проглотить это замечание с видом неудовольствия. ИКП тоже не нравилось, продолжал Пайетта, что Садат в одиночку ведет переговоры с израильтянами, и она не упускала случая, чтобы критиковать его, в том числе и публично. Но вместо того,

чтобы ограничиться одним осуждением, было бы полезно расширить сферу переговоров на все заинтересованные стороны, и прежде всего на палестинцев. «Для нас, — отметил Пайетта, — единственный путь решения ближневосточного конфликта состоит в переговорах между всеми вовлеченными в него сторонами и в признании всех прав, включая право палестинцев на землю и родину и право Израиля на существование и безопасность».

Почва для встречи с президентом была, таким образом, достаточно расчищена в том смысле, что доводы той и другой стороны были ясно изложены. Асад оставил за собой возможность подвести итоги с высоты своего неоспоримого авторитета. Первое — относительно вмешательства в дела Ливана. Вопреки весьма распространенному, но малоправдоподобному мнению, сказал президент, сирийское вмешательство было направлено не против прогрессивных сил и ООП, а как раз на их спасение. Без сирийских войск они были бы смяты правыми, а Ливан распался бы на множество мелких государств, построенных по конфессиональному признаку. Это стало бы настоящим подарком Израилю и Соединенным Штатам. Кроме того, ООП действовала так неосмотрительно, что вызвала недовольство большей части ливанского населения. «Палестинцы не могут управлять Ливаном, как если бы он был их государством... Даже в Сидоне, где есть левое большинство, была объявлена всеобщая забастовка против палестинцев». Сирийский президент считал возможным не принимать во внимание фалангистские нападения и трагедию Талл аль Заатара, но подчеркнул свою заботу о правах палестинцев («дело палестинцев — наше дело»). Имя Арафата ни разу не было им произнесено. Затем последовали более прямые ответы на наши вопросы. Настаивать на проведении Женевской конференции — пустая затея, разве не ясно, что Соединенные Штаты и Израиль не имеют никакого желания идти на конференцию и что даже Садат и король Хусейн хотят удовлетворить свои стремления с помощью сепаратных договоров? Инициатива Садата достойна порицания главным образом потому, что она затруднит, а не облегчит мирный процесс, который, для того чтобы считаться таковым, должен затрагивать весь регион, а не отдельную страну. Затем Асад сделал очень важное заявление. «Мы не из тех, —

сказал он, — кто хочет сбросить в море евреев, но мы хотим полностью утвердить наши права, и прежде всего право освобождать наши земли». В конце беседы всегда сдержанный президент вложил несколько больше страсти в свои слова, когда высказался за улучшение отношений между нашими двумя партиями. Его сотрудники поняли это буквально и подготовили в одностороннем порядке заключительное коммюнике, восхвалявшее «великую дружбу», «плодотворные отношения» и т.д. и т.п. Вокруг этого коммюнике развернулась небольшая детективная интрига. Пайетта не придавал значения сообщениям в печати. В 1976 году он вернулся из Болгарии, даже не прочитав совместного документа, в котором были вновь вытасканы на свет такие формулировки, как «пролетарский интернационализм», «марксизм-ленинизм», «международное коммунистическое движение», снятые за десять дней до этого на Берлинском совещании коммунистических партий Европы. Помню, какие горячие споры вызвал среди нас документ, привезенный Пайеттой. Даже Берлингуэр был раздражен. Пайетта же и бровью не повел. «Ведь коммюнике не играют никакой роли», — говорил он. И здесь, в Дамаске, он не захотел читать заключительное сообщение и долго ворчал, что я зря так внимательно в него вчитываюсь. Наконец, я сказал ему, что, на мой взгляд, оно абсолютно неприемлемо. По многим вопросам нам приписываются оценки, не совместимые с действительностью. Это было слишком даже для Пайетты, который сразу же предложил самое простое и быстрое решение — отказаться от всякого коммюнике. В конце концов, мы же предупреждали, что не хотим никакого коммюнике. Но сирийская делегация ни за что на свете не согласилась бы отказаться от заключительного документа. Тогда началась работа по его перелицовке, правке и переправке, и все это — на фоне все более настойчивых требований «команды, заправлявшей полетом», не желавшей «откладывать запланированный рейс». После бесчисленных понуканий для ускорения работы я сухо возразил: «Да публикуйте что хотите, все равно мы дадим опровержение в газете». Маневр удался, и сирийцы вынуждены были довольствоваться парой страниц, из которых исчезли всякие упоминания о Ливане и роли Сирии, о сионизме-расизме и самой отрицательной части в оценке инициативы Садата. Мы

отказались от своей формулировки в отношении Женевской конференции, но взамен добились того, что была принята наша поправка по палестинскому движению: «Обе делегации выразили свое убеждение в том, что палестинский вопрос представляет собой невралгический узел конфликта, возникшего на Ближнем Востоке, и что его справедливое и долговременное решение не может быть достигнуто без полного ухода израильской стороны с оккупированных территорий и без гарантии права палестинского народа, представляемого ООП, самостоятельно строить свое государство и получить родину»¹³. «А ты не мог раньше выступить со своей угрозой? — ворчливо спросил меня Пайетта, когда мы уже летели в самолете. — Мы бы выиграли время». Я хорошо знал Пайетту и понял, что он доволен и что для него это был способ выразить свою благодарность.

В Багдаде встреча с делегацией БААС была организована несколько наспех. У иракцев, похоже, не было особого желания обсуждать вопросы, связанные с Ближним Востоком, а вступление к беседе («с сионистами не может быть никакого диалога») выглядело скорее как заключение. Единственно, кто мог добиться взаимопонимания с сионизмом, сказали они, были реакционные арабские страны или капитулянты типа Садата. Замечания удостоилась и ИКП. Без особой дипломатии Раззаз заявил, что и от нас ожидали, что мы займем «более решительную позицию против сионизма». Но время-де не потеряно, поскольку борьба с сионизмом — «дело долгое». Большой интерес делегация БААС проявила к отношениям и обмену с Европой и отдельными европейскими странами. «Мы взаимно дополняем друг друга: у нас есть нефть, у вас — технология. На этой основе мы можем развивать взаимовыгодные связи». Но и тут, по мнению Раззаза, должно соблюдаться правило, согласно которому действовать надо тем странам, которые занимают ясные антиимпериалистические и антиссионистские позиции. Пайетта с едкой заметил, что понятие «антисионизм» не предусмотрено ни одной конституцией ни в одной европейской стране. Значительная часть выступления Раззаза была посвящена успехам БААС и великим результатам ее политики. Почему мы не попросили о встрече с генеральным секретарем партии, заместителем председателя революционного

совета Саддамом Хусейном, а захотели только увидеться с председателем, генералом Асаном аль Бакром? (Помимо всего прочего, Аль Бакр чувствовал себя неважно.) Казалось, иракцы были обижены этим. Пайетта поспешил уточнить, что мы охотно встретились бы и с Саддамом Хусейном. Но тот ответил на нашу промашку тем, что не пришел даже на официальный ужин с нами. Сам ужин оказался малоприятным. За большим столом, кроме членов обеих делегаций, сидели почти все члены иракского правительства, среди которых были два представителя иракской компартии. С одной стороны, наши хозяева из БААС не жалели слов для похвалы созданному ранее Национальному фронту. С другой — они обходились с представителями других партий как с дальними и немного придурковатыми родственниками. Пайетта был явно возмущен таким отношением, но никто на это не реагировал. Только позже, после возвращения в гостиницу, к нам заехали оба коммуниста и попросили о встрече на следующий вечер с руководством их партии. Все было организовано с соблюдением полной конспирации: выход через черный ход из гостиницы в 11 вечера, долгая поездка к темному кварталу на далекой окраине, въезд на машине прямо в гараж и, наконец, подъем по внутренней лестнице в комнату с тщательно занавешенными окнами, где среди невероятного шума нас ждали 10—12 человек. Почти на полную громкость одновременно работали радио и телевизор. Нам красноречиво показали рукой на стены, призывая к бдительности: нельзя было исключать, что в разных углах установлены подслушивающие устройства. В довершение всего многие присутствовавшие принялись колоть орехи и тут же предлагать их нам. Нам объяснили, что Фронт сводился к чистой фикции, в последний раз он собирался в феврале 1977 года. Всем заправляла БААС. Не лучше обстояло дело и с правительством: Совет министров собирался раз в два года. Компартия вела себя осторожно, чтобы не ухудшить свое положение. 38 человек из ее крупнейших руководителей были приговорены к смертной казни и сидели в тюрьме. Приговор не приводился в исполнение, но и осужденных не освобождали. Режим использовал их в качестве дамоклова меча над головой партии, перед которой были тем временем поставлены весьма четкие условия: запрет на любую партийную деятель-

ность в армии, отказ от проведения общественных демонстраций и от печатной пропаганды. В этой обстановке коммунисты сочли за благо перевести всю партийную организацию, кроме руководства, на нелегальное положение. Хоть это и кажется невероятным, но и в этих условиях влияние партии возрастало, особенно среди рабочих и молодежи, а также в сфере образования. Вот почему БААС усилила контроль за их деятельностью. Руководители страны были обеспокоены и растущим обострением курдского вопроса.

«Как прошла ночью встреча с вашими друзьями коммунистами?» — спросил с усмешкой Раззас на следующий день, сопровождая нас на машине в президентский дворец. Ему хотелось показать нам, что от них ничего не скроешь и что бесполезно прибегать к полуполюгальным уловкам, применяемым местными коммунистами. Пайетта отделался коротким «хорошо» и, чтобы сбить с него самодовольство, принялся расспрашивать о курдах.

Встреча с председателем Революционного совета Аль Бакром проходила по сложному и, по правде говоря, забавному сценарию. В сопровождении нескольких служащих и охранников президента нас ввели сначала в небольшой, но богато украшенный зал в типично восточном стиле, затем в более обширное помещение и, наконец, согласно известному одним принимающим распоряжку, в настоящий тронный зал. Длинный красный ковер вел к центральной ложе, у подножия которой на весьма неудобную скамью усадили меня, затем на несколько ступенек выше, у входа на помост — Пайетту. Далее возвышалось нечто вроде огромного трона, на котором пока еще никого не было. Но вот появился Асан аль Бакр в сопровождении нескольких функционеров и двух переводчиков, один из которых разместился рядом с ним, а другой — рядом с Пайеттой. Аль Бакр был пожилой и довольно дряхлый человек. Крайне медленно и с большим трудом он поднялся по ступеням и с явным облегчением опустился на трон. У него были бескровяные руки и лицо, похожее на восковую маску. Пайетта, ерзавший, скорее, от неудобства непривычного размещения, попытался вкратце изложить наши позиции по Ближнему Востоку и по некоторым специфическим вопросам, например, палестинскому. Ему было известно (нас об этом заранее предупредили), что

беседа, с учетом здоровья председателя, не могла продолжаться слишком долго. Председатель выслушал нас, застыв словно статуя. Его ответ звучал кратко и не допускал возражений, оценки были отрывисты и категоричны. Он начал с решения ООН, принятого в 1947 году, и раскритиковал его без всякой жалости, ведь это было несправедливое решение, наносившее удар по правам других народов. Ирак никогда с ним не согласится. Конфликт, заливавший кровью Ближний Восток, был с самого начала связан с этим несправедливейшим актом, и поправить дело можно было лишь одним способом, а именно позволив палестинцам вновь вернуться на землю своих отцов. Но добиться этого можно только путем вооруженной борьбы против «сионистского образования». Никакой компромисс не возможен. «Кто такие Картер, Хусейн, Садат по сравнению с арабским народом?» Далее последовала фраза, леденящая душу своей угрожающей тональностью: «Садат заплатит за все, что он сделал». Пайетта позволил себе заметить, что не только нам, но и некоторым арабским странам, а также самому большинству ООП разумные переговоры представляются единственным и наиболее реалистичным путем, который мог бы вернуть мир в регион. Аль Бакр признал, что арабский мир расколот, но это дело преходящее. «Они будут изгнаны самими народами... Надо только иметь терпение, а мы умеем ждать. История на нашей стороне». Идея переговоров — это попросту обман, потому что в любом случае они узаконят узурпацию прав и земли арабо-палестинцев, а также поселение на ней евреев, применивших для этого силу. А это неприемлемо в любом случае и во все времена. «Мы знаем, что революция будет длиться еще очень долго и что перед будущими поколениями встанет та же проблема. Но мы закалены историей и подготовлены. Потребуются сто, двести, может быть, пятьсот лет, но мы скинем евреев в море и вернемся на свои земли».

Из президентского дворца мы вышли с тяжелым сердцем. То, что мы услышали, было не только обескураживающим, но и прямо-таки тревожным.

«Но ты понимаешь, скольких интриганов и лицемеров мы с тобой выслушали за эти две недели?» — это была первая фраза, с которой Пайетта обратился ко мне в самолете по пути домой. Я думал, он спит, а он просто с закрытыми

глазами перебирал в уме различные этапы долгого путешествия и множество разных людей, с которыми мы встречались, и мысленно делал выводы. Первый состоял как раз в том, что многие с нами лукавили. Иракцы, к примеру. Они хотели выглядеть открытыми людьми и плюралистами, но были просто деспотичными, как и их строй. Председатель Революционного совета вставал в позу несгибаемого борца, но Ирак уже практически вышел из «фронта стойкости», и было известно о его сближении с королем Хусейном. Асад не опровергал самого себя, будучи гибким и осторожным человеком, но и он проводил политику, отличную от той, которую провозглашал. Асад надолго вступил в Ливан с молчаливого согласия врагов и теперь хотел поставить под свой контроль палестинское движение. Это было для Пайетты самой болезненной занозой. Из поездки он вернулся удрученным и на заседании руководства партии утверждал, что ждать надо не улучшения, а ужесточения конфликта. Того Пайетты, который еще в начале 70-х годов говорил об «арабской нации» и «арабском социализме», попросту больше не было.

Израильское вторжение в Ливан

В марте 1978 года израильское правительство привело в действие тщательно разработанный план частичного ввода войск в Ливан. 28 тысяч солдат и сотни танков вошли в Южный Ливан и закрепились на реке Литани. Объявленной целью этой операции было уничтожение палестинских баз, скрытой — создание на постоянной основе широкой «полосы безопасности» и использование вод реки Литани. Это привело к дальнейшему распаду Ливана и новому тяжелому удару по палестинской организации. И вновь ни одна арабская страна не пошевелила и пальцем. Был поднят обычный пропагандистский шум, но не более. Египет продолжал переговоры с Израилем, Иордания по-прежнему надеялась присоединиться к ним, Сирия сделала все, чтобы не дать себя вовлечь в конфликт, и ее солдаты оставались расквартированными в Бекаа. Она безмолвно взирала на то, как Ливан под сурдинку раздирается на части. Последовали обычные протесты со стороны ООН и направление в мае «голубых касок» для разъединения противостоящих сторон на новом рубеже по реке Литани.

С 5 по 17 сентября Садат и Бегин обсуждали в Кэмп-Дэвиде, при посредничестве американского президента Картера, условия соглашения, которое в марте 1979 года приведет к заключению мира между Египтом и Израилем в Вашингтоне. Договором предусматривалось, что Египет в течение трех лет вернет себе Синай и на оккупированных территориях на смену военному управлению придет через 5 лет

самостоятельное гражданское управление. Конечной целью соглашения станет установление самоуправления на Западном берегу и в секторе Газа. Ни слова не говорилось о самоопределении палестинского народа. Более того, Бегин добился, что речь будет идти не о палестинском народе, а лишь о палестинских арабах, и заявил, что Израиль никогда не откажется от суверенитета над этими территориями. Кэмп-Дэвидские соглашения явились фактически первым шагом признание Израилем одной из арабских стран и соответствующего обмена послами. Все остальные параметры ближневосточного кризиса остались неизменными. В дальнейшем ООН не направит свои силы для буферной зоны, предусмотренной соглашениями, и эта роль будет осуществляться, главным образом, Соединенными Штатами при незначительном участии других стран, в том числе и Италии.

Реакция арабского мира была сугубо отрицательной. Собравшиеся в Дамаске страны «фронта стойкости» осудили «предательство» Садата. Отодвинутый в сторону, Советский Союз остро отреагировал на соглашение в своем заявлении, переданном через ТАСС, где соглашения были названы «заговором против народов Ближнего Востока и дела мира». Европейские страны положительно восприняли соглашение и не возвысили голос. Министр иностранных дел Италии Форлани, находившийся 2 сентября с визитом в Израиле, заявил, что путь, открытый Кэмп-Дэвидскими соглашениями, является «правильным, но на нем много трудностей, ловушек и теневых зон, которые должны быть со временем прояснены». Для этой цели надо привлечь, добавил он, все заинтересованные стороны, ибо «палестинская проблема сохраняется и является центральным и решающим аспектом происходящего». От Форлани не укрылись сведения о народных волнениях на оккупированных территориях в связи с подписанием соглашений. Вскоре после этого он будет сопровождать председателя Совета министров Андреотти в поездке по четырем странам: Ливии, Египту, Иордании и Ираку. Это был настоящий слалом, потребовавший сложного лавирования между сторонниками соглашения (в Иордании он будет говорить об «открытых дверях») и его ярыми противниками. Андреотти, выступавший за то, чтобы Италия играла важную связующую роль между арабскими странами Сре-

днемноморья и ЕЭС, назвал эту поездку упованием на то, что «была посеяна надежда на будущее развитие переговоров». Итак, Кэмп-Дэвид представлялся ему лишь первым шагом на пути глобального решения. Так, по его словам, надо было понимать «дух» этого соглашения — «первый и важный шаг для необходимого глобального решения, отвечающего справедливому чаянию палестинского народа... в перспективе проведения глобальных переговоров с участием всех заинтересованных сторон в направлении, определенном Организацией Объединенных Наций».

ИКП дала отрицательную оценку Кэмп-Дэвидским соглашениям, но особо резко их не критиковала. Любопытно, что единственный официальный комментарий по этому поводу появился в коммюнике о результатах беседы в Риме с делегацией Ливийской Джамахирии во главе с Ахмедом Шаати. В сообщении говорилось об «общей озабоченности решением, в котором не принимается в расчет воля арабских стран, прямо заинтересованных в подлинно равноправном и глобальном решении, и игнорируются палестинский народ и его законные права»¹.

В целом это была достаточно умеренная оценка и уж, конечно, самая умеренная из подписанных ливийской стороной, чего нельзя сказать о поведении арабских делегаций, приглашенных несколько месяцев спустя на XV съезд нашей партии (Рим, 30 марта — 3 апреля 1979 г.). Об этом поведении стоит рассказать, поскольку в то время мало кто о нем знал и совсем ничего не было в печати. И без того пришедшие в дурное расположение духа объективными и отнюдь не односторонними оценками Берлингуэра, высказанными в его докладе («...Мы надеемся, что на Ближнем Востоке вновь установится мир на основе уважения законных и справедливых чаяний и прав арабов, израильтян и палестинского народа. Перед лицом мирного договора, заключенного между Египтом и Израилем, мы подтверждаем необходимость достижения в этом регионе глобального и долговременного мирного устройства, которое гарантировало бы целостность и безопасность всех арабских государств и Государства Израиль, а также признание права палестинского народа на создание своего государства»²), делегации некоторых арабских стран, увидев, что среди приглашенных есть также делегация входившей в правящий

блок Национально-демократической партии Египта во главе с известным деятелем, бывшим министром Мохамедом Фатхаллой эль Хатибом, потребовали ее изгнания со съезда, иначе они демонстративно его покинут и сделают публичное заявление. Все это произошло утром второго дня. Мы решили собраться вечером, чтобы решить, что делать. Разумеется, мы ни в коем случае не пошли бы на изгнание приглашенной нами делегации, тем более что приглашена она была по политическим соображениям, противоположным тем, по которым ее хотели изгнать. С другой стороны, нам хотелось избежать дипломатического инцидента, который осложнил бы и без того непростой съезд и неизбежно был бы раздут средствами массовой информации. Пайетта, Сегре, Салати и я начали, с помощью людей, сопровождавших арабские делегации, лихорадочную работу по установлению контактов с ними с целью выиграть время и продолжить работу с протестовавшими делегациями, обеспечивая тем самым их присутствие на съезде. Это сошло с рук во второй день съезда, но на третий арабы нам заявили: или уйдут египтяне, или уйдут они. Но сколько их было? На съезде присутствовали 23 арабские делегации. Неужели все так настроены? Мы принялись расспрашивать одну делегацию за другой. Это принесло некоторые результаты, но не гарантировало от возможных осложнений. Круг непреклонных оставался все еще широким: алжирцы, сирийцы, иракцы, ливийцы и йеменцы. Их отсутствие в гостевой ложе было бы, конечно, замечено. Тогда мы прибегли к хитрости — поручили Агостино Спатаро, делегату от сицилийской парторганизации, как две капли воды похожему на главу делегации иракской БААС, подыскать среди итальянских делегатов людей более или менее похожих на наших арабских гостей и разместить их на месте отсутствующих. Операция удалась на славу. Задача не дать вспыхнуть скандалу и избежать публикации в печати была полностью выполнена. Но мы не ушли от весьма серьезной политической проблемы, требовавшей от нас анализа вопроса, почему наши отношения с партиями арабских стран стали гораздо сложнее, чем в прошлом.

Кэмп-Дэвидские соглашения рассматривались Израилем отнюдь не как первый шаг на пути умиротворения региона.

Добившись мира с Египтом и нейтрализовав короля Хусейна, надеявшегося с помощью автономии, предоставленной оккупированным территориям, вновь вернуться на Западный берег Иордана, Израиль без колебаний послал войска в Южный Ливан, чтобы отхватить часть его территории. Теперь же с помощью массовой кампании по колонизации он понамерился приступить к освоению на постоянной основе Трансиордании и Газы. Израильские заселения, которые по Кэмп-Дэвидским соглашениям должны были быть приостановлены на три месяца в ожидании нового устройства территориального управления, множатся с 1978 года со все нарастающей силой. (С начала 1978 г. до 1982 г. появилось 81 поселение в Трансиордании и 9 — в Газе с населением, превышающем 30 тыс. человек.) Правительство Бегина проводило вполне определенную линию на растущую еврейзацию «освобожденной» территории, оправдывая свои притязания ссылками на Библию. Более того, эти территории будут отныне называться не иначе как Иудея и Самария. Колонизация означала конфискацию земель, контроль и использование гидроресурсов, столь существенных для жизни и экономики этих территорий. Цель, несомненно, заключалась в том, чтобы окончательно утвердить израильский суверенитет над ними с предоставлением автономии арабо-палестинскому населению, которое порвет с ООП и примет новый порядок. Король Хусейн и лидерство, альтернативное ООП, призваны были стать орудиями осуществления этого замысла. Но это не соответствовало «духу» и букве Кэмп-Дэвидских соглашений, в связи с чем Садат живо протестует и даже США вынуждены дистанцироваться от правительства Бегина. Более того, впервые Вашингтон осуждает Израиль в ООН. Это произошло 2 марта 1980 года, когда Совет Безопасности принял резолюцию, назвавшую «незаконными» поселения на оккупированных территориях и рассматривавшую их в качестве «серьезного препятствия делу мира». Резолюция «твердо порицает» проведенную политику колонизации, призывает «ликвидировать» существующие поселения и требует от членов ООН приостановить любую помощь Израилю, «так или иначе используемую в связи с поселениями». Правительство Бегина не учитывало, к тому же, два фактора: отрицательную реакцию в самом Израиле и яростное сопротивление

ние на оккупированных территориях. Эхо все более растущего недовольства в широких кругах израильского общества политикой правительства Бегина долетело и до нас (Пайетты, Сегре и меня), когда в мае 1978 года мы встретились в Риме с секретарем Международного отдела партии Мапам Ариэ Шафиром.

Затем разорвалась «бомба», связанная с именем Даяна. Моше Даян был легендарным человеком, пользовавшимся большой славой, и не только у себя на родине. В январе 1978 года он приехал в Рим в качестве министра иностранных дел и произвел огромное впечатление на всех, кто с ним встречался, в том числе на Джанкарло Пайетту и Серджо Сегре, которые рассказывали о нем с восхищением. Даян твердо и лояльно поддерживал новое правительство вплоть до Кэмп-Дэвидских соглашений. Еще на встрече с Форлани в сентябре 1978 года он утверждал, что израильские поселения не будут ликвидированы и автономия не ставит под сомнение «право» Израиля на эти территории. Год спустя, 21 октября, он пошел на ошеломляющий разрыв с Бегинем при полной поддержке министра обороны Эзера Вейцмана. В интервью, данном газете «Обсервер» и полностью воспроизведенном в газете «Республика»³, отмечались три основных вопроса, лежавших в основе разрыва. Даян не соглашался с тем, что по окончании первого этапа на оккупированных территориях должен быть сохранен израильский суверенитет, и выступал за подлинную палестинскую автономию. На его взгляд, надо было сразу же убрать из Газы и Трансиордании военное управление. Во-вторых, Даян утверждал, что необходимо провести переговоры с арабо-палестинцами, живущими на этих территориях, в том числе «и с теми, кто известен своими симпатиями к ООП». Наконец, ветеран «шестидневной войны» выступал за светскую концепцию государства, «отличную от сионизма нынешнего правительства, находящегося в настоящее время под влиянием националистической религиозной партии».

Другим фактором, являвшимся непреодолимым барьером для осуществления планов правительства Бегина, было сильное сопротивление населения оккупированных территорий, обладавшего теперь хорошо организованным движением. Почти все мэры, избранные в 1976 году, следовали

политике ООП, и никакими преследованиями, снятиями с должностей, арестами, покушениями и отставками невозможно было сломить волю к превращению муниципалитетов в оплот сопротивления оккупации. Наряду с этими институтами возникли различные ассоциации и центр палестинской печати, руководимый Раймондой Тавейль (матерью Сухи, будущей жены Арафата). Против экспроприации и реквизиций поднялось движение, вставшее на борьбу за землю («дни защиты земли»). Высылки, тюремные заключения и первые жертвы столкновений с израильскими военными придали еще больший импульс демонстрациям под палестинскими знаменами.

Настроения населения на оккупированных территориях стали одним из сильных козырей Арафата и его организации. ООП понесла тяжелейшие потери в Ливане и вынуждена была перейти в оборону. Арафат отдавал себе отчет в том, что выйти из создавшегося положения можно только путем укрепления его организации на оккупированных территориях и выдвижения широкой и убедительной политической и дипломатической инициативы. Первой его заботой стала необходимость создать более крепкие союзы в регионе. Сближение с королем Хусейном на этом этапе было абсолютно необходимо. Хотя король счел Кэмп-Дэвидские соглашения «тройанским конем, призванным разрушить арабское единство», он никогда не разрывал до конца отношений с Садатом, даже после того, как Египту был объявлен бойкот другими арабскими странами, а Лига арабских государств была переведена из Каира в Тунис. Арафат был первым, кто приветствовал возвращение Хомейни в Иран (31 января 1979 г.) после свержения шаха, и первым иностранным лидером, посетившим эту страну (17 февраля). Он вновь съездил в Москву и Пекин и с большими почестями был принят в Дели и Токио. Но на этом этапе его больше всего занимала Европа, важный партнер для всего арабского мира и особенно для палестинцев. Как ЕЭС, так и Европейский парламент могли сыграть активную роль в деле проведения новой Женевской конференции и глобальных переговоров. Здесь, кроме того, активно действовали Социалистический интернационал и левые силы, оказывавшие давление в пользу евро-арабского и израильско-палестинского диалога. Внимание и доверие Ев-

ропы могли помочь в отыскании ключа для сближения с Соединенными Штатами, остававшимися решающим элементом начала и гарантированного развития мирного процесса, включавшего все заинтересованные стороны.

В 1979 году Арафат посетил все южные страны Европы — Турцию, Грецию, Испанию, Португалию. Но политически более весомыми встречами были венские встречи в июле с Бруно Крайским и Вилли Брандтом. Крайский — еврей, и его доверие было особенно ценно. Арафат не случайно выбрал именно его, чтобы подтвердить, что «целью ООП является не разрушение Государства Израиль, а создание независимого палестинского государства на каждой пяди земли, с которой уйдут израильтяне». На встрече с Брандтом, президентом Социалистического интернационала и известным деятелем одной из крупнейших стран — членом Атлантического союза и ЕЭС, старым другом Израиля, был сделан важный вывод о том, что «Кэмп-Дэвидские соглашения не являются подходящей основой для желанного мира, поскольку в них обходится такой фундаментальный узловой вопрос, как палестинская проблема». Одним из конкретных результатов этого визита стало открытие постоянных дипломатических представительств ООП в Афинах и Вене, в то время как в других европейских странах ширилось движение за аналогичное признание.

В Италии тем временем продолжалась работа по организации «международной встречи по национальным правам палестинского народа и проблемам мира на Ближнем Востоке». Встреча проходила с 24 по 26 сентября 1979 года в зале парламентских групп палаццо Монтечitorio. В ней приняли участие свыше 40 иностранных делегаций. Организаторы были больше всего заинтересованы в одновременном присутствии на встрече палестинцев и израильтян, которое немедленно отметила печать, поместившая соответствующие сообщения на видном месте. «Впервые, — писала газета «Република», — представитель ООП и депутат кнессета встречаются официально»⁴. Речь шла о советнике Арафата Сидни эль Дажани, возглавлявшем делегацию ООП, и об Ури Авнери, одном из семи членов израильской делегации, выразившей точки зрения различных партий и движений гражданского общества. Столь же важно было и то, что основными докладчиками на

встрече выступали представители крупнейших политических сил Италии — Фраканцани и Санца (ХДП), Синьориле (ИСП) и Пайетта (ИКП). С одной стороны, встреча стимулировала сопоставление позиций и налаживание израильско-палестинского диалога; с другой, расширяла и укрепляла сотрудничество и единство ширившегося движения общественно-политических сил в поддержку глобального и равноправного решения застарелого ближневосточного и израильско-палестинского спора. Намерения сторон оказались довольно сходными. Естественно, между палестинцами и израильтянами сохранялись еще достаточно далекие позиции по основным вопросам, но главное состояло в том, что обе стороны считали необходимым найти политическое решение и понимали, что для этого потребуются прямые переговоры между конфликтующими сторонами. В отличие от предыдущих, эта встреча привлекла внимание правительства, направившего приветственное послание по случаю ее открытия и поручившего новому председателю Совета министров Франческо Коссиге принять объединенную делегацию по окончании встречи. Коссига встретился затем отдельно с представителем ООП в Риме и заверил его «в своей готовности встретиться с Арафатом и в готовности правительства признать ООП». Он попросил лишь подождать, пока не наступит подходящий момент»⁵. В конце встречи был также одобрен текст письма Иоанну Павлу II, готовившемуся к участию в ежегодной сессии Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В письме в подобающих выражениях выражалась просьба к папе выступить в защиту прав обоих народов и признания обеих сторон. Признание ООП и придание дипломатического статуса его представительству в Риме послужили поводом для выдвижения парламентских инициатив, в том числе и со стороны некоторых правящих партий. 26 депутатов от Христианско-демократической партии, список которых возглавляли Сильвестри и Гранелли, присоединились к левым силам, призывавшим правительство сделать шаги в этом направлении. Было маловероятно, что итальянское правительство пойдет вразрез с европейской и атлантической линией, тем не менее преобладало понимание, что эту проблему невозможно бесконечно откладывать. «Италия давно признает, что ООП является значительной силой па-

лестинского движения», — заявил министр иностранных дел Мальфатти, тем самым признавая действительное положение дел, которое не только Израиль, но даже Соединенные Штаты не собирались принимать во внимание. 12 июня 1980 года девять руководителей стран Европейского сообщества собрались в Венеции и приняли известную декларацию, в которой признавалось «как никогда ранее необходимым и неотложным» глобальное решение израильско-палестинского конфликта, которое утвердило бы права обоих народов. Речь шла о необходимости, которую все более ощущали широкие круги общественного мнения, поддерживали общественно-политические силы, а теперь, несомненно, воспринимали и на правительственном уровне. К тому же это было логическим развитием всех позиций, занятых перед этим Европейским парламентом и Европейским сообществом, последней из которых стал отклик (март 1979 г.) на подписание в Вашингтоне Кэмп-Дэвидских соглашений. В обширном и разностороннем заявлении, принятом Европейским советом в Венеции, впервые утверждалось на столь авторитетном уровне «право палестинцев на самоопределение»: «Палестинская проблема, которая не сводится лишь к проблеме беженцев, должна найти справедливое решение. Палестинскому народу необходимо предоставить возможность полностью претворить в жизнь свое право на самоопределение». Весьма веско было сказано и по поводу поселений («незаконные с точки зрения международного права», «серьезное препятствие на пути мирного прогресса»). Пытаясь воспрепятствовать Израилю принять односторонние решения в отношении Иерусалима, которые уже носились в воздухе, в восьмом пункте заявления утверждалось, что «девятка признает особо важную роль, которую приобретает Иерусалим для всех сторон, и подчеркивает, что она не примет никакой односторонней инициативы, направленной на изменение статуса Иерусалима»⁶. «Венецианская декларация» сформулировала наиболее передовые позиции среди когда-либо занятых Европейским сообществом по вопросу о Ближнем Востоке. Она была воспринята с большим одобрением и высоко оценена. Впоследствии с европейской стороны не делалось больше столь же смелых и самостоятельных шагов.

С усилением напряженности в международных отношениях, особенно между двумя великими державами, стало крайне трудно продвигать предложения о необходимости диалога и переговоров по Ближнему Востоку. Мы встретились с Громыко в Риме, и нетрудно было заметить, что после резкого отката назад Соединенных Штатов по вопросу о созыве Женевской конференции и после Кэмп-Дэвидских соглашений, фактически направленных на вытеснение Советского Союза из процесса установления нового порядка в регионе, соперничество обеих великих держав на Ближнем Востоке было обречено на обострение. Краткая разрядка подошла уже к концу, и споры по ракетам, злосчастное военное вмешательство Советского Союза в дела Афганистана и нарастающая напряженность между Ираком и Ираном, приведшая в сентябре 1980 года к войне, которая будет продолжаться восемь лет, положили начало новой главе в истории холодной войны. Дальнейшему ухудшению обстановки способствовали еще два события. Первое — в ноябре 1979 года в Иране были взяты в заложники 52 американских гражданина. Решение вопроса об их возврате растянулось на многие месяцы. С этой целью прибегали и к посредничеству (тому же Арафату удалось вызволить 13 человек, за что он удостоился письменной благодарности от американцев), и к неудачным военным налетам. Застой в решении этого вопроса оказался фатальным для Картера, вместо которого был избран Рональд Рейган. Второе — 30 июля 1980 года конгресс одобрил закон, по которому Иерусалим стал «неделимой» столицей Израиля. Практически это была аннексия, шедшая вразрез с резолюцией Организации Объединенных Наций от 1947 года и резолюцией 242, предусматривавшей для Иерусалима международный статус. В силу этого закона арабо-палестинская часть города насильно включалась в израильскую. Это был вызов всему арабскому миру.

Осенью 1980 года на трехдневном семинаре во Фратокке мы попытались подытожить результаты ближневосточных событий и наметить новые направления и рубежи нашей работы, призванной внести вклад в решение ближневосточного кризиса. Для партии это был не самый лучший момент. Во внутренней политике, после не особо удачного эксперимента с политикой национальной солидарности, шли

споры относительно перехода к демократической альтернативе, что приведет к известному обострению отношений с умеренным центром, особенно с ХДП, а на левом фланге — с ИСП, которую Кракси попытается сделать решающей силой в определении будущих правительств и перевести ее на позиции противостояния с ИКП в надежде подорвать силы последней. Новая расстановка крупнейших политических сил страны могла отрицательно сказаться на позитивных сдвигах, достигнутых в последние годы в деле проведения унитарной внешней политики и отбросить нас к прежнему противостоянию.

15 апреля 1980 года, во время дебатов о доверии второму правительству Коссиги, Кьяромонте заметил в выступлении председателя Совета министров обеспокоивший нас отход от предыдущих его заявлений в речи от 19 марта, в которой тот определенно высказывался за открытие агентства ООП в Риме. «Во вчерашнем выступлении был сделан шаг назад. Почему? — задал вопрос Кьяромонте. — Не потому ли, что среди большинства присутствует Спадолини?»

Что касается международной политики, то позиции, занятые нами по вопросу о ракетах, об интервенции в Афганистане, о Польше, а еще ранее — по НАТО и европейской социал-демократии, испортили наши отношения с СССР и социалистическими странами, а также со всеми их союзниками и партнерами в международном коммунистическом движении, в странах третьего мира и в значительной части арабских стран. В то время как США и умеренные европейские силы продолжали подвергать нас остракизму, стали обнаруживаться проявления недоверия и со стороны наших традиционных друзей. Но самостоятельность мышления и инициативы ИКП обеспечили нам в гораздо большей мере, чем раньше, способность продвижения вперед и возможность оказания воздействия на других. Вилли Брандт, Улоф Пальме и наиболее разумные и открытые руководители Социал-демократии сразу это поняли, так же как и Китай, который именно с ИКП начал пересмотр 20-летней политики раскола и изоляции. Естественно, что этим стремились воспользоваться различные стороны на Ближнем Востоке, и ООП в первую очередь. Арафат усилил свои прямые связи с Берлингуэром путем беспрецедентно активной переписки, хотя и

многочисленной общественности. Первое письмо было написано им 7 сентября 1979 года и доставлено через Фарука Каддуми, посетившего Рим. В нем было высказано очень суровое суждение по поводу Кэмп-Дэвидских соглашений, названных Арафатом «заговором против палестинского народа», и звучал тревожный крик в связи с положением на оккупированных территориях, где усилился «сионистский терроризм». Речь шла также об экспроприации земель и появлении все большего числа новых поселений. В заключение Арафат просил о возможно скорейшей встрече с генсеком ИКП.

В начале декабря Арафат снова обращается к Берлингуэру, чтобы ускорить созыв Женевской конференции и преодолеть таким образом куцые Кэмп-Дэвидские соглашения. Он просит воздействовать на итальянское правительство, чтобы то официально признало его организацию по примеру Парижа, Афин и Вены. 7 декабря Берлингуэр отвечает Арафату (не затрагивая Кэмп-Дэвидских соглашений, о которых он подробно беседовал с Фаруком Каддуми), подчеркивая необходимость сохранения приверженности к политическому решению как единственно возможному пути, несмотря на ухудшение положения как в международном масштабе, так и на Ближнем Востоке. Не скрывая все еще имеющих место многочисленных противодействий, Берлингуэр обещает оказать максимальную поддержку ООП в деле ее признания. Берлингуэр считал, что приезд Арафата в Италию имел бы большое значение и просил рассмотреть такую возможность. Арафат ответил в феврале 1980 года и сообщил, что принимает приглашение и планирует «как можно скорей нанести визит в Италию». Он благодарил за поддержку их дела и за усилия, направленные на признание ООП, а также за резолюцию, представленную парламентариями ИКП (Фанти, Галлуцци и Сегре) в Европейский парламент, осуждающую изгнание мэров Хеврона и Эль-Халиля. В части, касающейся оценок ситуации, была одна фраза, не очень понравившаяся Берлингуэру. В ней речь шла о том, что надо усилить борьбу с империализмом, расизмом и сионизмом и что эта борьба должна быть «общей линией». Вообще, выражения, подобные этому, употреблялись, когда хотели навязать жесткую линию, а это было не то, к чему стремилась ИКП. Поэтому Берлингуэр поручил Пьералли, члену секре-

тариата, и Ремо Салати отвезти ответ прямо в Бейрут, куда они и отправились 11 марта. Отрицательное суждение о Кэмп-Дэвиде, по мысли Берлингуэра, должно было не отбрасывать назад, к конфликту, а, напротив, стимулировать поиск возможности вновь пойти по пути диалога и переговоров, но на этот раз с участием всех заинтересованных сторон и перенесением акцента на палестинский вопрос. Берлингуэр повторит эти концепции Халеду Хасану, с которым он встретится 7 мая в Риме, добавив, что надо сделать все возможное для того, чтобы европейские институты (Совет Европы, Европейский парламент и ЕЭС) приложили больше усилий в этом плане. ИКП вновь выступила с инициативой в отношении Израиля, куда в июне направилась делегация в составе Веккьетти и Орильи. Помимо обычных встреч с коммунистами Ракаха (генсексом Меиром Вильнером и Давидом Хекином) и социалистами Мапама (политсекретарем Элазаром Грано и Виктором Шем-Товом), на этот раз была проведена встреча с представителем лейбористской партии (депутатом кнессета Даниэлем Розолио) и в Министерстве иностранных дел с послом Сасуном, заведующим отделом по европейским делам. Сверх того, был установлен контакт с такими известными деятелями пацифистского движения, как генерал Матти Пелед и Шломо Авинери.

Я вернулся на несколько дней в Бейрут, ибо до нас дошли сигналы о том, что ливанские коммунисты испытывают недовольство в отношении нашей партии и лично Берлингуэра. Генсек партии Жорж Хауи не делал из этого секрета и пожаловался на отсутствие с нашей стороны инициатив откровенно одностороннего характера, подобных тем, которые выдвигались ФКП в Париже как по вопросу о ракетах, так и по Ливану и Ближнему Востоку. Мы, в свою очередь, поинтересовались, намерены ли прогрессивные силы Ливана освободиться не только от израильского, но и сирийского присутствия, а также добиваться суверенитета и целостности страны, но получили ответы, которые не развеяли всех наших недоумений. Я не посмел высказать это вслух, но подумал, что в таких условиях вряд ли существует много возможностей для реализации визита Берлингуэра. Затем я встретился с Арафатом. Он выглядел усталым и постаревшим. Конечно, Арафат высказал большое удовлетво-

рение Венецианским заявлением и вообще инициативами, которые под разными названиями выдвигались в Европе для возобновления переговоров на иной основе, чем Кэмп-Дэвидские соглашения. Он поблагодарил также за то, что делались для признания ООП. У него, однако, сложилось впечатление, что на Западе недостаточно осознают опасность ситуации в Южном Ливане, подвергшемся одновременной оккупации со стороны фалангистов и израильтян, и отсутствует достаточная реакция на политику репрессий, проводимую на оккупированных территориях. Недавние покушения на мэров Рамаллаха и Наблуса, которые были тяжело ранены, явились еще одним свидетельством этого. «Скоро начнется новая война!» — решительно воскликнул Арафат. Ему было известно, что я обязан докладывать обо всем услышанном, и потому он воспользовался случаем, чтобы подтвердить, что их линия остается неизменной, но нам не следует недооценивать выраженную им тревогу.

В промежутке между весной 1981 и весной 1982 годов были отмечены лихорадочные попытки вдохнуть душу в переговоры, чередовавшиеся с вооруженными столкновениями на юге Ливана и возобновлением покушений. В конце марта в Рим прибыл Фарук Каддуми. Здесь он встретился с министром иностранных дел Коломбо и государственным секретарем Ватикана Казароли. Коломбо подтвердил, что Италия по-прежнему придерживается Венецианской декларации, считает «центральной» палестинский вопрос и заявляет о своем благоприятном отношении к участию ООП в мирных переговорах. Те же положения были высказаны кардиналом Казароли, но он проявил и сильную озабоченность в отношении Иерусалима и его христианской общины, уменьшившейся с 1967 года практически с 14 до 7 тысяч человек.

В апреле в Дамаске прошла 15-я сессия НСП, на которой присутствовали Пьералли и Де Паскуале от ИКП и Капанна от ДП. Дискуссия, как всегда, проходила весьма оживленно. В основном обсуждался вопрос, усилить ли вооруженную борьбу или двигать дальше политический и переговорный процесс. Радикальные предложения были отвергнуты, и НСП подтвердил свою прежнюю ориентацию плюс необходимость более глубокого диалога с Европейским сообществом

и дал положительную оценку недавних советских предложений, несколько высокопарно названных «планом Брежнев ва», в центр которых был поставлен созыв Международной конференции по Ближнему Востоку с участием всех заинтересованных сторон, включая ООП. В июне—июле произошло усиление израильской агрессии в Ливане. 17 июля секретариат ИКП выступил с осуждением «неоднократных и безнаказанных налетов израильских бомбардировщиков на народные кварталы Бейрута, повлекших за собой гибель свыше ста и ранение многих сотен людей». Начался новый сбор помощи пострадавшим. Растущая напряженность заставляет новую американскую администрацию обратить внимание на горячие точки на Ближнем Востоке. Рональд Рейган посылает Филипа Хабиба в регион, дабы положить конец столкновениям, рассмотреть возможность направления в Бейрут односторонней посреднической миссии и попытаться решить запутанную проблему политических переговоров, дышавших на ладан. Арафат старается протянуть ему руку и выдвигает предложение о взаимном признании с Израилем. Принимая в своем бункере делегацию парламентариев США во главе с сенатором П. Макклоски, палестинский лидер заявил 26 июля, что он готов признать «все резолюции Организации Объединенных Наций» по ближневосточному кризису. В ответ израильтяне подвергают Западный Бейрут небывалой с момента их вторжения массивной воздушной бомбардировке и выдвигают свои войска вплоть до южных кварталов ливанской столицы. Лишь 12 августа израильское правительство вынуждено под давлением международных кругов и вследствие растущего протеста внутри своей страны приостановить бомбардировки. Именно в эти дни из Саудовской Аравии поступает политическое предложение, содержащее много новых элементов. 7 августа 1981 года на пресс-конференции в Риале наследный принц Фахд представляет план из восьми пунктов, в которых выдвигается требование вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, включая Восточный Иерусалим, предусматривается выдача мандата ООН на Трансиорданию и сектор Газа на переходный период в несколько месяцев, а затем предлагается создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Но подлинно новым пунктом был седьмой, в котором

иницировалось, что «все государства региона будут в состоянии мира в мире». Это была косвенная увязка и с Израилем, равноценная его признанию. И об этом было сказано впервые в документе, который следовало взять на вооружение всеми арабскими странами. Арафат дал знать Фахду, что он готов согласиться с существованием Израиля в обмен на создание Палестинского государства, но страны «фронта стойкости» в Сирии во главе немедленно забраковали этот план. Бурные споры продолжались вплоть до ноября, когда созванное в Фесе бесполезное совещание в арабских верхах было вынуждено положить саудовский план под сукно.

Благородная инициатива Саудовской Аравии была перечеркнута рядом терактов, которые вновь накаляют обстановку во всем регионе. Наиболее шумевшим стало убийство египетского президента Садата 6 октября. За десять дней до этого он встречался в Александрии с Бегиним и предпринял последнюю попытку «дать новый ход предложению о переговорах после 14 месяцев застоя». Он снова поднял вопрос о палестинской автономии, о поселениях, Иерусалиме и необходимости начать прямой диалог также и с ООП. По всем вопросам ему было сказано «нет» израильским премьер-министром. Но Садат был не единственной жертвой. Три дня спустя в Риме был убит агентами израильской разведки заведующий отделом информации ООП Маджед Абу Шаарар.

Соединенные Штаты тем временем ускорили осуществление плана размещения многонациональных сил, посланных на Синай. Эта инициатива была направлена на то, чтобы нейтрализовать одновременно ООН и Советский Союз, резко протестовавших против односторонности американской линии. США пригласили также Италию направить свой контингент, и это вызвало полемику и протесты в нашей стране и парламенте. ИКП сочла «опасным» решение направить итальянские вооруженные силы на Синай и мотивировала свою оценку тем, что «это впервые заставило бы итальянских солдат действовать вне географической сферы действия Атлантического союза». Помимо прочего, «это произошло бы не по просьбе Организации Объединенных Наций, а на основании побуждений, исходящих от Соединенных Штатов, Израиля и Египта. В самом деле, подобное вмешательство означало бы поддержку проекта решения ближ-

невосточного кризиса на основе частичных и односторонних Кэмп-Дэвидских соглашений, отвергаемых палестинцами и большинством арабских стран. Это противоречит установкам, подписанным в Венеции в июне 1980 года»⁷.

В довершение всего в конце ноября Соединенные Штаты и Израиль подписывают договор о «стратегическом сотрудничестве» — настоящем военном союзе, среди целей которого фигурирует «сдерживание советского экспансионизма в регионе». Окрыленное новой поддержкой, израильское правительство решает аннексировать, подобно Иерусалиму, и Голанские высоты. Этот акт подвергается критике со стороны итальянского правительства. Министр иностранных дел Коломбо заявляет, что «политика совершенных Тель-Авивом фактов не такова, чтобы обеспечить мир и безопасность». Кракси также занимает жесткую позицию и говорит об «очередном акте политической безответственности», «опасном направлении политики израильского правительства, противоречащем миру и линии, направленной на переговоры, единственной, которая может обеспечить прочный и долговременный мир»⁸. ООН принимает свою резолюцию (за нее проголосовали и Соединенные Штаты), в которой аннексия считается «недействительной».

Именно в разгар этих беспокойных событий на Ближний Восток выезжает другая делегация ИКП, которую возглавляет Эмануэле Макалузо (вместе с ним едут Тривелли, Салати и Ланнутти). В ее программе — посещение Сирии и Ливана. Главный собеседник — по-прежнему Ясир Арафат. Именно ему адресовано письмо Берлингуэра, которое везет с собой Макалузо. Секретарь ИКП излагает в нем свою озабоченность убийством Садата. Несогласие с Кэмп-Дэвидом не может заслонять верности переговорного пути, на который должны стать все стороны, включая ООП. Поэтому секретарь ИКП дает положительную оценку «плана Фахда» и выражает пожелание, чтобы он вновь был подвергнут серьезному рассмотрению. Далее Берлингуэр объясняет причины противодействия партии посылке итальянского контингента на Синай, главная из которых заключается в том, что это решение было принято вне и против Объединенных Наций. Он настаивает на важности, которую приобрел бы сейчас визит Арафата в Италию. Макалузо и делегация ИКП немедленно узнают о реакции главы ООП на письмо Берлингуэра

поддержка по всем основным линиям позиций секретаря ИКП. По мнению Арафата, от ухудшения международного положения получает выгоду лишь Израиль, который чувствует себя безнаказанным, что поощряет его на проведение и впредь иррессивной и аннексионистской политики. Арафат предупреждает, что Израиль воспользуется своей позицией силы для насаждения поселений в Трансиордании и для того, чтобы вновь напасть на Ливан. Он обращает внимание ИКП на эту «вполне реальную» опасность. Делегация старается отразить в отчете чувство тревоги, которую вызывают эти слова. Берлингуэр, в первой декаде декабря отправившийся с Кьяромонте и Салати в Алжир, вынесет то же впечатление растущей тревоги из беседы с президентом Бенджедидом Шадли и с Мессадией.

3 июня 1982 года покушение на израильского посла в Лондоне Шломо Аргова послужило детонатором для военного вторжения Израиля в Ливан (6 июня). «Ограниченная акция по зачистке» — так она будет представлена в кнессете, где эту операцию, получившую название «Мир в Галилее», поддержат и лейбористы. То, что речь шла не об ограниченной операции, а о настоящей войне, станет сразу же ясно из численности направленного воинского контингента. 40 тысяч солдат с сотней танков и бронетранспортеров под командованием генерала Шарона, получившего печальную известность после этой авантюры, пересекли при поддержке большого числа самолетов и морских кораблей границу с Ливаном. Легко догадаться, что развертывание таких многочисленных вооруженных сил было связано с задачами, выходящими за рамки разрушения баз феодалов, расположенных вне зоны безопасности. Главная из этих задач немедленно станет известной, после того как министр иностранных дел Шамир заявит, что «будут наноситься удары по ООП до тех пор, пока она не перестанет существовать как военная сила». То, что это является основной целью операции, доказывает также факт, что спустя несколько дней после начала агрессии Израиль договорился с Сирией о прекращении огня и при поддержке правых фалангистов Башира Жмайеля бросил огромные воинские силы против левых сил Ливана и преследовал их вплоть до Бейрута. Мир отреагировал немедленно. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась аг-

рессия и требовалось прекращение военных действий и «не медленный и безоговорочный отвод войск». Начальное веторанившиеся догадки о предварительном створе израильтн с новым американским госсекретарем Александром Хейгом Аналогичные требования и протесты поступают от Европейского парламента, в то время как Совет ЕЭС занимает скорее двусмысленную позицию. Заявление с осуждением вторжения в Ливан поступит из Брюсселя 29 июня. В Италии, пока Спадаolini колеблется, Фарнезина выражает глубочайшее осуждение; группа парламентариев ХДП (во главе с Сильвестри и Боналуми) требует отменить запланированный визит Коломбо в Израиль и отозвать из Тель-Авива итальянского посла. Кракси принимает Немера Хаммада и передает ему текст с «серьезным осуждением израильской военной акции со стороны ИСП». Секретариат ИКП, который собирается 7 июня, квалифицирует интервенцию как «грубую и опасную военную акцию, угрожающую миру во всем мире... со стороны правительства Бегина, преследующего свои авантюристские цели», и обращается «к общественному мнению, демократическим партиям, итальянскому правительству с призывом активно вмешаться в наиболее подходящих формах с целью прекращения израильской интервенции». Пайетта вылетает в Тунис для установления контакта с Лигой арабских государств. Руководители Лиги принимают его доброжелательно, но выказывают полную беспомощность. В тяжелые моменты Арафат и ООП всегда испытывали трудности в мобилизации своих друзей и союзников, но никогда, как в эти драматические дни, они не оказывались столь одинокими. Решающее значение приобретают протест и организация сил, выступающих против наглого вторжения во всем мире, но на этот раз этот протест разворачивается и в самом Израиле. Впервые большинство израильского общества восстает против действий своей армии. 20 тысяч человек собираются 26 июня на первую демонстрацию в Тель-Авиве и 100 тысяч 3 августа — против акции «за мир Галилее». Война непопулярна, и крик «Довольно!» разносится по всей стране. Шарон заносится в проскрипционные списки, а правительство Бегина испытывает большие морально-политические трудности. Происходящее в Израиле является зеркалом того, что творится в еврейских общинах

различных стран. Ежедневная итальянская газета «Република» собирает под призывом «вывода израильских войск»⁹ 150 подписей практически всех наиболее видных представителей итальянского еврейства (среди которых Наталия Гинцбург, Примо Леви, Рита Леви Монтальчини, Лука Дзеви, Фьямма Ниренштейн, Марио Пирани, Мириам Коэн, Джакома Лиментани, Паоло Алатри и др.). «Бегин, — говорилось в листовке группы еврейских студентов, — мы не сможем простить тебе этого!» Ширится движение протеста против кровавой расправы, происшедшей в Риме два дня спустя. 17 июня здесь были убиты два представителя ООП — Камаль Хусейн и Назех Матар. Ответственность за этот террористический акт взяла на себя группа так называемого «еврейского вооруженного сопротивления», но полицейские и судебные власти, проводившие расследование, сочли, что их направляют по ложному следу. На похороны обеих жертв (на них присутствовали также Берлингуэр и Пеккьоли) собралась большая толпа, особенно молодежь. Но затесались также мелкие группки экстремистов, которые сочли уместным почтить память павших пением песни «Красная Палестина», вряд ли бывшей той целью, за которую боролись погибшие в своей краткой жизни. Но если этот эпизод явился лишь проявлением политической слепоты, то пустой гроб, втащенный 25 июня в синагогу и поставленный возле памятной доски депортированным евреям, стал жутким и отвратительным свидетельством антисемитизма, не имеющим ничего общего, как отмечала наша газета, со священным протестом этих дней против вторжения в Ливан и политики израильского правительства. Так, впрочем, относятся к этому и представители крупнейших еврейских общин, продолжающих свои демонстрации, включая и митинг, который проходил перед израильским посольством (с участием Энрико Модильяни, Давида Мегнаджи, Джорджо Исраэля, Луки Дзеви и др.) после побоища в Сабре и Шатиле. 25 сентября в Милане и Риме также состоялись подобные демонстрации, потребовавшие вывода израильских войск из Ливана.

Когда армия Шарона и помогающие ей фалангисты продвинулись в глубь ливанской территории и дойдут до ворот столицы, а Бейрут станет мишенью ежедневных налетов, акции протеста выльются в конкретные проявления соли-

дарности с осажденными в Бейруте, а политическое движение приобретет еще более мощный характер. 351 депутат от всей левой оппозиции и значительной части представителей ИСП и ХДП, то есть большинство избранных в Палату депутатов, поставят свои подписи под петицией с требованием к правительству Спадаolini признать ООП. 5 августа иностранная комиссия палаты депутатов одобряет проект резолюции, представленный ИСП, ХДП, ИКП, ИРП, ИСДП и ИЛП, который обязывает правительство действовать «с учетом перспективы официального признания ООП и выдвинуть соответствующие инициативы в целях достижения взаимного, недвусмысленного и одновременного признания как ООП со стороны Израиля, так и Государства Израиль со стороны ООП». Аналогичная ситуация возникает и в сенате, где Маргерита Бонивер выступит от имени ИСП и заявит, что «мирно-израильски принес отравленные плоды» и что мы перешли «от того, что когда-то можно было защищать, к тому, что таковым теперь не является в силу своей одиозности и неприемлемости». Берлингуэр заверяет сначала Карима Мруэха из Ливанского национального движения, а затем Немера Хаммада в том, что «ИКП, вместе со всеми политическими и демократическими силами, ускорит мобилизацию народных масс и народную инициативу с тем, чтобы сделать все возможное в деле оказания неотложной помощи населению, пострадавшему от бомбардировок, а также прекращения израильского наступления на Бейрут, вывода из ливанской столицы израильских войск и достижения политического решения, которое обеспечило бы целостность и независимость Ливана и палестинского движения»¹⁰. В той драматической обстановке один-единственный итальянский политический деятель вступит в контакт с Арафатом (но об этом позже, когда речь пойдет о знаменитом разговоре, проведенном 30 июля по телефону из бункера).

Соединенные Штаты занимают тем временем компромиссную и противоречивую позицию. С одной стороны, Хейг признает за Израилем «право на самозащиту», с другой — посланник Рейгана Филип Хабиб совершает челночные поездки между Бейрутом, Дамаском и Иерусалимом в целях достижения перемирий, которые почти тут же нарушаются. Американский президент заменяет Хейга Джорджем Шульцем, но не обнаруживает, похоже, склонности к смене ори-

ентиров, ибо 26 июня на заседании Организации Объединенных Наций американский представитель оказывается единственным, проголосовавшим вместе с Израилем против резолюции, осуждавшей израильскую интервенцию и одобренной 127 голосами. Внутри ООП дебаты тоже приобретают напряженный характер. Вопрос стоит так: соглашаться ли с настойчивым требованием президента Саркиса остановить Ливан или продолжать сражение до последней капли крови? Арафат, с одной стороны, взывает к «арабским массам — ливанским и палестинским, ко всем бойцам, воюющим на полях сражений», призывая их к тому, чтобы Бейрут стал «арабским Сталинградом», а с другой — сообщает американскому посреднику свои условия. Первый ход делают Соединенные Штаты, предложившие направить многонациональные силы, чтобы обеспечить эвакуацию из Ливана палестинских бойцов. Франция немедленно поддерживает это предложение, но палестинцы требуют, чтобы в них участвовала и Италия. Но этого Арафату мало. Он ведет самую длительную и суровую борьбу, какую арабы когда-либо вели с Израилем; ему известно, что он не сможет ее выиграть на полях сражений, но старается добиться морально-политического преимущества, которое можно будет использовать завтра для более широкого признания ООП и повышения своей значимости на мирных переговорах, и требует гарантий для палестинцев, которые останутся в Ливане. Ему играет на руку глубокий разлад, вызванный войной в израильском обществе, где лейбористы фактически отмежевываются от Бегина и Шарона, растущей солидарностью, вызванной во всем мире героическим сопротивлением палестинцев, которое станет драматическим с 4 по 12 августа, когда с земли, моря и воздуха израильская армия предпримет массированное наступление на Бейрут и базы бойцов сопротивления. Шарон намеревается нанести смертельный удар. Столица превращается в дымящиеся развалины, а убитые и раненые, особенно среди гражданского населения, исчисляются тысячами (по окончании войны, соответственно, 19 и 31 тыс.; Израиль потеряет более 400 солдат). Теперь, этого слишком много даже для американцев, которые оказывают значительное воздействие на Бегина, побуждая его прекратить бомбежки. Филип Хабиб предлагает новый план по прекращению конфликта и эвакуации,

которая будет проводиться под защитой многонациональных сил, уже подготовленных к 25 августа — дню, следующему за выборами нового президента Башира Жмайеля. Арафат должен быть уверен в судьбе палестинцев, остающихся в лагерях, и в том, что он в любом случае сохранит свои позиции на границе с Израилем. Он должен заранее знать, куда эвакуировать своих бойцов и Генеральный штаб ООП. Выбор падает на Тунис. Эвакуация начинается 27-го. Арафат отбывает 30 августа на греческом судне «Атлантик», на котором покидает Ливан одна из последних партий (почти 11 тыс.) палестинских бойцов. 1 сентября война прекращается. То, что должно было стать «ограниченной акцией», оказалось самой длинной и кровопролитной войной между израильтянами и арабами, начиная с 1948 года. В митинге, устроенном 25 сентября в Тель-Авиве (после бои в Сабре и Шатиле) организацией «Мир сегодня», приняли участие 400 тысяч человек. На нем присутствовала также итальянская делегация во главе с Рутелли. В Израиле не было еще подобного митинга против собственного правительства. Звучит незабвенное для евреев слово «холокост», но на этот раз речь идет о мученическом подвиге палестинцев. Это — морально-психологическая рана, которая никогда не заживет на теле общества, да и сам Израиль никогда не будет тем же в сознании мирового общественного мнения. Понесшая тяжелый военный урон, ООП, напротив, вышла из этого ужасного испытания политически окрепшей и уверенной в новом международном признании. Ближайший этап для нее — арабское совещание в верхах, вновь созываемое в Фесе для повторного рассмотрения «плана Фахда», отвергнутого год назад. Благодаря сражению за Бейрут возрос авторитет Арафата среди арабских государств, чувствующих вину за свою медлительность, и теперь он может добиться широкого согласия вокруг саудовского плана, который, по существу, принимается 9 сентября, хотя и тут нет недостатка в возражениях против пункта 7, относящегося к праву всех государств региона и, следовательно, также Израиля. Отсутствуют только Ливия и Египет. Из ливанской преисподней Арафат и ООП выходят с большими потерями в военном потенциале, но с огромным преимуществом в плане признания справедливости своего дела и удержания политико-дипломатической инициативы в своих руках.

*Арафат в Риме**

«Наконец-то мы увиделись!» — Арафат попытался улыбнуться, но волнение сжимало ему горло, как и Берлингуэру. Они только что освободились от долгих объятий и стояли друг против друга, позабыв о толпе приглашенных, ожидавших в салоне для приема гостиницы «Эксельсиор» возможности познакомиться с ними поближе и пожать руку легендарному вождю палестинцев.

Арафат и Берлингуэр знали друг друга давно, хотя до 15 сентября 1982 года никогда лично не встречались. До этого они обменивались мыслями и оценками в виде доверительных записок и писем. Правда, в ночь на 30 июля они разговаривали друг с другом по телефону, когда Арафат из бункера в осажденном Бейруте неоднократно пытался связаться с ним. С трепетным ожиданием мы часами сидели у телефона вместе с Немером Хаммадом и мелхитским священником Илларионом Каппуччи в кабинете Берлингуэра. Наконец телефон зазвонил, и издалека донесся приглушенный голос Арафата. Всех нас охватило сильнейшее волнение, но нельзя было тратить драгоценные минуты на сантименты. Берлингуэра предупредили, что телефонный мост, устроенный через Кипр, долго не продержится. Прижав трубку к уху, он слушал и записывал. Время от времени на своем ломаном английском просил кое-что уточнить и пояснить, продолжая спрашивать, что мы можем сделать для них. Посреди очередного вопроса связь прервалась. Огорчение умерялось сознанием, что мы проговорили 12 ми-

нут — намного больше, чем надеялись. Мы с тревогой воззрились на Берлингуэра, ожидая, что он нам расскажет, по тот на время погрузился в себя, мысленно перебирая подробности услышанного. «Ситуация действительно драматична», — глядя в блокнот, тихо подытожил он то, что ему говорил Арафат. Всего несколько минут назад закончилась израильская бомбежка Западного Бейрута, где сосредоточились палестинские бойцы. Количество жертв еще не известно, но, видимо, их очень много, так как налет был предпринят одновременно с земли, моря и воздуха и впервые были применены разделяющиеся бомбы. Страдания населения, как ливанского, так и палестинского, неописуемы, потому что каждую неделю бомбежкам прибавилось тотальное прекращение поставок какого-либо продовольствия, воды, электроэнергии, медицинской и санитарной помощи. Арафат просил передать гласности размеры трагедии и предпринять шаги для ее прекращения. Он очень рассчитывал на общественное мнение и демократические политические силы. Свое неотложное послание он передавал в руки ИКП и Берлингуэра.

Телефонный разговор между Арафатом и Берлингуэром в самый разгар кризиса, прямо затрагивавшего также и ведущие западные страны, вызвал большую сенсацию. Все крупнейшие органы информации Европы и Соединенных Штатов немедленно воспроизвели этот разговор в своих сообщениях. Берлингуэр вынес его на повестку дня внеочередного заседания руководства, долго беседовал по этому поводу с президентом Пертини и использовал обращение главы ООП для давления на правительство. Сообщение Арафата оказало значительное влияние на решения, созревшие в последующие дни.

Теперь же Арафат был смущен и даже немного расстроен тем, что в силу обстоятельств он встречается с Берлингуэром на приеме, в котором участвуют около 100 человек. «Сегодня вечером мы не сможем, к сожалению, подробно поговорить, мне придется придерживаться официальной части программы моего визита в Италию. Но завтра увидимся наедине и будем долго разговаривать... У нас есть что сказать друг другу...» Но Берлингуэр сразу вернул Арафата в хорошее расположение духа, передав его Де Мите и Кракси, которые ждали очереди, чтобы поприветствовать лидера. Само

принятие Арафата в Риме — уже успех, но в этом была и заслуга ИКП, хотя немногие об этом догадывались.

Приглашение посетить Рим делалось итальянскими коммунистами Арафату еще с 1979 года, тем не менее осуществилось оно по инициативе Межпарламентского союза. В это время Андреотти, председательствовавший на его очередной ассамблее, и Буфалини возглавляли делегацию итальянских парламентариев, посетивших в сентябре 1981 года Кубу, чтобы провести дебаты по поводу положения на Ближнем Востоке. Задача была не из легких, как вспоминают ее главные участники. По правде говоря, дискуссии в подобных организациях, где явно преобладали делегаты стран третьего мира, никогда не бывали легкими. Многие из них представляли парламенты, которые таковыми являлись только на словах. Благодаря, однако, дипломатическим способностям Мальфатти и Буфалини удалось выработать текст, в котором впервые на этой ассамблее в пункте, касавшемся прав на существование, независимость и безопасность стран региона, недвусмысленно был упомянут Израиль («*у compris Israel*»). Дальнейшим шагом явился созыв следующей сессии Межпарламентского союза в Риме в сентябре 1982 года. Таким образом были заложены основы для осуществления планировавшегося визита в Рим высшего палестинского руководителя.

Патронаж Межпарламентского союза не накладывал какой-либо ответственности за визит ни на правительство, ни на международных союзников Италии. Прямо был связан с визитом лишь парламент, но и у того имелось прикрытие в виде позиции, занятой широким большинством на парламентской сессии, высказавшимся за признание ООП и самоуправление палестинского народа. В Италии заинтересованы в визите Арафата были три профсоюзные организации, левые партии и большая часть христианско-демократической партии.

Арафат давно изъявлял желание посетить Италию. Рим постоянно занимал его мысли. В Риме был папа, а возможная встреча с ним имела бы огромный отклик в Израиле, на Ближнем Востоке и во всем мире. Его признание стоило признания Объединенных Наций. Италия, будучи крупной страной ЕЭС и Атлантического союза, занимала стратегически важное место в Средиземноморье и по отношению к Ближ-

нему Востоку. Более того, ведущие политические силы страны, как правые, так и силы левой оппозиции, занимали благоприятную для палестинцев позицию, не принося в жертву свои дружеские отношения и сотрудничество с Израилем. Наконец, в Италии были ИКП и Берлингуэр. Арафат разумно уделял внимание всем политическим силам, которые сочувствовали палестинскому делу. Вполне понятно, почему он выставлял напоказ свои отношения с Андреотти, с Кракси и на крайнем левом фланге — с Капанной. С ИКП же и Берлингуэром у него были менее показательные, но зато более близкие отношения.

Арафат обращался к ИКП и до осуществления своего визита в Рим. Через Немера Хаммада он дал понять Берлингуэру, что ему хотелось бы обсудить с его представителем некоторые детали программы и получить советы в отношении политического наполнения различных моментов своего визита. Берлингуэр поручил мне эту задачу, которая потребовала, как вскоре оказалось, больших хлопот. С той поры, как я оставил Бейрут, Арафат ни разу не задерживался более чем на два дня в одном и том же месте. Из Афин он попросил Немера приехать со мной в Тунис. Не успели мы заказать билеты, как поступило указание выехать попозже в Фес, где соберется совещание руководителей арабских стран. Через два дня нас снова перехватили с билетами на Касабланку в кармане и чемоданами в руках. Поступило другое указание, на этот раз окончательное, — вылететь в Алжир 11 сентября, всего за четыре дня до открытия сессии Межпарламентского союза.

Я ожидал увидеть борца, уставшего от тяжелейших месяцев войны и осады и от изнурительных дискуссий на совещании в арабских верхах. Но на вилле, расположенной на периферии Алжира, я, напротив, нашел как никогда энергичного и жизнерадостного человека, окруженного толпой шумных ребятишек, детей палестинских бойцов, оставшихся в Ливане. Арафат попросил меня присоединиться к празднеству и сказать им несколько слов. Представляя меня, он заговорил об Италии, Гарибальди, ИКП и Берлингуэре, о «братьях, которые всегда были рядом с нами с самого начала нашей борьбы и особенно в последних сражениях». Это был гордый, уверенный в своем деле человек. Он потерпел поражение на войне, но из ужасной бейрутской переделки

вышел с поднятой головой и политически закаленным чемпионом. Почти три месяца Арафат оказывал сопротивление на полях сражения, действуя в условиях явного неравенства сил и полного безразличия арабских стран. И тем не менее это престиж и престиж ООП как единственной организации, представляющей палестинский народ, сильно вырос в глазах арабских масс. Запад не мог закрывать на это глаза, и Франция, Италия и Соединенные Штаты вынуждены были послать в Ливан свои вооруженные силы, в том числе и для того, чтобы умирить возмущение общественного мнения. В международном плане Израиль оказался в положении большей изоляции. Более того, агрессия против Ливана и осада Бейрута способствовали появлению в этой стране нового явления — широкого движения против политики правительства и в защиту мира. Как умелый политик Арафат своевременно воспользовался моментом для того, чтобы утвердиться внутри ООП, в арабском мире и на Западе политикой открытости и переговоров. Окончательно отрезанный от родной земли, он прекрасно понимал, что это была карта, на которую можно ставить. Кое-каких важных результатов он уже добился. 1 сентября американский президент Рейган провозгласил свой план мира на Ближнем Востоке. Из существенных вещей предлагалось быстрое претворение в жизнь резолюции 242 ООН, а от Израиля требовался уход с оккупированных земель, на которых «Соединенными Штатами не одобрялось строительство каких бы то ни было новых поселений». Что касается Иерусалима, который «должен был оставаться неделимым», то выдвигалось предложение о специальных переговорах для определения его окончательного статуса. В американских предложениях сохранялась двойственность в отношении судьбы оккупированных территорий, на которых «невозможно прийти ни к созданию независимого палестинского государства, ни к установлению израильского суверенитета». В Фесе тем временем арабское совещание в верхах одобрило документ, в котором предусматривались «гарантии мира для всех государств региона», а следовательно, и для Израиля. С некоторыми поправками это был прежний саудовский план, отвергнутый год назад.

В Риме Арафат намеревался как можно лучше использовать этот капитал и по возможности извлечь из него еще

какую-нибудь выгоду. Предварительная консультация с нами преследовала эту цель. «Годится ли для Межпарламентской ассамблеи образ винтовки в одной руке и оливковой ветви в другой?» — спрашивал Арафат. «Лучше опустить пониже винтовку и поднять повыше оливковую ветвь», — отвечали мы. На аудиенции у папы довольно ограничиться констатацией ее значения, которое само по себе достаточно велико, или стоит затронуть существо некоторых вопросов, с тем чтобы церковь могла на них повлиять с высоты своего нравственного авторитета? Решение Иоанна Павла II было смелым, и можно держать пари, что оно вызовет гнев израильского правительства. Слишком форсировать события означало бы дать пищу для разногласий. Напротив, показать свою открытость и готовность к диалогу могло бы оказаться полезным для самой ватиканской дипломатии в ее трудных и сложных отношениях с Израилем. Впрочем, значение встречи в Ватикане было разъяснено в те же самые часы директором Дома ватиканских пресс-конференций отцом Ромео Панкарولي. Папа пошел на это, уточнил он, «из уважения к палестинскому народу, выразителем страданий и прав которого святой отец неоднократно выступал». И наконец, чем можно объяснить встречи с президентом Республики и папой, с высшими парламентскими деятелями, политическим миром и профсоюзами, с одной стороны, и полное уклонение от встреч с итальянским правительством — с другой, допытывался Арафат, не попахивает ли это оскорблением? В правительственном большинстве, отвечали мы, имеет место сопротивление со стороны промежуточных сил — республиканцев, либералов и социал-демократов, а кроме того, есть еще личная позиция председателя Совета министров Спадолини, который выступает против вовлечения правительства в переговоры. Тут не помогли ни телефонный звонок Берлингуэра, ни визит Пайетты. Дело не только в опасениях за правительство, но и в особых связях с Израилем и Соединенными Штатами и в нежелании вызвать их недовольство. «Но я не могу приехать в Италию и не поговорить с итальянским правительством!»

Арафат попросил нас действовать понастойчивей. У него были еще две просьбы к ИКП: добиться гарантий его безопасности и дать ему возможность «поговорить с массами». Он

знал, что в Италии проходит праздник газеты «Унита», и ему было бы приятно выступить на нем вместе с Берлингуэром. Я бросил на Немера Хаммада укоризненный взгляд. Идея инициативы исходила от него, а Арафат тут же ею воспользовался. Я растерялся и несколько минут ходил вокруг да около, стараясь найти убедительный ответ. Конечно, это было бы очень хорошо, и наши люди были бы, разумеется, очень рады, но надо подумать о риске, и прежде всего политическом. Арафат придет в Рим по приглашению Межпарламентского союза, потом будет принят Пертини и папой, а затем проведет свое пребывание встречей с коммунистическими массами на празднике «Униты»! Это вызвало бы шум в печати, были бы подмочены отношения с другими политическими силами, и возник риск подорвать единство, которого мы всегда добивались по ближневосточному и палестинскому вопросу.

Мне казалось, что этого не следовало делать и ООП, и я об этом открыто сказал Арафату. По мнению же Арафата, речь, напротив, шла о преодолимых трудностях. Завершив пресс-конференцией два дня своего официального визита, он стал бы гостем ИКП и в этом качестве принял участие в партийном мероприятии. Пусть во всяком случае решает Берлингуэр, сам он горит большим желанием. Я сослался также на риск для его безопасности. Министр внутренних дел Роньони, до недавнего времени бывший президентом Ассоциации итало-арабской дружбы, предпринял уже самые строгие меры по обеспечению безопасности на всех этапах визита Арафата в Риме, но вряд ли он возьмет на себя такую же ответственность за его участие в партийном мероприятии, тем более что праздник газеты «Унита» будет проходить далеко от Рима, в сосновой роще Тиррении под Пизой. Служба безопасности нашей партии тоже не могла дать необходимой гарантии. Арафату приходилось сталкиваться и не с таким риском, и ему, наверное, казалась патетической моя попытка отговорить его от этого шага. Он знал, что с трибуны праздника сможет говорить с огромной частью итальянского народа и европейских левых сил.

Идея совместного выступления воодушевила Берлингуэра не меньше, чем Арафата. Я ему позвонил из аэропорта немедленно по прибытии, и он захотел сразу же со мной

увидеться у себя дома, что было весьма необычно, так как дело было в воскресный полдень и это заставило бы его пожертвовать передачей по телевидению «Весь футбол минута за минутой». Я повторил свои возражения, но он, как и Арафат, не захотел ничего слушать. Но зато больше, чем председатель ООП, он отдавал себе отчет в необходимости договориться хотя бы с ИСП и ХДП.

«Поговорим об этом завтра на секретариате, а пока что надо добиться, чтобы правительство пересмотрело свою позицию в отношении его приема». С Джанкарло Пайеттой мы отправились к министру иностранных дел Коломбо, и нам не пришлось тратить много слов, чтобы его убедить, да он и сам был уверен в необходимости встречи. Он уже говорил с Андреотти и Пикколи, и каждый из них готов был официально встретиться и побеседовать с Арафатом. Лишь Пьетро Лонго и либералы пытались помешать встрече с представителями правительства. Коломбо придерживался иного мнения. «Мы не можем разговаривать только с людьми израильского правительства. Если мы хотим помочь решению конфликта, то надо поддерживать отношения с обеими сторонами и способствовать диалогу между ними. Более того, — добавил Коломбо, — мы не в состоянии понять, почему Спадаolini упорно захлопывает дверь перед Арафатом. Ради хорошего отношения со стороны Израиля он заставляет итальянское правительство выглядеть в дурном свете». Коломбо вновь обещал нам что-нибудь предпринять, хотя это уже казалось безнадежным. Мы, во всяком случае, были удовлетворены: министр иностранных дел был все-таки представителем правительства, и, таким образом, программа пребывания Арафата была полной во всех отношениях.

Оставалось решить лишь проблему, связанную с праздником в Тиррении. На секретариате Берлингуэр поставил ее в конце длительной дискуссии. Пайетта, Буфалини и я, приглашенные на это заседание, получили поддержку лишь от Кьяромонте, разделившего наши опасения. Берлингуэра же открыто поддержали Натта, Рейхлин, Серони, Минуччи и Бирарди. Пришлось теперь действовать по двум направлениям: устанавливать контакты с ХДП и ИСП и изыскивать способ привлечь их к народным мероприятиям с участием Арафата, дабы не слишком подчеркивать зависимость его визи-

та от ИКП. К счастью, представился отличный случай: в субботу 18 сентября ИСП проводила во Дворце спорта, во Флоренции, крупное мероприятие в связи с 90-летием основания партии. Кракси мог на этом юбилее посадить рядом с собой Арафата, а тот на следующий день переместился бы в Тиррению. Берлингуэр позвонил Кракси и намекнул на эту возможность. Тот посоветовал соединиться с Аквавивой и договориться с ним. Что же касается ХДП, то и тут выход нашелся: Комитет итало-палестинской солидарности, где председательствовал Фраканцани, мог организовать в пятницу в одном римском театре вечер встречи с президентом ООП. Другие проблемы были связаны с безопасностью. Роньони мог только обещать скрытое наблюдение, поскольку вторая часть визита Арафата касалась его лишь косвенно. Наши средства были явно ограничены, но мы тут же принялись за работу.

Визит Арафата имел огромный успех. Даже наиболее предубежденные в его отношении органы печати не могли не отметить большого впечатления, которое лидер ООП произвел на Межпарламентскую ассамблею. Берлингуэр, слушавший его речь с трибуны, отведенной для публики, также был явно удовлетворен. Это было событие чрезвычайного порядка, ибо с трибуны палаты депутатов никогда до этого не выступал ни один иностранец. Теперь же представитель единственного в мире народа, лишенного земли и родины, одетый в военную форму оливкового цвета и с традиционным «кефайяхом» на голове, обращался как авторитетный глава государства к мировому сообществу и говорил с уверенностью лидера своего народа с представителями парламентов 98 стран, слушавшими его с полным вниманием. Примеру представителей израильтян, покинувших зал, не последовал ни один человек.

Тон выступления Арафата отличался крайней умеренностью. «Партизан» и «террорист», как в некоторых кругах называли главу ООП, говорил в Риме о мире и диалоге, просил об оказании содействия всех, и в первую очередь ООН и парламентариев, с тем чтобы умиротворить многострадальную землю Палестины. Хотя за ним стоял лишь преследуемый и страдающий народ, согнанный со своей земли и рассеянный в разных краях, на каждого из присутствовав-

ших эта речь налагала определенную морально-политическую обязанность. «Он действительно поднял выше оливковую ветвь», — так прокомментировал Берлингуэр, очень довольный речью Арафата и финальной овацией, которой ее встретили. Это был успех и для Межпарламентского союза, что с удовлетворением отметил Паоло Буфалини, который вместе с Андреотти много сделал для того, чтобы провести в свое время проект, на осуществление которого вначале мало кто надеялся, и которому было поручено скакать в аэропорту «добро пожаловать» высокому гостю и приветствовать его вместе с депутатами Орландо (ХДП), Лабриолой (ИСП) и заместителем председателя сената Дарио Валори, прежде чем проводить к председателю палаты депутатов Нильде Йотти. Но еще большим успехом ознаменовались встречи с Пертини и папой. Пертини уже выразил свои мысли в страстной речи, произнесенной на церемонии открытия сессии Межпарламентского союза в Санта-Чечилии. Вначале он напомнил о братской солидарности с еврейским народом во времена его жестоких преследований со стороны нацизма. Присутствующим поведал о своем брате, трагически погибшем, наряду со многими евреями, в лагере во Флоссембурге. «К чему теперь это нападение на Ливан, — задал затем вопрос Пертини, — эта охота на палестинцев? Палестинцы вынуждены теперь спасаться бегством, как спасался бегством народ Израиля несколько веков назад. Они, так же как и тогдашние евреи, вынуждены оставлять землю отцов и вести скитальческую жизнь в мире. Мы испытываем к ним человеческое сочувствие». В заключение Пертини сказал: «После долгого исхода и жестоких преследований народ Израиля обрел свою землю и родину; свою землю и родину обретет также и палестинский народ». Чтобы еще ясней подчеркнуть свое отношение к проблеме, Пертини пригласил гостя на обед в Квиринальском дворце, отодвинув на два часа остальные встречи, предусмотренные программой.

Больше всего внимания было, конечно, уделено встрече с папой, ставшей поистине историческим событием. Боязнь, что никаких сведений о встрече не просочится в печать и она может быть поэтому по-разному истолкована, была рассеяна самим Иоанном Павлом II, который сразу же после приватной аудиенции, данной председателю ООП, уст-

авил публичную аудиенцию на площади Святого Павла. Ватиканская дипломатия умело связала воедино оба момента, чтобы придать этому событию более широкий резонанс. На площади Святого Петра папа призвал оба народа, палестинский и израильский, признать друг друга. «Оба народа, — сказал он, — взаимно признавая существование и реальность друг друга, должны найти путь к диалогу, ведущему к равноправному решению, то есть к признанию первейшего и неотъемлемого права на существование и безопасность на своей территории, на сохранение идентичности, свойственной каждому из них». Отсюда легко было заключить, что именно это и было красной нитью беседы между папой и Арафатом. Но выбор публичной встречи нужен был Ватикану также и для того, чтобы дать ответ правительству и средствам информации Израиля, которые уже несколько дней вели неистовую и разнузданную кампанию против визита Арафата в Рим. Сначала они обрушились на Пертини, обвинив его в «помощи терроризму», а затем с еще большей силой стали нападать на церковь, укоряя ее в «замалчивании» избиения евреев во время Второй мировой войны. Газета «Джерусалем Пост»¹ утверждала со своей стороны, что Иоанн Павел II собирается во время приема Арафата «нравственно узаконить международный терроризм». По этому поводу Совет министров вынужден был даже направить официозную ноту израильскому правительству, в которой выпады против Пертини и папы назывались «неприемлемыми». Святой престол сухо подчеркнул в своей ноте, что заявления израильского правительства по поводу позиции Церкви в отношении евреев являются «поразительными и невероятными», и напомнил речь папы в Освенциме в 1979 году, в которой он осудил и заклеймил «геноцид, которому нацизм подвергал еврейский и не только еврейский народ». В Италии лишь газета «Темпо» в особо неудачной передовой статье Доменико Бартоли, озаглавленной «Федаины»², поддержала израильские измышления и пошла даже дальше, прославляя «удачные и действеннейшие операции Шарона в Ливане, которые огнем и мечом заживили огромную и опаснейшую язву». Но даже и этот обмен яростными филиппиками подчеркивал большое значение визита Арафата в Рим, подтвержденное сообщением Фарнезины, в котором подводился итог

встречи с министром Коломбо. Хотя и с более сдержанных позиций по сравнению с теми, которые вырисовались на встречах в Квиринале и Ватикане, министр иностранных дел также подтвердил необходимость «поиска переговорных путей, способных обеспечить право на существование и безопасность Израиля и право палестинцев на родину». Коломбо проявил односторонность и узость взгляда в том, что, подчеркивая потребность признания Израиля со стороны ООП, он и слова не сказал о необходимости ответных шагов. Но такая двусмысленность была свойственна всему западному блоку, и итальянское правительство не имело, конечно, желания продвинуться хоть на шаг вперед несмотря на то, что этого давно требовала большая часть парламента и политических сил страны. «По палестинскому вопросу мы едины», — сказал Кракси Арафату во время ужина, показывая на Берлингуэра, сидевшего справа от него. Меньше единства было, очевидно, в правительстве.

Когда дело дошло до долгожданной встречи Арафата с Берлингуэром, положение в Ливане снова резко обострилось. Уже в начале недели одно за другим стали поступать плохие известия. Сначала об убийстве президента Башира Жмайеля. Затем о новом израильском наступлении на Бейрут с целью его захвата в нарушение договоренностей, заключенных 12 августа между ливанским правительством и американским посредником Хабибом. Теперь пришли первые известия о новых нападениях на палестинские лагеря. Арафат максимально ускорил проведение оставшихся встреч и запрограммированных бесед: с президентом сената Фанфани; с Кракси, Де Митой и Пикколи, с секретарями унитарной профсоюзной федерации Ламой, Карнити и Бенвенуто; с Гранелли и Фраканцани, представлявших, соответственно, Форум и Итало-палестинский комитет. На несколько минут дольше он задержался в Капитолийском дворце, потому что мэр Рима Ветере предоставил ему возможность встретиться с муниципальным советником, коммунистом и евреем по национальности, Пьеро делла Сета. Это была волнующая встреча, наполненная символическим значением. «Я — еврей, который тебя приветствует!» — воскликнул Делла Сета. «А я — палестинец, который тебя обнимает», — ответил

Арафат, немедленно заключив его в долгие и сердечные объятия. Теперь оставались только пресс-конференция во второй половине дня и встреча с нашей делегацией (Берлингуэр, Пайетта, Наполитано, Макалузо и я). На этой встрече нам предстояло подвести политические итоги и обсудить деликатные аспекты, связанные с дальнейшим этапом пребывания Арафата в Италии. Берлингуэр тщательно взвесил различные новые моменты, возникшие в последние недели: предложения Рейгана, восемь пунктов арабского плана, принятого в Фесе, заявления некоторых европейских правительств, в частности французского, смелое и страстное выступление Иоанна Павла II и документы, одобренные на сессии Межпарламентского союза. Он собирался дать высокую оценку открытым позициям, высказанным ООП и Арафатом в его важном выступлении, выразить пожелание, чтобы тот пошел еще дальше. Момент был благоприятный: в общественном мнении после событий последних месяцев и недавних событий в Ливане произошла перемена в ориентации и настроениях, которые шли на пользу палестинскому движению и обрекали Израиль на изоляцию. Даже Соединенным Штатам было нелегко оказывать поддержку Израилю, как показывали пусть даже ограниченные предложения Рейгана. Дальнейшим шагом вперед, сказал бы на встрече Берлингуэр, могло стать более открытое признание Израиля путем еще большей поддержки переговорного варианта «мир в обмен на территории», а также ясного осуждения терроризма и отказа от него. На этой основе мы могли бы обратиться к Советскому Союзу, с тем чтобы он выступил в поддержку такой линии и преодолел некоторую двойственность и обусловленность своей политики отношениями с некоторыми арабскими странами, такими, как, например, Сирия, Ливия и Ирак. Мы могли бы выступить в Европейском парламенте, добиваясь его воздействия на Европейское сообщество, с тем чтобы оно последовательно выступало за реализацию целей, указанных в Венецианской декларации 1980 года, и прежде всего за самоопределение палестинского народа. На этой основе мы могли бы воздействовать на итальянское правительство, чтобы добиться признания ООП, а также способствовать новой поддержке народного движения за солидарность и палестинского движения и его справедливого дела.

И, наконец, Берлингуэр, хотя и признававший ухудшение обстановки в Ливане, подтвердил бы Арафату наше желание увидеть его завтра в Тиррении на завершающем мероприятии праздника газеты «Унита». По такой схеме должна была бы развиваться беседа с палестинской делегацией (в составе Арафата, Халеда эль Фахума, председателя Национального совета Палестины, и Немера Хаммада).

Но в силу обстоятельств она пошла совсем в другом направлении. В центре внимания сразу оказалось положение в Бейруте. Сотрудники Арафата непрерывно подавали ему депешки, в которых говорилось о новых атаках и расправах. Улыбавшийся и приветливый в начале беседы, Арафат становился все более мрачным. Лицо его отражало боль и гнев. «Вот как выглядит порядочность и честность израильтян!» — взорвался он, прочитав последнее сообщение о погибших в лагерях женщинах, стариках и детях. «Соглашение предусматривало, что палестинские бойцы оставят Бейрут, а израильтяне не войдут в город, более того, начнут вывод своих войск». Арафат чувствовал себя преданным и не скупился на грубые слова в адрес многонациональных сил, которые должны были выступать гарантами соглашения. «Почему контингенты многонациональных сил ушли ранее установленного срока?! Надо действовать сейчас же, — добавил он, — чтобы заставить соблюдать соглашение. Поведение Шарона — это вызов Италии, Франции и Соединенным Штатам. Надо, чтобы многонациональные силы вернулись в Бейрут и положили конец израильской агрессии и разбою». Он сказал, что уже направил министру Коломбо подобное требование, но просил нашу партию вмешаться, чтобы преодолеть препоны и промедления. Серьезность момента требовала неотложных действий. Обо всех других проблемах можно было поговорить потом. Арафат просил прощения за это и очень сожалел, что ему приходится раньше времени прервать визит. «Мне очень хотелось быть в воскресенье с вами, со всеми итальянскими коммунистами, которые оказывают такую большую помощь в нашей борьбе. Я оставляю Немеру Хаммаду свое послание к ним... Вы понимаете, что в такие часы, как эти, я должен быть как можно ближе к своему народу, избиваемому в Бейруте и в лагерях Сабры и Шатилы». Берлингуэр ответил, что мы прекрасно все понимаем, что Немер выступит в Тирре-

нии и мы превратим оставшиеся дни фестиваля в демонстрацию солидарности с ливанским и палестинским населением. Берлингуэр очень сожалел, что так получилось: возможность проведения вдвоем большого митинга его воодушевила.

Осталось обсудить, что мы можем сделать в связи с просьбой Арафата о быстрейшем возвращении многонациональных сил в Ливан. Берлингуэр посоветовался с делегацией, прежде чем набросать текст краткого заявления. «Соглашения, на основе которых было достигнуто перемирие, были гарантированы Соединенными Штатами, Францией и Италией и предусматривали присутствие многонациональных сил и наличие определенных политических условий. Мы считаем поэтому, что нарушение соглашений со стороны Израиля прямо связано с ответственностью этих трех стран, а следовательно, и нашей. Поэтому эти страны обязаны непосредственно взять на себя задачу остановить побоище, израильскую агрессию и гарантировать населению Западного Бейрута и вообще палестинскому и ливанскому народу возможность восстановления мирной жизни. Думаю, что минимум того, что следует сделать немедленно, это возвращение вооруженных сил трех стран, входящих в состав многонациональных сил, с тем чтобы гарантировать безопасность населения. Думаю, что в политическом плане необходимы энергичные действия мирового сообщества, и особенно ЕЭС и Италии, чтобы заявить Израилю: хватит, так дальше продолжаться не может»³. (Два дня спустя, 18 сентября, в сообщении секретариата будут повторены эти требования наряду с явно ошибочным требованием разрыва дипломатических отношений между Италией и Израилем.)

Это заявление было самым насущным, что требовалось в тот момент. С Арафатом мы еще увидимся и продолжим так неожиданно прервавшуюся беседу. Подходящие случаи представятся, потому что хождение по мукам палестинского народа и ближневосточный конфликт еще очень далеки от положительного завершения.

4 августа 1983 года Пайетта и я отправились в Тунис для встречи с Арафатом. Это была первая встреча с ним на новом месте, куда он вынужден был перевести Генеральный штаб ООН после оставления Бейрута. Его бойцы оказались разбросанными в семи арабских странах, вдали от своей земли. Таков был тягостный итог движения освобождения, оказавшегося далеко в тылу, за 2 тысячи километров от главного фронта. То, что мы увидели, производило гнетущее впечатление. Хаммам эль Шат, куда нас отвезли поздно вечером на выдавших виды машинах, находился в более чем 30 километрах от города и выглядел до ужаса убогим. Это была старая гостиница низшей категории, погруженная почти в полную тьму. У дверей, при тусклом свете лампы, дремали три или четыре федиaina, которые неохотно поднялись при нашем появлении. Один из них взялся проводить нас в дом. Мы пошли запутанными коридорами, спустились вниз по слабо освещенной лестнице и оказались в полуподвале. Махнув рукой на дверь, наш спутник дал понять, что мы пришли, а сам удалился. В Бейруте ничего подобного нельзя было представить. Сопровождавший нас Немер Хаммад, тоже немало удивленный, взял на себя смелость и тихо, приоткрыв дверь, пригласил нас войти. Нашим глазам предстало нечто совершенно невиданное. За чертежным столом, с карандашом и линейкой в руках, работал Арафат без головного убора, в одном сером свитере. Подняв глаза при нашем появлении и не отрываясь от работы, он жестом пригласил нас

подойти поближе. «Я вычерчиваю дома, — сказал он Пайетте, весьма пораженному тем, что застал его за этим занятием. — Мы построим их, когда вернемся на свои земли... Надеюсь, вы не забыли, что я — инженер и в прошлом занимался строительством домов?» Мы огляделись вокруг: обстановка и атмосфера в доме совсем не походили на прежние и несли на себе отпечаток запустения и поражения. Даже первая фраза, с которой Арафат обратился к нам после традиционных объятий («Настоящие друзья познаются в беде!»), приобретала тот же смысл. Мы приехали с письмом Берлингуэра, чтобы снова подтвердить нашу готовность оказать помощь и выразить свою солидарность. После визита Арафата в Рим мы внимательно следили за происходившими событиями и были серьезно озабочены состоянием палестинского движения и самочувствием его лидера. Восхищение героическим сопротивлением Бейрута и огромный подъем, с которым Арафат был принят в Фесе на совещании в арабских верхах, в Афинах, Риме и других столицах, которые он посетил, быстро прошли, и в последовавшие за этим месяцы осталась лишь горькая действительность в виде развешанного на все четыре стороны движения, рисковавшего утратить свое лицо и самостоятельность. Асад, казалось, был полон решимости воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы вернуть палестинское движение под свое крыло и нанести удар по его верховному руководителю. Действовал он, естественно, не от своего лица, а раздувал огонь внутренних противоречий в Фатхе, стараясь выделить из него настоящее диссидентское ядро, опиравшееся на двух членов Центрального комитета и на некоторых военных руководителей во главе с Абу Мусой. Арафату ставились в вину «капитулянтство» с 1974 года, тяжелые ошибки, например доверчивость в отношении плана, выдвинутого в Фесе, и даже плана Рейгана, заигрывание с королем Хусейном в целях достижения сепаратного мира, который фактически перевел бы палестинцев в разряд подданных Иорданского королевства. Арафату ставили в счет и шаги, сделанные навстречу некоторым израильским силам после первых официальных переговоров, состоявшихся в начале 1983 года сначала с Ракахом, а затем с некоторыми сионистскими представителями (Матти, Пеледом, Ури Авнери и Яковом Арноном) Израильского совета

за израильско-палестинский мир. На совещании в Тринони где диссидентам удалось увлечь за собой большую часть старых противников указанных политических решений, провозгласил лозунг «освобождения всей Палестины», и, дабы не оставалось сомнений в их ориентации, диссиденты сочли нужным подчеркнуть, что не будет никаких «примирений, признаний Израиля». Арафату пришлось пустить в ход все свои дипломатические способности, чтобы вырулить среди всех этих рифов и не допустить самого серьезного раскола в Фатхе и ООП. Он нуждался в поддержке арабских стран и после Туниса побывал в Риаде, Кувейте и Адене. Неоднократно ездил и в Амман для обсуждения с королем Хусейном контрпредложений на план Рейгана. Арафат не высказывался против возможности создания Иордано-палестинской конфедерации, поставленной во главу угла так называемого «иорданского предложения», но настаивал, чтобы она была осуществлена после построения Палестинского государства. Это должна была быть конфедерация двух независимых государств, а не просто включение палестинцев в Иорданское государство. Объединение усилий с королем Хусейном могло бы вместе с тем помешать тому, чтобы последний не пошел на сепаратные соглашения с Соединенными Штатами и Израилем.

В середине февраля в Алжире была созвана 16-я сессия НСП (от ИКП на ней присутствовали Пайетта и Лорис Галлико). В тех условиях, в которых находился Арафат, нельзя было пойти на новые начинания открытого характера, как того требовали Исам Сартави и другие, не рискуя вызвать открытый раскол в самом высоком представительном собрании палестинской организации. Поэтому 16-я сессия совета вылилась в ординарное мероприятие, на котором самое большее, что удалось сделать, было принятие плана, разработанного еще в Фесе, и старого плана Брежнева (тем временем скончавшегося), но и это было сделано в контексте обращения к принципам Национальной хартии.

Предупреждением о надвигающейся буре послужило убийство в Португалии на Конгрессе Социнтерна Исама Сартави, одного из крупнейших представителей новаторского крыла ООП. Даже Шимон Перес, присутствовавший на Конгрессе, почтил прах убитого. Убийство Сартави, проис-

шедшее в тот же день, когда король Хусейн объявил о продолжении длительных переговоров с Арафатом, было явно инспирировано теми арабскими силами, которые стремились нанести удар по руководству Арафата и его политике. В мае внутренний бунт перерос в вооруженный конфликт с Абу Мусой, поддерживаемым ливанским шиитским ополчением «Амаль» просирийского толка, напавшим на бригаду ООП в долине Бекаа в момент обострения столкновений между палестинцами и друзьями в горах Шуфа. Ливан по-прежнему не мог выбраться из смуты и раздробленности. Арафат устремился в Дамаск и стал метаться между сирийской столицей и местами столкновения, чтобы уладить конфликт и привести в чувство горячие головы. В Ливане оставалась значительная часть палестинских беженцев (400 тыс.) и боевого потенциала ООП (еще 8 тыс. вооруженных людей). Братоубийственная война могла оказаться губительной для судеб палестинского движения. Арафат без колебаний пошел на некоторые уступки бунтовщикам — пересмотрел предыдущие военные назначения и извлек на свет некоторые лозунги вооруженной борьбы («Война — это единственный способ вновь переделать карту Ближнего Востока»). Но это нисколько не помогло. Асад был твердо намерен поставить ООП на колени и покончить с престижем ее председателя, вследствие чего бунт постепенно разрастался и в июне привел к настоящей кровавой бойне. Сирийский президент мог рассчитывать не только на предательские услуги бунтовщиков, но и на прямую поддержку Ливии и молчаливое попустительство СССР. Пешкой, которую следовало принести в жертву, оставался Арафат. Осторожный зондаж был проведен и в отношении нашего мнения, но мы решительно отвергли всякие поползновения. Для нас проблема заключалась не в том, чтобы способствовать удалению лидера ООП с политической арены, а, как раз наоборот, в том, чтобы придать ему больше силы для того, чтобы он смог вывести на более передовые рубежи стратегию политического решения и переговоров. Поэтому мы старались способствовать большей ангажированности европейских левых сил. В ходе своих встреч с Брандтом и Миттераном Берлингуэр стремился наладить совместные действия в этом направлении, о чем он ясно сказал в своем заключительном выступлении на XVI съезде ИКП,

проходившем в начале марта в Милане. «Италия должна прилагать самостоятельные усилия для достижения позитивного решения ближневосточного кризиса, что требует восстановления целостности и независимости Ливана, официального признания ООП как законного представителя палестинского народа и прав палестинцев на то, чтобы иметь свое государство, защиты права на существование Государства Израиль... Действия европейских левых сил, направленные на облегчение диалога между ООП, прогрессивными силами арабского мира и демократическими и пацифистскими силами, заявляющими о себе в Израиле, могут внести большой вклад в позитивную эволюцию положения на Ближнем Востоке»¹.

Следует, однако, отметить, что и ИКП переживала период растущих трудностей. Всего через несколько недель после визита Арафата в Рим новое кровопролитие взбудоражило души и положило начало новым дискуссиям и полемике. 9 октября группа палестинских террористов, вооруженная бомбами и автоматом, совершила налет на синагогу. Жертвой пал годовалый ребенок, Стефано Таке, 35 человек было ранено. Это вызвало огромную волну возмущения и гнева во всей стране. В своем сообщении секретариат ИКП немедленно осудил преступный террористический акт, «нанесший удар по гражданскому сознанию всех людей и глубокое оскорбление итальянской демократии». Берлингуэр направил затем телеграмму главному раввину римской израэлитской общины Элио Тоаффу, в которой выражал «взволнованную солидарность всех итальянских коммунистов, а также вновь подтвержденное осуждение любого акта расистского антисемитского терроризма»². Но еврейская община вместо ответа замкнулась в молчании. Вначале она отвергла даже солидарность президента Республики Сандро Пертини и мэра Рима Уго Ветере. Только Спадолини удостоился хорошего приема, и благодаря ему Пертини также смог принять участие в похоронах. Сожаление вызывало, главным образом, то, что замкнулся такой обходительный и умный человек, каким был главный раввин Элио Тоафф. Через несколько лет он сам признал, что мотивом подобной реакции послужило отсутствие защищенности. «Еврейская община почувствовала себя преданной, — заявил Тоафф в интервью газете «Унита». — Когда я обратился к итальянским властям за защитой от по-

стойнно поступающих угроз, то власти мне не поверили. А тут как раз и произошло покушение. Да, мы почувствовали, что нас предали, не пожелали выслушать, что мы не такие, как все остальные...»³.

К сожалению, сохранялись и последствия разрыва, которые вновь потребовали от нас терпеливого труда для их преодоления. Наши трудности были связаны и с развитием наших позиций по Афганистану, Польше, ракетам, «разрывом» с Москвой и с нашей международной политикой. Если в Италии правящие партии и средства массовой информации считали, что новые шаги ИКП в направлении самостоятельности никогда не были достаточными, то на международном уровне до нас доходили сигналы, призывавшие к осторожности. Они исходили не только из лагеря коммунистического движения, от которого мы давно отделились, но, как ни странно, даже от некоторых из тех, кто вначале больше других подталкивал нас к пересмотру наших позиций. Так, Вилли Брандт опасался, что мы не сможем больше оказывать достаточного влияния на Москву и на страны Восточной Европы. Лидеры же третьего мира боялись, что будет ослаблена сила нашего давления. Мы знали, что и Арафат рассчитывает на наши связи с социалистическими странами, арабскими государствами и Израилем. Выбор, смело сделанный Берлингуэром в международном плане, соответствовал той стратегии, которой придерживалась наша партия, и если этот выбор создал для нас трудности и препятствия на Востоке, то он же и предоставил нам возможности установления новых связей с Китаем, Западной Европой, социал-демократией. Наши отношения с левыми силами Израиля получили также положительное развитие (например, с Мапамом, руководители которого поблагодарили нас за то, что мы помогли им установить контакт с Китайской коммунистической партией). О совпадении наших позиций с Мапамом можно было судить по интервью, которое Сарци Амаде взял у генерального секретаря этой партии Виктора Шем Това, главные высказывания которого были воспроизведены затем другими органами печати. «Израиль, — сказал он, — должен вести переговоры с любыми палестинцами, признающими его и отвергающими терроризм. Мы должны вести диалог с врагом, с которым сталкиваемся. Народ, господству-

ющий над другим народом, не может быть демократичным и свободным. Оккупация причинила огромный вред израильскому обществу. Таким образом, решение палестинской проблемы и окончание оккупации отвечают прежде всего интересам самих израильтян. Вот почему так срочно необходимо найти мирное решение и возвратить захваченные территории. Чем дольше будет длиться оккупация, тем больше будут укрепляться националистические элементы среди палестинцев и израильтян. Чтобы выйти из этого порочного круга, мы должны развивать политический процесс, уплачивая необходимую цену за то, чтобы жить в мире»⁴.

Были установлены также первые контакты с новым прогрессистским движением Ратц, зародившимся для защиты гражданских прав. Но самой значительной стала встреча Джанкарло Пайетты и Фанти с Шимоном Пересом, состоявшаяся 19 мая в Страсбурге. Это была первая официальная встреча с президентом Израильской лейбористской партии*, произведшая на Пайетту, который, хотя и разошелся с ним по некоторым вопросам, вынес из беседы хорошее впечатление. После ливанской авантюры лейбористы потребовали отставки кабинета Бегина. Перес настаивал на необходимости поиска политического решения, и ему казалось, что наиболее подходящей является иордано-палестинская конфедерация. Тут проявились расхождения: Пайетта утверждал, что палестинцы должны иметь возможность создать свое государство, Перес отстаивал идею автономии и присоединения к Иордании. Пайетта считал, что ООП должна быть участницей переговоров, Перес же не хотел и слышать об этом. По поводу Ливана также возникли довольно сильные разногласия. Председатель лейбористской партии восхвалял соглашение о выводе израильских войск, достигнутое двумя днями ранее с ливанцами и американцами, Пайетта же настаивал на том, что израильтяне должны уйти и с юга Ливана и что 30 тысяч сирийских солдат также должны оставить страну.

Наконец, были также установлены первые контакты с палестинскими представителями оккупированных территорий и проведена встреча с делегацией Палестинской комму-

* Но здесь и далее употребляется название, используемое в Социнтерне, а не израильское название Мапаи (прим. авт.).

нистической партии во главе с Наимом Ашабом. Палестинские коммунисты, входившие до этого в состав Иорданской компартии, создали в феврале 1982 года самостоятельную партию. Этот первый контакт позволил судить о том, насколько их позиции близки позициям руководящей группы ООП и носят характер открытой полемики с внутренней оппозицией и с «Фронтом отказа». Палестинские коммунисты отвергали как нереалистические позиции Хаббаша и Хамитмеха, а также сирийские претензии на гегемонию в отношении палестинского движения. На оккупированных территориях палестинские коммунисты искали место для своей деятельности.

Беды Арафата были, несомненно, серьезней, чем наши. 4 июня в Бекаа начались жесточайшие стычки между диссидентами и людьми, сохранявшими верность своему лидеру. Командование ООП было вынуждено перебраться в Триполи, ибо усилия Арафата положить конец конфликту оказались безрезультатными. Самому Арафату чудом удалось избежать смертельной западни, и 24 июня он был выслан из Дамаска как «персона нон грата».

Место и атмосфера, в которых мы теперь встречались с Арафатом в Тунисе, отражали его горечь, разочарование и заброшенность, вызванные ливанскими событиями. Но для ООП и ее председателя это было не в новинку. Вся их история была сплошным чередованием славных взлетов и трагических падений. Но из беседы можно было вынести впечатление о завершении определенных размышлений и о желании выступить с новыми инициативами. Чувствовалось, что Арафат с большим хладнокровием проанализировал все, что произошло в Ливане. Дамаск, сказал он, преследует цель создания «Великой Сирии» путем включения в нее части территории Ливана; Израиль намерен закрепиться на постоянной основе в зоне глубиной в 40 километров на юге Ливана; фалангистам и маронитам оставляют Бейрут и зону к северу от него; друзьям — горы Шуфа. Это — настоящая «балканизация» Ливана, утверждал он, срежиссированная американцами, которые не случайно и словом не обмолвились о значительном военном присутствии Сирии в Ливане, наложили вето на осуждение израильского вторжения в эту

страну, а теперь подталкивают многонациональные силы к тому, чтобы они решительно стали на сторону фалангистских правых сил в столкновениях с левыми силами и друзьями. Для всех главных действующих сил основным препятствием к осуществлению их планов, подчеркнул Арафат, остается палестинское движение, ООП и его руководство. Сначала противники палестинцев пошли на лобовое столкновение с ними, теперь же пытаются подорвать их изнутри. Отсюда — появление внутренней диссидентской группировки, которая вряд ли добилась бы многого без всех этих благоприятных для нее обстоятельств. Как ни странно, но, боясь потерять Сирию, советское руководство идет на риск, связанный с гораздо большими потерями. Разочаровывает и вялая реакция Европейского сообщества в этой напряженной обстановке. Европейский совет занял сомнительную позицию. Арафат усматривал слабость и в позициях Социалистического интернационала и возлагал большие надежды на ИКП.

Пайетта заверил его, в том числе и в личном плане, в нашем уважении и солидарности. Помочь ему в преодолении относительной изоляции не легко. Наши отношения с советским руководством зашкалены на минимуме. В тот самый день, когда мы прибыли в Тунис, Кракси представлял в палате депутатов свое правительство, созданное на основе четкого противопоставления ИКП. Конечно, мы не могли сбрасывать со счетов то обстоятельство, что как Кракси, так и Андреотти, которому вскоре достанется портфель министра иностранных дел, выказывали в свое время особую чуткость к судьбам палестинского народа. Пайетта настаивал на необходимости вновь выступить с политической инициативой. Он рассказал Арафату о своей беседе с Пересом и посоветовал задействовать все возможные каналы связи с израильскими миролюбивыми силами. Затем он принялся расспрашивать Арафата о причинах неудачи переговоров с королем Хусейном по поводу заключения соглашения. «Мы готовы, — ответил Арафат, — войти в конфедерацию, но через минуту после провозглашения нашего государства и поднятия национального флага». Дело было, однако, не только в этом. Договоренность не состоялась, потому что Хусейн не скрывал своего намерения добиться таким путем присоединения Трансиордании.

Последняя часть беседы была вновь посвящена обсуждению событий в Ливане. Арафат боялся, что положение резко ухудшится, и надеялся, что итальянский контингент вступит за гражданское население и беженцев в лагерях. Но у нас уже зрела идея пересмотра присутствия в Ливане итальянского контингента. Ливан скатывался к новому этапу гражданской войны, и было не исключено, что миротворческий контингент, рассматриваемый как сила, действующая в интересах определенной стороны, может превратиться в контингент войны. Арафат признавал справедливость этих мотиваций, но просил остаться, ибо итальянский контингент был единственным, который по-настоящему действовал во имя безопасности палестинских лагерей.

Трагическое развитие событий в Ливане подтвердило правоту обеих сторон. 28 августа вновь вспыхнула открытая война между различными ливанскими группировками. Американский флот, стоявший на якоре неподалеку от берега, подверг базы друзей бомбардировке с моря, тогда как израильские самолеты бомбили их с неба. На помощь друзьям, шиитским ополченцам и отрядам левых пришли палестинцы. 16 сентября в Триполи вновь появился Арафат, как раз в то время, когда в Израиле Бегин подал в отставку и начался правительственный кризис, завершившийся формированием правительства Шамира. Но в этот момент в дело вмешалась Сирия, использовавшая свои вооруженные силы и отряды палестинских диссидентов. Дамаск вновь воспротивился тому, чтобы чаши весов в Ливане обрели равновесие за счет уважения прогрессивных сил и возвращения прежней роли Арафату. И как прежде, Асаду помогли в осуществлении его планов израильтяне и американцы. Во второй раз за время чуть больше года Арафат оказался в осажденном городе и был вынужден вести борьбу с вражескими полчищами, состоявшими из сирийцев, палестинских диссидентов, ливанского ополчения и израильтян. Осада Триполи длилась до середины ноября, создавая все большие трудности для палестинцев. Обращение Андреотти к Асаду не дало результатов. Но итальянский контингент под командованием Франко Анджони сумел соблюсти нейтралитет и тем самым гарантировать безопасность лагерей в Сабре и Шатиле.

4 ноября Берлингуэр письменно обратился к Асаду, прося его вмешаться во имя мира и предоставить «ООП, возглавляемой Арафатом, возможность жить и решать свои задачи», а также приложить усилия для «прекращения огня и спасения жизни и имущества палестинцев». Вместо ответа произошло усиление вооруженных столкновений. Надо было помочь Арафату выйти из осады вместе с оставшимися ему верными феодалами. Однако лидер ООП сумел навязать длительные переговоры, прежде чем начать эвакуацию. Ему было очень важно добиться условий безопасности для палестинцев, остающихся в Ливане, и уйти, не подмочив своей нравственной и политической репутации. Ошибались те, кто считал, что его время кончилось.

Новый случай для встречи с Арафатом представился в связи с совершенно непредвиденным и очень тяжелым для нашей партии обстоятельством — смертью Энрико Берлингуэра 11 июня 1984 года. Мы не думали, что Арафат примет участие в похоронах, приглашений мы, во всяком случае, никому не направляли. Была также особая причина нежелательности его присутствия в Риме. В сентябре предыдущего года венецианский судья Карло Мастеллони принял, во исполнение требования государственного прокурора, решение о выдаче ордера на арест Арафата в связи с тем, что ООП была якобы замешана в поставке оружия итальянским террористическим группировкам (ордер был окончательно отозван в июне 1985 г.). Но Арафату было наплевать на рискованность этой поездки, в жизни он рисковал гораздо большим! Не мог же он не попрощаться со столь дорогим другом и бесценным советником, каким был для него Берлингуэр в последние 10—15 лет. Рано утром в сопровождении Фарука Каддуми он появился на улице Боттеге Оскуре, чтобы попрощаться с покойным. На долгие минуты замер он перед гробом со слезами на глазах. В интервью Джанкарло Ланнунти⁷ он сказал: «Я пришел в Рим, чтобы сказать последнее «прости» своему личному другу, другу моего палестинского народа, другу, который поддерживал нас в самые трудные моменты. Мы убеждены, что кончина Берлингуэра является такой же тяжелой утратой для нас: палестинцев, как и для вас, итальянцев». В том же интервью он заявил, что «готов к диалогу под флагом ООН, в рамках международной конференции. Я всем бросаю этот вы-

зов по имя мира», — заключил он. В Риме его хотели увидеть мэр Кракси и Андреотти от имени правительства, Коссига и Иогги от имени сената и палаты депутатов и Пертини, имевший с ним длительную беседу.

Кьяромонте и Оккетто провели с ним заключительную беседу до его отъезда. Арафат кратко подытожил ливанские события, которые, как он сказал, временно завершились в точном соответствии с его прогнозом, а именно совместным сирийско-израильским кондоминиумом в разрушенной стране, превращенной отныне в протекторат без всякой перспективы на мир и стабильность. Но настоящий узел был связан с партией, которую разыгрывали между собой Израиль и ООП. Арафат доверительно сказал, что Андреотти просил его признать Израиль. «Но как я могу это сделать, если с нами даже говорить не желают?» Проблема была в том, чтобы запустить механизм взаимности. Но при нынешних руководителях Израиль не взял бы на себя инициативу, которая шла бы в этом направлении. Напротив, он всячески продвигал политику новых поселений на оккупированных территориях. «Нам следует заострить на этом внимание, — добавил грустно Арафат, — иначе мы рискуем получить на оккупированных территориях необратимую обстановку». В связи с приближавшимися выборами в Израиле он скептически отозвался о возможности радикальных перемен, хотя и возлагал некоторые надежды на победу Переса. Во всяком случае выборов, по его мнению, было недостаточно для развития новых процессов. Надо было, чтобы хоть что-то снова пришло в движение в арабском мире. Арафат поразил друзей и противников, когда по выходе из осады сев на корабль, на котором уплывал из Триполи, он велел взять курс на Каир. Возвращение в египетскую столицу через семь лет после визита Садата в Иерусалим, при том что Египет по-прежнему был занесен в «черную книгу» арабских государств, было актом большого мужества и светлого ума. Без Египта и Иордании, с учетом того что Сирия не прекращала с Арафатом войну, палестинский вопрос не мог быть выведен из состояния застоя, в котором оказался. Поэтому, хотя и сознавая, что в ООП снова вспыхнут прежние споры, все эти месяцы Арафат думал над тем, как сблизиться с Мубараком и возобновить диалог с королем Хусейном. Наибольшие опасе-

ния вызывало внутреннее единство ООП, поколебленное в прошлом году кровавыми столкновениями в Ливане и недавней вспышкой полемики. Надо было вновь сплотить ряды и лидер палестинской организации предупредил Кьяромони и Оккетто о том, что он подумывает о созыве НСП, давая выйти из него более сплоченными и с новыми предложениями. Можем ли мы ему помочь? Для Арафата слово Москва в отношении некоторых внутренних структур ООП было очень важным. Мы сразу же переговорили об этом с Горбачевым, также приехавшим в Рим на похороны Берлингуэра.

Лидер ООП сдержал слово и созвал в конце ноября в Аммане 17-ю сессию НСП. Оппозиция сделала все, чтобы лишить его необходимого кворума и не дать состояться Совету. Организации, действовавшие в Дамаске, не приняли в нем участия. Но появился новый фактор, заставивший склонить чашу весов в пользу Арафата: растущий вес организаций на оккупированных территориях, где 95% палестинцев проголосовали за Арафата. Именно благодаря представителям территорий, приехавшим в обход израильских запретов, и массовому присутствию независимых был обеспечен необходимый кворум в $\frac{2}{3}$ от общего числа (384) членов Палестинского парламента. Созыв 17-й сессии Национального совета стал подлинным вызовом всем внутренним и внешним оппозиционерам, и Арафат одержал победу, хотя и умеренную.

С точки зрения момента, выбранного для 17-й сессии НСП, нельзя было рассчитывать на достижение больших результатов. Международное положение было словно заторможено.

В Израиле выборы не решили ни единой проблемы. Лейбористская партия потерпела поражение, получив 41 вместо 48 мест, но и будущие выборы — 44). Таким образом, возникло тупиковое положение, когда ни одна из партий не могла, даже со своими союзниками, претендовать на создание правительства. Впервые дело дошло до вынужденного соглашения между двумя крупными блоками, согласно которому вводился принцип ротации: первые 25 месяцев правит Перес, а затем — Шамир. Это соглашение привело к тому, что лейбористская партия лишилась поддержки шести избранников от партии Мапам, выступившей против подобного решения. В своей

минутурационной речи Перес, связанный правительственным соглашением, не дававшим ему особой свободы, ограничился тем, что подтвердил традиционные направления израильской политики, внося в нее лишь два изменения: сокращение до 6 из 28 поселений, предусмотренных в Транс-Иордании; дальнейший отвод войск в Ливане, где Израиль в любом случае хорошо прикрывался в «полосе безопасности» наемниками генерала Антуана Лахада, возглавившего, вместо скончавшегося за это время майора Хаддата, так называемый корпус «Свободный Ливан». Дамаск продолжал борьбу против ООП и руководства Арафата, перетянув на свою сторону также шиитов «Амаль». Единственные новые моменты были связаны с дипломатической инициативой Арафата — снятие табу на контакты с Египтом и Иорданией и восстановление отношений между Каиром и Амманом. С этими двумя партнерами лидер ООП собирался вновь выдвинуть политическую инициативу по палестинскому вопросу. В этом заключался смысл выбора Аммана в качестве места для проведения 17-й сессии НСП, и это явствовало из пространного доклада, которым открылась работа Совета. «Мы боремся за достижение длительного и справедливого мира, основанного на освобождении родины, на осуществлении неотъемлемых прав нашего народа — права вернуться к себе домой и владеть своим имуществом, права построить свое независимое государство на палестинской земле со столицей в Иерусалиме. Мы заявляем о своей поддержке международных резолюций и международной законности как основ политического прогресса путем созыва международной конференции с участием всех сторон и под эгидой Объединенных Наций. Мы всегда рассматривали решения конференции глав арабских государств в Фесе как основу всех наших действий, ибо это платформа, на которой все арабы сходятся»⁶. Несмотря на свою занятость делами Совета, Арафат нашел время для беседы с Пелликани и Микуччи, присутствовавшими на сессии в качестве наблюдателей от ИКП. Микуччи рассказал Арафату о визите, который Натта, новый секретарь ИКП, совершил месяц назад в Алжир. Говоря о ближневосточных проблемах, алжирские руководители подтвердили законность ООП как единственного представителя палестинского народа и осудили предпринимавшиеся раскольнические действия.

Сохранялось и уважение к Арафату. Сомнения у алжирцев вызывали проекты переговоров, уводивших в сторону от глобального подхода и нечетко утверждавших право палестинцев на самоопределение. Лидер ООП просил воздействовать на Дамаск, с тем чтобы добиться исправления его позиции, способствовать выдвижению новой инициативы ЕЭС на основе Венецианской декларации, приложить дальнейшие усилия для признания Италией ООП. Эти просьбы были сразу услышаны Наттой. Уже 13 декабря группа ИКП в Европейском парламенте предложила, с учетом предстоящего полугода председательства Италии в Совете Европы, выдвинуть от имени Сообщества инициативу по Средиземноморью и Ближнему Востоку.

Довольно быстро уяснил возможные направления развития диалога и переговоров председатель Совета министров Кракси, встретившийся с Арафатом 6 декабря в Тунисе. Итальянский премьер решительно отстаивал иорданский вариант. «По мнению Италии, необходимо в кратчайшее время и с максимальной точностью определить платформу для иордано-палестинских переговоров, с тем чтобы дать недвусмысленный ответ на весь комплекс вопросов». Израиль отреагировал на встречу Кракси с Арафатом тем, что поставил под вопрос запланированный визит премьер-министра Шимона Переса в Рим. Посол Давид Кимке, который в беседе с министром иностранных дел Андреотти вновь заявил о неприятии ООП и утверждал, что амманский НСП не представляет реального поворота, добавил, что в позициях «десятки» имеются формулировки, которые по-прежнему шокируют израильтян. Получив информацию от Андреотти, Кракси написал Пересу частное письмо, в котором рассказал о беседах, которые он, вместе с Андреотти, имел с королем Фахдом, Мубаракком, Бургибой, Бенджедидом и, разумеется, Арафатом. Его основной посылкой было то, что на основе иордано-палестинской договоренности можно было бы добиться поддержки со стороны умеренных арабских стран, однако «переговоры, которые не распутают узел палестинской проблемы, будут абсолютно нереалистичны». Спадолини, выехавший в Иерусалим, попытался сблизить позиции обоих правительств, но он применял выражения, не свойственные языку итальянского правительства. Так, он называл «управляемыми» терри-

тории, которые вот уже 17 лет как были оккупированы и подвергались колонизации. Пертини в своем новогоднем послании дал на это ответ. Имея в виду евреев, он сказал: «У них нет родина, теперь нужно дать родину и палестинцам».

11 февраля 1985 года в Аммане король Хусейн и Арафат объявили, что они достигли соглашения, условия которого, однако, держались в тайне. Тем не менее иорданская сторона предала гласности некоторые его значительные части, которые вызвали бурные споры в ООП, поскольку казалось, что в них недостаточно ясно сформулированы два ключевых момента — независимость палестинского государства и право ООП на самостоятельное участие в переговорах. Этого оказалось достаточно для того, чтобы 15 марта в Дамаске собрались 6 группировок палестинской оппозиции и создали «Фронт палестинского национального спасения», который вернулся к замшелым позициям отказа от любого политического решения, усиления вооруженной борьбы и осуждения «арабской реакции», подразумевая под ней главным образом Египет и Иорданию.

В такой обстановке было важно узнать, что думают советские руководители. Мы воспользовались для этого приездом в Рим министра иностранных дел Андрея Громыко. На встрече с Наттой (с участием Пайетты, Пеккьоли, Наполитано и автора этих строк) Громыко высказался предельно ясно. Советские руководители были на стороне ООП и будут продолжать попытки, направленные на преодоление раскола. Что же касается лидерства в организации, то это не их дело, а палестинцев, подтвердивших выбор Арафата на Национальном совете. Переговоры могут быть только глобальными с участием всех заинтересованных сторон. Советский Союз считал себя стороной, имеющей отношение к Средиземноморью и Ближнему Востоку, и был намерен сыграть свою роль. С американцами они вновь обсуждали возможности созыва международной конференции, и Владимир Поляков встречался по этому поводу с Ричардом Мэрфи. Но на этот раз дело не должно было закончиться, как в 1977 году, когда Вэнс провалил совместную договоренность. Громыко, кроме того, дал понять, что советское руководство желает улучшить свои отношения с Египтом.

В конце февраля Перес, совершивший долгожданный визит в Рим, вновь подтвердил свои миролюбивые намере-

ния, но дал отрицательную оценку соглашению между Арафатом и Хусейном. Он исключил возможность прямого диалога с ООП и отверг идею международной конференции. Другими словами, полностью захлопнул дверь.

Натта считал, что настал момент выяснить оценку ситуации и перспектив от самого Арафата. С этой миссией он выехал в конце марта 1985 года меня и Микуччи в Тунис с палестинской стороны к этой встрече готовились с большой тщательностью. Арафат сразу же ознакомил нас с условиями соглашения с Хусейном, о которых, по его словам, распространяли небылицы. Речь идет, сказал он, об иорданско-палестинской платформе, направленной на достижение мира, предусматривающего самоопределение палестинского народа «в рамках палестинского государства, которое образует конфедерацию с Иорданией». Эта платформа соответствовала решению Конференции глав арабских государств в Фесе и всем резолюциям Организации Объединенных Наций. Она должна была быть рассмотрена на международной конференции в составе постоянных членов Совета Безопасности, всех конфликтующих сторон, в том числе и палестинской, которая включит своих представителей в состав иорданской делегации. Арафат не упомянул о разногласиях, вызванных в ООП соглашением с Хусейном. Нас же беспокоило другое: не будет ли принесен в жертву соглашению о конфедерации принцип создания палестинского государства. «Нет, этого не будет, — быстро отреагировал Арафат. — Мы считаем, что конфедерация может быть создана хоть сейчас, но через минуту после провозглашения Палестинского государства». На совещании в верхах в Дублине (3—4 декабря) «Десятка» продолжала требовать «подключения ООП к переговорам и прекращения незаконной политики колонизации оккупированных территорий». Необходимо было выступить с конкретными инициативами. Арафат захотел, чтобы в коммюнике были отмечены «позитивные контакты с итальянским правительством и правительствами других европейских стран»⁸. Он интересовался нашей оценкой проводимых в Советском Союзе преобразований и его нового руководителя Михаила Горбачева. В отношении же связей с миролюбивыми силами Израиля нам было мало что сказать. Арафат подбодрил нас в наших усилиях. «Такая партия, как ваша, — сказал он, — рас-

считает возможностями, каких нет у других партий». Наше предостережение он вновь коснулся обострившегося ливанского вопроса. «Не обманывайтесь насчет вывода израильских войск, это только временный отвод. Они продолжают оккупацию части территории вблизи от наших баз и сохраняют контроль за другой частью с помощью фалангистов генерала Лахада». Арафат предугадал усиление атак на лагеря беженцев, начавшихся немногим более чем через месяц после этого разговора. Затишье в ближневосточной ситуации внезапно было нарушено вспышкой новой серии террористических актов как с той, так и с другой стороны. 25 сентября в порту Ларнаки, на Кипре, были убиты трое израильтян, якобы туристов (на самом деле это были агенты разведки). Утром 1 октября 6 израильских самолетов Ф-15 совершили невероятный перелет в более чем 2 тысячи километров и сбросили бомбы на штаб-квартиру ООП в Хаммам Шате. Удар несомненно был направлен против Арафата, который спасся только потому, что находился в тот момент в другой резиденции. Но этот налет стоил жизни 61 палестинцу и 12 тунисцам. Это была настоящая бойня. На этот раз логика «око за око, зуб за зуб» завела поистине слишком далеко, и во всем мире поднялся вопль негодования и осуждения. Жестко отреагировала также Италия. 3 октября парламент, за исключением республиканской и радикальной групп, осудил воздушный налет, а председатель Совета министров передал ООП и своему тунисскому партнеру М'Зали ноту с осуждением «вероломного и неоправданного израильского налета на миролюбивую страну и агрессии, недостойной цивилизованной страны». Министр иностранных дел Андреотти заявил, что речь идет об «ударе, нанесенном по самой возможности мирных переговоров», и утверждал, что «после израильского налета все стало труднее».

Не успели еще затихнуть шум и негодование, вызванные этим преступным налетом, как произошло драматическое событие, связанное с теплоходом «Акилле Лауро», совершавшим туристический рейс в Средиземноморье и захваченным 7 октября 1985 года палестинскими террористами. Потрясение было огромным, и вся общественность час за часом с трепетом следила по радио и телевидению за судьбой 545 человек, находившихся на борту, которым угрожали

четверо вооруженных бандитов, и за блужданием теплохода по Средиземному морю. ООП с самого начала объявила о своей полной непричастности и отмежевалась от этого инцидента. Сам Арафат выказал готовность принять участие в поисках «решения, которое гарантировало бы целостность палестинцев». Ссылка на непричастность выглядела, однако, не очень убедительной. Тем не менее секретариат ИКП вынес решение на вооружение, подчеркнув, что речь идет о «группе палестинцев, враждебно настроенных к ООП». По правде говоря, вдохновителем этого захвата был Абу Аббас, который в качестве представителя Фронта освобождения Палестины (ФОП) входил в состав исполнительной комиссии ООН. Через несколько лет Аббас признает, что покушение на «Акилле Лауро» было «трагической ошибкой». В своем сообщении от 8 октября секретариат ИКП выражал «резкое осуждение» захвата судна, названного «недопустимым актом пиратства, совершенным спустя несколько дней после преступной израильской агрессии против Туниса. И то и другое было направлено на подрыв любой возможности диалога и переговоров». В сообщении подчеркивалось, что «ИКП подтверждает свое твердое осуждение в отношении любого акта террора, кем бы он ни направлялся». Итальянское правительство прибегло ко всевозможным каналам воздействия, включая Арафата. Из Израиля поступали предложения применить силу и муссировались обвинения в том, будто Италия испытывает сочувствие и снисходительность к терроризму. Вышедший из себя Кракси просил Андреотти направить «твердый и немедленный протест» против того, что он считал «неприемлемыми обвинениями». «При их повторении итальянское правительство будет вынуждено серьезно задуматься о вреде, который они нанесут двусторонним отношениям, за что израильское правительство несет полную ответственность».

Гибкие политико-дипломатические действия, предпринятые с разных сторон, и посредничество египетского правительства и Арафата позволили разблокировать обстановку, и к 16 часам 9 октября четверо пиратов сдались в руки египтянам. Уго Пеккьоли смог в этой связи объявить «о великом удовлетворении счастливым завершением случившегося» и обрушиться на тех, кто помышляет о применении

нелегальных методов. А Натта (вместе со мной и Сандри), откладывая до последней минуты отъезд, мог спокойно закончить свои долгие приготовления к поездке в Китай. Но инцидент оказался далеко не исчерпанным. Позднее обнаружилось, что четверо террористов выместили свою безумную жажду насилия на одном бедняге туристе из Америки по имени Лион Клингшофер, передвигавшемся в инвалидной коляске. Его убили, а тело сбросили в море. Дикое и ужасное преступление! Встал вопрос о наказании виновных в преступном деянии. А поскольку убийство было совершено на итальянской территории, то есть на нашем корабле, то определить меру наказания надлежало итальянским властям. Но американцы перехватили египетский самолет, на котором летели, вместе с египетскими дипломатами, четыре палестинца и глава их группировки Абу Аббас, и заставили его приземлиться на базе в Сигонелле, в Сицилии. Однако здесь их сразу же окружили итальянские военные, которые не могли допустить столь явного нарушения итальянского суверенитета. Начались драматическое перетягивание каната с американцами и лихорадочные переговоры по телефону между Рейганом и Кракси, от которых гудели провода. Однако вскоре после того, как были арестованы и посажены в тюрьму четыре террориста, в итальянском правительстве вспыхнули прежние разногласия, поскольку Аббас не был задержан и смог улететь в Югославию. Все эти события были перенесены в парламент, где развернулись самые напряженные и драматические дебаты в его истории. В своем выступлении Кракси твердо отстаивал поведение правительства, утверждая, что в Сигонелле оспаривались независимость и самостоятельность нашей страны и что с материальными исполнителями преступления поступили в соответствии с итальянскими законами, защищая самостоятельность и прерогативы итальянского правосудия. Джорджо Наполитано утверждал, что «нельзя бороться с терроризмом, нарушая законность». ХДП боялась, как бы не повредить слишком отношениям с Соединенными Штатами и не вызвать правительственного кризиса. Но Спадолини, заявивший о своем «тотальном расхождении» с правительственной линией и подтвердивший, что «присутствие республиканцев в правительстве является гарантией его западного направления», уже

решил начать кризис, оперевшись на «сомнения» ИЛН и ИСДП. В ночь с 16 на 17 октября Коссига соединился по телефону с Наттой, остановившимся в гостинице «Цинциннати» в Нанкине, и предупредил его о предстоящем голосовании о доверии правительству. Так что мы поспешно собрали членов моданы и вернулись в Италию. Впервые правительственный кризис произошел в связи с вопросами внешней политики. Симптоматично было также и то, что поддержали правительство мы, тогда как некоторые из союзников его провалили. 6 ноября Кракси сформировал новое правительство. В своем выступлении он снова отстаивал правильность поведения по вопросу об «Акилле Лауро» и вновь подтвердил права палестинского народа. «Выступает ли Италия, — задавал он вопрос, — за или против стремления народа иметь свою родину, землю и государственные институты? Да, Италия выступает за все это... Израиль 18 лет оккупирует арабские территории, на которых жило арабское население. Мы считаем, что эти земли следует вернуть в обмен на мир путем переговоров... Это придумал не я, такова итальянская позиция, существующая с 1974 года»¹⁰. Со своей стороны, Арафат через несколько дней подписал с Мубараком в Каире документ, в котором обличались и осуждались «вооруженные террористические нападения на беззащитных гражданских лиц, где бы те ни находились». Однако действительность оказалась сложнее.

27 декабря в аэропорту Фьюмичино группа палестинцев, вооруженных автоматами и ручными гранатами, напала на отделение израильской авиакомпании «Эл Ал» и устроила ужасную бойню, в результате которой погибли 16 и были ранены 75 человек. Не было никаких причин, которые могли бы оправдать это преступление. Натта заявил, что «терроризм не имеет ничего общего с идеалами, методами и опытом борьбы за освобождение».

1985 год не мог закончиться хуже. Не только были развеяны слабые надежды, подпитываемые иордано-палестинским соглашением, но над всей ближневосточной драмой вновь опустился занавес обид и недоверия, разочарования и тщетности усилий.

Возникновению еще большей напряженности в первые месяцы 1986 года способствовали два других события. 19 фев-

рвали король Хусейн отменил односторонним решением соглашение, подписанное годом ранее с Арафатом, отказавшись от перспективы, в которую многие верили. Это был еще один крутой поворот, типичный для крайней переменчивости арабской политики, для которой никакое соглашение не было достаточно прочным, никакой разрыв — окончательным, никакой союзник — до конца верным и никакая вражда — безнадежно непримиримой. Дело было в том, что Хусейн, подобно Асаду, стремился самостоятельно представлять палестинские интересы, и не случайно, что после этого шага он стал проводить политику сближения с Сирией, стараясь, не без израильского благословения, создать на оккупированных территориях руководство, альтернативное ООП. Под нажимом американцев и с согласия Переса он попытался получить мандат на формирование делегации для участия в переговорах в составе деятелей, абсолютно далеких от ООП. Другими словами, он действовал так, словно ООП больше не существовала. По этому пути он, естественно, не мог далеко уйти.

Другим событием, поднявшим планку напряженности во всем регионе Средиземного моря, стал «кризис в заливе Сидра». Вознамерившись «наказать» Ливию за ее «доказанное» соучастие в террористических актах, американский президент Рейган уполномочил 6-й флот проникнуть в территориальные воды Ливии и войти в залив Сидра. 15 апреля он отдал приказ бомбардировщикам Ф-111, расположенным на военно-воздушных базах в Англии, нанести бомбовый удар по Триполи и Бенгази, несмотря на то что 12 министров иностранных дел стран ЕЭС, собравшихся 12 апреля в Гааге, не рекомендовали расширять военную эскалацию и даже потребовали от Соединенных Штатов «скорейшего возвращения к нормальному положению». Каддафи ответил на это запуском двух ракет СКАД, упавших недалеко от итальянского острова Лампедуза. В главную цель — полковника Каддафи — американцы не попали, но зато причинили много разрушений и загубили массу людей, в том числе приемную дочь Каддафи. Это была совершенно бессмысленная военная акция, приведшая лишь к тому, что она вызвала замешательство в общественном мнении и негодование почти у всех правительств, прежде всего арабских стран, и привела к но-

вым расхождением на Западе. За исключением Тэтчер, разделившей ответственность за эту акцию и предложившей свои услуги, все остальные страны Атлантического союза не только от нее отмежевались, но и направили протесты в различной форме. Для всех это было немотивированным и неприемлемым использованием силы, выходящим вдобавок за пределы целей и географической зоны действия Атлантического союза. Спустя несколько месяцев я выехал в Соединенные Штаты в составе парламентской делегации во главе с Андреотти. Вице президенту Бушу, принявшему нас в Белом доме, Андреотти, выступавший уже не как министр иностранных дел, а как председатель иностранной комиссии, подтвердил вышеуказанную оценку, не встретив никаких возражений. Напротив, в Колумбийском университете в ходе страстной и оживленной дискуссии Андреотти выслушал от представителей Госдепартамента, ученых и журналистов множество упреков и обвинений в трусости итальянского правительства. Дав им выговориться, Андреотти ограничился одной короткой язвительной фразой: «В ливийских событиях даже Бокасса не повел бы себя так, как Рейган».

Несогласие европейцев с американской политикой в отношении Ливии проявилось также в Европарламенте, проголосовавшем подавляющим большинством за резолюцию, отвергнувшую даже попытку прибегнуть к санкциям. «С терроризмом надо бороться политическими, а не военными средствами», — заявил Серджо Сегре, принявший участие в дебатах от нашей партии.

Нарастание террористических актов, попятное движение Хусейна и возросший уровень напряженности в Средиземноморье вновь загнали в угол те силы в ООП, которые работали над созданием условий для политического решения. Более того, на палестинскую организацию беды обрушивались одна за другой. Тунисский президент Бургиба дошел даже до того, что заговорил о целесообразности выезда палестинцев в другую страну. «Мы понимаем ваши трудности, — ответил Абу Айяд, — и готовы уехать отсюда». Бургиба не стал настаивать на своем требовании из боязни, что ООП переберется в Ливию. Политическая инициатива пробуксовывала и в Израиле, тем более что страна должна была преодолевать тяжелый экономический кризис, как нам сообщили Кверчоли и Чинголи, выез-

жавшие в декабре в Хайфу на съезд Ракаха. Перес тем временем съездил к Рейгану в поисках денег. Там он подтвердил решительное несогласие с идеей созыва международной конференции и с какими-либо шагами навстречу ООП. Более того, избобленный все более частыми контактами с палестинскими силами и представителями организации «Мир сейчас», он провел через кнессет закон, согласно которому израильским гражданам под страхом трехлетнего тюремного заключения запрещались любые контакты с ООП. Это был еще один показатель неблагополучия и расхождений в израильском обществе, которые пытались сдержать административными мерами. Но и усилия завербовать на оккупированных территориях людей, готовых следовать директивам Хусейна или Израиля, были обречены на неуспех, тогда как, с другой стороны, нарастал процесс расшатывания позиций Израиля в его стремлении сохранить оккупацию этих территорий, что могло быть сделано лишь путем применения все более массивных средств принуждения и насилия. Андреотти, который в мае 1986 года побывал в Израиле с Туллией Дзеви, председателем Союза еврейских общин Италии, видел, в каком ужасном положении находились оккупированные территории в Трансиордании. По этому поводу он высказался так: «Если бы я родился в лагере беженцев, если бы увидел, что горизонт моих детей ограничивается пределами этого лагеря, думаю, что и я сам стал бы менее миролюбив».

В конце января 1986 года Натта (вместе со мной и Пайеттой) беседовал в Москве с новым генеральным секретарем КПСС Михаилом Горбачевым. По Израилю выявилась некоторая разница в подходах. Натта открыто призывал ускорить восстановление отношений с этой страной, прерванных с 1967 года. Горбачев напомнил, что «Советский Союз внес свой вклад в основание Государства Израиль и всегда четко отвергал любую идею его ликвидации», что же касается восстановления отношений, то это зависит от позиции израильского правительства в отношении палестинцев и их прав. По мнению Горбачева, было необходимо начать процесс, обеспечивающий гарантии всем государствам и всем народам региона, что требовало глобального подхода, который мог быть найден только конференцией, в которой приняли бы участие все заинтересованные субъекты. Он спросил, какова наша полити-

ка в отношении Израиля, с какими силами этой страны мы поддерживаем отношения и каково наше мнение об Арафате «Почему бы вам не пригласить его к себе и не поговорить с ним?» — немедленно откликнулся Натта. По вопросу Горбачева он понял, что в этом плане кое-что меняется и что сторонники альтернативного лидерства в ООП утратили, по всей видимости, свои позиции. «Это хорошая идея, — воскликнул Горбачев. — Думаю, ее можно будет осуществить».

В своем выступлении на XVII съезде ИКП, состоявшемся в апреле во Флоренции, Натта заметил: «Не справедливо, чтобы за трагедию еврейского народа, целиком созревшую в Европе, продолжал расплачиваться ни в чем не повинный палестинский арабский народ, разбросанный по разным странам, загнанный в лагеря, ставший повсеместным объектом позорных расправ... Терроризм против невинных и простосердечных людей не имеет ничего общего с идеями и методами национальной борьбы и является, более того, его противоположностью. С ним надо бороться. Но всегда найдется кто-нибудь, кто станет его сторонником, если не наступит конец отчаянию целого народа, отчаянию, толкающему на отрицание ценности жизни и окружающего мира. Неизбежна новая трагедия, в чем мы убеждаемся каждодневно, если не будет признано за палестинским народом право на существование, на территорию, на государство, так же как было и должно быть всеми признано право на существование Израиля»¹¹. Далее Натта подчеркнул необходимость начать подготовку к созыву конференции в защиту мира и безопасности в Средиземноморье, то есть «идеи, сформулированной десять лет назад депутатом Моро, которую поддержала и компартия». В заключительной резолюции съезда относительно Ближнего Востока говорилось о «поиске политического решения, в котором участвовала бы и ООП и которое гарантировало бы безопасность всех государств региона, включая Израиль, и способствовало бы «объединению усилий» в борьбе с терроризмом.

После съезда Наполитано стал руководителем Международного отдела ЦК ИКП. Это явилось важным событием в нашей работе, потому что, помимо своих качеств и выдающегося ума, Наполитано воплощал на этом этапе международной жизни недвусмысленную европейскую и западную

ориентацию Итальянской компартии как «составной части европейских левых сил». Продолжалось, разумеется, и полезное сотрудничество с Пайеттой и Буфалини, но с Наполитано наша деятельность получила больший импульс и четкую разработку ее основных координат. В отношении Ближнего Востока была сделана попытка более четкого уточнения вопроса о безопасности, все менее связанной с количеством и качеством вооружения сторон или владением смежными территориями, а если это имело решающее значение, то, наоборот, упор делался на мирное сосуществование и взаимное сотрудничество сторон. В этом плане сохранял свое значение лозунг «земля в обмен на мир». Все это должно было стать целью честных и лояльных переговоров между сторонами. Решающим было их признание друг другом. В этом состояло одно из наиболее серьезных препятствий, которое необходимо было преодолеть. Помимо прочего, палестинская организация не получила еще признания со стороны ряда западных стран, в том числе и Италии. Одной из первых парламентских инициатив стала именно резолюция, представленная в палату депутатов и одобренная широким большинством в начале июня, в которой выдвигалось требование к правительству признать ООП и повысить статус палестинского представительства в Риме. К левой оппозиции присоединились депутаты ИСП и значительная часть депутатов ХДП. Но главное состояло в необходимости выдвинуть инициативу, способную всколыхнуть застойные воды и заставить стороны возобновить диалог. Так начался новый период поездок и встреч ИКП с главными действующими лицами ближневосточной и средиземноморской политики.

11 июля вместе с Микуччи и Салати я снова встретился в Тунисе с Арафатом. Встреча произошла в конце очередной сложнейшей и многотрудной подготовительной работы по созыву Конференции прогрессивных сил стран Средиземноморья на тему «Мир, безопасность и сотрудничество в Средиземноморье». Эта идея была выдвинута нашей партией в ходе ее XVI съезда в 1983 году. На нем Берлингуэр подтвердил нашу заинтересованность в проведении «конференции всех сил прогресса и мира Средиземноморья, которая рассмотрела бы, помимо проблем сотрудничества, вопросы бе-

зопасности, преодоления конфликтов и нерешенных противоречий (от Ближнего Востока до Кипра и т. д.), с тем чтобы утвердить превращение Средиземноморья в зону мира»¹². Мы приложили немало труда, чтобы справиться с этой задачей, и в Тунисе нам наконец удалось закончить работу и приурочить созыв конференции к ноябрю и пригласить на нее 38 партий и движений, участвовавших два года назад в аналогичном мероприятии в Белграде. Показательно, что в выпущенном по окончании совещания сообщении уточнялось, что «не были приняты во внимание позиции, учитывающие одностороннее и частичное рассмотрение на конференции отдельных факторов кризиса, а возобладало решение поставить на повестку дня общую тему, в которую вписываются различные ситуации». Со своей стороны, мы публично заявили, что «делегация ИКП считает, что откровенный и объективный обмен мнениями не может не затронуть, наряду с темами военных агрессий или палестинских и ливанских вопросов, проблемы международного терроризма и экономических отношений между обоими берегами Средиземного моря»¹³.

Весьма позитивно прошла встреча нашей делегации с генеральным секретарем Лиги арабских государств Хадли Клиби. Мы встречались впервые, но, к нашему удивлению, Клиби оказался хорошо информированным о нашей партии и ее политике. Он сказал, что особенно ценил Энрико Берлингуэра, из выступлений которого ему очень понравилась речь о режиме строгой экономии. Клиби проявил большую обеспокоенность застоем, в котором находился ближневосточный кризис: «Либо будет сделан шаг вперед к диалогу и переговорам, либо произойдет откат назад к вооруженным столкновениям». Он расспрашивал о наших отношениях с Сирией и Египтом. Было бы важно, сказал он, воздействовать на первую, с тем чтобы она вернулась к политике сотрудничества с ООП и лично с Арафатом и были бы созданы условия для возвращения Египта в лоно великой арабской семьи: «Без Египта не будет ни мира, ни войны». Клиби добавил, что он высоко ценит нашу позицию по международному терроризму, соответствовавшую, впрочем, решимости, с которой мы боролись с внутренним терроризмом и одолели его.

Вопрос о терроризме был сразу же обсужден с Арафатом, с которым на этот раз мы встретились в прекрасном

ближине на окраине Туниса. «Прежде всего, терроризм наносит вред самому палестинскому делу», — решительно заявил палестинский лидер, добавив, что в арабском мире идет работа по созданию «течения стран и движений», желающих сотрудничать с европейцами для предотвращения этой общей угрозы и борьбы с ней. События, связанные с кризисом в заливе Сидра, стали предупреждением для всех. Что же касается палестинской проблемы, то мы подсказали Арафату желательность «выдвижения в новой форме предложений о политическом решении». Наш собеседник отлично все понял, но предпочел дать ответ в виде длинного перечня выдвинутых палестинцами предложений, которые всегда пропадали впустую. Ответ, который мы хотели получить в тот день в Тунисе, пришел спустя два месяца. Выступая в Хараре на Совещании глав неприсоединившихся государств, Арафат сказал, что столь желанная международная конференция могла бы быть проведена на основе резолюций 242 и 338 Организации Объединенных Наций. В разговоре же с нами он ограничился тем, что отстаивал необходимость созыва самой конференции. Арафат сказал, что он беседовал также с Горбачевым во время их первой встречи в апреле в Москве, однако понял, что на первом месте у советского руководства стоят другие цели: тяжелое внутреннее положение, отношения с Соединенными Штатами, разоружение, Афганистан. Интерес к Ближнему Востоку имелся, но носил второстепенный характер. Со своей стороны, я обратил его внимание на то, что Натта, встречавшийся с Добрыниным в Москве, говорил о стремлении советских руководителей снова играть заметную роль на Ближнем Востоке.

Что касается необходимости созыва международной конференции, добавил Арафат, то за нее высказывался также Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, с которым он встречался незадолго до этого. «Важно, — сказал Арафат, — чтобы в ней приняли участие все заинтересованные стороны, а следовательно, и мы». Но Арафат был настроен несколько скептически, ибо в тот момент Израиль не проявлял никакого желания вступать в переговоры. «Если бы у израильтян было такое желание, то они приостановили бы, по крайней мере, строительство новых поселений на оккупированных территориях».

Вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке и терроризмом, вновь обсуждались 19 сентября в Риме на встрече Натты с Мохамедом Шерифом Мессадией, секретарем ФНО Алжира. Как и мы, алжирцы тоже были серьезно озабочены напряженностью и волнениями в районе Средиземноморья, которым не было видно конца. На кон была поставлена общая безопасность. Алжирцы просили также ливийцев умирить свои зачастую неразумные выпады и вызывающий тон. Была отмечена совместная воля положить конец раскручиванию спирали террористических актов, умножившихся за последние недели. Сначала это был угон самолета в Карачи, затем — побоище в стамбульской синагоге и террористический акт в Париже и наконец — убийство французского дипломата в Бейруте. Эту цепочку надо было обязательно разорвать. Для Натты было важно, чтобы международное сообщество не оставило безнаказанными все эти преступления, выявив наверняка их заказчиков и исполнителей. Напротив, по израильско-палестинскому вопросу было отмечено определенное расхождение позиций. По мнению алжирской делегации, ссылки на резолюции ООН были чистым лицемерием, поскольку Израиль никогда их не соблюдал, а, напротив, использовал, добиваясь признания своей страны и забывая поступить аналогичным образом в отношении ООП. Мессадия не разделял к тому же оценку, которую наша партия дала встрече в Марокко короля Хасана II и израильского премьера Переса накануне. Мы тогда утверждали, что «до тех пор, пока будут считать, что Государство Израиль — это историческая ошибка», которую надо исправить, а ООП — это не организация народа, а «банда террористов», не будет сделано ни одного серьезного шага по пути мира на Ближнем Востоке. И никаких шагов не предпримут, если ставка будет делаться на одну лишь сторону. В этом случае лишь обостряются расхождения и экстремизм, проявляемые и с той и с другой стороны¹⁴. Секретарю ФНО Алжира хотелось дистанцироваться от Хасана II. «Но ведь за документ, принятый в Фесе, вы проголосовали вместе, — заметил Натта, — а он мало чем отличается от того, о чем вы говорите». Все же по одному пункту было достигнуто полное согласие. Речь шла о поддержке предложения о созыве под эгидой ООН Международной конференции по Ближнему Востоку, с тем чтобы содействовать разрешению многолетнего кризиса путем переговоров.

Двойной визит в Израиль

В Международном отделе ЦК ИКП мы подвергли глубокому анализу все аспекты напряженности, охватившей Средиземноморье и Ближний Восток, а также многочисленные данные, собранные во время различных контактов. Общая картина выглядела отнюдь не утешительно. Надо было что-то предпринять, чтобы возобновить прежние процессы, тонизировать нашу инициативу и открыть новые возможности. Мы подготовили две миссии: одну в Каир, куда 23 октября 1986 года отправился я, и другую, еще более важную, в Израиль, куда 26 октября выехал Джорджо Наполитано. Наши посольства в обеих странах активно способствовали организации этих визитов, привлекая соответствующие правительства, хотя формально приглашение в Египет было направлено от Национально-демократической партии, а в Израиль — от Международного центра за мир на Ближнем Востоке и от Иерусалимского университета.

Три дня, проведенные в Каире в компании с Джанкарло Ланнутти, еще раз убедили меня в том, что одно дело — обсуждать проблемы Ближнего Востока в таких периферийных странах, как Алжир, Тунис, Ирак или страны Персидского залива, а другое — слушать мнения более значимых — Сирии, Иордании и Египта. Здесь речь шла о них самих, об их проблемах и перспективах, и предмет разговора медленно обретал конкретность. Другой положительной стороной был высокий не только политический, но и интеллектуальный уровень наших собеседников, а также весьма редкое

среди арабских политиков полное отсутствие риторичности и склонности к пропаганде. «Знаете, — сказал нам Хасан Хейкал, бывший насеровский министр, писатель и бывший главный редактор популярной газеты «Аль Ахрам», — арабы увлекаются словами и настолько теряют голову, что слова становятся для них единственной действительностью». Хейкал угостил нас отличным обедом в своем прекрасном доме на Ниле. О политике он не захотел говорить («у вас и так полно политических встреч»), а завел разговор об Италии, Риме, Сардинии, где у него был дом для летнего отдыха. Он говорил об истории, культуре, культурном наследии обеих наших стран и общих судьбах, связывавших народы Средиземноморского бассейна. Воевать не имеет смысла, сказал Хейкал, потому что нельзя уйти от нашей судьбы, и надо, следовательно, жить вместе и сотрудничать друг с другом. Вот почему было необходимо достичь мира на Ближнем Востоке, и заслуга египтян, подчеркнул он, в том, что они первыми среди других арабских стран поняли это («рано или поздно это поймут и другие арабские страны»). Но такого мнения, похоже, не придерживались некоторые представители Прогрессивной партии единства (ППЕ) — странной коалиции, в которой сосуществовали группы марксистского толка, арабские националисты, исламисты, последователи Насера и прочие. Ее секретарь Халед Можеддин, несомненно, выделялся своим сильным характером и тщательно продуманным планом, противопоставляемым линии правящей партии и выражавшим чаяния и требования неимущих классов, влачивших жалкое существование. Но за партией следовало менее 5% избирателей, так что в парламенте оппозицию представляли всего 4 депутата. Что касается ближневосточного вопроса, то Можеддин весьма критически относился к Арафату по причине соглашения, которое тот пытался заключить с Хусейном, что, по его словам, обречет на гибель дело палестинского народа. Секретарь ППЕ осуждал терроризм, но отстаивал право на вооруженную борьбу на оккупированных территориях, то есть в общем придерживался мнения, схожего с мнением оппозиционных группировок в ООП. Дело пошло гораздо хуже, когда после него слово брали представители различных группировок партии. Их анализ и намерения поистине напоминали речи строителей Вави-

лонской башни. Одни отрицали существование какого-либо палестинского вопроса и восхваляли единую панарабскую миссию, состоявшую, по их словам, в освобождении *всей* Палестины, другие вели речь об исламском освобождении. Срединную позицию занимали марксистские группировки, отстаивавшие всего три цели, — борьбу с американским империализмом, сионизмом и построение социализма в Египте. Среди сторонников этих тезисов был также представитель Египетской компартии, который время от времени подмигивал нам. Это был явный намек на нашу предыдущую встречу, от которой, по правде говоря, у нас глаза полетели на лоб. Окольными путями он дал нам понять в гостинице, что хотел бы встретиться, и передал нам адрес в запечатанном конверте. Даже наш таксист пришел в замешательство, прочитав адрес. Затем он долго возил нас по запутанным улочкам, несколько километров мы ехали вдоль «города мертвых», потом взобрались на небольшой холм и наконец остановились возле одиноко стоявшей гостиницы. Даже для партии, действовавшей в подполье, это казалось слишком большой предосторожностью. Наш человек ждал нас в дальнем углу холла, укрывшись за большим растением. Он поспешно усадил нас туда же и принялся говорить о секретных документах, которые якобы доказывают сговор египетского правительства с американцами, о разведке, засылаемой в страну своих агентов, о доверительных сведениях, получаемых коммунистами непосредственно из правительственных кругов. Он говорил непрерывно, слегка понизив голос, часто оглядываясь кругом, не следит ли кто за нами. Мы же с Ланнутти переглядывались со все большим изумлением, как бы спрашивая, не пора ли кончать и убираться восвояси. К счастью, поток «информации» скоро был исчерпан и наш человек распрощался, удовлетворенный тем, что поведал нам тайны, которые мало кто знал. Он предупредил нас только, что завтра утром мы встретимся у Халеда Можеддина, но никто не должен знать, что он коммунист, а нам следует делать вид, что мы с ним никогда не встречались. Лучшего нечего было и желать.

Войти в суть волновавших нас вопросов больше всего помогли встречи с министром иностранных дел Бутросом Гали, бывшим министром Мустафой Халилем, который вел

переговоры по Кэмп-Дэвидским соглашениям, и с Осамой аль Базом, политсоветником президента Мубарака, одним из наиболее умных и проникательных людей, которых я когда-либо встречал среди арабских политических руководителей и которого в высших кругах Каира называли «правой рукой Мубарака в политических вопросах». Аналитические выкладки Бутроса Гали вели к весьма неутешительным выводам. Арабские страны, сказал он, были как никогда разобщены между собой, а сближение Иордании с ООП, которому способствовал Египет, потерпело неудачу, что вновь привело к возникновению в ООП крайних экстремистских настроений, которые обуславливали поведение Арафата. Перес, по мнению Гали, потерял драгоценное время, не совершив ни единого шага вперед. При нынешней коалиции и возможном назначении Шамира на пост главы правительства становятся маловероятными любые переговоры. Арабский и палестинский экстремизм шли практически рука об руку с израильским экстремизмом. После встречи в Венеции Европейское сообщество постоянно уступало американскому давлению, и теперь именно США, отметил Гали, делают хорошую или плохую погоду. Но у американцев существовали и другие приоритеты, а не только Ближний Восток. Советский Союз вновь обратил внимание на этот регион, но делал это очень робко. Бутрос Гали сам недавно встречался с Поляковым и советовал ему выступить с более решительными инициативами. Позитивным было то, что в отношениях между Египтом и Советским Союзом наступило потепление. «Итак, — заключил министр иностранных дел Египта, — мы оказались в тупике, и положение настолько осложнилось, что уже не до тонкостей в выборе средств и инициатив, лишь бы что-нибудь сдвинулось с места». По мнению Гали, необходимо было не расхолаживать общественное мнение, не предавать забвению палестинский вопрос, а созвать международную конференцию. Египет всячески поддерживал эту идею и доводил ее до сознания американцев и израильтян. Но надо было действовать быстро и одновременно добиваться прекращения строительства поселений на оккупированных территориях, иначе наступит момент, когда не станет больше Трансиордании и потеряет всякий смысл требование «земля в обмен на мир». Гали высоко оценивал наши

взаимоотношения с израильскими миролюбивыми силами и отказ от выдвигания каких-либо предварительных условий в отношении Израиля.

Оценки Мустафы Халиля были несколько иными. С некоторых пор его деятельность вышла за рамки правительственной ответственности, и теперь он стал президентом Международного арабского банка. В кругах левых сил его считали проамериканцем. Возможно, это было не так, но наперняка его подход к проблемам отражал взгляды саатовского и проамериканского крыла Национально-демократической партии. Не случайно он начал свой обзор с Кэмп-Дэвида и утверждал, что достигнутые там соглашения стали для палестинцев упущенным шансом, ибо уже тогда они могли добиться признания своих прав. Вместо того чтобы пойти за Египтом, они связались с Сирией, которая добивалась не удовлетворения их чаяний, а создания «Великой Сирии», что позднее вылилось в настоящую оккупацию Ливана и попытку удержания палестинцев под сирийской опекой. И сейчас Сирия желала не переговоров, а возможности перевооружения в целях достижения сомнительного стратегического равновесия с Израилем.

Кэмп-Дэвид был не единственным возможным путем. Соглашение между Хусейном и Арафатом в феврале 1985 года, сказал Халиль, было также хорошей идеей. По его словам можно было согласиться и с конфедерацией без предварительного создания палестинского государства, но большая часть палестинцев и арабских стран выступала против. «Ждать, что арабы придут к общей позиции, это просто утопия». Халиль испытывал также сомнения в отношении международной конференции. Чтобы добиться успеха, нужна была предварительная договоренность двух великих держав и такое содействие конференции, которое удовлетворило бы Израиль, в противном случае последний воспротивился бы ее созыву. Конференция заставила бы палестинцев согласиться с переговорами на основе резолюций 242 и 338 и отказаться, хотя бы на время, от независимого государства. Они могли бы, следовательно, получить немного земли, но без создания собственной политической системы. Отсюда множество сомнений в достаточности международной конференции для того, чтобы размотать столь сложный клубок. Мустафа Ха-

лил не видел краткосрочных решений, его взору открывался лишь длительный период напряженности. Главное, считал он, это не оказаться втянутыми в новые войны.

Озама аль Баз удивил нас неожиданной похвалой политических позиций нашей партии, за которыми он внимательно следил с 1967 года и знал основательно. Он считал их «наиболее серьезными, мудрыми и последовательными среди позиций всех европейских левых партий. Ваш и наш подход к вопросам Средиземноморья и Ближнего Востока очень схожи». Озама аль Баз поблагодарил нас за то, что мы отстаивали присутствие делегации их партии на съезде ИКП в 1979 году. «Знаете, тогда мы были изолированы, от нас все отшатывались, как от зачумленных. Ваше приглашение и ваша поддержка помогли нам возобновить связи с европейскими левыми и демократическими партиями и наиболее разумной и мыслящей частью палестинского движения. Мы можем многое сделать в их интересах». Арафат, добавил он, также придерживается того же мнения о нашей партии.

Свой анализ Озама аль Баз начал с очень широкого круга вопросов. Чтобы лучше разобраться в событиях на Ближнем Востоке, надо, как он считал, рассмотреть их в трех разных планах. Во-первых, в *глобальном* плане, связанном с двумя сверхдержавами и их интересами в регионе. Нравится нам или нет, но отношения между США и СССР сыграют решающую роль в будущем развитии и этого региона. Каждая из двух сверхдержав имеет важные интересы, которые им приходится защищать. К сожалению, в их действиях есть асимметрия, играющая отрицательную роль. Во времена Картера даже самые робкие американские шаги на пути решения спорных вопросов наталкивались на жесткую позицию Брежнев и советского руководства, теперь же, когда Горбачев проявляет большую готовность и открытость, Рейган демонстрирует непримиримость. Для достижения диалога и понимания нужна большая симметрия в поведении США и СССР. Аль Баз знал о наших встречах с Горбачевым и просил высказать ему свои соображения. Египтяне тоже надеялись, что новый руководитель СССР сможет дать сильный толчок, способный вывести из застойного состояния застарелый и болезненный кризис на Ближнем Востоке.

Вторым планом был *региональный* аспект. Прибрежные арабские страны и страны Европы имели в Средиземноморье одни и те же интересы, связанные с безопасностью. К сожалению, европейцы все больше играли роль вспомогательной силы Соединенных Штатов. Их усилия сводились главным образом к заявлениям доброй воли. Нужно было возобновить самостоятельную инициативу арабов и европейцев. Но евро-арабский диалог едва теплится. Ответственное отношение европейцев объяснялось, главным образом, тем, что в своих связях с арабскими странами они руководствовались почти исключительно экономическими расчетами, и прежде всего нефтью. «Этого мало, и это, если позволите, весьма недалекновидно. Необходимо проявлять больше отзывчивости к неотложным проблемам Средиземноморья, а именно к вопросам безопасности и сотрудничества. В этой зоне живут 200 миллионов человек, и она не может быть предоставлена сама себе или обречена на упадок. Через 20 лет европейцы могут оказаться на расстоянии менее одного летного часа от жутких бидонвилей, и это может стать невыносимым бременем для их собственного развития в долгосрочной перспективе». Аль Баз добивался большего политического и экономического сотрудничества между Европой и арабскими странами Средиземноморья и возобновления политико-дипломатической инициативы, которая отталкивалась бы от Венецианской декларации 1980 года.

И наконец, существовал третий план *локального* характера. Здесь было множество отрицательных моментов. Прежде всего, раскол среди палестинцев. Особенно беспокоило аль База положение внутри ООП. За исключением Алжира, Туниса и Египта все другие арабские страны вмешиваются в их дела. Египтяне поддерживают Арафата и ООП, без которых невозможно решение палестинской проблемы и ближневосточного кризиса. Вторым отрицательным моментом стал провал соглашения между Иорданией и ООП. Ответственность за это несли, конечно, иорданцы и американцы, которые пытались подорвать внутреннее единство ООП и поставить под вопрос ее отношения с населением оккупированных территорий, но нельзя было забывать и об ответственности сирийцев и советской стороны, которые вставляют палки в колеса, опасаясь, что палестинцы пойдут на

поводу американцев. Надо добавить, что арабские страны не имеют общей точки зрения на ООП также и потому, что многие из них заняты другими делами: страны Персидского залива — войной между Ираком и Ираном, страны Магриба — Западной Сахарой. Действительно заинтересованные государства — это Египет, Иордания, Сирия и Ливан. Но Сирия не считает выгодным добиваться какого-либо решения до тех пор, пока она не достигнет иного военно-технического равновесия с Израилем. Только тогда она решит, что ей лучше делать: добиваться мира или вести войну. Откладывая решение палестинского вопроса в долгий ящик — это катастрофа для палестинцев, ибо израильская политика поселенных территорий. В самом Израиле отмечаются противоречивые явления. Большинство населения еще не созрело для уступок палестинцам и сосуществования с ними, предпочитая чувствовать себя в своего рода большом гетто. Но последнее поколение, родившееся в Израиле и сроднившееся с Ближним Востоком, уже иное. Оно не питает реваншистского духа своих отцов, и ему не хочется умирать за Ливан и держать в угнетении захваченные территории и их население. С такой молодежью можно построить мир.

Что делать в подобной ситуации? Озама аль Баз твердо отстаивал необходимость созыва международной конференции. Весьма позитивно он относился к предложению, выдвинутому Миттераном во время встречи с Горбачевым: перейти сразу к созданию подготовительного комитета в составе пяти постоянных членов Совета Безопасности. Наша партия, заметил я, немедленно подхватила это предложение. Аль Баз возразил, что было бы важно, чтобы высказались европейские правительства и проявили свою инициативу. Надо внести ясность и по вопросу терроризма. Арафат и Каир сделали по этому поводу важное заявление, теперь нужно его придерживаться, но и Западу следовало бы занять по этому вопросу более уравновешенную позицию. Египтянам и во сне не могло бы привидеться, что итальянское правительство несет ответственность за «красные бригады». Следует понять, что и палестинцы имеют свои «красные бригады», которым Арафат намерен противодействовать. Надо помочь ему в этом, придав борьбе с терроризмом междуна-

ринный размах, а не путать справедливую борьбу за освобождение с террористическими вылазками. ИКП могла бы, по мнению аль База, оказать воздействие на советское руководство, дав ему понять, насколько вредно ослаблять Арафата и сидеть на двух стульях в вопросе о лидерстве в палестинском движении. Он был, похоже, очень доволен, когда я сказал ему, что Натта ставил эту проблему непосредственно перед Горбачевым и что вскоре после этого в Москве состоялась встреча между советским лидером и руководителем палестинской организации. Ему было также приятно услышать, что в беседе с Клиби и руководителями некоторых арабских стран мы ставили проблему возвращения Египта в Лигу арабских государств.

Последний аргумент, который мы обсудили, касался отношений с прогрессивными и миролюбивыми силами Израиля. Баз считал, что необходимо работать по-умному, чтобы попытаться отделить лейбористов от Ликуда и создать условия для их победы на ближайших выборах. С Ликудом нельзя будет добиться мира. Аль Баз рад был услышать, что на днях в Израиль выезжает Наполитано. «Сообщите нам результаты этого важного визита, — попросил он, — мы могли бы разрабатывать в будущем тройственные инициативы: мы, вы и миролюбивые силы Израиля».

Я едва успел сообщить Наполитано соображения, высказанные в Каире, как он улетел в сопровождении Яники Чинголи в Тель-Авив. Газеты уделили много внимания этому визиту, как и отдельным моментам его пребывания в Израиле. Но не потому, как писал Молинари, что этой поездкой ИКП «фактически перечеркнула выбор, сделанный партией в 1967 году, когда она, последовав примеру Москвы, стала избегать любых контактов с Иерусалимом»¹. В Риме мы еще до этого установили отношения с израильским посольством, с которым наладили периодический обмен оценками и информацией. По крайней мере раз в месяц советник посольства Гидеон Бен Ами приходил на улицу Боттеге Оскуре для выверения взаимных оценок и мнений. Представители посольства приглашались также на наиболее крупные мероприятия партии, особенно на общенациональные праздники газеты «Унита» с учетом того, что с середины 80-х годов мы устраивали на них общественные дебаты между палес-

тинскими и израильскими деятелями с участием представителей всех итальянских политических сил демократического направления. Как раз месяцем ранее на празднике в Милане состоялись дебаты с участием Ханны Сениоры и Арие Яри, а на фестивале в Турине — с участием Менера Хаммада и Арие Шапира. Поездка Наполитано привлекала большое внимание по разным причинам. Прежде всего, благодаря своим качествам этого человека и его положению, которое соответствовало усилиям партии как можно ясней подчеркнуть свое место на Западе и внутри европейских левых сил социалистической и социал-демократической ориентации; кроме того, в силу особого момента международной жизни, когда осуществлялся визит; а также с учетом позиции Итальянской компартии, развивавшей тесные отношения с теми, кто ее вдохновлял, — Горбачевым, Миттераном и неистощимым Вилли Брандтом. И, наконец, надо иметь в виду программу визита, предусматривавшую встречи на высоком уровне с членами кнессета и израильского правительства. Для того чтобы особенно подчеркнуть важность визита, Наполитано провел свою первую встречу с Шимоном Пересом, бывшим до недавнего времени главой правительства, а в момент визита — министром иностранных дел. Это была особо важная встреча. Содержание беседы можно было понять из заявления, сделанного Наполитано по ее окончании: «Встреча дала нам возможность пояснить и сопоставить соответствующие точки зрения. Мы не замалчивали разногласия, особенно проявившиеся по таким вопросам, как оценка ООП и ее позиций, а также положение оккупированных территорий и их перспективы. Обмен мнениями был безусловно полезным для выявления возможности проведения мирных переговоров в рамках международной конференции в целях разрешения арабо-израильского конфликта и проблемы самоопределения палестинского народа. Именно для выявления таких возможностей и внесения вклада в облегчение конкретных позитивных шагов я и совершаю этот визит и проведу встречи с многочисленными представителями прогрессивных сил Израиля и с палестинским представительством, возглавляемым Ханной Сениорой»².

Удачным шагом явилось проведение до этих встреч общественной конференции в Еврейском университете Иеру-

салима на тему «Итальянская коммунистическая партия и конфликт на Ближнем Востоке». Большая часть собеседников, с которыми предстояло встретиться Наполитано, знала нашу партию и ее позиции как в целом, так и в том, что касалось ее линии в отношении Ближнего Востока. Но возможность говорить непосредственно с общественностью Израиля и оккупированных территорий через учреждения массовой информации была использована им полностью для того, чтобы сообщить более точные сведения, рассеять оставшиеся предрассудки и недоверие, внести ясность относительно цели наших действий в настоящее время. Наполитано постарался прежде всего дать исторический обзор развития позиций ИКП в отношении Ближнего Востока и Израиля начиная с 1947 года. Он выделил два основных момента, которые, невзирая на меняющиеся обстоятельства, постоянно их характеризовали: поддержка создания государства Израиль, защита его существования, необходимость признания и гарантий его безопасности со стороны арабских государств и палестинцев, с одной стороны, и столь же твердое отстаивание создания палестинского государства, солидарность с борьбой палестинского народа и его требованием самоопределения — с другой. «На протяжении этих лет ИКП старалась выработать самостоятельные и взвешенные оценки, выступая против всякого рода нетерпимости, экстремизма и фанатизма». Затем Наполитано охарактеризовал более близкие этапы, стараясь как следует разъяснить наши позиции по терроризму (аргумент, который, как ему было известно, сильно затрагивал чувства внимавшей ему аудитории). Он вступил в открытую полемику с американцами, чьи односторонние представления об этой проблеме подвергли серьезному риску безопасность и мир на Ближнем Востоке во время столкновения с Ливией. «Ответ терроризму, — утверждал Наполитано, — не может формулироваться в виде военных репрессий или дестабилизирующих действий в отношении любого государства, идущих вразрез с международным правом. Речь идет о борьбе, которая требует самого широкого сотрудничества между органами разведки и полицией всех заинтересованных государств и должна сопровождаться решительными и настойчивыми политическими действиями, направленными на разрешение проблем и конфликтов, раз-

вите которых служит питательной средой для самых изощренных и отчаянных вылазок... Позиция ИКП по вопросу борьбы с международным терроризмом является твердой и неизменной, такой же она была и в борьбе с итальянским терроризмом. Терроризм, — добавил Наполитано, цитируя выражение, использованное Наттой в Европейском парламенте, не имеет ничего общего с идеалами и опытом борьбы за освобождение, начиная от партизанской войны с нацифашизмом»³. Терроризм, сказал он, был, кроме того, направлен против наиболее открытых и реалистических позиций в палестинском движении и нанес серьезный вред его делу.

После этого Наполитано выразил «живейшую обеспокоенность застойным состоянием обстановки на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Это привело многие европейские правительства, включая итальянское, к пессимизму и отказу от какой-либо инициативы. Но как ИКП мы отказывались и отказываемся от того, чтобы оправдывать подобную линию или поступать подобным же образом. Мы не можем позволить себе роскоши надеяться и ждать, а тем более отчаиваться и ждать». Исходя из гордого отказа от славы своих позиций, несмотря на кажущуюся безнадежность обстановки, Наполитано так определил цель и смысл своего визита: «Я приехал сюда и для того, чтобы лучше понять, какие проблески надежды еще существуют, по каким путям еще можно идти. Я здесь, потому что мы, итальянские коммунисты, убеждены, что в Израиле, среди левых и прогрессивных сил, имеются конструктивные и открытые позиции, позволяющие вести поиск действенного разрешения арабско-израильского конфликта. Я здесь, потому что в новейшее время мы стали свидетелями проявления новых возможностей в международной обстановке и особенно в отношениях между Западом и Востоком, между Советским Союзом, арабским миром и Израилем, новых возможностей для попыток построения мира на Ближнем Востоке. Итак, ИКП настроена оказать содействие в этих попытках, сознавая пределы своих возможностей, но и важность той роли, которую она может сыграть в Италии и Европе, среди левых сил Италии и Европы, а в более широком плане — на международной арене»⁴. Содействовать расчистке путей, ведущих к диалогу и миру на Ближнем Востоке, — такова, следовательно, цель

инициативы ИКП в отношении непосредственно заинтересованных сторон. Какие возможности существуют для этого и было как раз тем, что пытался выяснить Джорджо Наполитано, встречаясь с самыми разнообразными собеседниками. В Восточном Иерусалиме он встретился с многочисленной палестинской делегацией в составе Ханны Сениоры, Файеза Абу Рахме, адвоката из Газы, Мустафы аль Натше, мэра Хеврона, смещенного израильскими властями, Абу Зулафа, директора газеты «Аль Кудс», профессоров Саэба Эраката и Мохаммеда Шедида из Наблусского университета и Давида Куттаба. В кнессете Наполитано встретился с депутатами различных партий (лейбористами Орой Намиром и Менахемом Хакоэном, Хайкой Гросманом из Мапама, Раном Коэном дель Ратцом и Матти Пеледом из Прогрессистского списка мира и Мордехаем Виршувским и Зейданом Атши дель Шинуи (правительственный центр). В Тель-Авиве состоялись беседы с руководящими группами Мапама и Ракаха и с секретарем лейбористской партии Узи Барамом, «высоко оценившим серьезность и уравновешенность проводимой ИКП линии и самостоятельность ее выбора»⁵. Результаты этих встреч были затем подытожены на конференции «Роль Европы и европейских левых сил в налаживании диалога и борьбе за мир», организованной Международным центром за мир на Ближнем Востоке. Вновь изложив основы линии, проводимой нашей партией, и намерения, с которыми он приехал в Израиль, Наполитано затронул некоторые темы, которые обсуждались на разных встречах, подчеркнув, что он говорит с каждым собеседником с той же откровенностью и на «том же языке, без двуличия и желания подстроиться под него».

Международная конференция, на взгляд Наполитано, должна была бы сыграть организующую, посредническую и гарантирующую роль и иметь среди своих участников все заинтересованные стороны. В том числе, разумеется, и ООП. «Мы всегда признавали за Израилем право на существование и безопасность; предпосылкой созыва и успеха конференции является признание права палестинского народа иметь свою родину, территорию и независимое государство». По поводу оценок роли ООП и Арафата Наполитано сказал: «Мы видим в этой организации единственное представительное

выражение воли палестинского народа, единственную организацию, которая может говорить от имени палестинского народа, а в Арафате — достойного политического руководителя, способного занять реалистические и конструктивные позиции». Он утверждал, что «открытостью и конструктивностью, направленными на поиск действенного разрешения конфликта» отличаются также позиции левых группировок и прогрессистских сил Израиля, а также недавние дипломатические инициативы Переса (тут он сослался на его встречу в Марокко с королем Хасаном II). Он нашел очень лестные слова о «роли, будущей судьбе Израиля и о самом его демократическом характере, по крайней мере, в том виде, как его задумала та часть общественно-политических сил, которая выносила идею и основала это государство, вдохновлявшееся идеалами социализма и ценностями европейских левых сил». Наполитано не скрывал, что эти идеалы поставлены на кон и «продолжение конфликта и реализация планов аннексии оккупированных земель приведут Израиль к попыткам надолго навязать свое господство миллионам палестинцев и перечеркнет его демократический характер и его еврейскую сущность, столь близкие сердцу его основателей».

Что могла сделать ИКП для того, чтобы способствовать преодолению трудностей и возобновлению диалога? Наполитано обрисовал возможность выдвижения определенных инициатив в отношении итальянского правительства и в Европейском парламенте, а также действий, согласованных с некоторыми левыми силами Европы. Мы уже ставили перед Горбачевым, добавил он, проблему восстановления отношений с Израилем и будем настаивать на этом, чтобы дело увенчалось успехом. Он также подчеркнул, что мы продолжим наши усилия по оказанию содействия еврейским гражданам, которые добиваются разрешения на выезд. Наполитано сообщил, что Шимон Перес «оценил усилия, прилагаемые ИКП для оказания содействия евреям в СССР».

Сообщение, которое Наполитано сделал по возвращении в Италию, оказалось более проблематичным. Естественно, что в партийных стенах нам предстояло проделать более жесткий анализ, чтобы лучше уяснить себе причины трудностей и сделать правильные политические и рабочие выводы. Было ясно, что переговоры блокированы из-за предва-

рительного требования двойного признания. Предпринимались также осторожные шаги, чтобы пойти навстречу друг другу (Арафат в Хараре заявил о готовности вести переговоры на основе резолюции 242; Перес прибегнул к формулировке «вести переговоры со всеми, кто отвергает насилие»), но тот же Перес повторил Наполитано, что «никогда не будет вести переговоры с ООП». Если обе стороны застыли на негативных позициях, значит, делал вывод Наполитано, «возрастает роль, которую могут сыграть «третьи стороны» в отношении обеих конфликтующих сил». При этом он имел в виду пятерых постоянных членов Совета Безопасности, ЕЭС, европейские левые силы (Брандт говорил нам, что он не может сделать много в отношении Израиля, но постарается на это подвинуть Социалистический интернационал). Но нужны были «жесты», которые дали бы этому толчок. Наиболее открыто настроенные израильтяне ждали временного приостановления вооруженной борьбы, палестинцы — прекращения строительства еврейских поселений и переселения людей. Второе препятствие состояло в неопределенности цели, к которой должно было привести предполагаемое политическое решение. Предметом спора оставались основание Палестинского государства и его отношения с Иорданией. Можно ли было допустить возможность того, что переговоры начнутся с некоторых компромиссных предположений, приемлемых для обеих сторон, но не определять заранее, каков будет окончательный результат? А если можно, то о какого рода международной конференции должна была идти речь? Наполитано сообщил, что на Ближнем Востоке он столкнулся с двумя противоположными позициями: с позицией Переса, считавшего, что международная конференция должна послужить простым введением в обсуждение вопроса, или своего рода «торжественной церемонией открытия», и с позицией палестинцев, которые, напротив, считали ее «панацеей» от всех бед, способной навязать определенные решения Израилю. Наполитано относился к конференции более реалистически, как к моменту продвижения переговоров, совершению посреднических действий и созданию определенных гарантий для соблюдения заключительных соглашений. Больше согласие вызывала, похоже, идея рассредоточения переговоров на «разных столах» между

сторонами и государствами, вовлеченными в конфликт. Другая тема, нуждавшаяся в оценке, была связана с различными тенденциями, до сих пор существовавшими в палестинском движении, и с необходимостью восстановления внутреннего единства ООП, избегая при этом как двусмысленности позиций, так и паралича в выдвижении инициатив. Наполитано утверждал, что в этом смысле имеется множество опасений среди палестинцев оккупированных территорий, не разбиравшихся до конца ни в спорах, возникших после заключения соглашения с Иорданией, ни в подлинных причинах провала последнего. Необходимо было подержать умеренную часть, избегая при этом внутренних расколов, которые могли придать силу экстремистскому крылу, направив его по пути террора и насилия. Время, по правде говоря, не играло на руку ООП и Арафату. Это было еще одним доводом, требовавшим покончить с застойной ситуацией. Демократически настроенные круги Израиля ощущали опасность извращения природы своего государства в результате фактической или формальной аннексии захваченных территорий («Великий Израиль»), к чему толкали Ликуд и наиболее крайние религиозные группировки. Но и здесь время, при продолжении насилия и колонизации, не играло на руку Пересу, лейбористам и левым силам. Недаром Перес сказал, что он полон решимости использовать любую историческую щель для начала переговоров и усиления давления внутри правительства, даже если придется пойти на риск разрыва с Ликудом и проведение досрочных выборов.

В конце концов был согласован план инициатив, вокруг которых можно было развернуть работу и прежде всего побудить итальянское правительство и Европейское сообщество сделать новые шаги в поддержку подготовки международной конференции и создания благоприятных условий для сближения и переговоров между сторонами. Кроме того, надо было продолжить проработку проекта организации в Италии встречи между представителями израильских парламентских сил и Национальным советом Палестины; начать инициативную работу по углублению культурно-исторического анализа сионизма, усилить конструктивные контакты с еврейскими общинами в Италии, наладить лучшее понимание в партии реального положения на Ближнем Востоке на современном этапе

и палестинской проблемы. Затем Наполитано и я рассказали на пресс-конференции о результатах двойной миссии в Каир и Иерусалим и подтвердили, опираясь на новые, собранные нами данные, стремление ИКП сделать все необходимое для того, чтобы были использованы «все возможные пути к переговорам». Позднее Наполитано вместе с Пьеро Фассино выступил перед еврейской общиной и рассказал многочисленным собравшимся, слушавшим его с особенно большим вниманием, о смысле и результатах своей миссии в Израиль.

10 января 1987 года Наполитано вновь встретился с Шимоном Пересом в Риме, куда тот приехал для участия в съезде ИСДП. Это была сердечная встреча, в которой приняли также участие Массимо Минуччи и я, однако единственным ее практическим результатом стало укрепление личных связей и связей с Лейбористской партией Израиля. Хотя в это время благодаря улучшению отношений между СССР и США отмечалось некоторое оживление дипломатической деятельности, Израиль, казалось, не был намерен выдвигать самостоятельных инициатив. Создавалось впечатление, что Перес с интересом внимал каждой новости, например известию о письме, направленном Горбачевым Совещанию в верхах Европейского сообщества с целью мобилизации общих усилий для созыва Конференции, но не стремился раскрывать своих карт. Единственно, к чему он не скрывал своего интереса, это ИКП.

Со стороны итальянского правительства также отмечалась большая активность в выдвижении инициатив. На итало-испанской встрече в верхах председатель Совета министров Кракси предложил создать «группу поддержки» мира в Средиземноморье. В том же январе министр иностранных дел Андреотти и министр обороны Спадолини отправились с визитом, соответственно, в Иорданию и Израиль. Их заявления по возвращении были отмечены оптимизмом, хотя и не изобиловали разъяснениями в отношении оставшихся открытыми вопросов. Это было тотчас же замечено Наполитано, который просил «пояснить, являются ли заявления Андреотти и Спадолини свидетельством того, что итальянское правительство обрело большее единство намерений и воли к действию и собирается предпринять конкретные шаги при

других европейских правительствах и обоих великих державах с тем, чтобы способствовать, прежде всего, созданию подготовительного комитета для созыва Международной конференции за мир на Ближнем Востоке»⁶.

Тем временем в Ливане произошла новая расправа о палестинцами. Уже в конце ноября — начале декабря предидущего года шииты «Амаля» начали кровавое наступление на лагеря беженцев. К возобновившимся налетам шиитов добавились израильские бомбежки лагерей Буриж и Баражнех, Сабра и Шатила. На отчаянный призыв Арафата прекратить бойню секретариат ИКП ответил выражением «предельно четкого осуждения ожесточенных атак «Амаля» и израильских бомбовых ударов по лагерям». В ноте секретариата говорилось далее о «настойчивом призыве ко всем ливанским силам, к странам, имеющим вес и несущим ответственность за положение в Ливане, и прежде всего к Сирии, прекратить всякую прямую или косвенную поддержку или соучастие в насилии, применяемом движением «Амаля» против палестинцев»⁷. Секретариат требовал затем от правительства немедленного принятия политических и дипломатических мер для останова побоища и прекращения налетов на палестинские лагеря.

Палестинский министр иностранных дел Фарук Каддуми прибыл в Рим, чтобы сообщить сначала правительству, а затем Натте информацию о драматической ситуации в ливанских лагерях. Был подготовлен план чрезвычайной помощи пострадавшему населению и согласована инициатива, которая позволила бы снять блокаду с лагерей. Помимо своих задач в Риме Каддуми имел также задание побудить правительство и демократические политические силы страны сделать все возможное для скорейшего созыва международной конференции. Этого настоятельно требовала серьезность положения; путь к конференции был к тому же расчищен недавними выступлениями Горбачева и Миттерана. Со стороны Израиля также отмечались многозначительные сдвиги. Лейбористы и Перес заявили о своей поддержке конференции, если будут до конца уточнены роль, которую будет играть конференция, и круг ее участников. Следовало оказать давление и на Соединенные Штаты, продолжавшие проявлять колебания, и преодолеть упорное сопротивление Ша-

мира и Ликуда. Из Италии Каддуми уехал, имея в своем активе обещание итальянского правительства способствовать продвижению европейской инициативы по созыву конференции и полную поддержку со стороны нашей партии. В связи с проводившимся в апреле совещанием Социнтерна в Риме мы сразу же принялись за организацию встречи между посланником КПСС Кареном Брутенцем и министром иностранных дел Израиля Пересом. Как затем сообщил нам Брутенц, беседа имела большое значение и советский представитель вынес из нее впечатление, что Перес занимает конструктивные позиции в отношении конференции. Мешала, однако, неопределенность участия в ней палестинцев. Для выяснения этого вопроса надо было изучить наиболее приемлемые формы. Брутенц возлагал большие надежды на те решения, которые будут приняты на НСП, созываемом 20 апреля в Алжире. Они постарались сделать все возможное, чтобы как можно полнее восстановить внутреннее единство и выявить наиболее реалистичные пути для отстаивания политического решения. Новый курс Горбачева чувствовался и в ближневосточной политике. Немер также говорил нам при вручении приглашения о «советской поддержке и о поддержке всего арабского мира», предсказывая, что на Совете одержит верх «широкая унитарная линия, к которой присоединятся Хаббаш и Хаватмех». НСП должен был, по его прогнозу, выработать платформу, основанную на выводах Феса и НСП 1983 года, а также высказаться по поводу созыва международной конференции. На самом деле ход работы НСП, за которой наблюдали от ИКП Джанкарло Пайетта и Массимо Минуччи, был не столь гладким и предсказуемым, как нам говорили. Положительных и достаточно важных моментов было на нем много. Прежде всего речь шла о полном согласии с проведением международной конференции, против которой на этот раз никто не выступал. Выдвигались, разумеется, требования, связанные с ее полномочиями и с участием в ней ООП «при соблюдении полного равноправия». Было вычеркнуто дополнение о «независимой делегации», и это стало важным достижением Арафата, так как предоставляло ему довольно широкое поле для действий. Затем выражалось пожелание о «диалоге с демократическими израильскими силами» (тогда как в Аммане речь шла о «ев-

рейских силах»), признающими право на палестинское самоопределение, выступающими против политики экспансионизма и признающими ООП». И, наконец, был достигнут удовлетворительный уровень внутреннего единства в ООП, ставивший совершенно непреодолимые препятствия на пути любой попытки альтернативного представительства единой организации, уполномоченной выступать от имени палестинцев. Это явилось звонкой пощечиной Сирии, не отказавшейся от попыток посеять семена раздора и накануне созыва Национального совета. Совместно с Ливией была даже предпринята попытка вернуть в организацию Абу Нидала, но она натолкнулась на решительное противодействие Фатха и НСП, подтвердивших его исключение. Сирийцы уже под занавес попытались исправить положение и направили НСП текст коммюнике, принятого Горбачевым и Асадом, в котором утверждалось, что единственной палестинской организацией является ООП, руководимая Арафатом, и что все должны иметь дело с последней. Что же касается политического решения конфликта, указания НСП оставались не совсем ясными. Речь шла о полном согласии с расторжением Амманского соглашения и о созыве международной конференции, но умалчивалось о конкретных способах (как и на какой основе) проведения переговоров между заинтересованными сторонами. Возможно, здесь сыграла роль боязнь усугубить размежевание между арабскими странами. На совещании в верхах в Кувейте, предшествовавшем НСП в Алжире, были отвергнуты резолюция 242 и всякие предложения о возможности иордано-палестинского «кондоминиума». На НСП в Алжире произошло довольно бурное столкновение из-за Египта, спровоцированное также посланием Мубарака, в котором практически выдвигалось требование пересмотреть оценки, сформулированные сразу же после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений, и отменить предыдущие решения Палестинского совета. Кто-то подкинул мысль, что жесткая позиция Мубарака была подсказана Соединенными Штатами, озабоченными возможностью воссоединения под эгидой СССР арабского фронта с палестинским. Заключительная резолюция НСП подчеркивала важность «возвращения Египта к его естественному положению в лоне арабской семьи», но все еще настаивала на различии

между египетским режимом и народом, что привело в ярость египетского «раиса». Арафату в любом случае удалось воспрепятствовать очередному включению в резолюцию отрицательной оценки Кэмп-Дэвида и благодаря этому сохранить открытую дверь для Египта.

Довольно неприятным фактом для НСП явилось включение Абуля Аббаса в Исполнительный комитет. Западная и особенно итальянская печать подняла по этому поводу большой шум. Вместо того, чтобы получить справедливое наказание, утверждала она, человек, в наибольшей мере признанный виновным в захвате теплохода «Акилле Лауро», удостоился даже поощрения. ООП, возможно, не ожидала столь широкого отклика и постаралась загладить это впечатление в интервью Абу Айяда, предоставленном газете «Коррьере делла Сера», и на пресс-конференции, где выступил сам Арафат, заявивший, что «Абуль Аббас лишь временно введен в Исполнительный комитет в качестве представителя одного крыла Фронта освобождения Палестины». При воссоединении последнего с основной частью Фронта секретарь объединенной организации должен будет решить вопрос о том, кто займет его место в палестинском правительстве. Пагубность подобного выбора оставалась, однако, в силе, и не только Пайетта, но и Натта, выступивший после него, высказали руководству ООП неодобрение нашей партии.

Важное положение политической резолюции относилось, наконец, к «необходимости направить всю энергию на усиление сопротивления палестинских масс на оккупированных территориях, поскольку это сопротивление, вызванное сильной приверженностью масс к своим национальным правам и к ООП как единственному и законному представителю и руководителю национальной борьбы, является основным источником усиления нашей борьбы в различных областях». Это многозначительное утверждение не только верно отражало центральную тему сессии Национального совета («сессии национального единства и сопротивления палестинских лагерей и оккупированных территорий»), но и указывало на главное место действия (или «источник» борьбы палестинского движения на новом этапе). Это стало провозвестием той борьбы, которая получила название Интифады. Национальный совет создал координационный комитет ООП для оккупированных территорий.

При всех своих достоинствах и недостатках состоявшийся в Алжире Национальный совет стал, в любом случае, новым импульсом в выдвижении дипломатических инициатив и ускорении созыва международной конференции. Проводником его инициатив явилась и наша группа в Европарламенте, которая в сотрудничестве с самым сильным объединением социалистов проголосовала за документ, призванный к активным действиям в этом направлении. 1 июля весь президиум парламентской группы коммунистов — ее председатель Джанни Черветти, заместитель председателя Рене Пике (Франция), Миранда Да Сильва (Португалия), Васили Эфремидис (Греция), Одилле Бозеруп (Дания) — вместе с секретарями Жераром Лапра, Анджело Оливой и Кратисом Калликратидасом были приняты в Тунисе Арафатом. В состоявшейся беседе были затронуты три вопроса: вклад ЕЭС в созыв международной конференции путем выдвижения собственных инициатив при соблюдении позиций, выработанных Советом министров и парламентом в Страсбурге; развитие диалога со всеми миролюбивыми и прогрессивными силами Европы и Средиземноморья и особенно Палестины и Израиля; борьба с любым проявлением фанатизма и фундаментализма в Ближневосточном регионе и за его пределами. Председатель ООП заявил делегации о «стремлении прийти к разрешению конфликта и утверждению палестинского дела при уважении основных принципов и всей совокупности резолюций ООН».

Лишь из Израиля не поступало ничего нового. Тогда было решено, что настал подходящий момент воспользоваться приглашениями, полученными от Ханны Сениоры на международную конференцию, организованную Аль Файром, и от Арие Яффе и Арие Шапиро (Мапам), которых мы встретили в апреле в Риме вместе с секретарем лейбористской партии Узи Барамом во время работы Социалистического интернационала.

Делегация, направившаяся в Израиль и на оккупированные территории, состояла, помимо меня, из депутата парламента Маризы Родано и Массимо Минуччи (оба члены ЦК ИКП), Яники Чинголи от Ломбардского обкома ИКП и Эмилио Полити от газеты «Унита». Первые три дня мы

посветили знакомству с главными центрами оккупированных территорий — Восточным Иерусалимом, Наблусом, Рамаллахом, Вифлеемом, Хевроном и Газой. Верно говорит старинная китайская пословица, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Впечатление, которое мы вынесли, было ужасным и превосходило всякое воображение. Речь шла не только о военной оккупации городов, но и о ползучей аннексии, осуществлявшейся через тысячи всевозможных каналов. Так называемая приостановка строительства поселений была сплошным обманом, так как число поселений постоянно увеличивалось, а количество их жителей уже составляло примерно 70 тысяч человек. Наряду с этим каждый день у населения отбирали все больше земли и воды. В Газе немногим более 2 тысяч колонистов возделывали 30 процентов плодородной земли и потребляли 60 процентов воды. Остальными 40 процентами должно было довольствоваться более полумиллиона жителей. Изо дня в день местное население лишалось гражданских и политических прав. Все остальные полномочия, включая выдачу обычного разрешения на строительство или вывоз продукции со своего поля на рынок, были сосредоточены в руках израильских оккупационных властей. Некоторые факты нас особенно поразили. В Хевроне святилище с прахом патриархов было буквально осаждено израильскими вооруженными солдатами, которые всячески старались унижить верующих, переполнявших мечеть. Не успели мы снять обувь и войти внутрь, чтобы присутствовать на религиозной службе, как вдруг в мечеть ворвалась группа израильских солдат с автоматами в руках и, громко топая тяжелыми сапогами, подняла неописуемый шум. Однако молившихся палестинцев больше всего поразило не это, а наш негодующий протест, обращенный к высшему чину. Мы не могли вынести наглости и невоспитанности, и это заставило нас тут же вмешаться. Израильяне, видимо, уже давно прибегали к подобным выходкам. В Иерусалиме израильский экономист и социолог Мерон Бенвенисти, один из главных консультантов мэра, показал нам карту новых поселений в восточной части, находившейся еще в пределах города. Даже неопытным глазом легко можно было увидеть, что градостроительная политика, проводимая израильскими властями, состояла во всевозраставшем вытес-

нении арабского населения из города и создании своего рода ограждения вокруг него. Как раз в эти дни у границ этого пояса были остановлены и отправлены назад погонщики ослов, которые везли из Иерихона на тележках фрукты и зелень, — единственное свое достояние, которое они могли продать только в большом городе. Бенвенисти вынужден был признать справедливость наших замечаний. На его взгляд, ситуация на оккупированных территориях была отныне «безнадежной». Он опасался, что при проведении подобной политики оккупированные территории могут стать «бомбой с часовым механизмом».

В худшем положении оказалась, несомненно, Газа. Там скопилась огромная масса людей, зажатых на узкой полоске земли между морем и пустыней. В городе не хватало воды, продовольствия, почти не было рабочих мест. Лишь несколько десятков тысяч низкооплачиваемых «челноков» ежедневно отправлялись в Израиль. Почти полностью отсутствовали санузлы. Школы были закрыты. Если таково было положение «обычных» жителей Газы, то у тех, кто жил в 12 лагерях за пределами городского центра, дела обстояли в 100 раз хуже. Джордж Джакомелли, служивший с 1985 года генеральным комиссаром УНРВА (организация, созданная в 1949 г. ООН для оказания помощи палестинским беженцам), угрюмо признавал, что положение палестинцев было «отчаянным» и что, если не будут приняты меры, оно скоро «взорвется». Джакомелли одобрительно отнесся к нашему намерению обратиться к ЕЭС с просьбой поставлять помощь непосредственно палестинцам, минуя Иорданию, и предоставить им возможность торговать своей продукцией. Но самое крупное открытие было связано с состоянием духа населения. После более чем 20-летней оккупации и постоянных притеснений можно было ожидать, что мы столкнемся с проявлениями отчаяния и смирения. Однако повсюду мы видели несломленную гордость, упорное сопротивление и нетронутое народное самосознание. Этими настроениями были охвачены все — мэры, знатные горожане, смиренные обитатели лагерей, ютившиеся в убогих постройках из жести и глины, лишенных каких-либо удобств. Нам удалось посетить один из лагерей под Наблусом, где нас вовлекли в оживленный политический разговор в помещении, сначала показавшемся нам

офисом начальства, но потом оказавшемся обычной комнатой чуть больших размеров без штукатурки, но не без портрета Арафата. С тем, что надо освободиться от израильской оккупации, все были согласны. Как это сделать? Тут мнения расходились, хотя было немало сторонников вооруженной борьбы. На обратном пути мы остановились в университете в Бир Цейте, где долго беседовали с доцентами и студентами. Выборы, недавно прошедшие в университетах, принесли кандидатам Фатха более половины голосов, но около четверти ушло к исламскому движению Хамас, о котором мы тогда впервые услышали (движение Хамас возникло в Газе в начале 1987 г., ее лидером был Ахмед Ясин). Коммунисты также имели значительное число последователей, тогда как оба фронта — Хаббаша и Хаватмеха — собрали минимальное число голосов. Мы завели об этом разговор в Иерусалиме с Ханной Сениорой и в Рамаллахе с секретарем компартии, называвшейся тогда Народной партией, Мустафой Баргути. Сениора подтвердила, что длительная оккупация «не сломила упорного сопротивления палестинского населения, а скорее подорвала дух захватчиков». Она рассказала нам об эпизодах, свидетельствовавших о том, насколько широкими и тревожными для израильских правителей были отзвуки оккупации в израильском обществе. Движение палестинского сопротивления шло в своей массе за ООП и Арафатом, но нельзя было игнорировать и влияния экстремистских группировок, черпавших силу в растущем ожесточении. Весьма редкими были, напротив, случаи сотрудничества с оккупантами, мало кто поддавался и на иорданские посулы. «Палестинцы имеют свое национальное лицо и хотят вернуть свою землю». По мнению Ханны Сениоры, перспективы мирных переговоров зависели от того, как пойдут дела на оккупированных территориях («без самоуправления не будет никакого мира»). С некоторым разочарованием люди говорили, что европейцы, заслуга которых состояла в том, что, хотя они и поняли первыми, что самоуправление — это ключевой вопрос, не увязали все же принципиального понятия о праве на самоопределение с конкретной политикой, направленной на осуществление этого права. Аналогичные оценки высказал и Баргути в отношении положения на оккупированных территориях и высокой степени единства и боевитости па-

лестинских масс. Однако, со своей стороны, он стремился подчеркнуть необходимость глобального разрешения ближневосточного кризиса. Лишь в этом плане, утверждал он, могло свершиться священное чаяние палестинцев обрести родину. Для этого необходимо было межарабское единство, которого в тот момент не удалось достичь. При всей расплывчатости этого утверждения оно несло в себе определенную критику в адрес Арафата, которому следовало сделать больше для арабского единства и проявить серьезное внимание к некоторым внутренним течениям в ООП. Коммунисты считали, что они недостаточно представлены в ее организационных структурах.

Вторая часть визита проходила в Израиле, где мы были гостями Мапама. В кнессете мы имели встречи с парламентскими группами лейбористской партии, Мапама, Ракаха и Ратца. Однако наиболее важная встреча состоялась в правительственном здании с политическим руководителем Министерства иностранных дел Йосси Бейлином (который впоследствии как участник переговоров и как министр сыграл важную роль в продвижении и дальнейшем развитии мирного процесса). Как в свое время в беседах с Озамой аль Базом в Каире, так и сейчас в беседах с Бейлином мы сразу же удостоверились, что имеем дело с человеком недюжинного ума, обладающим большой способностью к глубокому и убедительному анализу. Помимо всего прочего, он проявил себя проницательным и блестящим собеседником с широким и открытым взглядом на мир. Бейлин отлично разбирался в позициях нашей партии и был в курсе бесед своего прямого руководителя, Шимона Переса, с Наполитано. Он сразу же заявил, что Израилю следует яснее высказать свою позицию в отношении конференции. Она не станет панацеей от всех бед, как многие считали на Западе, но, несомненно, может внести вклад в преодоление существующего положения дел и привести к переговорному процессу, главными участниками которого должны, естественно, стать непосредственно заинтересованные стороны. Основным препятствием оставалось участие палестинцев. Бейлин без труда соглашался с тем, что большинство палестинцев отождествляет себя с ООП и что иллюзорно возлагать надежды на появление какой-то другой силы на этих территориях, но израильская сторона не могла согласиться с ООП как участницей переговоров. Я

заметил, что и представители оккупированных территорий в любом случае будут придерживаться линии, указанной их организацией. «Мы это знаем, — сказал Бейлин, — но форма их участия будет иной». Он напомнил нам, что мы находимся на земле, где форма имеет подчас больший вес, чем содержание. Затем разговор перешел на положение в Трансиордании и Газе, и мы не скрывали того, что там увидели и услышали. В отличие от Шамира и правых религиозных деятелей, взывавших к «Великому Израилю», Бейлин сознавал, что предметом переговоров станут оккупированные территории и их перспективы. Рано или поздно их придется оставить, но для Израиля основной проблемой была его безопасность. Решающее значение поэтому приобретал вопрос, кто будет управлять этими территориями и в каком контексте. На его взгляд, оставалось еще возможным решение, состоявшее в принятии «иорданского варианта» и заключении соглашения между Израилем и Иорданией, в рамках которого должен был прозвучать и голос живших на этих территориях палестинцев. Целесообразно было бы тем временем не расширять поселения. Бейлин отрицал, что за последнее время их число возросло, речь шла, по его словам, лишь о завершении их строительства.

В Тель-Авиве заведующий международным отделом Израэль Гат вел себя менее откровенно, нежели Бейлин. «Нет» участию ООП в любой форме», — было условием созыва конференции. Недостаточно было, по его утверждению, каких бы то ни было заявлений об осуждении терроризма, следовало открыто заявить об отказе от борьбы за разрушение Израиля, о которой говорилось в Палестинской хартии. ИКП, поддерживавшая тесные отношения с ООП, могла бы выступить в качестве посредницы для передачи этого требования. Гат дал нам понять, что иная линия не была бы понята партийными массами и избирателями, голосовавшими за лейбористов. «Мы не можем делать подарков правым. Когда мы придем на следующие выборы, мы должны их выиграть». То, что политика, которую приходилось проводить в отношении ООП, была отчасти продиктована соображениями внутренней политики, мы это поняли и на других встречах, но никто не признавался в этом столь откровенно, как Гат. Но и он испытывал то же самое замешательство, с которым

мы столкнулись в Министерстве иностранных дел, когда разговор зашел о поселениях и судьбах оккупированных территорий. «Наша страна разделена по этому вопросу», — признался Гат. Он был очень заинтересован в развитии отношений с нашей партией и охотно принял приглашение направить в Италию делегацию своей партии.

Новые встречи в Хистадруте, в Международном центре за мир на Ближнем Востоке, с руководителями организации «Мир сейчас» дополнили наши познания об израильском обществе на данном этапе и о деятельности общественных и миролюбивых сил. Эти встречи с интересом освещались в местной печати. В Италии такой внимательный знаток израильско-палестинского вопроса, как Влодек Голдкорн, также собрал среди наших собеседников весьма позитивные отзывы: «Мы удовлетворены визитом делегации ИКП», — сообщил ему Исраэл Гат, выразивший пожелание, чтобы подобные встречи были продолжены в Иерусалиме и Риме, желательно в расширенном составе — с участием палестинских представителей. «Они действительно мало похожи на коммунистов, — заявил ему, в свою очередь, Арие Яффе, — ибо являются к вам не с жесткими и загодя разработанными заготовками, а внимательно выслушивают вас, стараясь понять обе стороны, и только потом открыто высказывают свои критические замечания, мнения и сомнения». Со своей стороны, Голдкорн писал: «Осенью прошлого года состоялся почти триумфальный визит в Израиль Джорджо Наполитано. На израильтян и палестинцев произвел глубокое впечатление политический реализм руководителя ИКП. Ныне этот успех был, похоже, повторен визитом Рубби»⁸.

Глубокий след оставила в моей памяти поездка в кибуц «Якум», расположенный менее чем в получасе езды от Тель-Авива, где жил Арие Яффе, заведующий Международным отделом Мапама. По окончании бесед в партийном доме он предложил нам провести полдня и вечер у него дома в кибуце. Роскошные плодородные поля, обработанные с величайшей заботой, уютный и чистый поселок, ровные ряды небольших особняков, окруженных субтропическими растениями и цветами. Мы беседуем в тенистом уголке сада с Яффе и его семейством — женой, сыном, невесткой и внуком. Потом делаем большой круг пешком для осмотра деревни,

пока до нас не доносится звук колокольчика. «Нас приглашают к ужину», — говорит хозяин и ведет всех к большому строению. «Это наша общая столовая», — объясняет он, когда мы занимаем очередь в уже образовавшемся длинном хвосте. «Ах, я совсем забыл вам сказать, — извиняется Яффе, увидев, что мы стоим в замешательстве с тарелками в руках перед огромными чанами с картошкой, морковью, цветной капустой, брокколи, свеклой и прочей зеленью и тщетно ищем чего-нибудь более аппетитного, — у нас сегодня овощной день». Мы едим молча, в то время как супруги Яффе пытаются загладить наше разочарование описанием более аппетитных и питательных блюд, подаваемых в другие дни недели. На проверку, однако, нам не остается времени. Когда в начале восьмого мы снова собрались в саду, подъехала более молодая чета с прелестной девочкой, которую вели за руку. «А вот и внучка!» — весело воскликнул Яффе и бросился навстречу, чтобы взять ее на руки. Родители окончили дневную смену и заехали в ясли, чтобы забрать дочку, а теперь все хотели ее приласкать, потому что времени оставалось мало. В самом деле, менее чем через час ее снова отправили в ясли в сопровождении целой толпы людей. Мы остались в саду и проболтали до полуночи. С Яффе мы были знакомы давно и с самого начала питали друг к другу большую симпатию. Это было вызвано, возможно, нашим общим крестьянским происхождением, а скорей всего, нашим давним пребыванием на российской земле, хотя и в разное время. Во всяком случае, это прошлое позволило нам говорить на одном и том же языке. Яффе раньше жил в Советском Союзе и молодым офицером прошел всю войну в рядах Красной армии. Затем, подобно многим другим, ощутил зов «родной земли» и после возникновения Государства Израиль вернулся на свою историческую родину («евреем и социалистом, каким я всегда был»). Он отличался широтой идейных взглядов, здоровой и подлинной страстью к политике. Теперь же его идеалы и принципы, соотнесенные с конкретным опытом кибуца, выглядели, по правде говоря, слишком оторванными от действительности и немного попахивали утопичностью. Я не мог скрыть от Яффе, что вот такое расставание с внучкой после мимолетной встречи с ней казалось мне настоящей пыткой. От этого, похоже, страдали все и, прежде

всего она сама, и я не понимал, к чему все это. Да и сам поспешный ужин с принудительным меню в огромном баре, где все шло, как по конвейеру... Не лучше ли поужинать дома, в кругу семьи? Наконец, я спросил у Яффе, почему так мало молодежи на улицах. Он вынужден был признать, что кое-что следовало бы переделать, так как молодежь предпочитает перебираться в город и все меньше задерживается в кибуцах. Так что и в отношениях между семьей и обществом появлялись новые элементы.

Покончив со спорами о кибуце, мы вернулись к привычным темам бесед. Яффе жаловался, что мы не в силах понять, какой смысл они вкладывают в слово безопасность. Нет, это не связано только с размером территории или с военным равновесием, что зачастую им ставили в упрек. Он также мог согласиться с тем, что с приобретением новых территорий, отнятых у палестинцев, ливанцев и сирийцев, и с применением силы их страна не обретает большую безопасность. И он ведь боролся против захвата и насилий на оккупированных территориях. Но евреи настолько страдали комплексом осажденной нации, «синдромом Масада», что это стало второй натурой каждого из них: мы еще не забыли о гетто и не можем жить в постоянном ощущении осады... Это наша параноя, я знаю, но нам трудно избавиться от нее... Вам надо постараться нас понять, лучше вжиться в наши переживания». Эти слова запали мне в душу и оставили в ней глубокий след. Интеграция их маленькой страны, продолжал он, в огромное море окружавших их арабских стран будет долгим процессом, связанным с преодолением страха и сохранением их национальной и религиозной самобытности. Надо иметь в виду эти обстоятельства, когда речь заходит о переговорах и об их заключительных политических результатах. Трудно отрицать, что и у другой стороны имелась та же проблема и к тому же не было своей земли, на которой можно было бы объединиться, «как это сделали мы». Яффе как честный интеллектуал мог беспрепятственно признать, что «палестинская драма гложет совесть, ибо заставляет пережить нашу собственную историю». Но далее он отметил, что именно эта история и сделала их не похожими на других. Об этом мы долго спорили. Трудно было согласиться с такой концепцией исключительности, которая мне, далекому от

их ощущений мешала различить границы между государством и религией, между израильянином и евреем. Более того, я открыто ему сказал, что трудно согласиться с заключением, будто критика политики Израиля означает враждебное отношение к самому Израилю, а так как Израиль — это самое дорогое, что есть у еврея, то всякий критикующий страну автоматически становится врагом евреев, даже если он был гораздо большим другом Израиля и евреев, чем тот, кто оправдывал любые позиции Израиля, включая абсолютно неприемлемые. Я отстаивал светскость своей мысли и политических действий, считая, что так и должно быть в современном, передовом, идущем в авангарде во многих областях государстве, каковым и был собственно Израиль. Яффе соглашался, что смешение светского и религиозного в их стране не могло быть не только помехой для понимания выходящем из любой другой страны, но зачастую источником серьезных проблем для них самих, в деятельности их институтов и гражданского общества. Тем не менее это было фундаментом их идентичности, их молодого государства, и надо правильно это понимать и учитывать должным образом. Речь пошла далее о сущности этого народа и его страны, что выходило за политические рамки наших привычных разговоров.

Мы вернулись в Иерусалим на международный семинар, организованный Аль Файром на тему «Палестинский вопрос и кризис на Ближнем Востоке». В его работе принимали участие американские и советские ученые и политики, а также представители миролюбивых сил и некоторых левых партий Израиля, бросивших таким образом вызов запрету на встречи и диалог с палестинскими деятелями. Выступления делегатов оккупированных территорий отражали общее нетерпимое положение, близкое к взрыву. Это были симптомы Интифады.

Интифада

«Интифада» (буквально «встряска» или в другом истолковании «пробуждение») началась утром 9 декабря 1987 года в лагере Жабалия в Газе. Накануне израильский грузовик наехал на два фургона с палестинскими чернорабочими, возвращавшимися в лагерь с работы. Четверо погибли на месте, многие были ранены. В тот же вечер во время похорон тысячи палестинцев направились к израильскому военному гарнизону и закидали его камнями. На следующее утро оккупационные войска окружили лагерь и подвергли его обстрелу. Первой жертвой Интифады стал 15-летний мальчик. Этот эпизод мог остаться одним из многих среди бесчисленных инцидентов, случившихся более чем за 20-летнюю историю оккупации. Однако он стал началом народного восстания, радикально изменившего все параметры израильско-палестинского конфликта. Искра, вспыхнувшая в Газе, быстро воспламенила всю территорию Трансиордании и привела в движение все слои населения, от самых бедных и обездоленных жителей лагерей до рабочих, интеллегенции, торговцев и служащих городского управления. Главными действующими лицами стали подростки и юноши от 12 до 20 лет, то есть молодое поколение, выросшее в условиях израильской оккупации. Единственным их оружием были камни, изредка бутылки с зажигательной смесью, «кефайахи», или маски на лице, чтобы не быть узнанными. Солдаты пытались их усмирить, отделить от остального населения, но столкнулись с рабочими забастовками, закрытием торговых точек

и сложением полномочий административных властей. Тогда израильтяне попытались выставить как можно больше вооруженных солдат, в том числе и резервистов, и использовать любые средства удушения восстания: затемнения, массовые аресты, высылки, бульдозеры для сноса домов подозреваемых. По палестинцам открывали огонь на поражение. В первые недели насчитывались уже десятки убитых. Но это привело лишь к еще большему разрастанию восстания и беспрецедентному морально-политическому осуждению насилия. Телевизионные кадры, показывавшие израильских солдат, которые пытались закопать живьем нескольких палестинских мальчишек или зверски избивали других и ломали им руки, действовали красноречивей любых политических выступлений. Само общественное мнение Израиля чувствовало себя втоптаным в грязь, раскол чувствовался еще больше, чем в 1982 году, во время вторжения в Ливан. Министр обороны Рабин обещал пустить в ход «железный кулак». Но это были всплески бессилия перед лицом неожиданного и потрясающего явления, обнажившего все противоречия израильской политики, вновь оказавшейся на скамье подсудимых в Совете Безопасности ООН и в Европейском совете, требовавших положить конец репрессиям и проявить уважение к человеческим и гражданским правам населения оккупированных территорий. Соединенные Штаты также не смогли не выразить своего осуждения, так как на них оказывала давление общественность, потрясенная всем происходящим.

Стихийность и размах восстания стали новым позитивным фактором для руководства ООП в Тунисе. Получив заверение от Абу Джихада, годами занимавшегося созданием организованного движения сопротивления на оккупированных территориях, что объединенное командование восстанием, взявшее на себя руководство, состоит из представителей Фатха и что любой его шаг будет предприниматься только с согласия ООП, Арафат немедленно воспользовался этим фактором динамизации обстановки для того, чтобы поставить его на службу общему палестинскому делу. Это было необходимо для поднятия духа и наполнения новой энергией ливанских бойцов, которых все еще держали на прицеле фалангисты, шииты «Амаля» и группировки диссидентов, а также для ободрения палестинской диаспоры и вселения в

нее новой надежды. В ночь на 10 декабря радиостанция ООН передала речь Арафата, в которой звучал призыв к «дальнейшему развитию восстания». Создание на алжирском НСН Комитета ООП по координации действий на оккупированных территориях оказалось предусмотрительным, и теперь через него была установлена прямая связь с объединенным командованием и народными комитетами повстанцев, создававшихся в каждом городе и поселке. Интифада давала также возможность обратиться к наиболее сильным арабским странам. Еще в ноябре глава ООП вынужден был вытерпеть очередное унижение на совещании в арабских верхах в Аммане. Король Хусейн почти совсем перестал его замечать, отказался встретиться в аэропорту и предоставил ему машину без палестинского флага. В повестке дня совещания палестинский вопрос был отодвинут на задний план. Иорданцы и сирийцы даже попытались опустить при упоминании ООП в заключительном документе формулировку о «едином и законном представителе палестинского народа». Разумеется, ни Иордания, ни Сирия не отказались от потаенных, но по-прежнему реальных поползновений выступить в качестве защитников палестинцев и их борьбы. Интифада нанесла решительный удар по этим амбициям. Уставшие от 20-летней и все более суровой и невыносимой оккупации и разуверившиеся в заинтересованности арабского мира их судьбой, почти 2 миллиона палестинцев Газы, Восточного Иерусалима и Трансиордании решили взять в свои руки собственную судьбу и тем самым изменили привычное представление о палестинском вопросе.

Первую оценку Интифады наша партия дала на заседании комиссии по международным делам, созванном 12 декабря для обсуждения доклада Джорджо Наполитано о результатах встречи в верхах между Рейганом и Горбачевым по вопросу о разоружении, ставшему главной темой их беседы. В этом контексте докладчик выделил как «новый фактор палестинское восстание на оккупированных территориях, которое окажет глубокое воздействие на будущее развитие на Ближнем Востоке».

Любопытно, однако, что заострению внимания партии на этом вопросе способствовал визит в Израиль президента

Республики Франческо Коссиги и министра иностранных дел Джулио Андреотти. Запланированный до начала Интифады, этот визит был затем поставлен под вопрос некоторыми партиями правительственного большинства и некоторыми органами печати. Газета «Джорнале» назвала его «странным визитом в Израиль», что привело к возникновению поистине неприглядной полемики, в которую вынуждена была вступить и наша партия, решительно высказавшаяся в пользу визита. «Поездка в Израиль президента Республики и министра иностранных дел не может не быть использована в качестве подходящего случая для того, чтобы ясно подтвердить итальянскую точку зрения и позицию неприятия зверских репрессий, проводимых на оккупированных территориях, и высказаться в пользу признания прав палестинского народа и за мир на Ближнем Востоке»¹. Секретариат подтвердил затем «резкое осуждение» волны репрессивных действий в Трансиордании и Газе и «полную солидарность с семьями жертв репрессий». Было выдвинуто также предложение о том, что для контроля за соблюдением гуманитарных и гражданских прав на оккупированных территориях необходимо направить «постоянных наблюдателей ООН». В те же дни в палате депутатов была создана по инициативе ИКП и ИСП «межпарламентская группа в защиту гражданских и политических прав» на оккупированных территориях. Из Квиринальского дворца и Фарнезины нам сообщили о высокой оценке позиций, занятых нашей партией. Это был шаг к разрядке, наступившей после нескольких месяцев довольно жаркой полемики по поводу решения Италии направить ограниченный контингент морских сил в Персидский залив. Летом и осенью того года нам пришлось повоевать в парламенте и за его пределами по поводу требования США, обращенного к некоторым союзникам, в том числе и к Италии, о предоставлении военных (морских и воздушных) средств для обеспечения свободы мореплавания в Персидском заливе, которой угрожают Ирак и Иран, продолжающие воевать друг с другом и приступившие к минированию морских проходов для нефтеналивных и грузовых судов гражданского назначения. Как обычно, республиканцы, либералы и социал-демократы немедленно согласились с американским требованием, тогда как христианские демократы и

социалисты проявили колебания, дав согласие на «символическое присутствие». 4 сентября правительство, возглавлявшееся в то время Джованни Горией, решило направить в Персидский залив морскую эскадру в составе нескольких противоминных кораблей и вспомогательных судов. Последним предлогом («весьма спорного характера», по утверждению самого министра Андреотти) стало нападение на итальянское торговое судно. Само по себе это было, конечно, серьезное событие, но не настолько, чтобы привести к повороту, совершенному правительством. Мы выступили решительно против этого шага. Определение мер, которые следовало принять для обеспечения свободы судоходства и соблюдения международных прав, входило в компетенцию ООН и не должно было быть предметом односторонних действий отдельных стран. СССР также высказался за многосторонние силы под эгидой ООН. Помимо всего прочего, возникала парадоксальная ситуация: Соединенные Штаты, которые первыми не соблюли эмбарго в отношении поставки оружия обеим воюющим сторонам, как об этом свидетельствовал ирангейтский скандал, теперь собирались преподать им урок, но и Италии было чего стыдиться. Мины, которые четырем минным тральщикам предстояло найти и обезвредить на морских путях в Персидском заливе, были в большинстве случаев итальянского производства. Они были проданы в 1982—1984 годах Ираку в обход запретительных декретов итальянскими фирмами (главным образом фирмой «Вальселла»). Напряженность, вызванная вышеназванным решением, еще не спала, когда на повестку дня встал вопрос о поездке Коссиги и Андреотти в Израиль в самый разгар Интифады. Но в этом случае роли полностью переменялись: в защиту правильности этой инициативы, оспариваемой некоторыми секторами большинства, выступила наша партия. Впрочем, это случалось всякий раз, когда решались ближневосточные вопросы и особенно палестинская проблема. В этих случаях именно наша партия играла решающую роль в определении большинства инициатив. Визит в Израиль с самого начала сопровождался полемикой. Начала ее газета «Воце републикана», раскритиковавшая Коссигу и Андреотти за то, что они встретились в Иерусалиме сначала с палестинской делегацией, «предварительно не посоветовавшись с правитель-

ством принимающей стороны или, в любом случае, до официальных переговоров с израильскими властями» и показав публично «свое несогласие с действиями израильских властей»². Андреотти иронически ответил, что с израильской стороны это не вызвало никаких замечаний и что нет ничего удивительного в том, что «сначала посещают больных, а потом здоровых». Джорджо Ла Мальфа продолжил эту линию, подвергнув критике заявление Андреотти о чувствах, которые тот испытал при посещении лагеря беженцев («скорей всего, и я стал бы бросать камни»), и высказав мнение, что «начать визит с обсуждения столкновений, происшедших на этих днях, означает поставить под сомнение законность Государства Израиль». Противоположное мнение было высказано в комментариях газеты «Пополо» за подписью Руджеро Орфеи, который, напротив, поздравил Коссигу за проявленную настойчивость «в отношении необходимости прекращения военного присутствия» на оккупированных территориях и Андреотти за то, что тот напомнил израильским руководителям о том, что мирный процесс может начаться лишь с конференции с участием всех заинтересованных сторон. Наполитано тоже присоединился к положительным отзывам, утверждая, что «позиции, публично занятые министром иностранных дел при благосклонной поддержке президента Республики, не позволили визиту приобрести двусмысленное содержание». Двусмысленности, по правде говоря, не было даже на самых доверительных встречах с самыми высокими израильскими властями. Главе государства Хаиму Херцогу, назвавшему простыми «беспорядками» то, что происходило на оккупированных территориях, и заверявшему, что они будут вскоре преодолены, Коссига возразил, что надо соблюдать права человека и что на протест нельзя отвечать силой. Херцог признал, что на этих землях не решена еще проблема «сосуществования». Гораздо более сжатым оказался разговор с премьер-министром Шамиром. Тот также говорил о беспорядках, но приписал их «таким террористическим организациям, как ООП, которые натравливают молодых палестинцев на израильских солдат». «Но порядок, — добавил он с обычным хмурым видом, — будет скоро восстановлен». Что касается международной конференции, то он не скрывал, что и в правительстве существуют

различные мнения и что он относится к ней как к бесполой инициативе. «Это стало бы совещанием, участники которого, защищая свои интересы, несовместимые с интересами других, не смогли бы сделать ни шага в направлении мира». Коссига ответил, что позиция Италии соответствует позиции, занятой 12 странами Европейского сообщества, и что лучшим путем движения к миру является международная конференция. Шамир возразил, что единственным путем является путь соглашения с Иорданией. «Но вы готовы были бы вернуть Трансиорданию Хусейну?» — спросил Коссига, мало надеясь на положительный ответ одного из самых ярых защитников «Эрец Исраэла». Лучше прошла встреча с министром иностранных дел Пересом. Прежде всего потому, что начал он с необходимости «безостановочно вести дело к переговорам», утверждая, что здесь возможны разные варианты, хотя сам он предпочитал тот, который был связан с неофициальным соглашением, достигнутым в апреле в Лондоне с королем Хусейном, но не был опубликован из-за того, что хашимитский государь боялся потерять поддержку арабских стран и вызвать решительное противодействие Советского Союза, Сирии и ООП. Перес не удержался от выпада и назвал «неразумным» официальное израильское заявление, сделанное за несколько дней до этого, согласно которому иерусалимское правительство «не намерено отдать ни пяди своей территории». Для главы правительства высказать это было непросто. Перес попросил затем Коссигу и Андреотти поговорить с советскими руководителями и с арабскими странами и дать им понять, что тот или иной шаг будет иметь значительные последствия, в том числе и на выборах, которые не за горами. Если на них победит Ликуд, то не будет никакой конференции и будет продолжена политика строительства новых поселений. «Если же победим мы, то сможем начать переговоры». Это было сказано довольно откровенно. Отсутствие подвижек касалось только одной ООП.

Уловив новизну в позициях Переса, Наполитано обратился с открытым призывом к «демократам Израиля». Он воспользовался рождественскими праздниками, чтобы сопоставить рождественские реминисценции с «картинами репрессий на оккупированных территориях и присутствием войск, приведенных в боевую готовность даже в Вифлееме и

Назарете», и заявить, что «наше внимание приковано к трагическим событиям, и мы осознаем серьезность невыносимой и все более обостряющейся ситуации, которая нуждается в обсуждении и решении». Он упомянул «недвусмысленные слова, произнесенные президентом Коссигой и министром Андреотти на израильской земле» и указал на все более неотложные цели «обеспечения безопасности и защиты палестинского гражданского населения, принужденного жить в условиях израильской оккупации, а также созыва международной конференции». Израильским демократическим силам Наполитано напомнил, что «сейчас, как никогда, решается судьба демократического характера, гражданского престижа и в конечном счете самого Израиля как государства, возникшего в результате длительных исторических перипетий, кульминационной точкой которых стала трагедия уничтожения нацистскими преступниками огромной части еврейского народа». В заключение Наполитано обратился непосредственно к лейбористам, опираясь на настоятельную просьбу Переса. «За последнее время в Израиле и лейбористской партии не было недостатка в людях, беспокоившихся о будущем и остро реагировавших на элементарные проблемы гражданственности и мира, теперь же надо, чтобы их голос стал отчетливо слышен и чтобы они одержали верх над позициями, продиктованными слепой жестокостью и близоруким расчетом»³.

Нетрудно было догадаться, что возмущенная общественность выскажет протест израильскому правительству. В Италии множились собрания и демонстрации как в крупных городах, так и в малых центрах. Для еврейских общин в Италии это также было тяжелым испытанием, так как усилились разногласия, проявившиеся среди итальянского еврейства уже в 1982 году. Требования оставались теми же: принять меры для прекращения репрессий, соблюдать гражданские и политические права палестинцев, созвать международную конференцию, начать переговоры, которые позволили бы палестинскому народу иметь родину, а Государству Израиль — жить в безопасных и признанных границах. Не было недостатка, как и в других подобных случаях, в ограниченных, но тем не менее тревожных проявлениях антисемитизма. Во время демонстраций 16 января 1988 года в защиту «Свобод-

ной Палестины» автономные и правые группировки выкрикивали антиеврейские лозунги. Натта вместе с Наполитано, Фассино и Чинголи обсуждал этот вопрос с председателем Союза еврейских общин Италии Туллией Дзеви. По окончании встречи Натта заявил, что коммунисты «твердо намерены бороться с любой формой антисемитизма, не имеющего ничего общего с борьбой за достижение справедливого мира на Ближнем Востоке». Общественных выступлений было, однако, недостаточно, необходимо было срочно выдвинуть политико-дипломатическую инициативу в отношении заинтересованных сторон. И ИКП сразу же оказалась в первых рядах: 26 января прошла встреча в Тунисе с Ясиром Арафатом, в феврале — с Шамиром в Риме, в марте в Кремле — с Михаилом Горбачевым.

В Тунис выехал Натта. Его сопровождали я и Немер Хаммад, выступавший также в качестве переводчика. Натта, проливший о совершенно неофициальной встрече, был несколько смущен, когда Арафат встретил его со своим генштабом почти в полном составе и приготовил торжественный ужин. В отличие от того, что происходило в старой гостинице на побережье после эвакуации Бейрута, в этом шумном особнячке элегантного и уединенного Туниса, напротив, царил победное настроение. Интифада сдала хорошие карты ООП. Как ими воспользуются? Именно это Натта и хотел понять, устроив импровизированный блиц-визит. Арафат рассыпался в благодарности итальянцам и ИКП, «всегдашнему нашему самому дорогому и близкому другу». Затем с помощью листков, разбросанных по всему столу, попытался обобщить ситуацию на оккупированных территориях после полутора месяцев Интифады. На подавление палестинцев Израиль бросил 4 дивизии и 150 вертолетов — силу огромную и беспощадную. Десятки тысяч палестинцев были подвергнуты допросам, более 7 тысяч — интернированы в лагерях, 91 — убит и 1113 — ранены. 43 женщины были вынуждены пойти на аборт и более 400 ребят получили увечья конечностей. Это был ужасный список, к которому надо было еще добавить дома, стертые бульдозерами с лица земли, закрытые школы и университеты, прекращение торговли. Но восстание не было подавлено. Более того, оно распространилось вширь и стало еще более сильным. Цель, вдохновлявшая его, состояла в

прекращении оккупации и самоопределении, то есть в том, что было принесено в жертву «лондонским компромиссом» между Хусейном, Пересом и Соединенными Штатами, основанном на израильско-иорданском совместном владении оккупированными территориями. «Израиль, — сказал Арафат, — вне себя от ярости, так как видит, что эта перспектива уходит у него из рук». Арафат не скрывал, что вспышка восстания и его размеры застigli их врасплох и вначале возникло даже некоторое замешательство. Кто его возглавит, удастся ли избежать применения оружия? Состоялось совещание с участием военного совета и вождей восставших, на котором сразу же стало ясно, что движение вдохновляется ООП и его политикой и настроения исламских фундаменталистов и сторонников проиорданской умеренной линии не оказывают особого влияния. Стало также ясно, что восстание будет продолжаться без применения оружия. «Пока мы решили не применять оружие, но если репрессии приобретут еще более кровопролитный характер, то и мы можем изменить свое решение», — сразу же пояснил Арафат. Натта спросил, как они думают продолжать дело дальше. Лидер ООП уточнил, что их тактика состоит сейчас в том, чтобы продолжать восстание в виде следующих одна за другой волн. «Израильтянам удастся подавить первую, вторую, третью волну, но в конечном счете палестинцы достигнут своих целей». Конечно, для своего продолжения движение нуждается в поддержке. Арафат сказал нам, что сейчас они стучат в каждую дверь, добиваясь необходимой поддержки (совещание министров иностранных дел арабских стран завершилось обязательством увеличить финансовую помощь ООП). Также и от нас ждали помощи. Итальянское правительство отправило УНРВА в Газу помощь на 11 миллиардов. Если мы не хотим, чтобы израильтяне задушили движение голодом, надо увеличить эту помощь и дать понять это всем, кто питает симпатию к нашей борьбе. Можно ли организовать в Европе день солидарности, «который объединил бы всех: политические партии, профсоюзные организации, религиозные институты, муниципалитеты, деятелей культуры?» Нужна была также политическая поддержка. Арафат разделял идею направления на оккупированные территории международных сил ООН для обеспечения защиты населения. Итальян-

ское правительство могло бы побудить к активным действиям как Совет Безопасности ООН, так и Европейское сообщество. Наконец, события последних недель усилили неопределенность созыва международной конференции. Арафат только что принял Полякова, доставившего ему от Горбачева письмо, из которого явствовало, какие меры предпринимаются в Советском Союзе. В основном идея состояла в проведении подготовительной работы по созыву постоянных членов Совета Безопасности. Перес де Куэльяр выразил свое согласие, в том числе и в отношении предложения Шеварднадзе о проведении подготовительного совещания пяти министров иностранных дел для выработки календаря консультаций.

Натта хотел было углубиться в суть некоторых политических вопросов, но запах, уже некоторое время долетавший из кухни, отвлек внимание многочисленной компании. За обеденным столом главной темой разговора оставался Израиль. Несколько дней назад Арафат дал интервью газете «Уни-та», которое нам не понравилось своими оценками израильских политических сил и их крупнейших деятелей. Все они выглядели на одно лицо: и Ликуд, и лейбористская партия, и Шамир, и Перес. Картина же, которую он теперь нам обрисовывал, была совсем иной. В ней можно было уловить различия в позициях и настроениях и дать им надлежащую оценку. Арафат видел достаточно ясные различия между Ликудом и лейбористами, а также оттенки во внутренних позициях последних. О них свидетельствовали разница в поведении Переса и Рабина и рост противоречий между правыми и левыми, что могло привести к важным политическим сдвигам на предстоящих выборах. Левым силам надлежало дать сражение по вопросу безопасности, объяснить, что ее можно добиться лишь с установлением мира, а вовсе не силой, и что в интересах Израиля начать переговоры, которые дали бы «мир в обмен на земли». Арафат приводил в качестве примера недавние демонстрации в Назарете и Тель-Авиве, в которых приняли участие, соответственно, 50 и 70 тысяч человек, а также 16 членов кнессета. Обе демонстрации прошли в защиту такой линии. «Мы поддерживаем эту часть израильского общества и постараемся всячески содействовать на предстоящих выборах объединению сил, действительно стремящихся работать во имя мира». Необходимо оказывать

давление на правых, заставить их отказаться от политики насилия. Важным сигналом послужило решение ЕЭС о замораживании возобновления протокола о торговом обмене. Отдельные западные правительства также имеют средства воздействия, способные привести к изменению израильской политики. Арафат велел приготовить кофе в соседней комнате, куда он и повел за руку Натту. За ними пошли только Немер и я. В более доверительной беседе Натте не терпелось прежде всего выяснить, к каким политическим результатам стремится привести Арафат движение Интифады. За последнее время участились разговоры, будто дело идет об образовании временного палестинского правительства с новой политической платформой с включением в нее также признания Израиля. Так ли это? Арафат ответил очень сложно, начав разговор о замысле Израиля, Иордании и Соединенных Штатов, основывавшегося все еще на идее израильско-иорданского совладения оккупированными территориями. Шульц недавно подтвердил это, а король Хусейн до сих пор не оставил своих амбициозных планов, хотя Интифада принуждала его к большей осторожности. Серьезную озабоченность вызывала позиция 12 глав стран ЕЭС, которые на своем последнем совещании заняли весьма двусмысленную позицию. Необходимо было насторожить европейские правительства, с тем чтобы они не шли на уступки в этом направлении. Арафат сообщил нам, что Каддуми поедет 3 февраля на встречу с Андреотти, чтобы откровенно попросить сохранить без изменений позицию итальянского правительства. Главы 12 европейских стран, пожаловался Арафат, пригласили в Брюссель только Хусейна, а не его. Почему они должны выслушивать лишь одну сторону? Он был благодарен нашей группе за выдвижение предложения о приглашении от имени Европейского парламента. «В любом случае, не может же Хусейн говорить вместо нас... Мы не хотим из одной оккупации угодить в другую или пожертвовать правом нашего народа на самоопределение и на создание своего государства». Так что он отверг иорданский вариант. Правительство в изгнании могло стать темой обсуждения. Арафат не отвергал и не принимал это предложение. По его мнению, оставалось в силе решение о международной конференции и переговорах при участии в них ООП как признанной сторо-

ны со всеми вытекающими из этого последствиями, одно временном признании Израиля и палестинских прав на самоопределение и создание собственного государства. Натта вступил в разговор и сказал, что, на его взгляд, ситуация, возникшая с началом Интифады, должна быть дополнена новыми шагами также и в политическом плане. Он открыто спросил Арафата, можно ли отказаться от формулировки Учредительной хартии о «сионистском образовании» и ее ликвидации и выдвинуть предложение о взаимном и одностороннем признании. Такое предложение, сделай его ООН, сыграло бы огромную роль, лишив последнего алиби тех, кто противился признанию ООП и проведению серьезных переговоров. «С тех пор как я возглавил ООП, — ответил Арафат, — это положение Учредительной хартии никогда больше не упоминалось». — «Так снимите его совсем». — «Когда наступит подходящий момент, все в свое время», — сказал Арафат. В процессе обмена мнениями Арафат все больше горячился. Он сравнивал уступки, на которые пошли палестинцы, с известной всем неуступчивостью другой стороны. И он разразился тирадой, от которой даже задрожал его голос. Затем, несколько успокоившись, заключил, что настоящее примирение могло бы произойти только за столом переговоров и на взаимной основе, «в противном случае это будет односторонним и к тому же бесплатным стриптизом». Но Натта не уступал. Роль нашей партии состояла в том, чтобы содействовать появлению у обеих сторон новых моментов, способных разблокировать положение, которое иначе бы продолжало иметь застойный характер. Арафат, похоже, был очень заинтересован во встрече, которая должна была состояться между Наттой и Горбачевым. Последние встречи на высшем уровне между СССР и США его скорее разочаровали. Ближневосточный вопрос занимал на них весьма скромное место, а тем временем наступил момент, требовавший серьезных усилий. Очевидно, это была последняя возможность, когда Советский Союз мог еще сказать свое слово по этому поводу. Арафат просил Натту поговорить об этом с Горбачевым.

17 февраля Натта и Наполитано встретились в Риме с израильским премьер-министром Шамиром. Четыре дня перед этим на площади Сан-Джованни по инициативе Комитета «Италия—Палестина» прошел многолюдный народный

митинг солидарности с Интифадой, направленный против израильских репрессий на оккупированных территориях. На трибуне стояли также палестинский представитель и прогрессивный израильский руководитель, принимавшие в нем участие вместе с делегациями профсоюзов и всех партий: Натта, Оккетто и Наполитано (ИКП), Мартелли, Бонивер и Спини (ИСП), Пикколи, Гранелли, Сильвестри и Фраканцани (ХДП). Это была мощная, хорошо организованная, унитарная демонстрация, хотя на ней мелькали и лозунги против Шамира, о приезде которого в Рим было уже объявлено. «Манифестации, подобные этой, — писал на следующий день в газете «Унита» Пьеро Фассино, — позволяют сказать Шамиру: надо сейчас же делать что-то для ускорения созыва международной мирной конференции, которая перед лицом всего мира санкционировала бы право обоих народов жить в мире и безопасности... Два народа, два государства»⁴.

Но в намерения Шамира, похоже, это не входило, что заметно разочаровало его собеседников. В сообщении Дворца Киджи говорилось об «откровенной беседе» и давалось понять, что израильский премьер-министр забаррикадировался на своих позициях, тогда как итальянское правительство настаивало на идее международной конференции, а Гория заявил, что недостаточно вести речь об автономии, а надо взять на себя обязательства и в отношении будущего устройства оккупированных территорий. Де Мита утверждал, что происходящее на этих территориях чревато риском для израильтян, которые могут «оказаться среди неправых», а Андреотти открыто потребовал у Шамира отмены мер по выдворению людей и приостановления строительства новых поселений. Приращению итогов визита способствовало и отсутствие встречи с Иоанном Павлом II, на проведении которой Шамир не настаивал.

Встреча Натты и Наполитано с израильским премьер-министром проходила на фоне довольно бурных событий. Пользуясь поддержкой со стороны газеты «Манифесто», некоторые левацкие внепарламентские группировки, «Пролетарская демократия», а также ИКФМ по-разному проявляли свое недовольство предстоявшей встречей. В некоторых отрядах левых сил, включая левых социалистов и некоторые католические организации, закономерное возмущение звер-

скими расправами, которым подвергались палестинцы на оккупированных территориях, выливалось в ошибочные инициативы, например в предложения бойкотировать израильские товары или провести своеобразные культурные мероприятия. Натта сухо отмежевался от этих позиций. «Надо попробовать все возможное и искать решения трагедии палестинского народа, — ответил он. — Я поступлю так, как поступал Берлингуэр, когда казалось, что нет никакого прогресса в переговорах по евrorакетам: я буду встречаться со всеми, поеду куда только можно». Встреча с Шамиром принесла неожиданностей, хотя проходила дольше, чем было предусмотрено. Израильскому премьеру было очень любопытно впервые непосредственно обменяться мнениями с единственной коммунистической партией, имевшей отношения почти со всеми израильскими политическими силами, кроме правых, которая не таила критического и подчас сурового отношения к арабским партиям и странам, а также к членам того же палестинского движения, которая посещала Москву, чтобы отстаивать право евреев на выезд и необходимость восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем. Натта и Наполитано рассказали после встречи, что у них сложилось впечатление, будто их испытывают и взвешивают их отношение к различным вопросам, искренне пытаюсь понять и познакомиться с коммунистами. Оценки и суждения по ближневосточным событиям и в отношении происходившего на оккупированных территориях — это, естественно, другое дело. Натта кратко рассказал о своих впечатлениях журналистам, толпившимся в холле отеля «Хилтон». «Мы выразили израильскому премьер-министру свое осуждение репрессий, которые свыше двух месяцев правительство Израиля применяет против беззащитного населения оккупированных территорий Трансиордании и Газы. Мы требовали положить конец кровавому насилию, выселениям, массовым облавам; уважать и соблюдать гражданские и человеческие права населения, подвергающегося в собственном доме военной оккупации, продолжающейся вот уже 21 год. Мы обрисовали целесообразность присутствия на этих территориях наблюдателей Организации Объединенных Наций, которые могли бы содействовать вышеназванным целям». Затем Натта подытожил политичес-

кие позиции, высказанные ИКП: это международная конференция с участием всех сторон, включая ООП; признание обоюдных прав; отказ от предварительных условий с обеих сторон и начало переговоров⁵.

Встреча с Горбачевым была назначена на конец марта в Москве, куда Натта отправился в сопровождении Наполитано, Ренато Сандри и меня. На этот раз большая часть дискуссии была посвящена Ближнему Востоку в связи с новыми моментами, привнесенными Интифадой, оценка которой со стороны советских товарищей была близка нашей. Натта изложил взгляды ИКП, в том числе и в связи с недавними встречами с Арафатом и Шамиром. По мнению нашей партии, последние события, несмотря на существующую еще жесткость позиций, создают более благоприятные условия для начала переговоров. Общественное мнение, в том числе и в Израиле, оказывает давление в этом направлении. Мы, сказал Натта, будем продолжать играть свою роль, но наш вес относительно невелик. Другое дело, если будет иметь место более активное вмешательство всего международного сообщества, и в частности совместные усилия обеих великих держав. Последние могли бы оказать более результативное давление: Соединенные Штаты — в плане преодоления предварительных условий со стороны Израиля и содействия в проведении идеи «земля в обмен на мир»; Советский Союз — в плане смягчения позиций таких арабских стран, как Сирия, и содействия в выработке палестинцами более четкого отношения к открытому согласию с резолюциями 242 и 338. Натта рассказал Горбачеву о просьбе Арафата включить в повестку дня предстоящей встречи Горбачева с Рейганом в Москве, назначенной на 29 мая, ближневосточную тематику и палестинский вопрос. «Уже сделано», — почти один голос откликнулись Добрынин и Загладин, работавшие над подготовкой новой встречи в верхах. Натта добавил, что было бы хорошо еще до этой важной встречи непосредственно послушать главу ООП, на что Горбачев ответил согласием. (В самом деле, месяц спустя Арафат прибыл в Москву и в разговоре с Горбачевым ему посоветовали яснее выразить мысль о признании Израиля.)

Со своей стороны, мы поинтересовались мнением советского руководства в отношении перспектив конференции

и нового американского «плана» по Ближнему Востоку. Натта принял к сведению развитие отношений между СССР и Израилем, приведших к установлению консульских отношений. Однако восстановление дипломатических связей между двумя странами явилось бы подлинным поворотом в их отношениях. Мы за это выступали так же, как и за большую либерализацию выдачи выездных виз гражданам еврейской национальности, которые за ними обращались. Горбачев подробно ответил на все заданные ему вопросы, возразив, однако, что возможность справедливого решения локальных конфликтов зависит от сближения стремлений, идущих в сходных направлениях. Соединенные же Штаты до сих пор вынашивают планы достижения сепаратных соглашений. Примером этого является как раз Ближний Восток, где США ищут решение, подходящее для них самих и для их союзников, но не для палестинцев и сирийцев. К тому же им нужно советское прикрытие для осуществления этих планов. Достаточно присмотреться к так называемому «плану Шульца» и их подходу к международной конференции. Горбачев не отрицал, что в новом плане, объявленном американским госсекретарем 4 марта после контактов с Израилем, Иорданией, Египтом и Сирией, имелись формулировки, более продвинутые по сравнению с предыдущими планами. До этого не было никакого разговора о «политических правах» палестинцев, и даже упоминание об окончательном статусе оккупированных территорий могло показаться подвижкой в направлении формулировки «земля в обмен на мир». Но не было никакой увязки с ООП и с самоопределением. Таким образом, все снова выглядело двусмысленным в уповании, быть может, на то, что можно вернуться к иорданскому варианту. Точно так же, если предполагалось, что переговоры должны проходить только между Израилем и каждым из его соседей, а гарантом в отношении возможных договоренностей выступали одни лишь Соединенные Штаты, конференция превращалась в простую формальность, в то время как она должна стать местом, где можно указать пути, которых должен был придерживаться каждый отдельный субъект переговоров, и предложить «соответствующие гарантии и посредничество». То есть Соединенные Штаты сделали лишь полшага вперед, и надо было подтолкнуть их еще на полшага. Об

этом уже был разговор с Бушем, и это предстоит обсудить с Рейганом на встрече в верхах.

Что же до задач Советского Союза, то он проявляет многочисленные инициативы в пользу палестинцев и стран Ближнего Востока. В ближайшее время Шеварднадзе посетит некоторые из стран этого региона. В частности, Горбачев упомянул о явном улучшении отношений с Египтом и воздействии на Сирию, которое должно было способствовать укреплению внутреннего единства ООП. Что касается Израиля, то Советский Союз был готов возобновить нормальные дипломатические отношения, но увязывал эту готовность с согласием Израиля на международную конференцию и начало переговоров. «Мы признаем права и интересы всех — Израиля, Сирии, палестинцев — и не можем приносить их в жертву за счет кого-либо. Это не способствовало бы равноправным и справедливым решениям». То, что проблема возобновления отношений с Израилем уже входила в планы советской политики, было видно хотя бы из того, что газета «Правда», опубликовав на следующий день несогласованное сообщение о встрече, подчеркнула, между прочим, «готовность Советского Союза возобновить отношения с Израилем одновременно с началом и проведением международной конференции»⁶. Что же касается выездов за границу, выдача виз гражданам еврейской национальности была упрощена и ускорена, а Шеварднадзе установил конструктивные и взаимно удовлетворяющие контакты с некоторыми еврейскими общинами в Соединенных Штатах и в Европе.

По возвращении Наполитано проинформировал израильского посла Мордехая Дрори о результатах нашего визита в Москву, а Натта собрал 15 апреля в ЦК ИКП послов арабских стран и представителя ООП, чтобы рассказать им о многочисленных инициативах ИКП, проведенных в последние месяцы для дальнейшего продвижения процесса мира на Ближнем Востоке. Натта добавил, что готовятся и другие инициативы в европейском масштабе в целях вовлечения Сообщества и европейских левых сил в решение ближневосточных проблем. Дуайен арабских послов Халед аль Торки из Саудовской Аравии от имени всего арабского сообщества высказал высокую оценку «разумным и взвешенным» усилиям, прилагаемым ИКП для справедливого политического

решения многих нерешенных проблем в ближневосточном регионе и зоне Персидского залива. Новые советские позиции, интересная инициатива Шульца, голоса, раздававшиеся и в Израиле в пользу шагов навстречу ООП (Абба Эбан заявил газете «Нью-Йорк таймс»: «Израиль и Соединенные Штаты должны согласиться с тем, что главное — это не упоминание о том, что делали палестинские вожди в прошлом, а на каких позициях стоят они сейчас»), активизация мирового общественного мнения, все более чувствительного к потребности палестинцев в свободе и независимости, вытекающей из движения Интифады, — все это казалось достаточным для того, чтобы вселить уверенность.

Однако, как это неоднократно случалось в прошлом на самых деликатных и решающих поворотах израильско-палестинского спора, произошло драматическое событие, снова поставившее все под вопрос. В Тунисе отрядом боевиков из израильской разведки был убит Абу Джихад. Это было ужасной потерей для всего палестинского движения и для Арафата, так как Джихад был не только его правой рукой, но и самым близким другом. Это преступление очень взволновало и нашу партию. Секретариат без колебаний сразу же заявил, что это убийство представляется «направленным на ужесточение международной обстановки, на запугивание и устрашение повстанцев на оккупированных территориях, на торможение политико-дипломатических инициатив, направленных на достижение мира». Страшно было и то, что это преступление может вызвать новую волну террористических актов и произойдет возврат к замкнутому кругу: терроризм — ответные меры — репрессии. К счастью, весьма своевременно и разумно выступил Фарук Каддуми, заявивший из Туниса: «Мы не пойдем ни на что, подобное тому, что совершило израильское правительство. Наш ответ будет общенародным и демократическим». Его слова нашли подтверждение в движении Интифады, усилившем свою борьбу, не меняя ее формы, и в еще большей сплоченности в самой ООП и межарабской солидарности. После многолетней вражды, большой напряженности и столкновений, благодаря гибкому и умному посредничеству Советского Союза 25 апреля в Дамаске снова встретились Арафат и Асад, а в сирийской столице вновь открылись палестинские офисы ООП.

Возросла международная изоляция Израиля, который этим актом создал трудности даже для своих самых близких союзников и еврейских общин во всем мире. В то же время ширилось движение солидарности с палестинцами. Сбравшись для рассмотрения новой обстановки, международная комиссия нашей партии одобрила резолюцию, в которой приветствовались новые миролюбивые инициативы, а еврейские общины побуждались в этой связи к проведению более активной линии. Вместе с тем проводилась идея об использовании всех подходящих поводов для организации встреч между прогрессивными течениями Израиля и палестинскими деятелями и оказании поддержки кампании по сбору материальной помощи населению оккупированных территорий. Действительно, она сразу же получила большой размах благодаря главным образом организационным мерам Комитета «Италия—Палестина» и деятельности центров католической инициативы, добровольцев, молодежного движения, выступившего застрельщиком сбора средств под лозунгом «С Палестиной в сердце», межпарламентской группы, особенно женщин, которые приняли в Италии вдову Абу Джихада Умму, которая вместе с Нильде Йотти, Ливией Турко и Анной Серафини приняла участие в многочисленных и бурных народных собраниях. Резолюция международной комиссии выдвигала определенные требования и к итальянскому правительству. Бездействие Италии нельзя было больше оправдывать тем, что она одна ничего не может сделать и что с инициативами надлежит выступить всему Европейскому сообществу. «Кому-то следует предпринять усилия и что-то сделать», — настаивал Джорджо Наполитано, имея также в виду предложение о замене израильских войск на оккупированных территориях международным контингентом. Такое предложение могло бы сделать итальянское правительство в Европейском сообществе, с тем чтобы оно было передано на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Наполитано также напомнил, что Чириако Де Мита в момент вступления на пост главы правительства произнес страстные слова в защиту палестинского народа и высказался за твердую поддержку его справедливого дела («...признание ООП является для Израиля единственно возможным путем для реализации своей заинтересованности в безопасности») и что

депутаты Кракси и Гранелли ставили вопрос о недопустимости промедления с признанием ООП, по поводу чего большинство депутатов палаты уже неоднократно голосовало. Международная комиссия решила также отметить 40-летие со дня основания Государства Израиль, опубликовав в еженедельнике партии «Контемпоранео» спецобзор под названием «Израиль и будущее двух народов»⁸. «Мы неустанно обращаемся к народу Израиля, к демократическим и миролюбивым силам этой страны, — писал Натта в предисловии, — чтобы побудить их к действию, прежде чем будет слишком поздно».

17 мая в палате депутатов развернулись важные дебаты по поводу ближневосточного кризиса. В своем выступлении Наполитано призывал правительство вмешаться в драматическую ситуацию, возникшую на оккупированных территориях, усилить солидарность и помощь палестинскому народу и оказать давление на Израиль, с тем чтобы он прекратил репрессии. Кроме того, Наполитано потребовал покончить с проволочками и приступить «непосредственно к признанию ООП». В связи с этим требованием в палате вспыхнула оживленная дискуссия. Боясь возникновения очередного раскола с республиканской партией, Андреотти самолично собирался составить проект резолюции за подписью пяти партий большинства с учетом дебатов на сессии. Но республиканцы настояли на том, чтобы в ней не было никакого упоминания об ООП и ее признании, что, напротив, являлось центральным пунктом проекта, представленного нашей группой. Вердиктом зала был отвергнут диктат ИРП, так как ассамблея после голосования по резолюции большинства проголосовала также за нашу резолюцию, хотя воздержавшееся большинство депутатов ХДП и ИСП сыграло при этом определяющую роль. Наша резолюция предусматривала, что правительство должно «поддержать неоспоримый представительный характер ООП как участника переговоров, направленных на прекращение арабо-израильского конфликта в рамках международной конференции, которая санкционировала бы право палестинского народа на самоопределение и право Государства Израиль на существование и безопасность»⁹.

Дипломатическая инициатива тем временем пробуксовывала. У «плана Шульца» не было больших шансов на даль-

нейшее развитие, поскольку наряду с некоторыми новыми моментами в нем сохранялись «три исключения» («нет» палестинскому самоопределению, «нет» созданию самостоятельного и независимого государства, «нет» признанию ООП как субъекта переговоров), которые не предусматривали никакого положительного исхода. Даже Иордания и Египет отнеслись с холодным равнодушием к американской инициативе. Израильское правительство, напротив, встретило в штучки элементы ее новизны, так как положить резолюции 242 и 338 в основу политического решения в любом случае означало бы оставление оккупированных территорий и согласие с формулировкой «земля в обмен на мир». Говорить же о политических правах значило бы признать национальную самобытность палестинского народа и его требования как такового. Израильской оппозиции не удавалось, похоже, навязать перемену ориентиров Ликуду и поддерживавшим его религиозным правым силам. Лейбористы были разьединены внутренними противоречиями и старались не занимать позиций, которые могли бы повредить их успеху на выборах. Во время краткой остановки в Милане по пути в Мадрид, где должно было состояться совещание Социалистического интернационала, министр иностранных дел Шимон Перес встретился с Андреотти для рассмотрения сложившейся ситуации. Андреотти нашел в словах своего собеседника ряд интересных моментов. Речь шла, прежде всего, о растущей озабоченности тем, что происходило в Газе и Трансиордании. Нельзя было, конечно, ждать, что Перес отречется от содеянного его правительством, тем не менее он чувствовал потребность в «решении палестинской проблемы». Перес сознавал растущую морально-политическую изоляцию своей страны и тяжелые последствия Интифады для израильской экономики. Затем он подтвердил благоприятное отношение лейбористов к международной конференции, но придерживался остракизма в отношении ООП и мечтал о смешанной делегации, которая была бы составлена из иорданцев и «подлинных палестинцев». Такое отрицательное отношение к палестинцам вело к тому, что даже позитивные изменения лишались всякой ценности. Андреотти подтвердил положительное отношение Италии к самоопределению палестинцев и их праву иметь родину. Что же касается палестинского представительства в делега-

ции на конференцию, Андреотти утверждал, что «самим палестинцам надлежит совершенно самостоятельно решить, кто из них должен в нее войти». Перес повторил те же позиции на Совете Социнтерна, воспринявшего их с некоторой досадой. Они были довольно далеки от нового этапа, открывшегося с Интифадой, и не учитывали настроений, превалировавших в общественном мнении, отчасти и в самом Израиле. Выразителем этих настроений стал представитель Мапама, рассказавший на форуме мирового социализма о предложениях последнего съезда своей партии: выдать мандат ООН или какой-либо европейской силе для взятия под международный контроль территорий Газы и Трансиордании и таким образом обеспечить безопасность их населения; принять формулировки «два народа, два государства» и «земля в обмен на мир»; провести переговоры с противником и, следовательно, с ООП; созвать международную конференцию с участием всех заинтересованных сторон. Это выступление представителя Мапама вызвало продолжительные аплодисменты. Столь же горячо аплодировали и Беттино Кракси, который от имени ИСП предупредил Израиль о необходимости «смены линии», так как «нынешнее правительство препятствует какой-либо перспективе достижения мира, нарушает права народов, неоднократно преступая международные законы и не соблюдая права человека»¹⁰. В работе Социалистического интернационала принимали также участие два советских представителя — Александр Зотов и Александр Вебер, и это было новым явлением, как и их встреча с Пересом. Позиции между ними были все еще довольно далеки друг от друга, тем не менее оттепель в отношениях между Израилем и Советским Союзом и некоторыми странами Восточной Европы, а точнее Польшей и Венгрией, являлась весной 1988 года одним из немногих элементов новизны. Встреча Горбачева с Рейганом 29 мая не привела к существенным сдвигам в решении ближневосточного вопроса. Соединенные Штаты вступили уже в полосу избирательной кампании, и возвращение к занозистому вопросу, связанному с Ближним Востоком, Израилем и палестинцами, отнюдь не было подарком для соперничавших на выборах группировок и кандидатов. До конца года трудно было ожидать от Соединенных Штатов каких-либо новых подвижек. Утешала тем не менее атмосфера на встрече в верхах и стремление к сотрудничеству, свидетельствовавшие о явной перемене клима-

та в международных отношениях. В столь благоприятный момент Европейское сообщество могло выступить с соответствующими инициативами. К сожалению, сессия Европейского совета, проходившая 27—28 июня в Ганновере, принесла очередное разочарование. В обширном и многоплановом заключительном документе 12 глав европейских государств отвели Ближнему Востоку всего 6 строчек. «Европейский совет выразил беспокойство в связи с ростом напряженности на Ближнем Востоке. Статус-кво на оккупированных территориях не может больше поддерживаться. На основе разработанных позиций 12 стран продолжают свои усилия, направленные на созыв в ближайшее время под эгидой ООН международной мирной конференции, являющейся подходящим местом для необходимых переговоров между непосредственно заинтересованными сторонами и имеющей существенное значение для установления всеобщего справедливого и длительного мира в регионе. 12 стран продолжают осуществление всех инициатив, выдвинутых с этой целью»¹¹. Это было дежурное заявление, отражавшее лишь выжидательную позицию.

Летом возникли два новых момента, наложивших отпечаток на развитие будущих событий. Во-первых, в кулуарах совещания в арабских верхах (Алжир, 6—9 июня) стала циркулировать весьма необычная статья или документ. Само совещание было триумфом Арафата. Восторженные оценки «героической» Интифады вылились вскоре в прочное и сознательное признание ООП и ее лидера, а также в солидную «конкретную помощь», которую ООП должна была распределять на оккупированных территориях. Фактически это означало отстранение Иордании от управления арабскими фондами, предназначенными для населения Газы и Трансиордании. Так вот, во время этого совещания в верхах Бассам Абу Шариф распространил свой документ, сносшибательная сущность которого стала понятной лишь несколько дней спустя. Авторитетный деятель впервые в необычных выражениях подчеркивал в нем определяющую роль, которую играет в ближневосточном вопросе безопасность Израиля. «Мы уверены, — говорилось в документе, — что все народы, включая палестинский и еврейский, имеют право управлять своими делами и ждут от своих соседей не просто отказа от воинственных настроений, но и такого экономического и политического

сотрудничества, без которого ни одно государство не может чувствовать себя в безопасности. Палестинцы хотят длительного мира и безопасности для самих себя и для израильтян. Никто не хочет строить свое будущее на развалинах чужой судьбы»¹². Речь шла о значительном шаге вперед, который мог стать поворотным пунктом в израильско-палестинском споре и это немедленно поняли в Соединенных Штатах, где наиболее авторитетные органы печати опубликовали статью Абу Шарифа. В Москве, как подтвердил через несколько дней Карен Брутенц, приехавший в Италию по приглашению нашей партии, также не скрывали удовлетворения. Горбачев просил в апреле Арафата сделать определенные шаги к признанию Израиля, и вышеназванный документ показал, что к его словам прислушались. А что сделал Арафат? Арафат никак на него не прореагировал. Трудно допустить, что он был не в курсе подобного выступления. Скорей всего, он из осторожности не признавался в его авторстве. В подобном поведении не было ничего необычного. Всякий раз, когда ООП предстояло сделать решающий выбор новой стратегии для палестинского движения (как это было, например, когда разрабатывалась программа 1974 года, нацелившая организацию на создание автономного палестинского государства, или когда начался диалог с миролюбивыми силами Израиля, или выражалось согласие с резолюциями ООН), Арафат всегда выставлял вместо себя кого-нибудь другого. За собой он оставлял возможность внесения поправок или совершения маневра, ибо ему было известно, что всякая более продвинутая позиция вызовет серьезные дискуссии и внутреннее сопротивление в ООП и в самом Фатхе и ему придется заниматься всем этим, кое-что смягчать, с чем-то бороться. Видимо, так обстояло дело и на этот раз. А пока что камень был брошен.

Вторая новость пришла из Аммана вечером 31 июля, когда король Хусейн выступил по телевидению и заявил, что Иордания отказывается от всех притязаний на Трансиорданию. «Так как существует всеобщее убеждение, — сказал он, — что борьба за освобождение палестинской земли могла бы быть подкреплена устранением юридических и административных связей между обоими берегами Иордана, мы должны выполнить свой долг и сделать то, чего от нас ждут. Иордания — это не Палестина. На оккупированных территориях будет создано, после освобождения, независимое палестинское государство. Если

это будет угодно Аллаху». Это было полной неожиданностью для всех действующих лиц ближневосточных событий. Так называемый «иорданский вариант», на который до сих пор возлагали надежды США и их израильские и западные союзники, попросту перестал существовать. Но и палестинцам и арабам этот ход показал, что все еще существует неопределенность в отношении дальнейшей перспективы. Ведь теперь оставалось лишь вернуться к ноябрьской резолюции ООН 1947 года, предусматривавшей раздел Палестины на два государства, — еврейское и арабо-палестинское. Со всех сторон задавались недоуменные вопросы, что подтолкнуло иорданского короля на столь неожиданный и внезапный поворот: реалистический взгляд на новую обстановку, возникшую на оккупированных территориях, или тонкий расчет, что без него палестинцы окажутся не в состоянии содержать администрацию на оккупированных территориях и выплачивать зарплату десяткам тысяч государственных служащих и, следовательно, им самим придется просить о восстановлении прежнего порядка? Что это — попытка сбить спесь с палестинцев в своем доме или желание заставить американцев и израильтян отказаться от бесперспективной бездеятельности? Ведь теперь, когда поставлены все точки над «i», им придется вести переговоры с ООП. Как бы ни истолковывали этот жест, новизна его от этого не менялась. Это сразу же поняли руководители палестинского движения на оккупированных территориях, вновь заговорившие о необходимости временного правительства и провозглашения независимости. По мнению Фейсала Хусейни, необходимо было также разработать новую политическую программу. Вновь разгорелись споры и в самом Израиле. Мапам требовала оставить захваченные территории и провести переговоры напрямую с ООП. Это требование подтвердил и Виктор Шем-Тов, выступая на публичных дебатах в ряде итальянских городов, куда он выезжал вместе с Ханной Сениорой. Абба Эбан, встретившийся в сентябре в Риме с Наполитано, утверждал, что надо вернуться к резолюции 181: «Если бы тогда мы потребовали от международного сообщества 100 процентов территории и суверенитета над этим регионом, нам не позволили бы оформиться как государству». Шамир, напротив, в ответ на заявление Хусейна усилил экстремистский тон выступлений. Сейчас ему хотелось избавиться

от балласта своего потрепанного лейбористского союзника и провести максимально заостренную избирательную кампанию, чтобы добиться успеха, необходимого для создания правительства из представителей Ликуда и правых религиозных партий. Он угрожал действовать еще решительней против палестинцев — «железной рукой», если те осмелятся создать временное правительство, и настаивал на библейском праве Израиля владеть Иудеей и Самарией. Так что да здравствует «Эрец Исраэл», а вовсе не «земля в обмен на мир»!

От Генштаба ООП в Тунисе не поступало никаких откликов на заявление Хусейна. Арафат требовал лишь повременить с конкретными действиями. Необходимо было хорошо взвесить такие ответственные шаги, как провозглашение независимости и создание временного правительства в изгнании. Для этого нужно было время. А пока он стал готовить созыв новой сессии Национального совета Палестины, которому надлежало сделать поистине великий выбор. Для этого ему надо было собрать оценки и мнения различных сторон и дожидаться исхода почти одновременных выборов в Израиле и Соединенных Штатах. В течение двух месяцев Арафат перелетал из одной столицы в другую, из арабских стран в неарабские. Он захотел также выслушать мнение правительства и некоторых политических сил Италии. В Тунисе он встречался в августе с Кракси, а 20 октября с Андреотти. С Оккетто, новым генеральным секретарем ИКП, он часто переписывался, письма доставлялись Немером Хаммадом. В связи с предстоящим 12 ноября в Алжире Национальным советом Палестины наша партия советовала Арафату, преодолев любое сопротивление, открыто заявить о намерении вступить в политические переговоры с Израилем на основе взаимного признания и резолюций 242 и 338 ООН, дополненных, как мы уже давно добивались, правом палестинского народа на самоопределение и на создание независимого государства. 10 ноября Немер Хаммад пришел в ЦК ИКП для того, чтобы ознакомить нас с политической платформой и целями Национального совета. На этот раз не предусматривались приглашения, так как речь шла о чрезвычайной сессии. Исключение было сделано для Оккетто, которому сам Арафат сразу же после окончания работы Совета собирался рассказать о назревавших исторических решениях.

Провозглашение независимости

«В соответствии с естественными, историческими и юридическими правами арабского палестинского народа на свою землю, Палестину; опираясь на жертвы, принесенные последующими поколениями палестинцев, защищавших свободу и независимость своей родины; на основе решений совещаний в арабских верхах; в силу главенствующего значения международного права и законности, воплощенных, начиная с 1947 года, в резолюциях Организации Объединенных Наций; осуществляя право арабского палестинского народа на самоопределение и суверенное владение своей землей, Национальный совет Палестины, во имя Аллаха и арабо-палестинского народа, провозглашает основание Палестинского государства на нашей палестинской земле со столицей в священном городе Иерусалиме».

Это произошло 15 ноября 1988 года в алжирском Центре съездов, где была зачитана торжественная декларация независимости. Так родилось Палестинское государство, первое во всем мире, не имевшее еще ни земли, ни определенного лица. Автором декларации стал великий поэт Махмуд Дарвиш, с которым Арафат никогда не расставался в важнейших и торжественных случаях. Велико было волнение присутствовавших, а когда был поднят палестинский флаг, среди делегатов и гостей раздались радостные возгласы, люди плакали и обнимались друг с другом. Это был кульминационный момент счастливого завершения чрезвычайной сессии НСП, которая с полным основанием

может считаться исторической. Но в предыдущие три дня здесь развернулась настоящая баталия. Если провозглашение независимости было встречено всеобщим одобрением, то этого не случилось с политическим документом, выдвинувшим новую программу и одобрявшим подлинную новизну стратегической линии: согласие со всеми резолюциями Организации Объединенных Наций, в частности с резолюциями 242 и 338, и, следовательно, с необходимостью признания Израиля, его существования и его права на безопасность, открытое осуждение и отказ от «угрозы и применения силы насилия и терроризма». Это была великая победа Арафата и, главным образом, Интифады, под знаком которой проходила сессия НСП, пожинавшая ее плоды. Интифада, длившаяся уже год, была не только противодействием оккупации и угнетению, но и подлинной борьбой за национальное освобождение целого народа. Это было восстание, вдохновлявшееся великими идейными и нравственными ценностями. Вот почему оно стало делом, поддержанным почти всеми палестинцами Газы и Трансиордании и снискавшим симпатии и солидарность мужчин и женщин, юношей и девушек всех частей света. Восстание положило начало широкому движению народных масс и способствовало созданию руководящих групп, умевших делать политику и ставивших перед собой ясные цели: самоопределение и создание свободного и независимого государства. Накануне алжирской сессии Объединенное командование обратилось в своем сообщении № 28 к НСП с четко сформулированным требованием «принять ясные решения, составить политическую программу в духе реализма». Арафат нуждался в подобном сигнале не только для того, чтобы выиграть политическую баталию, но и чтобы сплотить вокруг обязательных задач, которые будут намечены на Совете, максимальное число сторонников внутри ООП. Вот почему он мог ограничиться 12 минутами для произнесения вступительного слова на открытии сессии. Этого было вполне достаточно, чтобы направить послание «брату Бушу». Арафат все больше убеждался в том, что ключ к разрешению израильско-палестинского конфликта находится в руках Соединенных Штатов, и обратился к новой американской администрации с просьбой внимательно проанализировать смелый выбор НСП и почерпнуть в нем решимость

для начала диалога с ООП. Найеф Хаватмех от Демократического фронта и Сулейман Наджиб от коммунистов немедленно поддержали лидера ООП. В оппозиции остался лишь Жорж Хаббаш, не желавший признавать Израиль особенно после того, как на выборах победил Шамир. Было бы серьезной ошибкой, утверждал он, совершить столь резкий поворот без каких-либо уступок со стороны Израиля или, во всяком случае, следовало бы его сделать за столом международной конференции. Тезисы Хаббаша собрали 46 голосов, тогда как подавляющее большинство (253 человека) из 318 присутствовавших делегатов (Израиль воспрепятствовал участию представителей Газы и Трансиордании) проголосовали «за», а 19 воздержались. Вопрос о временном правительстве откладывался до «более подходящего момента», а Исполнительному комитету было поручено выполнять его функции. Арафат с большой помпой предстал перед 500 журналистами, съехавшимися в Алжир со всех сторон света. Теперь никто не мог оправдывать свое бездействие — ООП сделала выбор, который от нее требовали, и ждала от тех, кто еще прятался за оговорки, соответствующих выводов. Арафат радостно сообщил, что 67 стран тут же признали новое палестинское государство.

Отклики на решения алжирской сессии НСП были большей частью положительными. ЕЭС отметила, что возрастают возможности созыва конференции и проработки равноправных политических условий. Андреотти превознес, от имени итальянского правительства, «ответственность и реализм решений ООП». Оккетто пошел еще дальше и сделал вывод, что из этого «смелого поступка, полного, помимо прочего, реализма и мудрости», итальянское правительство должно почерпнуть основания для признания Палестинского государства.

Соединенные Штаты, напротив, приняли это известие с прохладцей отчасти потому, что видели в некоторых формулировках политического документа элементы непреодоленной двусмысленности, а также из-за того, что палестинцы не прислушались к их совету не решать в Алжире вопрос о провозглашении своего государства. Но главную причину следовало искать в том, что 20 января Рейган должен был передать власть Бушу как только что избранному президенту.

Израиль отреагировал скорее нервно. В тот же день, когда в Алжире была провозглашена независимость, на оккупированных территориях ввели круглосуточный комендантский час, дабы помешать проявлению радости палестинского населения. «Ничего нового, обычный обман», — поспешил заявить Шамир, который сразу же избрал линию противостояния, дабы было также понятно, с какими намерениями он приступит после выборов 29 октября к формированию нового правительства, что в немалой степени обуславливало также позиции лейбористов. В беседе с итальянским послом в Тель-Авиве министр иностранных дел Перес высказал «разочарование результатами алжирской сессии НСП». После выступления Рабина в пользу Шамира, заметил израильский дипломатический деятель, складывается впечатление, что «Шамир, как никогда ранее, борется за то, чтобы отстоять свое личное политическое пространство». Все, однако (и Соединенные Штаты, и Израиль в первую очередь), сознавали, что с алжирской сессией открывается новая глава в тернистой ближневосточной истории и ни одной из сторон, вовлеченных в конфликт, не удастся удержаться на старых позициях.

Первым иностранцем, встретившимся с Арафатом после исторических решений, принятых в Алжире, стал Акилле Оккетто. «Это моя первая заграничная миссия, — сказал он при встрече, — после того как я был избран секретарем ИКП». «Это моя первая встреча как главы государства», — откликнулся Арафат. В зале, где была принята наша делегация (Оккетто сопровождали я и Микуччи), царил приподнятая атмосфера. На лицах многочисленных сотрудников лидера ООП застыли дежурные улыбки, безостановочно щелкали аппараты фотографов, сновали официанты с подносами, на которых разносили кофе и мятный чай. К тому же Арафат в новой форме отказался даже от привычного ремня с кобурой. По окончании официальной части многие из хозяев покинули нас, оставив после себя прокуренную комнату, пустые чашки и выдвинутые стулья. Именно с них и начал глава нового палестинского государства. Указав каждому на стул, он сел с нами в углу зала вместе с Абу Айядом и Фаруком Каддуми. Арафат начал с высокой оценки действий ИКП,

от которой они получали «разумную и постоянную поддержку даже в самые трудные моменты, когда немало друзей испытывали сомнения в их отношении. Мы гордимся вами и вашей дружбой». Он вспомнил Берлингуэра и сказал, что всегда старался следовать «ценным указаниям, которые тот давал, начиная с совета действовать в духе реализма. Я об этом вспоминал и в Алжире», — подчеркнул Арафат. Затем он рассказал о только что закончившейся сессии Национального совета. Он был счастлив, что все обошлось благополучно, но дал понять, что дела обстояли не так просто. Три ночи длилась напряженная свободная дискуссия («мы гордимся нашей демократической практикой»), и наконец состоялось голосование по наиболее острому вопросу — согласию с резолюциями 242 и 338. Подавляющее большинство проголосовало «за». Арафат отдал должное Жоржу Хаббашу, который смело отстаивал противоположную позицию, но вел себя корректно и с чувством принадлежности к общей организации. Арафат поведал нам, что на Хаббаша оказывали сильное давление, побуждая его и представителей его фронта покинуть сессию Национального совета, но он дал твердый отпор. Арафат уточнил, что ссылка на резолюцию 181 не означала, что она должна быть положена в основу международной конференции. То есть они не собирались вновь возвращаться к вопросу границ между двумя государствами в том виде, как это было предусмотрено в 1947 году. Арафат подчеркнул, что решения, принятые НСП в Алжире, носят «стратегический, а не тактический характер» и они будут отныне положены в основу политики ООП. Арафат добавил, что он очень доволен тем, как восприняли эти решения на оккупированных территориях, где, несмотря на комендантский час, население сумело выразить свое удовлетворение. Отрицательную реакцию Хамаса можно было ожидать с самого начала, но «мы поведем разговор и с ними и постараемся убедить их в правильности принятых нами решений». С блестящими от волнения глазами он вспоминал о «замечательных парнях Интифады». «Это они — те самые «твердокаменные генералы», которые своим энтузиазмом и жертвенным подвигом создали условия для нашего успеха». Вдохновляют и отклики, полученные из арабских стран (Оккетто получил доказательство этого в ходе дальнейших встреч с

секретарем Лиги арабских государств Хадли Клиби и с тунисским премьер-министром Хади Бакушем). Полную поддержку выразили все страны Магриба; Египет, страны Персидского залива и Арабского полуострова также приняли сторону ООП. Арафат и словом не обмолвился о Сирии и Иордании, но добавил, что в Ливии имели место очень серьезные осуждения со стороны Джеллуда, но полковник Каддафи придерживается, видимо, более осторожной линии. Полную поддержку оказали также социалистические страны, африканские государства и Движение неприсоединения. Число стран, признавших новое государство, уже перевалило за 70. Лично Арафат получил замечательные поздравления от Переса де Куэльяра, Горбачева и Цзяо Дзяна. Не удалось пока составить правильное представление о весьма противоречивых американских откликах. Наверняка сказывался момент перехода власти из одних рук в другие, но были и исключения персонального характера. Шульц, например, никогда не был благосклонен к палестинцам, с Бушем дела, видимо, пойдут лучше. Арафат рассказал нам с улыбкой, что многие просили его разъяснить, чем было вызвано его прямое обращение к «брату Бушу» в речи на открытии сессии Национального совета. «Вот увидите, — говорил я, — он лучше других поймет наши проблемы... и к тому же у него нет долгов, которые надо платить евреям. Он получил всего 10—15% еврейских голосов, большинство проголосовало за Дукакиса». Разочарования Арафата были, напротив, связаны с Израилем и Европой. Он поведал нам, что они вели непосредственную работу с арабо-палестинским населением Израиля, с тем чтобы оно голосовало за кандидатов, выступающих за диалог и мир. В хороших результатах, которых добились Раках и Ратц, отразились плоды этой работы. Но не получилось с лейбористами. Слабое продвижение на выборах было вызвано двусмысленностью их позиций и подчиненностью Ликуду. «Если даже они будут вести правую политику, то избиратели проголосуют за Шамира, который умеет это делать лучше». Арафат отрицательно оценивал картину выборов, принесших успех даже некоторым «фанатическим и обскурантистским» силам. «С ними и с Ликудом мы никогда не достигнем мира». Лидер ООП был очень обеспокоен тем, что к власти может прийти крайне правое правительство в

составе Ликуда и религиозных групп и что лейбористы будут по-прежнему сидеть между двумя стульями, не проявляя никакой инициативы. «С их стороны было бы разумней оценить по достоинству наши решения, принятые в Алжире, но вместо этого они их игнорируют либо отвергают». Арафат сильно рассчитывал на авторитет нашей партии и отношение, которого ИКП удалось добиться в Израиле, он также надеялся, что это будет способствовать пробуждению сил мира.

В Западной Европе было сделано довольно много положительных заявлений, поступило и несколько посланий. Арафат сказал, что он был приятно поражен выступлением Маргарет Тэтчер, призвавшей Соединенные Штаты позитивно откликнуться на происшедшие события. Но от ЕЭС ждали не просто хороших слов. 13 сентября, накануне сессии НСП, Арафат посетил Страсбург по приглашению социалистической и коммунистической групп. В этой связи он заранее объявил о признании всех резолюций ООН, вел речь о «безопасных границах» для Израиля и поддержал выношенную в Европе идею о предоставлении мандата силам ООН в отношении оккупированных территорий, который будет действовать до созыва международной конференции. 2 ноября он изыскал возможность сделать посадку в Чампино, чтобы поговорить с Андреотти и заранее проинформировать итальянское правительство о темах предстоящего разговора в Алжире. Он ожидал, что решения НСП будут хорошо восприняты и от нашей страны и ЕЭС будут сразу же выдвинуты инициативы, обращенные ко всем силам, заинтересованным в разрешении ближневосточного кризиса. Европа, которая в 1980 году выступила первой в Венеции, теперь имела возможность увидеть результаты и положить начало новому этапу в своих усилиях. Случится ли это, будут ли министры иностранных дел ЕЭС обсуждать этот вопрос на предстоящем совещании в Люксембурге? Информация, поступавшая до сих пор, оставалась неясной. Арафат попросил Оккетто прозондировать настроения и намерения в Италии и Европейском парламенте. Лидер ООП добавил затем, что во время встречи с Андреотти он просил содействовать своему выступлению в Совете Безопасности ООН, где настала очередь председательствовать Италии, и сказал, что он

готов вступить в прямой диалог с израильскими руководителями. Андреотти сразу же отправился в Израиль, но как Шамир, так и Перес дали ему отрицательный ответ по всем пунктам. Чего ждали теперь от него? «В Алжире, — сказал Арафат, — я сделал все, чего Запад от меня добивался в те годы. Теперь Запад является нашим нравственным и политическим должником». Было трудно опровергнуть прямолинейность его доводов.

Оккетто положительно откликнулся на призыв, обращенный к нам: усилить диалог с левыми и миролюбивыми силами Израиля, побудить правительства и парламенты на европейском и национальном уровне с пониманием относиться к решениям НСП и выступить со своими инициативами и приложить усилия, с тем чтобы была созвана международная конференция, сохранить и усилить солидарность с Интифадой, которая, по мнению Арафата, будет продолжаться еще долго и приведет к новым формам борьбы.

Пресс-конференция, на которой секретарь ИКП обрисовал по возвращении из Туниса темы своей беседы с Арафатом, привлекла особенно большое внимание. Он был первым, кто привез прямые известия после сессии НСП, и вопросы следовали один за другим. Тем, кто спрашивал, в какой форме итальянское правительство могло бы признать новое Палестинское государство, Оккетто ответил, что международное право предоставляет различные возможности. «Это может быть либо прямым признанием государства, либо признанием, как это сделал СССР, провозглашения независимости, либо, наконец, признанием права на создание Палестинского государства на оккупированных территориях». Какой-то американский журналист напомнил, что новая американская администрация могла бы начать разговор с ООП при условии, однако, что последняя была бы готова пойти на еще более явное признание права Израиля на существование. «Не понятно, что имеется в виду, — взорвался Оккетто, — когда заводят разговор о более явном признании. Это больше похоже на уловку, потому что время от времени от Арафата требуют занять определенную позицию, но стоит палестинскому лидеру занять такую позицию, как ему говорят, что этого еще недостаточно и что нужно что-то другое. В свете того, что Арафат сказал в Алжире, я попросту не пойму, что еще требуется от него»¹.

С Кракси и Андреотти, которым Оккетто сообщил о своей встрече, надо было обсудить некоторые принципиальные вопросы. С Кракси — вопрос о международной посреднической силе, предложение, которое особенно было близко социалистическому лидеру и которое он давно превратил в своего боевого конька. Казалось бы, чего проще — наделять европейским или ооновским мандатом международную силу и «послать ее на территории, освобожденные от израильских войск». Кстати, сам Оккетто с этим публично согласился. Но это было все равно, что телегу поставить впереди лошади, так как для того, чтобы «освободить территории», надо было договориться с Израилем о том, что он согласен на подобную акцию. Израиль же в тот момент не только не соглашался, но и не собирался обсуждать ничего подобного. Именно от этого и следовало танцевать. По окончании встречи Кракси заявил, что по палестинскому вопросу «между ИСП и ИКП существует значительное совпадение точек зрения». Это в основном, безусловно, было верно, но по таким специфическим вопросам, как так называемый «иорданский вариант», проявлялась еще разница во взглядах. Может быть, Оккетто слишком поспешно заявил, что идея создания иордано-палестинской конфедерации «преодолена самой действительностью», но настаивать на этой идее, как это сделал Кракси, да еще в прежних выражениях, после Интифады и односторонних июльских шагов короля Хусейна, было не слишком реалистично. Более настоятельным в тот момент был поиск форм сотрудничества между ООП и Иорданией ввиду возможного созыва конференции и желательного начала переговоров.

В беседе с Андреотти Оккетто отмечал, главным образом, роль Европы и необходимость воздействовать на Соединенные Штаты, с тем чтобы добиться от них более действенной позиции в отношении поворота, совершенного в Алжире. Ввиду предстоявшей встречи в верхах в Вашингтоне Арафат вручил Горбачеву послание Рейгану, в котором ясно говорилось о том, что желательно было бы сопроводить передачу власти в Америке убедительным заявлением в пользу мира на Ближнем Востоке, и о положительной сути решений, принятых ООП. Это связало бы имя Рейгана с дальнейшим развитием событий на Ближнем Востоке. Теперь же

Оккетто просил Андреотти, который вскоре собирался поехать с Де Митой в Соединенные Штаты, предпринять усилия для преодоления сопротивления, все еще мешавшего осознанию новых позиций ООП. Необходимо было, кроме того, чтобы ЕЭС сделала что-нибудь конкретное для созыва международной конференции. В этих целях можно было бы согласиться с предложением Миттерана и Горбачева о создании подготовительного комитета из числа пяти постоянных членов Совета Безопасности. ИКП было известно о положительном отношении Китайской Народной Республики к этому вопросу. А что об этом думают Великобритания и Соединенные Штаты? Итальянское правительство могло бы с пользой для дела сказать свое слово. Оккетто выдвинул за тем идею о специальной ассамблее представителей парламентов средиземноморских стран, которая могла быть созвана Межпарламентским союзом, одним из руководителей которого был Андреотти. Министр иностранных дел соглашался с секретарем ИКП в том, что необходимо использовать все возможности, возникающие после алжирской сессии, и считал, что надо помочь Арафату, «с большой смелостью сделавшему важный шаг, Арафату, который не может только давать, но должен и получать».

Сигнал, поступивший из Вашингтона, был совершенно иного рода. Соединенные Штаты отказали Арафату во въездной визе, так что он не смог принять участие в очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. На первый взгляд эта мера казалась совершенно необъяснимой, тем более что она была принята вскоре после одобрения экстраординарных решений со стороны НСП. Госсекретарь Шульц мотивировал одиозную меру соображениями безопасности и ссылкой на то, что Арафат является «соучастником терроризма». На самом же деле Шульц выражал мнение некоторых кругов администрации, противившихся новому подходу к ближневосточной тематике и завязыванию диалога с ООП. Реакция на бессмысленный запрет последовала незамедлительно. Ассамблея почти единодушно (151 — «за», Соединенные Штаты — «против», Израиль и Великобритания воздержались) выразила сожаление в связи с «явным нарушением международных обязательств» со стороны Соединенных Штатов. В

интервью газете «Республика» Перес де Куэльяр назвал это «абсолютно немотивированным жестом против мира». По мнению Генерального секретаря ООН, после сессии НСП надо было, наоборот, «воспользоваться возможностью и значительными шагами вперед, сделанными в Алжире»². Союзники Соединенных Штатов также подвергли более или менее открытой критике позицию, занятую Шульцем. «Я совершенно не ожидал, — признается Андреотти несколько недель спустя, — что после того, как Шульц совершил самую глупую ошибку со времен правления президента Вашингтона, он додумается до закрытия офиса ООП в Нью-Йорке. Я тут же потребовал от него объяснений»³. Как-то на презентации книги Дино Фрескобальди, в которой принимали также участие Джорджо Наполитано и Маргерита Бонивер, министр иностранных дел позволил себе замечание, полное сарказма: «В своей жизни я думал о многом, но вовсе не помышлял о том, чтобы помочь Соединенным Штатам выбраться из изоляции»⁴). Весьма жестко прозвучало также высказывание Джорджо Наполитано: «Американское решение отказать Арафату во въездной визе для участия в Ассамблее ООН выглядит настолько суровым, что с трудом верится, что оно было вызвано каким-либо политическим обстоятельством, и приходится задуматься над тем, что за ним скрыто. Сейчас именно тот момент, когда Европа, и от ее имени Сообщество двенадцати стран, должны ясно выразить свое несогласие с Соединенными Штатами и довести до конца давление на них. Сегодня, как никогда, может иметь вес голос европейских союзников Соединенных Штатов. Первая реакция итальянского правительства на американское решение соответствовала серьезности факта и заслуживает нашего полного согласия с ней; теперь следует идти дальше без промедления и остановки»⁵. Самую сильную оплеуху нанесла все же сама Организация Объединенных Наций, которая решила созвать следующую Ассамблею 13—15 декабря в Женеве.

Ассамблее предшествовал эпизод, который в значительной мере мог повлиять на поведение старого и нового руководства Соединенных Штатов. В Стокгольме при активном и добросовестном посредничестве шведского министра иностранных дел Стена Андерсона начались секретные переговоры между палестинскими деятелями и влиятельными амери-

канскими евреями, среди которых были Рита Хаузер, известный американский адвокат, и либерал Стенли Шейнбаум. Их авторитет и политический вес могли сыграть важную роль в продвижении официального диалога между ООП и США. Арафат был так убежден в этом, что 6 декабря самостоятельно вылетел в шведскую столицу для участия в заключительном этапе переговоров. Группа американских евреев исходила из того, что политическая программа, принятая в Алжире, не является документом «юридического содержания», и хотела услышать непосредственно от главы ООП, какие обязательства были приняты по двум аспектам, более всего волновавшим американскую администрацию: признание Израиля и отказ от терроризма «во всех его формах». Документ, подписанный в Стокгольме, являлся подтверждением позиций, занятых ООП в Алжире, но формулировки, предложенные палестинской стороной, оставались более расплывчатыми, чем добивалась американская сторона. Но для Арафата это был последний козырь, после которого он остался бы совсем раздетым. Ему хотелось получить уверенность в согласии руководящей группы ООП и в немедленном ответе Соединенных Штатов. Накануне женеvской ассамблеи он занимался напряженной работой, чтобы добиться гарантий этих условий. Многие зависело от его выступления в Женеве. Более 600 журналистов съехались со всего света в швейцарский город, символ важнейших мероприятий мировой дипломатии. Арафат говорил долго — 1 час 20 минут — смешав воедино риторику и прагматизм, темы высокого этического и идейного звучания и более взвешенные аргументы, связанные с политическими ответами на вопросы в той форме, которой от него ждали. Он пошел дальше алжирских заявлений, торжественно подтвердив согласие с резолюциями 242 и 338 ООН и осудив «терроризм в любой форме». Он трижды повторил эту фразу. Арафат заявил о готовности принять «реалистические формулировки», сознавая, что таким образом он отказывается от «абсолютного возмездия». Он требовал созыва международной конференции, создания на основе инициативы президентов Горбачева и Миттерана подготовительных комиссий по выработке календаря работ, выдачи временного мандата ООН на оккупированные территории для надзора за выводом израильских вооружен-

ных сил, изыскания «территориального решения, охватывающего Государство Палестина, Израиль и другие соседние государства на основе резолюций 242 и 338 ООН». В заключение своей речи Арафат сказал, обращаясь прямо к Израилю: «Я прошу израильские власти прибыть сюда, чтобы под эгидой Организации Объединенных Наций совместно построить подлинный мир, мир, основанный на справедливости. Протянем друг другу руки, чтобы отстоять историческую и, быть может, неповторимую возможность положить конец трагедии, которая затянулась слишком надолго... Приходи, построим мир, о библейский народ! Пойдем на мировую, с тем чтобы обеспечить мир на земле мира, на земле Палестины»⁶. Перес де Куэльяр назвал это выступление «новым и очень важным вкладом в процесс достижения мира» и призвал Объединенные Нации признать новый институциональный порядок, передав наблюдательный пост ООП в ООН непосредственно Палестине. Ватиканское радио говорило об «исторической возможности, которая могла больше не повториться». Заместитель министра иностранных дел Советского Союза Владимир Петровский отметил, что «двери открыты для новых шагов в деле разрешения конфликта». Мубарак превознес «блестящую речь» Арафата. В Италии Де Мита, собиравшийся выехать вместе с Андреотти в Соединенные Штаты, также дал высокую оценку этому выступлению. Арриго Леви в передовой газеты «Коррьере делла Сера» отмечал, что «сегодняшняя речь Арафата соответствует ожиданиям общественного мнения. Признание еврейского государства и, в конце концов, раздела территории в соответствии с предложениями ООН в 1947 году, сформулировано ясно и повторено неоднократно. Нам не кажется, что после этого может долго продержаться американский отказ от установления отношений с ООП»⁷. Однако американцы не были вполне удовлетворены. Они признавали, что в речи Арафата имеют место «интересные и положительные сдвиги», но этого недостаточно. В формулировках Арафата еще сохранялась определенная двусмысленность в отношении отказа от терроризма и истолкования обеих резолюций ООН. По их мнению, надо было «способствовать дальнейшим сдвигам». Шамир, со своей стороны, не стал дожидаться американских оценок и сразу заклеил выступление в Женеве лидера ООП

как «очередной обман». Отклики в Израиле имели разную тональность. Раках и Мапам похвалили новые заявления. Шуламит Алони из Ратца утверждал, что «Арафат признал Израиль и теперь нельзя не вести с ним переговоры». Либералы-путатов-лейбористов во главе с Йосси Бейлином выступили за мирные переговоры с ООП. Перес пошел по своему пути: по-прежнему отказ от шагов навстречу ООП, но вместе с тем отмежевание от иммобилизма Шамира («Израиль не может только ограничиваться критикой Арафата, необходимо предстать перед миром со своей политической программой»). В общественном мнении усиливалось требование диалога в интересах мира, и поэтому слова, прозвучавшие в Женеве, были восприняты как провозвестие надежды, прокладывавшей путь вопреки препонам, воздвигнутым правительственными властями. Выразителем этих чувств стал интеллигент Давид Гроссман: «Столько лет мы дожидались этих слов. И вот теперь, когда Арафат их произнес, мы не находим ничего другого, как только сказать: «Этого не может быть, он лукавит». Такова ловушка, в которую угодили мы, израильтяне... Нас не пугают перемены к худшему, пугают лишь перемены к лучшему, которые принуждают нас смириться с новой обстановкой... Я говорю, что следует отказаться от нашего атавистического страха и идти вперед»⁸.

Тем временем Арафат и его самые близкие сподвижники внимательно оценивали в Женеве различные отклики. Они могли бы считать себя более чем удовлетворенными общими результатами, если бы не были удручены столь долгожданными американскими откликами, звучавшими скорее как новое отклонение их позиций. Весь день 14 декабря сотрудники Арафата жарко спорили, и многие из них пришли к заключению, что дальше идти некуда и лучше раз и навсегда перестать заниматься словоблудием. Но неужели от палестинцев ждали более определенных слов для разъяснения и без того ясных положений? Арафату предстояла еще одна пресс-конференция, где можно было проверить, так ли это. На ней лидер ООП подытожил проделанный путь, «предельно четко разъяснил позицию» палестинцев. Если кому-то еще не все было ясно, то Арафат подтвердил, что палестинцы согласны с «правом всех участников в ближневосточном конфликте на мир и безопасность» и с «полным и абсо-

лютным отказом от любых форм терроризма». Теперь не могло быть больше недоразумений, и Рональд Рейган раньше всех заявил о своем удовлетворении и объявил о начале прямого диалога с ООП. Он хотел уйти из Белого дома, присвоив себе хотя бы часть заслуги в этом ошеломляющем повороте. Де Мита и Андреотти, беседовавшие 15 декабря с Бушем, были первыми, кто получил известие о том, что уже на завтра назначены прямые переговоры с ООП. Де Мита сразу же заявил газете «Вашингтон пост», что американское решение впервые приступить к прямому диалогу «очень мудро» и что этот выбор может «приблизить решение ближневосточного кризиса путем переговоров». Столь же удовлетворенным, но гораздо менее сдержанным был Андреотти. По его мнению, это решение явилось чем-то вроде личного реванша. Сколько раз в течение столь долгого времени уже предлагалось пойти по этому пути? За американцами Андреотти не собирався даже признавать заслуги в том, что они добились от лидера ООП абсолютно новых позиций в этом вопросе. «Арафат публично высказал — еще до того, как он сел за стол переговоров, — то, что он всегда говорил в частных беседах и что хотел бы высказать за столом переговоров». А в интервью газете «Унита» Андреотти добавил: «Я всегда верил, что ООП является законным представителем палестинского народа. Не верить в это — все равно что утверждать, будто Италию во времена движения Сопротивления представлял не Комитет национального освобождения»⁹. Оккетто при встрече с Уммой Джихад в Риме выразил удовлетворение началом диалога между США и ООП, этим «поворотом основополагающего значения для судеб мира». Пайетта, возвращавшийся из Египта с парламентской делегацией во главе с членом парламента Пикколи и переживший эти дни в Каире, говорил при встрече с Мубараком и различными египетскими министрами о «новом ветре, повеявшем в Египте и на Ближнем Востоке». В Иерусалиме поведение людей и их настроения весьма отличались друг от друга. Шамир поспешил заявить, что Израиль ни в коем случае не пойдет на переговоры с «террористической организацией», и объявил, что он потребует от нового правительства построить в ближайшие годы 40 новых поселений на оккупированных территориях. Это было явным обращением к лейбористской

партии, которая все еще колебалась, войти ей или не войти в правительство. Она не решалась стать на позиции диалога, ибо в таком случае достаточно было бы Ликуду повести за собой три религиозные партии, чтобы сформировать правительство. Рабин принял к сведению это обращение. Перес же высказался неопределенно: «Я готов к встрече с любым палестинцем, лишь бы он не был сторонником терроризма». Но Эзер Вейцман вместе с другим министром-лейбористом, Мордехаем Гуром, ясно высказался за диалог с ООП, «как того требует от нас большинство наших сограждан». В то время как Израиль оставался разделенным по вопросу отношения к новой обстановке, в Карфагене 16 декабря произошла столь долгожданная встреча между представителями Соединенных Штатов и ООП. За двумя раздельными столами сидели американская делегация во главе с послом в Тунисе Робертом Пеллетро и палестинская делегация во главе с Ясером Абедом Раббо. Они должны были начать сопоставление точек зрения, которое, как надеялся Буш, будет «существенным и конкретным».

Менее чем за месяц палестинский вопрос приобрел новую конфигурацию. Арафат обладал как никогда ранее большим потенциалом для переговоров. Критические выступления против него со стороны просирийских группировок и фундаменталистских движений Хамаса получили немедленный ответ в усилении Интифады, поддержавшей проводимую ООП линию. Внутренние оппозиционеры вынуждены были также признать конкретные результаты шагов Арафата. Слабым звеном оставалась Европа, действовавшая вполсилы по сравнению с открывшимися возможностями. Все, что «родил» Европейский совет на своем последнем совещании в Брюсселе, сводилось к похвале начавшемуся диалогу США—ООП и разработке основ миссии будущей «тройки» (Испания, Греция и Франция), которую предполагалось отправить на Ближний Восток. Арафату нужны были более существенные усилия по созыву международной конференции, по оказанию давления на Израиль, по усилению помощи населению оккупированных территорий и поддержанию постоянного внимания к Ливану, где внутренний кризис был весьма далек от разрешения. Так, вместе с Фа-

руком Каддуми он начал настоящий дипломатический демарш, предприняв поездки в европейские столицы. В Рим он приехал 23 декабря, в самый разгар рождественских праздников. То, что он избрал нашу страну для первой поездки в одну из стран ЕЭС после женевской ассамблеи, свидетельствовало о признательности за то, что было сделано в Италии для дела палестинского народа, без разрыва с Израилем, но и о расчете на то, что наша страна может способствовать выдвиганию новых инициатив. И в этом он не ошибся. Президент Коссига даже опередил его в этих намерениях, обратившись 21 декабря, в ходе традиционной встречи с дипломатическим корпусом с «настоятельным призывом к израильскому правительству не упустить исторический шанс для начала построения мира на Ближнем Востоке с учетом готовности ООП, о которой заявил Арафат в Женеве». В присутствии председателя Совета министров Де Миты, заместителя председателя Де Микеллиса и министра иностранных дел Андреотти Арафат отметил, что «Италия является страной, которая больше всех сделала хорошего для нас», но что Европейское сообщество рискует упустить время для выступления с собственными инициативами. Де Микеллис рассказал ему о решениях брюссельского заседания Европейского совета, целью которого было установление диалога между сторонами ввиду предстоящей конференции. Де Мита и Андреотти могли засвидетельствовать волю Буша и новой американской администрации к достижению конструктивных решений. Наиболее трудным препятствием, которое предстояло преодолеть, являлся Израиль, проявлявший неуверенность в отношении направления своих действий. Это сказалось и в вопросе рекомендаций в связи с визитом, который Арафат собирался нанести в Рим. Израильский посол Мордехай Дрори выразил «сожаление» по поводу того, что Италия стала первой страной ЕЭС, которая принимала Арафата. Напротив, итальянская сионистская федерация выразила «надежду на то, что в скором времени создадутся условия, которые позволят израильтянам и палестинцам непосредственно обменяться мнениями в целях справедливого и демократического разрешения затянувшегося конфликта». Арафат мог только подтвердить, что выбор, сделанный в Алжире и Женеве, был «стратегическим, а не тактическим».

и что на этот выбор можно положиться. Более того, он искал в Израиле «своего де Голля, с которым можно было бы заключить мир. А если нет такого, то хоть бы нашелся какой-нибудь Ян Смит». Но был ли таковой? Могло бы итальянское правительство помочь его отыскать? А пока что оставалось только констатировать обострение напряженности на оккупированных территориях. Надо было, чтобы прекратились постоянные нарушения самых элементарных прав человека и ими занялась миссия «тройки» ЕЭС. Надо было перейти к конкретной подготовке созыва международной конференции. Предложение Горбачева и Миттерана о создании подготовительных комитетов было вполне приемлемо. Прибегнув к старому предложению, выдвинутому Римским муниципальным советом, поговаривали также о возможности проведения конференции в нашей столице. Она стала бы прекрасным фоном для столь важного события.

Напряженная работа лидера ООП в Риме была продолжена в Ватикане, где его принял Иоанн Павел II. Арафат преподнес ему сувенир в виде яслей из Вифлеема, где он сможет, как он надеялся, вскоре вознести молитву вместе с христианами. «Я тоже, — вторил ему папа, — надеюсь в один прекрасный день помолиться в Вифлееме и Иерусалиме». Затем они заговорили о многострадальной палестинской земле и о последних инициативах в дипломатическом плане. Папский представитель Иоаким Наварро заявил затем журналистам, что «Иоанн Павел II повторил, что он глубоко убежден, что оба народа, палестинский и израильский, имеют одинаковое и обоснованное право иметь свою родину, где они могли бы вести свободную, достойную и безопасную жизнь в добрых отношениях с соседними народами»¹⁰.

Времени для встреч с руководителями партий оставалось очень мало. Я сам встретился с Арафатом накоротке. Ровно настолько, чтобы сообщить ему о готовящемся визите Оккетто в Бонн и Москву для встреч с Вилли Брандтом и Михаилом Горбачевым и заверить, что в беседах будет отведено достаточно много места для обсуждения ближневосточного вопроса, которого тот заслуживал. Я также проинформировал его о готовящихся мероприятиях солидарности с населением, ведущим Интифаду. Арафат считал, что уже настало время снова привлечь внимание к вопросу о признании но-

вого статуса ООП. Во время поездки в Вену он добился установления официальных отношений на уровне посла. Он был очень признателен коммунистической и социалистической группам и группе «зеленых», которые в Европейском парламенте в Страсбурге добились одобрения документа, требовавшего признания ООП в качестве «временного палестинского правительства в изгнании».

Как раз во время его переговоров в итальянской столице пришло известие о том, что сбит самолет «Боинг-747» американской авиакомпании «Пан-Америкэн». Кто это сделал? Хроникеры стали осаждать Арафата, чтобы услышать его объяснения. «Сбивать самолеты, — заявил Арафат, — бесчеловечное дело». Как это совмещается с отказом от терроризма, не может ли это отрицательно сказаться на только что начатом диалоге? Арафат вышел из себя. Никто в свое время не мог позволить заподозрить итальянские правительства в пособничестве преступным действиям «красных бригад», напротив, все объединились в борьбе с ними, подобные теракты направлены, главным образом, против ООП, против дела палестинского народа, чтобы бросить тень на его борьбу. Арафат напомнил, что именно от него исходила идея созыва международной конференции по терроризму.

К сожалению, гибель самолета компании «Пан-Америкэн» серьезно отразилась на той атмосфере, которую Джорджо Наполитано назвал «благоприятным соревнованием в поисках мира», и вновь вызвала напряженность в Средиземноморье. Соединенные Штаты немедленно возложили ответственность на Ливию и пригрозили ей военными действиями, которые были начаты 2 января 1989 года, когда были сбиты два «МиГа» ливийской авиации. «Создается впечатление, что кому-то хочется отыгаться за смелые шаги Арафата», — заявил в сенате Паоло Буфалини, потребовавший, чтобы итальянское правительство вмешалось, во избежание силовых действий в Средиземном море, которые «могут подорвать едва зародившиеся надежды на достижение прогресса в деле обеспечения мира».

В этой атмосфере, в Израиле после изматывающих переговоров было создано новое правительство. Попытка сформировать его исключительно из людей Ликуда и отдельных религиозных группировок, не скрывавших своего стремле-

ния перейти к простой аннексии территорий Трансиордании, не удалась. Была вновь предложена коалиция Ликуд с лейбористской партией, по 10 министров от каждой, но она носила явно правый характер (министр иностранных дел Моше Аренс, известный своей непримиримой линией в отношении ООП, тогда как Перес вынужден был довольствоваться портфелем министра финансов) и снова ввела в состав правительства Ариэля Шарона. Шамир, со своей стороны, сделал небольшую уступку по поселениям, удовольствовавшись 5—8 поселениями в год.

В первые месяцы 1989 года ИКП выдвинула значительную инициативу по ближневосточному вопросу. Цели, разработанные на специальном совещании иностранной комиссии под председательством Буфалини, состояли в том, чтобы ускорить созыв международной конференции, углубить и расширить контакты с израильскими политическими и общественными силами, с тем чтобы содействовать созданию условий для диалога с ООП, развить движение солидарности с Интифадой и усилить помощь палестинскому населению Газы и Трансиордании.

В ходе встречи в Берлине с Вилли Брандтом (16 января) Оккетто и Наполитано попытались договориться об общей позиции Социалистического интернационала и других европейских левых сил, с тем чтобы обеспечить более ощутимое воздействие, предпринять шаги по ближневосточным вопросам и в особенности повлиять на Европейское сообщество и его инициативность. Возможностей для этого, казалось, существовало не так много, поскольку здесь уже были активно задействованы дипломатические усилия двух великих держав, а Соединенные Штаты дали недвусмысленно понять своим европейским союзникам, что они не будут благоволить инициативам, не согласованным в рамках Атлантического блока. Европейские страны могли бы иметь собственную нишу для маневров, оживив евро-арабский диалог и вновь поставив вопросы безопасности и сотрудничества в Средиземноморье.

Месяц спустя, 27—28 февраля, Оккетто в сопровождении Джузеппе Боффы и меня встретился в Москве с Горбачевым. Они говорили о многом, но и ближневосточный воп-

рос, и тема израильско-палестинских отношений получили соответствующее освещение. Горбачев откровенно сказал, что если этот конфликт не будет урегулирован, то он станет серьезным препятствием для достижения безопасности в этом регионе, в Средиземноморье и во всем мире. Поэтому Советский Союз будет прилагать все усилия для того, чтобы способствовать его решению. Он критически высказался в отношении Буша, начало президентства которого, похоже, было направлено на торможение происходивших процессов. Горбачев боялся, что китайцы не пойдут на слишком большое сближение с Советским Союзом, и опасался за судьбу инициативы СССР на Ближнем Востоке. «Но мы — люди упорные, — добавил он, — с китайцами мы скоро восстановим отношения, а на Ближний Восток мы направили Шеварднадзе». Затем Горбачев рассказал о встрече советского министра иностранных дел с Моше Аренсом в Каире. Их позиции были все еще далеки друг от друга, тем не менее новый министр иностранных дел Израиля признал, что существуют «определенные стремления арабского населения в Иудее и Самарии, которые нуждаются в удовлетворении». Премьер-министр Шамир теперь также утверждал, «что самое главное — прийти к переговорам». «Израильская сторона, — сказал Горбачев, — похоже, больше всего беспокоится о гарантиях своей безопасности. Это правильно: всякая страна желает чувствовать себя в безопасности, все на Ближнем Востоке нуждается в безопасности». И добавил, что согласован вопрос о том, чтобы поручить проработку этой темы группе экспертов. Они приложат серьезные усилия, чтобы пойти навстречу этому серьезному желанию. Горбачев дал высокую оценку реалистическим и конструктивным позициям, занятым ООП. «Арафат выступил очень смело в Алжире и убедительно в Женеве». С советской стороны ему также была оказана помощь в охлаждении «горячих голов», каких немало в ООП и в арабских странах, «как, впрочем, и у нас». Теперь всем следовало приложить усилия для созыва конференции, и было бы полезно, чтобы предложенный им и Миттераном комитет как можно скорее приступил к работе. Оккетто вновь вернулся к встрече Шеварднадзе с Аренсом, ему хотелось узнать, ставился ли вопрос о восстановлении отношений между двумя странами. «Мы были очень от-

кровенны с Израилем, — ответил Горбачев, — наши отношения могут быть полностью восстановлены, как только начнется мирный процесс. У нас нет препятствий иного характера». Он также добавил (и нам на этот раз не пришлось об этом спрашивать), что для евреев, собирающихся выехать из Советского Союза процедура выдачи виз упрощена и производится в ускоренном порядке.

Наша делегация вернулась из Москвы с уверенностью, что Советский Союз благодаря новому представлению о системе международных отношений и стремлению к сотрудничеству и разрешению сохранявшихся конфликтов снова возвращается на Ближний Восток в качестве одного из главных действующих лиц.

Израильская дипломатия также проявляла большую активность. Обвинения в бездействии, посыпавшиеся от лейбористов после Алжира, Женева и начала диалога между США и ООП, были услышаны новым правительством, которое должно было также считаться с глубокими изменениями, происшедшими в общественном мнении. Соответствующий анализ в этой области показал его направленность, звучащую как тревожный звонок: 54 процента израильских граждан положительно оценило начало диалога с ООП. «Мир следует обсуждать с врагом», — продолжал повторять Абба Эбан. Показателем этой активности стали инициативы израильского посла в Риме Мордехая Дрори. Прежде всего он попросил об аудиенции у папы, дабы загладить плохое впечатление от отсутствия встречи с Шамиром и, во-вторых, чтобы создать противовес в отношениях со Святым престолом визиту Арафата в Ватикан. Затем Дрори повстречался с крупнейшими итальянскими политическими силами. Руководству ИКП он нанес визит 1 февраля и встретился с Оккетто, Наполитано и автором этих строк. Его сопровождал советник-посланник Гидеон Бен Ами. Беседа продолжалась несколько часов и проходила в атмосфере большой сердечности. На ней были рассмотрены все крупнейшие вопросы арабо-израильского и израильско-палестинского спора. Это было попыткой рассеять впечатление, будто Израиль не желает переговоров и пытается помешать созыву международной конференции. Подлинной проблемой для Израиля оставались его безопасность и гарантии, которые должны были

обеспечить это право. «Поиски мира с гарантией безопасности», — несколько раз повторил посол. Наша партия стояла в этом вопросе на совершенно ясной позиции, и Дрори принял это к сведению. Основное расхождение касалось ООП, ее представительства и ее политики. Дрори считал, что ООП до сих пор не отмежевалась от терроризма, но, отвечая на прямой вопрос Оккетто, он не стал связывать свое утверждение с Интифадой. Оставалась еще одна проблема — Соединенные Штаты поверили в стратегию мира ООП и начали с ней диалог, тогда как израильское правительство отгородилось от этой перспективы. По мнению Дрори, диалог мог бы начаться с палестинскими представителями Трансиордании и Газы. Он давал понять, что в этой связи просматриваются возможности, которые могли бы быть претворены в жизнь. В остальном он воздавал должное весьма взвешенной позиции ИКП, игравшей полезную роль благодаря своим многочисленным контактам с партиями, организациями и институтами израильского общества. Он высоко оценил тот факт, что наша партия образовала рабочую группу для поддержания связей с итальянским еврейством и стала одним из инициаторов создания в Милане «Итальянского центра за мир на Ближнем Востоке», где выдвигались инициативы и проходили встречи между итальянскими демократическими силами и прогрессивными и миролюбивыми движениями Израиля. Именно в этой связи Оккетто высказал намерение посетить Иерусалим. «Секретарь ИКП, — сказал весьма удовлетворенно посол, — будет желанным гостем, и Израиль будет рад его принять, как всегда принимал итальянских политических деятелей».

Тем временем развивалась массовая народная инициатива в поддержку признания нового палестинского государства, шел сбор помощи населению оккупированных территорий, продолжавшему Интифаду невзирая на суровые преследования и растущие материальные трудности. Это было весьма широкое движение, охватывавшее профсоюзы, органы местного и областного самоуправления, светские и католические ассоциации гражданского общества. Большую роль в нем играли женщины и молодежные движения, учащиеся школ и студенты. Секретарь Коммунистической федерации молодежи Джанни Куперло и Лучано Векки побывали 6 февраля у Ара-

фата в Тунисе и рассказали ему о большой студенческой манифестации, провести которую планировалось через пять дней в Риме в знак солидарности с Интифадой. Платформа митинга включала три пункта: признание Палестинского государства, прекращение репрессий в Трансиордании и Газе, созыв международной конференции. Арафат заявил обоим руководителям ИФКМ, что он удовлетворен развитием событий после Женевы. Американцы, по-видимому, решили вести дело серьезно, и он не ошибся в своем предсказании, что с Бушем можно будет начать новую главу в разрешении ближневосточного кризиса. Советская дипломатия набрала силу, чтобы вступить в игру на Ближнем Востоке. И в Израиле, под мощным напором Интифады и растущего недовольства большинства населения, улавливались сигналы о наличии новых позиций внутри различных политических сил, включая Ликуд. Снова начались толки о переговорах, исчезали барьеры на пути к созыву международной конференции. Тем не менее не надо строить иллюзий. Позиции все еще оставались далекими друг от друга, сохранялось весьма упорное недоверие, особенно в отношении ООП. Наиболее слабым и, по мнению лидера ООП, необъяснимым пунктом оставалась значительная инертность Европейского сообщества, проявлявшаяся именно в момент, когда оно могло собрать плоды своих инициатив, выдвигавшихся в прошлом. Он отдавал должное усилиям Европейского парламента, но зато европейские правительства плелись в хвосте. Особенно тревожили большие трудности, которые переживало население на оккупированных территориях. Не было работы и зачастую средств существования, выселения и тюрьмы отнимали кормильцев у десятков тысяч семей. С начала Интифады в среднем насчитывались «один убитый и десятки раненых в день». Все это требовало оказания помощи возраставшему числу семей, тогда как фонды ООП сильно оскудели, а международная помощь, хотя и щедрая сама по себе, была каплей в море. О чем шла речь, было предельно ясно, и 50 тысяч студентов, которые прошли по улицам Рима 11 февраля, приложили все усилия, чтобы собрать средства для населения оккупированных территорий.

То, что и в Израиле дела шли по-новому, мы почувствовали на XVIII съезде нашей партии, проходившем в Риме с 18 по 22 марта. Наше приглашение приняли Раках, Ма-

нам, Ратц и лейбористская партия, направившая заведующего международным отделом Израэла Гата. Ни одна страна на съезде не имела столь пестрого и многочисленного представительства, как Израиль. Это было свидетельством уважения к ИКП, но также определялось и удобным местом для проведения переговоров. В самом деле, уже в первый вечер Израэл Гат встретился с Кареном Брутенцем, прибывшим с советской делегацией. Диалог между Израилем и СССР становился все более конкретным и переходил на новый уровень. Брутенц информировал меня, что он уполномочен своей партией вновь завязать отношения с Израильской лейбористской партией и прозондировать почву для встречи с Шимоном Пересом. Но наиболее значительным моментом стал диалог с ООП, приславшей на съезд делегацию во главе с Ясиром Абедом Раббо, которому было поручено заниматься переговорами с Соединенными Штатами. Договорившись предварительно с Немером Хаммадом, мы принялись за работу, с тем чтобы устроить совместный обед для различных израильских делегаций и делегации ООП. Дело оказалось на удивление легким. Никто не только не возражал, а, наоборот, все с удовольствием согласилось, попросив только, чтобы на обеде присутствовали руководители нашей партии. И вот мы, Микуччи и я, уселись за большой стол, а наши гости совершенно свободно принялись беседовать. Для многочисленных иностранных делегаций, обедавших в том же зале, не прошел незамеченным необычный банкет, и многие затем поздравляли нас с успехом. Но совершенно закрытыми остались две доверительные встречи, которые прошли между Израэлем Гатом и Абедом Раббо. Я сам узнал о них от Немера Хаммада только по окончании съезда. Гат и Раббо долго беседовали в гостиничном номере и договорились, что израильский лейбористский руководитель тайно посетит Арафата в Тунисе. Были оговорены все детали. Чтобы запутать следы, Гат собирался вылететь из Рима во Франкфурт и оттуда добраться до Туниса. Билеты были уже бронированы. Только в последний момент Гату позвонил Перес и попросил все отменить. «А дело было уже на мази», — сказал мне доверительно Немер.

Тем временем вопрос о признании Палестинского государства и о повышении ранга представительства ООП в

Риме стал не только достоянием движений солидарности, но и перешел в залы парламентских заседаний. Первой высказала свой голос комиссия по иностранным делам палаты депутатов, направившая 8 апреля в Тунис к Арафату делегацию во главе со своим председателем Фламинио Пикколи. Пикколи стал первым, кто обратился к Арафату как к президенту после избрания его 2 апреля на Центральном совете ООП «Президентом Палестинского государства». Парламентская делегация, состоявшая из представителей почти всех партий, составила по возвращении доклад, в котором выражалось удовлетворение выбором, сделанным ООП, и предлагалось правительству поставить вопрос о признании Палестинского государства и перед ЕЭС, а также предпринять соответствующие шаги, с тем чтобы побудить израильское правительство использовать готовность к диалогу и переговорам с другой стороной. Это предложение выдвигалось как раз накануне поездки в Израиль председателя Совета министров Де Миты и министра иностранных дел Андреотти. Поездка была осуществлена 23—25 апреля. За ней внимательно следила печать, так как отныне надежды на мир возлагались на Израиль. Этим надеждам не суждено было осуществиться, но они не закончились одним разочарованием. Шамир оставался непреклонным в отношении ООП, но проявлял большую покладистость в отношении возможности переговоров. Как заявил Де Мита на пресс-конференции, в Израиле «отдают себе отчет в том, что нельзя более полагаться на *статус-кво*, но невозможно и военное решение». Какой же путь выбрать? Шамир зондировал возможность проведения выборов на Западном берегу Иордана и в Газе, за которую выступают уполномоченные по переговорам с Израилем, что привело бы к установлению административной автономии на пятилетний переходный период. А там будет видно. Это было уже не грубым «Эрец Исраэл», но и не открывало перспективы, которая могла бы удовлетворить чаяния палестинцев, сводившиеся, по утверждению Де Миты и Андреотти, к желанию иметь свою родину. Скорей всего, это была попытка вырваться из тенет иммобилизма и неудобства, возникшего в результате диалога между ООП и США. Такого было впечатление, вынесенное Де Митой и Андреотти, которое они не скрывали по возвращении в Италию и выска-

жили в ходе политических дебатов по вопросам внешней политики, проходивших в сенате 27 апреля и в начале мая в палате депутатов. В резолюции, принятой по завершении дебатов при одном воздержавшемся (ИРП), говорилось о «конвергенции позиций» и требовалось от правительства «признать в соответствующей форме новое палестинское государственное образование». На практике это привело к приданию представительству ООП в Риме ранга Генеральной делегации. 29 мая Министерство иностранных дел Италии сообщило официальной нотой представителю ООП, что «итальянское правительство приняло решение предоставить палестинской Генеральной делегации в Италии те же неприкосновенность и привилегии, которые в силу обычного международного права предоставляются иностранным дипломатическим миссиям». В мае Арафат был также принят с почестями, оказываемыми главам государств, сначала в Японии, а затем и Миттераном, а Палестинское государство добились «*in fieri*» 90-го признания.

С запозданием, но с обрадовавшим долгожданным и богатым содержанием в конце июня пришло из Мадрида «заявление 12 государств по Ближнему Востоку», в котором приветствовался достигнутый прогресс, высказывалась позиция в пользу созыва международного совещания под эгидой ООН и «поддержка усилий, направленных на сближение сторон и создание атмосферы взаимного доверия в целях облегчения созыва конференции». Европейский совет считал, что ООП должна участвовать во всех этапах мирного процесса. Он выступил также с «настоятельным призывом к израильским властям положить конец репрессивным мерам на оккупированных территориях и выразил согласие с предложением провести выборы в Трансиордании и Газе «при условии, что такие выборы будут вписываться в контекст глобального, равноправного и длительного урегулирования конфликта и будут проводиться, в том числе и в Восточном Иерусалиме, при соответствующих гарантиях свободы; заключительные переговоры будут вестись на основе резолюций 242 и 338, основанных на принципе «земля в обмен на мир». В шестом и восьмом пунктах Европейский совет выступил с «торжественным призывом к заинтересованным сторонам воспользоваться случаем для установления мира» и

требовал, наконец, от арабских стран «установить нормальные отношения, основанные на мире и сотрудничестве с Израилем, а от последнего признать, в свою очередь, за палестинским народом право на самоопределение»¹¹.

Однако чудодейственный момент, вызванный к жизни алжирской сессией НСП в ноябре 1988 года, был на исходе. Он мог еще удержаться в атмосфере конкретных успехов, но при топтании на месте, как это происходило летом и осенью 1989 года, мог только угасать или сойти на нет. Диалог между ООП и США, начавшийся ошеломительным взлетом, велся теперь через пень-колоду. Надежды руководителей ООП, что диалог станет своего рода отмычкой для преодоления жестких позиций Израиля, не оправдались. Более того, с американской стороны все более обнаруживалось, что они ни к чему не обязывал Соединенные Штаты — ни к признанию ООП, ни к согласию с созданием Палестинского государства. Для них он оставался лишь необходимой ступенью для перехода к мирному процессу. С другой стороны, даже куцый проект Шамира о проведении выборов на оккупированных территориях был обставлен со стороны центрального комитета Ликуда кабальными условиями: никаких выборов, если не будет прекращена Интифада; никакого палестинского голосования в Восточном Иерусалиме; продолжение строительства еврейских поселений на оккупированных территориях; принципиальное несогласие с созданием Палестинского государства. Обеспокоенный начавшимся поворотом в израильской политике, Арафат 10 июля 1989 года доверительно обратился к Иоанну Павлу II с длинным письмом. На четырех страницах убористым почерком палестинский лидер подробно изложил «чудовишные преступления», творившиеся захватчиком на оккупированных землях. Речь шла об убитых, раненых, высланных, об использовании бульдозеров для сноса домов, о настоящих и резиновых пулях для убийства и нанесения ран, о дубинках для избивания и калечения людей, о зверских репрессиях для пресечения сопротивления и подавления Интифады. А также о надругательствах над мечетями и церквями и о продолжении строительства поселений, в которых появлялись колонисты, сгравировавшие от жажды «расистской мести». Арафат просил папу о

помощи. «Наш народ, совершающий путь на Голгофу, возлагает надежду на Вашу молитву, которая укрепила бы дух сопротивления несправедливости, оккупации и репрессиям, он смотрит на Святого Отца, ждет Его слова, надеется на Его поддержку в деле созыва международной конференции под эгидой ООН».

Под воздействием вышеуказанных моментов застоя в палестинской организации возродились, естественно, прежние проявления несогласия и недовольства, которые в предыдущие месяцы попросту отошли на задний план, не будучи до конца изжиты. Съезд Фатха, проходивший в начале августа в Тунисе, отразил эти настроения. От 1290 делегатов на съезде было услышано немало суровой критики в адрес руководства ООП и лично Арафата, обвинявших в том, что они якобы сделали слишком много уступок, не получив взамен ничего существенного. Наиболее воинственные критики добились того, что в заключительной резолюции была упомянута вооруженная борьба, которую следовало «продолжать и наращивать». Еще больше усилило затруднения ООП новое обострение обстановки в Ливане. Сначала — в результате действий сторонников организации Хесболла, которые убили одного из удерживавшихся ими заложников, американского полковника Уильяма Хиггинса. Затем, в середине августа, возобновились бомбежки Бейрута и нападения на палестинские лагеря. Наша партия также была вынуждена занять твердую позицию в отношении Сирии, во многом повинной в затяжной гражданской войне в Ливане и продолжавшейся травле палестинских беженцев.

В октябре была сделана слабая попытка выдвинуть дипломатическую инициативу на основе новых планов, исходя из «десяти египетских пунктов», представленных Мубараком в июле (американская администрация выдвинула план из десяти пунктов, названный затем «планом Бейкера» по имени нового государственного секретаря). План был направлен на смягчение жесткости израильской позиции и выдвижение нового пути для достижения административной автономии оккупированных территорий. Эти предложения предполагалось обсудить с представительными палестинскими органами оккупированных территорий. Тем временем следовало бы заморозить строительство новых поселений и прекратить

репрессии в Трансиордании и Газе. За палестинским населением признавались «законные стремления», но не к самоопределению, остававшемуся центральной проблемой для обсуждения на возможных переговорах. Об ООП не было никакого упоминания. Таким образом, это был план, обреченный с самого начала на участь многих подобных планов, которые ему предшествовали.

12 октября положение на оккупированных территориях стало предметом серьезного обсуждения в Европейском парламенте, где подавляющим большинством была принята резолюция, в которой от Израиля требовалось положить конец репрессиям и начать прямой диалог с ООП. От имени единой группы левых сил Колоянни призвал институты Сообщества сразу же связаться с заинтересованными сторонами и пригласить Арафата в Страсбург. Израильским руководителям такая возможность была предоставлена, а лидеру ООП — нет. В резолюции от палестинской организации требовалась большая гибкость при составлении делегации на конференцию и для возможных переговоров, что означало согласие на формирование смешанной делегации с Иорданией с включением в нее представителей от оккупированных территорий.

Трудность совершения новых шагов в решении ближневосточного вопроса была связана также с международной конъюнктурой, которая осенью 1989 года пережила небывалые потрясения. В странах Восточной Европы под влиянием освободительного стимула перестройки рушились старые режимы. Рухнула и Берлинская стена — символ отказа от политики демократического обновления и реформ. Сам новый курс Горбачева в Советском Союзе все больше увязал в порожденных им непреодолимых противоречиях и ежедневно подвергался нападкам противоборствующих сил, которые противились этому курсу с момента его зарождения. Совершенно естественно поэтому, что внимание мирового общественного мнения было занято этими из ряда вон выходящими событиями, отмечавшими конец исторического цикла, длившегося более 40 лет, и такие весьма значительные явления, как ближневосточные события, перестали привлекать пристальное внимание. Мы поняли это, когда 30 ноября увиделись с Михаилом Горбачевым в Риме. По окончании

официального визита в Италию советскому лидеру предстояло встретиться с американским президентом Бушем на Мальте. Для нас это была уникальная возможность заранее узнать, какие темы станут обсуждаться на встрече в верхах. Из беседы, которую мы (Оккетто, Натта, Наполитано и я) имели с Горбачевым на вилле Абамелек, стало ясно, что в центре их встречи будут крупные вопросы нового мирового устройства «после Ялты», новая концепция безопасности и разоружения, Европа и вероятность созыва совещания «Хельсинки-2», а также проблемы Средиземноморья. А в этом контексте найдет свое место и ближневосточный вопрос. На наш взгляд, этого было маловато для кризиса, требовавшего неотложного решения, как утверждал Оккетто, объяснявший Горбачеву причины нашего беспокойства. Он сообщил советскому лидеру о беседе, которую неделей ранее Наполитано имел в отеле «Хилтон» с израильским премьером Шамиром. Она была очень сердечной по форме, но весьма жесткой по содержанию. Шамир не отвергал международную конференцию, но было ясно, что он в значительной мере отдавал предпочтение «двусторонним переговорам», «единственным, которые могут привести к конкретным результатам, как это было в случае с Кэмп-Дэвидскими соглашениями». Так и теперь, утверждал он, единственным путем оставался путь переговоров с Египтом и Иорданией и совместного с ними поиска наиболее подходящих решений. «Никто не может навязать нам решения извне». Об ООП он, понятно, не пожелал и говорить. Также и с палестинцами из «Иудеи, Самарии и Газы» можно было, по его словам, вести разговор только в том случае, если они откажутся от «насильственных методов», то есть от Интифады. То, что называлось репрессиями, было-де только законной защитой Израиля от насилие. Иными словами, позиция Шамира была предельно жесткой. Оккетто и Наполитано выразили беспокойство по поводу того, что если затянется неопределенное положение, то и Арафат вынужден будет замкнуться в своих проблемах, чтобы отбиться от нападков оппозиции, которые велись со стороны арабских стран и изнутри его собственной организации, обвинявшей Арафата в том, что он пошел на слишком большие уступки, не получив взамен ничего. Что по этому поводу думает советская сторона? Будет ли об этом разговор

с Бушем? Горбачев сказал, что накануне вечером он получил от госпожи Тэтчер письмо, в котором та информировала его о своих недавних контактах с Бушем по поводу ближневосточного вопроса. Она также сознавала, что «узел, который следует развязать», завязан позицией Израиля. «Со своей стороны, — сказал Горбачев, — мы делаем все, в том числе и в двусторонних отношениях. За восстановлением консульских отношений может последовать и более общая нормализация наших отношений, если меняющиеся правительства Израиля сумеют проводить реалистическую политику и не будут стараться отодвинуть ООП в сторону и поставить на колени арабские страны». Горбачев добавил, что не понимает, почему Израиль до сих пор оказывает столь сильное сопротивление международной конференции, «являющейся орудием, которое больше, чем какое-либо другое, может гарантировать его безопасность, так как на конференции каждый должен будет принять на себя совершенно четкие обязательства по этому вопросу». Он отдавал себе отчет в том, что Арафат находится в трудном положении и в любом случае ему надо помочь. «Мы его не оставим, он может на нас рассчитывать». Разумеется, он поговорит об этом с Бушем, и они вместе попытаются найти выход из положения. Разговор действительно имел место, но не стоял в центре переговоров, как мне подтвердил личный советник Горбачева Анатолий Черняев, который на обратном пути с Мальты стал моим гостем в Риме. Верх одержали другие, более неотложные интересы и опасения. Единственным конкретным достижением было то, что не следовало ожидать каких-либо односторонних решений и что оба собеседника сошлись на том, что местом для обсуждения этого предмета станет международная конференция.

В самой Италии в эти месяцы главный интерес был сосредоточен на внутренних вопросах. Сначала это были европейские выборы, затем затяжной правительственный кризис, по окончании которого Андреотти снова стал председателем Совета министров, а Джанни Де Микелис — новым министром иностранных дел. Наша партия была почти полностью поглощена внутренними дебатами, ставшими особенно напряженными и острыми после предложения, выдвинутого секретарем партии в середине ноября, о создании новой политической формации вместо ИКП.

Не утихало, однако, движение солидарности с Интифадой, начавшее принимать межевропейские формы и унавливать связи с израильским пацифистским движением. Застрельщиками выступлений в защиту Интифады стали молодежное и женское движения. В своей книге Ханан Ашрави вспоминает: «Когда итальянки Луиза Моргантини и Кьяра Инграо предложили организовать народное шествие в защиту мира, в котором приняли бы участие палестинские, израильские женщины и европейские неправительственные организации, мы с энтузиазмом откликнулись на их призыв»¹². Так возникла идея провести в конце года в Иерусалиме большую манифестацию под лозунгами «Два государства для двух народов» и «1990 год — год мира». Предполагалось, что это будет большое собрание людей, съехавшихся со всех частей света, которые, взявшись за руки, обогнут старинные стены Священного города. Это была необыкновенная, беспрецедентная демонстрация, вызвавшая большой отклик во всем мире. Этому способствовали, правда, и инциденты, вызванные вмешательством израильской полиции. Вот что пишет Ашрави: «Некоторые женщины размахивали палестинскими флагами, но солдаты бросались на них, как быки на красную тряпку. Одной итальянке выбили глаз, другой прострелили руку, некоторых пришлось отправить в больницу по поводу отравления слезоточивыми газами. Хватало и обычных синяков, разодранной одежды и ушибов». Была избита и член Европарламента Дача Валент, отправившаяся в Иерусалим с солидной группой деятелей, в которую вошли и видные парламентарии, такие как Пьетро Фолена и Лучана Каstellина. По возвращении в Италию Валент политически не очень удачно отреагировала на расправу. В статье, опубликованной в еженедельнике «Аввенименти», она дошла до того, что назвала Израиль «самым расистским государством в мире»¹³. Оккетто сразу же от нее отмежевался и в письме израильскому послу Дрори утверждал, что «статья Дачи Валент никоим образом не отражает мнения ИКП». Это была типичная левоэкстремистская позиция, отдельные отзвуки которой имели место и в нашей партии. Ее сторонники переносили в общей форме на израильское государство и общество ответственность за то, в чем было повинно правительство, а внутри него — наиболее правые силы. К счастью,

это были совершенно побочные взгляды, не снижавшие значения движения солидарности и результатов его инициатив и не отражавшиеся на поведении отдельных европейских правительств и на всем Сообществе. Последнее на заседании Европейского совета (декабрь, Страсбург) решило «существенным образом» увеличить помощь, направляемую на селению оккупированных территорий. В самом деле, помощь, направляемая Сообществом палестинцам через УНРВА, была удвоена.

На ближневосточном участке в конце 1989 года наибольшее беспокойство у нашей партии вызывал вопрос, сумеет ли Арафат удержаться, без ужесточения своей линии и принятия навязываемых ему условий извне, на позициях, сформулированных годом ранее в Алжире и Женеве. Мы знали, что это было нелегко: подводить итоги приходилось с пустыми руками. Но такова была единственная возможность рассчитывать на нашу поддержку и на помощь большей части европейских и израильских левых сил. В этом ключе проходил визит, который в начале нового года нанесли Арафату в Тунисе Джорджо Наполитано и сопровождавший его Пьетро Фолена. Предыдущей осенью Наполитано встречался с Моруа, Кинноком и Брандтом и участвовал во встрече с Горбачевым в Риме. Кроме того, он имел вместе со мной беседу с Шамиром и мог, следовательно, изложить довольно широкую гамму мнений. Арафат, который в тот крайне напряженный в международном плане момент чувствовал себя несколько отодвинутым в сторону, был благодарен нашей партии за то, что она, несмотря ни на что, включая и ее внутренние неприятности, по-прежнему уделяла внимание проблемам ООП и проявляла инициативу для их решения. Он не скрывал раздражения поведением египтян, выдвигавших идеи и предложения, даже не посоветовавшись с ним, и американцев, действовавших нерешительно в отношении Израиля. Арафат сообщил нам, что он написал лично Бушу, прося его выступить с более решительной инициативой. Так называемый «план Бейкера» был бесперспективным, ибо не отводил никакой роли ООП, а «без ООП никогда не достичь подлинного мира». Арафат чувствовал удовлетворение от помощи, оказываемой европейскими левыми силами, несколько меньше он был доволен конкретными действиями

ЕЭС. Арафат положительно отзывался, в том числе и публично, о мадридском заявлении, сделанном в июне предыдущего года, но с тех пор прошло уже полгода без какого-либо движения в направлении созыва конференции. Он благодарил за увеличение финансовой помощи, выделяемой Сообществом, но надеялся на выдвижение больших инициатив в политическом и дипломатическом плане. «Если дело пойдет так и дальше, — сказал он со всей откровенностью Наполитано, — мои трудности возрастут». Министр иностранных дел теневого правительства ИКП вновь настойчиво просил Арафата не шарахаться влево и проявлять на всех направлениях волю к диалогу и к поиску реалистических решений. Но вернулся он в Италию скорее с пессимистическим взглядом на возможность позитивных решений в ближайшем будущем.

ООП и война в Персидском заливе

Выступление Арафата и ООП на стороне Саддама Хусейна в войне в Персидском заливе нанесло серьезный удар по надеждам, связанным с возможностью диалога и переговоров. Отрицательно оно сказалось и на наших отношениях. Не совсем были ясны причины этого несчастного выбора. То, что диалог между США и ООП проходил отныне с трудом и израильская сторона продолжала занимать позицию абсолютного неприятия ООП, стало ясно из сообщения Арафата Оккетто и Наполитано, которые (с Микуччи и Лигасом) встречались с ним во время его последнего визита в Рим 5 апреля 1990 года. США не собирались делать ничего такого, что могло бы прийти не по вкусу израильским правителям, а те не имели ни малейшего намерения вести разговор с представителями ООП и поступаться чем-либо, что выходило за рамки ограниченной административной автономии на оккупированных территориях. А тем временем ускоренным темпом шло строительство поселений для новых колонистов. Арафат обращался к нашим руководителям с просьбой повлиять на итальянское правительство, с тем чтобы оно оказало посредничество в отношениях ООП с Европейским сообществом, которое могло бы выступить с инициативой, способной сгладить острые углы и уравновесить противоположные тенденции. Арафат добавил, что об этом поговорит с Андреотти, Кракси и Форлани, но, похоже, он не возлагал на них больших надежд. Наполитано он ответил, что даже Перес, по-видимому, не имеет

того желания, которое позволило, например, де Клерку предоставить независимость Намибии («В Израиле нет сейчас де Клерка, его нужно создать»). Я тоже заметил, что у Арафата бывают настроения разочарования и горечи. Несколько дней назад я оставил руководство Иностранным отделом ИКП, но лидер ООП пожелал встретиться со мной накоротке по окончании приема в «Гранд-отеле» (после встреч с Йотти и Спадолини) и большой народной манифестации, организованной в Перудже АРЧИ, АКЛИ и Ассоциацией в защиту мира, «чтобы поприветствовать старого друга», как мне передали от его имени. Друга, которому можно было излить душу. «Видишь, я сделал все, что вы, что Запад просил у меня все эти годы, и что же...» Выразительным и гневным жестом он дал понять, что остался на бобах и что многие требуют его к ответу.

20 июня Соединенные Штаты приостановили переговоры. Это было, конечно, серьезным ударом, но не настолько, чтобы пойти на столь компрометирующий союз с Саддамом Хусейном. Союз мог явиться также результатом истолкования новой расстановки сил на международной арене. Силы, на которые Арафат в большей степени полагался до сих пор, переживали полнейший кризис. Советский Союз распался, страны Восточной Европы едва справлялись с разрушительным обвалом предыдущих режимов, неприсоединившиеся государства полностью утратили прежнюю роль и свое лицо, арабские страны были как никогда разделены. А тем временем нарастала волна российских евреев, эмигрировавших в Израиль и селившихся на оккупированных территориях. Европа же безразлично следила издали за делами на Ближнем Востоке. Один лишь Саддам Хусейн выглядел сильным и решительно настроенным. Даже умеренный король Хусейн удостоил его титула «подлинного патриота и борца за дело арабского и палестинского народа», а совещание в арабских верхах, состоявшееся в конце мая в Багдаде, молча выслушало весьма прозрачные угрозы Саддама Хусейна в адрес Кувейта, стран Персидского залива и, разумеется, Израиля. Идти за ним по этому пути и разделять призывы к «борющимся палестинским массам» было для Арафата крайне рискованно. Конечно, такие призывы могли на некоторое время гальванизировать палестинцев Аммана и ок-

купированных территорий, уже потрепанных 18 месяцами Интифады, но это причинило бы серьезный вред или по крайней мере намного отдалило перспективу политического решения палестинского вопроса.

ООП уже некоторое время переживала серьезные финансовые трудности. Многие арабские страны полностью или частично не соблюдали принятое на амманском совещании в 1988 году обязательство вносить ежемесячно 43 миллиона долларов в пользу Интифады. Только Саудовская Аравия и Ирак регулярно выплачивали свои взносы. Последний даже учредил чрезвычайный взнос. К тому же Ирак предоставлял надежное убежище, в котором нуждался Арафат, особенно после убийства в Тунисе своего друга и «правой руки» Абу Джихада. И все же даже эти соображения выглядели не очень убедительными. Увеличение финансирования со стороны Ирака не могло компенсировать уменьшения поступлений от Саудовской Аравии и эмиратов Персидского залива, а также прекращения значительных денежных переводов от 400 тысяч палестинцев, работавших в Кувейте. Что касается безопасности, которую Саддам предоставлял Арафату, то, без сомнения, ему придется за нее заплатить поддержкой политики, стремившейся подчинить палестинское дело и ООП иракским целям. Также была иллюзорной и опасной идея использования иракского военного потенциала для укрепления переговорных позиций ООП. Ставка на военную карту могла только обострить конфликт и разжечь страсти наиболее экстремистских сил с обеих сторон. Нет, с какой стороны ни смотреть на выбор Арафата в пользу союза с Саддамом Хусейном, это представлялось ошибкой. И ошибкой грубейшей, могущей привести к катастрофическим последствиям. Это прекрасно почувствовали и палестинские руководители оккупированных территорий. Ханан Ашрави писала, что в момент нападения на Кувейт она обратилась к руководству ООП в Тунисе с требованием публичного выступления против нападения на эту страну: «Морально и политически мы, как палестинцы, должны первыми заклеить оккупацию»¹. Но ее голос не был услышан, и она надолго осталась со своей горечью.

Итак, с самого начала войны в Персидском заливе наша партия оказалась в трудном и противоречивом положении,

ибо приходилось критиковать Арафата за его выбор и в то же время не упускать из виду палестинский вопрос и способы его решения в том виде, в каком они были сформулированы на алжирской сессии Национального совета и в последующие годы. Это требовало настоящей эквилибристики, тем более что в связи с новой военной авантюрой Ирака и ее возможными последствиями в партии стали проявляться различные позиции, которые с течением времени вылились в довольно четкое противопоставление. Разумеется, имело место единоедушное осуждение Ирака за его агрессию против Кувейта и оккупацию этой страны, выдвигалось требование немедленного отвода войск и восстановления законности и поправных прав. Разница в позициях проявлялась в истолковании резолюций Совета Безопасности в отношении мандата, предоставленного воздушным и морским силам, направляемым в залив для наложения эмбарго, роли Соединенных Штатов, уважения постановлений Организации Объединенных Наций и поддержки слабых и неуверенных выступлений европейских стран. Впрочем, Саудовская Аравия прямо обратилась к Соединенным Штатам с просьбой о немедленной помощи. Советский Союз также высказался в совместном советско-американском коммюнике, первом заявлении подобного рода, за создание многонациональных сил. Главы арабских стран, собравшиеся 9—10 августа на драматическое совещание в Каире, признали законность использования иностранных войск в Саудовской Аравии и Персидском заливе. Это признание привело к непоправимому расколу: 12 стран проголосовали «за» и 8 — «против» или воздержались. Для ООП это была последняя возможность вырваться из удушающих объятий Саддама, но она упустила момент. Несколько месяцев спустя я встретился с Фаруком Каддуми, председательствовавшим на совещании в верхах. Он был расстроен тем, что большинство не поняло своеобразие позиции ООП. «Действительно, голосование проходило в обстановке невероятной путаницы, но ООП не голосовала против. Она ограничилась оговорками в отношении заключительного документа, при голосовании по которому воздержалась». Впрочем, если бы ООП примкнула к голосовавшим за осуждение, то была бы совершенно непонятна лихорадочная попытка Арафата, пытавшегося оказать посреднические услуги странам Персидского залива в их отношениях с «тройкой» ЕЭС.

Саддам Хусейн демагогически сделал упор на некоторые реальные вопросы, принимаемые арабами близко к сердцу, — жажда справедливости народных масс юга, чьи природные ресурсы непрерывно расхищались, их отчаянное положение. Главными для США и западных стран оставались нефть и господство на великих путях сообщения, а вовсе не судьба кувейтского эмира. Если уж так не терпелось изгнать Хусейна из Кувейта, то как быть со всеми оккупированными территориями на Ближнем Востоке? Пусть тогда Израиль уходит из Трансиордании и Газы, из Южного Ливана и Голанских высот, а Сирия — из Ливана. Нельзя же пользоваться двумя мерами и двумя стандартами. Саддам особо акцентировал внимание на связи между решением проблемы Кувейта и решением палестинского вопроса. В Аммане на оккупированных территориях, во многих столицах арабских стран прошли крупные демонстрации в поддержку Саддама, участники которых размахивали иракскими флагами. Такие темы, как нефть, неравноправные отношения между севером и югом, нерешенная драма палестинского народа, стояли в центре дискуссии и в нашей стране, оказывая значительное влияние на принятие решений. Это были весомые и реальные проблемы, которыми давно занимались наша партия и прогрессивные силы. Но проводить параллель с оккупацией Кувейта было нелепо, так же как было иллюзорно надеяться на одновременное решение такого вопроса, как палестинский, остававшегося открытым в течение более 40 лет, и неотложное прекращение такого недопустимого нарушения международной законности, каким была оккупация Кувейта. Тем более что все это происходило в момент, когда международная общественность, преодолев атмосферу и извращенную логику холодной войны и блокового противостояния, выступала за новое мировое устройство, которое надлежало бы Объединенные Нации полномочиями и средствами для улаживания конфликтных ситуаций. Из этого исходили Оккетто и Наполитано, когда они поясняли позицию партии в связи с предстоящими парламентскими дебатами. «Отпор иракской агрессии необходим для утверждения принципа законности в международных отношениях»². «Необходимо принять все меры для того, чтобы заставить уважать решения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций»³.

В последнем утверждении подразумевалось присоединение к тем мерам, которые итальянское правительство должно было принять, и прежде всего согласие с направлением (в рамках инициативы, согласованной в ООН) нескольких кораблей итальянского флота в Персидский залив, то есть то, что уже сделали Великобритания и Франция и что собирались сделать другие страны Западноевропейского союза. Часть нашей партии была не согласна с такой установкой, утверждая, что односторонняя военная инициатива США выходила за рамки решений ООН, а по своим масштабам выглядела скорее силовой наступательной акцией, нежели мерой по применению одобренных санкций, и поэтому правительство не должно было ее поддерживать, предоставляя свои военные базы и направляя итальянские корабли в Персидский залив. В документе, одобренном меньшинством в нашей партии, выдвигалось требование выступить с открытой самокритикой в связи с политикой, проводимой Западом на Ближнем Востоке, которая «до сих пор была направлена на поддержку худших деяний Ирака, опиравшейся, как на своих основных союзников в регионе, на феодальные и коррумпированные режимы, мирилась с нарушениями законности со стороны Израиля и пренебрегала другими решениями ООН»⁴. При этом настоятельно требовалось взять в свои руки палестинский вопрос, содействуя созыву международной конференции. Эти позиции были проиллюстрированы Коссутгой 22 августа в ходе парламентских дебатов в сенате и Инграо 23 августа в палате депутатов. Оба заявили об отмежевании от позиции, занятой группой ИКП при заключительном голосовании. Это был нашумевший беспрецедентный поступок. Расхождения и несогласие с направлением внешней политики не были чем-то новым в ИКП, но за 40 с лишним лет ее парламентской деятельности ни разу не случалось, чтобы разногласия приводили в парламенте к раздельному голосованию. Это был шок для нашей партии и неожиданный повод для некоторых групп парламентского большинства вновь отгородиться от нас стеной, особенно в области внешней политики, стеной, которую мы стремились сломать. В связи с тем что большинство депутатов-коммунистов воздержалось при заключительном голосовании, в адрес нашей партии посыпались саркастические замечания со стороны крайне левых сил, настро-

ения которых хорошо выразила газета «Манифесто», опубликованная на следующий день передовую под заголовком «ИКП воздерживается перед лицом войны». Столь же желчными были и отклики некоторых кругов парламентского большинства, которые не испытывали даже в недавнем прошлом никаких угрызений совести, когда способствовали развитию отношений с «багдадским диктатором» и вооружали его до зубов, заключая с ним прибыльные сделки. Неверно было бы утверждать, что воздержание при голосовании было продиктовано стремлением не слишком углублять расхождения между сторонниками различных проектов тезисов, обсуждавшихся в связи с предстоявшим съездом партии. Подобное отношение к несогласным проявлялось и ранее, порождая подчас мягкотелые и не лишённые двусмысленности заявления и документы, принимавшиеся даже на секретариате партии, но причины воздержания на этот раз были серьезными и объективными. Прежде всего, правительство решило направить флот не под эгидой ООН, а под давлением НАТО. Боффа утверждал в сенате, что ИКП «не была предвзято настроена против направления наших кораблей в Персидский залив, а добивалась того, чтобы это происходило в рамках действий, согласованных с ООН». Это замечание было весьма уместным, поскольку трем итальянским кораблям пришлось несколько дней проболтаться в Восточном Средиземноморье в ожидании разрешения пройти через Суэцкий канал. Решение о направлении самолетов «Торнадо» было принято в обход парламента. Не ясны были, наконец, так называемые правила передачи военных подразделений под общее командование (а следовательно, отсутствовала и четкость в определении соответствующих обязанностей), тем более что оставалась нерешенной проблема, связанная с координацией действий многонациональных сил.

Независимо от всякого рода полемики по-прежнему сохранялась потребность в более активных действиях, направленных на то, чтобы попытаться разрешить конфликт (обострившийся из-за одиозного решения Саддама Хусейна задержать в Ираке в качестве заложников тысячи иностранных рабочих) без вооруженного вмешательства. На достижение этой цели была направлена лихорадочная деятельность партии и теневого правительства. Оккетто и Наполитано стали ис-

кать связей с крупнейшими социалистическими и социал-демократическими партиями Европы и добиваться инициатив от Социалистического интернационала. Луиджи Колайяни как президент группы объединенных левых сил в Европейском парламенте и Серджо Сегре как министр по европейским проблемам теневого правительства обратились к ЕЭС с просьбой о выдвижении инициатив от имени этой организации.

В этом жарком полугодии очередным президентом Сообщества становится представитель нашей страны, а «тройка» возглавляется министром иностранных дел Джанни Де Микелисом. К нему обращается Наполитано с предложением о созыве евро-арабского совещания в верхах в целях усиления роли Сообщества и арабских стран, многие из которых вынашивали подобную инициативу в поисках политического выхода из тяжелейшего кризиса, возникшего в результате захвата Кувейта Ираком. Обзваниваются все послы арабских стран. Начиная с послов Саудовской Аравии и Кувейта, все они полностью поддерживают эту идею. Кроме того, предпринимаются попытки вырвать Арафата из смертельных объятий Саддама. В середине августа в Тунисе проходит жаркое совещание высших руководителей палестинской организации. На нем выявляются очень глубокие расхождения.

Решительно настроенным противникам кувейтской авантюры противостояли сторонники линии Саддама Хусейна, считавшие его инициативу «грозой, способной всколыхнуть застойные воды». Выход был найден в принятии «плана мира», который должен был послужить платформой посредничества и с которым ООП намеревалась обратиться ко всем воюющим сторонам. Уго Пеккьоли, президент сенатской группы ИКП, и Массимо Микуччи, руководивший теперь иностранным отделом, отправились 7 сентября в Тунис для непосредственного разговора с Арафатом. Тот молча, «с обиженным видом» выслушал мотивы несогласия ИКП с позицией ООП, и озабоченность тем тупиком, в котором последняя оказалась. Весьма слабо он попытался оправдаться. «Неужели вы хотите, чтобы мои люди, вместо того чтобы следовать за мной в поисках мирного пути, отказались от меня и нашли в Саддаме своего руководителя?» Арафат изложил Пеккьоли и Микуччи свой «план мира». Он сводился к поли-

тико-дипломатическому, невоенному решению конфликта, к поиску выхода, способного «спасти лицо спорящих сторон», к согласию с резолюцией ООН об уходе Ирака из Кувейта, к постепенному выводу иракских войск и замене их войсками ООН или арабских стран, к улаживанию на основе переговоров конфликта между Ираком и Кувейтом, к новой постановке вопроса об утверждении прав палестинского народа. Помимо прочего, Арафат собирался обратиться к Саддаму Хусейну, с тем чтобы способствовать решению вопроса о заложниках. В деле посредничества президент ООП хотел бы рассчитывать на действенное сотрудничество Европейского сообщества и отдельных стран, и прежде всего Италии. Тут выяснилась поистине малопримечательная история. Арафат пожаловался, что министр иностранных дел Де Микеллис, побывавший со своими коллегами по «тройке» в Тунисе, не пожелал встретиться с ним, несмотря на то что Арафат сообщил ему о своем «горячем желании увидеть его». И это был не единичный случай. За несколько дней до этого Арафат приезжал в Париж, чтобы встретиться с премьер-министром Рокаром, и заявил о своей готовности немедленно отправиться в Рим. Но итальянское правительство ему даже не ответило. Самое удивительное заключалось, однако, в том, что Андреотти, тут же проинформированный об этом Пеккьоли, утверждал, что абсолютно ничего не знает и что ему ничего не сообщали. Андреотти предположил, что речь, по-видимому, идет о серьезном упущении, и заверил представителя ИКП, что сделает все, чтобы поправить дело, и сам встретится с президентом ООП. Тем временем он пригласил Немера Хаммада, который вручил ему документ делегации ООП в Риме, в котором говорилось, что «ООП не признает аннексии Кувейта со стороны Ирака и выступает за вывод иракских войск». Но добрым намерениям Арафата и Андреотти не суждено было сбыться: вскоре после этого появились воинственные заявления багдадского «раиса» и разразился глубокий кризис в верхах Арабской лиги. 9 сентября 12 ее членов, занявшие антисаддамовскую позицию, решили перенести Лигу из Туниса в Каир, и Хадли Клиби, генеральному секретарю этой организации с 1979 года, не оставалось ничего другого, как уйти в отставку. Так рассеялись иллюзии относительно возможности «арабского решения конфликта».

Именно в те дни умер Джанкарло Пайетта. Это был эпизод человеческой жизни, лишь внешне не связанный с тем, что драматически разворачивалось на наших глазах. Но смысл происходившего не мог укрыться от того, кто знал глубинные цели существования этого благородного и страстного борца. Борца за социализм, за единство международного рабочего движения, за освобождение арабской нации, за права народов, прежде всего палестинского народа. За несколько месяцев все обратилось в прах, точно так же, как не стало в партии внутреннего единства, этого великого блага, за которое Пайетта всегда сражался и столько выстрадал. Сначала это было размежевание, приведшее к выдвиганию трех разных проектов тезисов к предстоявшему съезду партии, затем — раздельное голосование в парламенте. Пайетта попытался отойти от всего этого, он попросил разрешения уволить его от поддержки тех или иных предсъездовских тезисов и воздержаться от выступления в парламенте. Это его, одного из крупнейших знатоков арабского и средиземноморского вопросов! Но это не помогло. Горечь, скопившаяся за несколько месяцев, одолела его, и он, всю свою жизнь горевший партийным патриотизмом и страстно участвовавший во всех выигранных и проигранных баталиях, тихо угас вечером в своей скромной квартирке в квартале Монтеверде.

Времени для политико-дипломатической перебранки оставалось все меньше и меньше. 9 сентября в Хельсинки Буш и Горбачев вновь подтвердили свое согласие с резолюцией 665, разрешавшей использование силы в целях введения эмбарго. ООН заняла позицию, созвучную с решениями Совета Безопасности. Джузеппе Боффе и мне повезло — мы оба присутствовали на этой сессии 25 сентября и были поражены широтой антисаддамовского фронта. Даже представители самых отдаленных стран третьего мира поддержали линию стойкого отпора. Советский министр иностранных дел Шеварднадзе, напомнивший, что Устав ООН предусматривал в случае необходимости также и «применение силы для отпора агрессии», получил больше аплодисментов, чем французский президент Миттеран, сделавший шаг навстречу Саддаму, призвав его «заявить о готовности вывести войска». Американский президент Буш, со своей стороны, попытал-

ся рассеять опасения тех, кто усматривал в действиях США одностороннюю и корыстную заинтересованность. Он заявил, что его страна будет действовать в рамках ООН и в интересах международной законности.

Саддам, однако, не выказывал заинтересованности в политическом решении конфликта. Напротив, с каждым днем он действовал все более вызывающе. В Кувейте он пошел войной на западные посольства, лишив их света, воды и средств существования, затем занялся низким вымогательством выкупа за заложников, надеясь внести раскол в ряды сторонников решений ООН. 8 октября в Иерусалиме произошло кровавое побоище, и Саддам сразу же попытался использовать это событие в своих интересах. На Площади мечетей израильская полиция открыла беспорядочный огонь по толпе. Было убито 18 палестинцев, несколько десятков тяжело ранено. Этот расстрел вызвал новую волну гнева и напряженности на оккупированных территориях. По просьбе ООП Совет Безопасности единогласно одобрил резолюцию, осуждавшую произвол израильской полиции, и поручил комиссии ООН провести расследование. США также проголосовали за резолюцию, осуждавшую Израиль. Саддому Хусейну побоище в Иерусалиме дало повод для возобновления требования об одновременном решении палестинского и кувейтского вопросов, для выдвижения новых призывов к «священной войне» против чужеземцев и для угроз в адрес Израиля. «Ирак, — заявил Саддам, — обладает новым оружием, и когда дело дойдет до сведения счетов, Израиль испытает на себе его разрушительную силу». Атмосфера накалялась, и противостоявшие лагеря враждующих сторон пополнялись все новыми силами. Ирак выставил уже 300 тысяч солдат и сотни танков и самолетов; численность многонациональных сил, в которых принимали участие 28 стран, приближалась к 200 тысячам солдат, и они располагали мощными воздушным и морским флотами. Доля вооруженных сил США составляла в них две трети. Трудно опровергнуть утверждение, особенно при отсутствии военной координации со стороны ООН, что США не играли в многонациональных силах первую скрипку, и трудно отделаться от впечатления, что с самого начала США были за войну.

Против опасности ввязаться в разрушительную бойню выступают пацифистские движения. 7 октября в Ассизи про-

ходит мощная демонстрация с участием свыше 100 тысяч человек. Это было «более крупным выступлением за мир, чем то, которое проводилось в 1981 году против ядерного вооружения», — утверждает Том Бенеттолло, один из ее организаторов. Но в «этом движении, — уточняет тут же падре Эрнесто Бальдуччи, — циркулируют различные идеи». В еще большей степени эти идеи проявляются в парламенте и в политических партиях. Очертания различных группировок размыты. Разные мнения в отношении истолкования резолюций ООН и их применения существуют как среди большинства, так и среди оппозиции, как в ИКП, так и в ИСП и ХДП. Действия правительства парализованы внутренними противоречиями. Очередное руководство ЕЭС не выступило ни с одной инициативой, которая наложила бы отпечаток на европейскую политику. «Тройка» впустую колесила между различными европейскими и арабскими столицами. Де Микеллис не выполнил взятого обязательства провести евро-арабское совещание в верхах, уже намеченное на 7 октября в Венеции. Даже по вопросу о заложниках положение дел было безутешным. В то время как министр иностранных дел придерживался линии непримиримого отпора, парламент согласился с предложением сенатора Фанфани отправиться в Багдад, дабы попытаться их освободить. Впрочем, то же самое уже предпринимали австрийский президент Курт Вальдхайм, бывшие премьер-министры Хит и Накасонэ или собирався предпринять Вилли Брандт. В нашей партии все обстояло гораздо сложнее, так как обсуждение ближневосточных вопросов выходило за рамки их существа и непосредственно связывалось с предсъездовскими платформами различных группировок. Если на состоявшейся в конце октября конференции по программным вопросам большинство высказалось за последовательное проведение линии, намеченной и закрепленной при голосовании в парламенте, то меньшинство, которое по специфическому вопросу конфликта в Персидском заливе сходилась с позициями, отраженными в проектах №2 и №3 предсъездовских тезисов, усилило свое давление в пользу проведения нейтралистской линии. «Нельзя согласиться с возможностью военного вмешательства, хотя бы и под эгидой ООН. Италия не может принять в нем участия и должна отозвать свои корабли и самолеты», — утверж-

дала Кьяра Инграо, а ее отец добавлял, что в любом случае «надо сказать «нет» применению силы», даже если на это даст согласие Горбачев. Оккетто опасался чрезмерного расхождения в позициях и старался объединить поддержку резолюций ООН со стороны ИКП с утверждением, что последние не должны быть использованы для развязывания войны. Итальянское правительство призывалось к поддержке эмбарго, но при отказе от позиций, которые открывали бы путь военному решению. Полемика стала еще горячее с принятием резолюции 678, разрешавшей прибегнуть к силе с 15 января 1992 года. Это был явный ультиматум Ираку, требовавший вывода его сил из Кувейта не позднее указанной даты, угрожая в противном случае применением военных санкций. ИКП стала единственной партией, которая напрягла все свои силы. Новая линия была ясна: использовать все время, отведенное последней резолюцией, то есть до 15 января, для того чтобы усилить поиски политического решения по всем направлениям. Кроме того, истечение установленного срока не должно было автоматически означать перехода к применению силы. Эта линия была одобрена руководством и составила основу, на которой, как объявил секретарь ИКП, теневое правительство «будет проводить интенсивную дипломатическую деятельность в европейских и арабских столицах и при Социнтерне, с тем чтобы способствовать разрешению кризиса в Персидском заливе и предотвращению войны». Оккетто вместе с Боффой уже побывал 15 ноября у Горбачева в Москве и обнаружил ободряющую созвучность позиций. Горбачев заранее сообщил, что на СБСЕ в Париже и в Совете Безопасности ООН он подтвердит позицию, сформулированную в момент оккупации Кувейта и зафиксированную в совместном заявлении с Соединенными Штатами. Советское правительство будет выступать с самостоятельными инициативами, чтобы попытаться предотвратить возможность возникновения войны. У Горбачева имелись определенные средства воздействия на Ирак, которые могли оказаться полезными. Он поручил Евгению Примакову отправиться в Багдад в качестве личного представителя Президента и провести прямые переговоры.

Наполитано координировал инициативы с целью гальванизировать европейский парламент и оказать, совместно с

социалистическими и социал-демократическими партиями, воздействие на ЕЭС. В Париже Фассино встретился с Лораном Фабиусом, который сообщил ему о беспокойстве, которое испытывал Миттеран, собиравшийся самостоятельно воздействовать на Саддама. Тот же Наполитано встретился с Карстеном Фойгтом, рассказавшим ему о «безусловно негативной позиции СПГ в отношении военной акции». Боффа был приглашен в Белград очередным председателем Движения неприсоединения. Мне, заменившему Пайетту на посту вице-председателя иностранной комиссии палаты депутатов, было поручено установить контакты с ООП, а также с Алжиром как ведущим представителем стран, не пожелавших выступить против Саддама Хусейна, и с Саудовской Аравией, являвшейся, напротив, застрельщицей антииракского фронта и сторонницей возможного вооруженного конфликта в районе Персидского залива. Встречи с ООП и алжирцами не принесли ничего особенно нового. Арафат все еще пытался созвать совещание глав арабских стран. Он ухватился за ноябрьский призыв короля Хасана из Марокко, но наткнулся на упорное сопротивление Саудовской Аравии и Египта, не желавших идти ни на какие совещания, до тех пор пока Саддам не заявит об уходе из Кувейта. В Алжире, куда я отправился в сопровождении Раффаэлла Кьодо и Роберто Куилло, преобладало беспокойство в связи с растущим влиянием ИФС (Исламский фронт спасения). Секретарь ФНО Абдельхамид Мехри жаловался, что Европа отгородилась от кризиса в Персидском заливе. В отношении позиции Алжира было много недоразумений, и секретарь ФНО старался ее разъяснить. Алжир осуждал захват Кувейта Ираком и выступал за восстановление международной законности, но не разделял просьбу о помощи США со стороны Саудовской Аравии. Легко было понять, почему американцы немедленно устремились в эту страну со всем своим военным арсеналом: отныне они получают в руки ключи для решения всех проблем региона и смогут контролировать потоки нефти и цены на нее. Это было в интересах США, но не в интересах арабов и самой Европы. Оценки Мехри не были лишены убедительности. Но было ясно, что от Алжира нельзя ожидать существенной помощи для предотвращения финальной схватки.

Возникла настоятельная необходимость выслушать мнение Саудовской Аравии. Но трудно было поверить, что ее правительство пойдет на встречу с нами. В самом деле, мы до сих пор не получили ответа из Рида на письмо Оккетто, направленное через посольство. Так что после Алжира у меня оставалось время на поездку в Москву для того, чтобы узнать оценки советского правительства от заместителя министра иностранных дел Олега Белоногова, только что вернувшегося из Багдада. Он был расстроен: Саддам не слушал уговоров и упрямо шел к пропасти. Идеи, сообщенные Горбачевым Оккетто накануне поездки в Париж и переданные Саддаму Примаковым, были отвергнуты. Карен Брутенц, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, добавил, что советские руководители не отказались от дальнейших попыток и что сейчас идут переговоры о приезде в Москву иракского министра иностранных дел Тарика Азиза. Буш также предложил Азизу встретиться с Бейкером в Женеве. Но обратный счет неумолимо приближал фатальную дату 15 января, а наземные приготовления становились все более тревожными. Операция «Щит в пустыне» была уже запущена, к месту действия подтянуты 600 тысяч человек, мощные воздушный и морской флоты, оснащенные самыми современными и изощренными достижениями военной техники. После окончания Второй мировой войны не было еще столь могучей и устрашающей концентрации войск. Тем временем множилось призывы предотвратить столкновение, звучавшие с самых высоких трибун. Иоанн Павел II в рождественской проповеди с грустью говорил о войне как о «необратимой аванюре». Оккетто направил папе большое письмо, в котором дал высокую оценку его выступлений и подтвердил свою приверженность «надежде на лучший исход». Миттеран предпринял последнюю попытку созвать Совет Безопасности с целью еще раз проанализировать обстановку и отсрочить тем самым фатальное решение. Мы придерживались той же позиции.

В начале января, в самый разгар обмена новыми идеями и предложениями и выдвижения дипломатических инициатив, мы получили ответ от Саудовской Аравии. Посол Аль Торки сообщил мне, что «правительство Его Высочества

иссыма радо принять делегацию теневого правительства ИКП». Беседу предлагалось провести 13—14 января, то есть непосредственно перед самым истечением ультиматума. Предпринять поездку в то время было не так-то просто. В Министерстве иностранных дел нас «всячески отговаривали» и предупреждали, что не смогут ничем помочь, если дело примет дурной оборот. Немногих итальянских самолетов, вылетавших из Саудовской Аравии, не хватало для репатриации наших соотечественников, работавших в этой стране и в Эмиратах. Все западные авиалинии, включая «Алиталию», прекращали с 10 января полеты в Риад и обратно. Нам оставалось только обратиться к «Саудии» — авиакомпании, самолеты которой все еще выполняли этот рейс, несмотря на его убыточность, как мы смогли убедиться при посадке утром 12 января. В самолете, рассчитанном на 400 посадочных мест, сидели всего 9 пассажиров: трое рабочих, не собиравшихся отказываться от работы в Бахрейне, корреспондент третьего канала РАИ Раффаэле Фикера с двумя операторами и наша делегация. Со мной летели неунывающий Габор Пинна и Омеро Чаи из «Униты». Газеты, которые мы захватили с собой, были настроены мрачно. После провала встречи в Женеве между Бейкером и Азизом обе палаты американского парламента дали президенту Бушу разрешение применить силу. Азиз отказался встретиться с министрами иностранных дел стран ЕЭС, о чем просил его Арафат. На площади Святого Петра папа вознес молитву Пресвятой Богородице как последний призыв к миру, тогда как по улицам Рима шли 200 тысяч демонстрантов. Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр готовился поехать в Багдад, чтобы предпринять последнюю попытку убедить Саддама отойти от пропасти.

В современном аэропорту Рида, куда не ступала еще нога ни одного делегата ИКП, уже были заметны признаки приближающейся войны. Большой зал прилета был почти пуст, в то время как в зале вылета бурлила огромная толпа людей в надежде попасть на самолет, чтобы улететь подальше от столицы. Однако взлетные полосы использовались для приема садившихся один за другим могучих «Геркулесов». Итальянский посол был поражен приемом, который оказывался нашей делегации: церемониалом для «королевских гос-

тей», размещением в роскошном загородном дворце, при ветствии от министра информации Али аль Шара. Нам пред ложили соблюдать меры предосторожности, предписанные всему населению: не ходить по улицам, спускаться трижды в день в убежища во время учебных воздушных тревог, соблю дать в ночное время полное затемнение, научиться надевать противогазы. Правда, нас освободили от их ношения, но показали, где они хранятся в наших комнатах. Атмосфера в городе была прифронтовая, и с этим приходилось мириться. Это подтвердил и появившийся на следующее утро Али Шар, который сказал, что надо готовиться к худшему: только чудо может еще спасти от войны. Он сообщил, что на сегодня его задача ограничена, ему поручили подробно нас проинфор мировать о событиях, приведших Саддама к агрессии, а так же о том, к чему привели население Кувейта произвол и насилие, чинимые за более чем пять месяцев иракской оккупации. «У нас будет еще одна беседа, — сказал он, — для обсуждения чисто политических вопросов». Али Шар расска зал нам о том, что впоследствии будет доведено до общего сведения по поводу предкризисных событий, и о той роли, которую играл король Фадх в попытках уладить спор между Ираком и Кувейтом. Это была довольно обычная для араб ских стран история, связанная с лицемерными обьятиями, тайными заговорами и вероломным предательством.

Большой неожиданностью стала следующая встреча, о которой нам объявил Али Шар — с министром иностран ных дел, принцем Саудом аль Фейсалом. Меня поразило то, что за 36 часов до истечения ультиматума высший ру ководитель дипломатической службы крупнейшей страны, которая могла оказаться вовлеченной в военные действия, не только захотел встретиться с нашей делегацией, но и проговорил с нами почти два часа. А дискуссия у нас была серьезная, с весьма задиристыми вопросами и ответными выпадами, как это явствует из сделанных мной тогда запи сей. Принц оказался открытым и живым собеседником, не поскупившимся на похвалу в адрес нашей партии. Он высо ко оценил ее усилия и добрую волю в поисках политичес кого решения кризиса в Персидском заливе. У него нашлись также добрые слова для итальянского правительства и для оценки позитивных отношений между нашими странами.

•Мы рассматриваем ваш приезд за несколько часов до на ступления 15 января как дружеский жест, который мы оце ниваем во всем его объеме... Мы надеемся также, что он бу дет нам на пользу. Он уже сегодня принес нам долгождан ный дождь, который считается у нас великим благом». В са мом деле, сразу же после нашего приезда полил долго не перестававший дождь, и я думаю, что для жителей столицы непривычно было видеть столько луж и зонтиков на улицах. Но наш собеседник тут же перешел к делу. Саддам Хусейн, сказал он, вынашивает четкий и хорошо рассчитанный план. После войны с Ираном он восстановил свои силы и теперь располагает самой сильной армией во всем регионе. Совет ский Союз перестал быть мировой державой и во многом ут ратил свой вес в регионе. Европа, Китай и Япония не вы росли еще во влиятельные политические силы. Из настоя щих мировых держав осталась одна Америка. Саддам хочет стать, по крайней мере, региональной державой и устано вить собственную гегемонию в этой стратегически важной зоне (нефть и пути сообщения). Он не желает иметь дело ни с ООН, ни с европейцами, ни с арабами. Переговоры его устраивают только с Соединенными Штатами, но разгова ривать с ними он хотел бы на равных. «По его замыслу, Ку вейт — это только первый бык для заклания, дальше он дви нется вдоль всего побережья залива». Сауд аль Фейсал про вел параллель с тем, как поступал Гитлер накануне Второй мировой войны, когда он сначала захватил Австрию и Суде ты. Вот почему Саудовская Аравия обратилась к Соединен ным Штатам за помощью. В этом состояла, кстати, главная причина того, почему антисаддамовская коалиция во всем мире и в арабских странах приобрела столь широкий размах. Тут я вступил в разговор, пытаюсь направить его в более ак туальное русло. ИКП, сказал я, с самого начала тоже прим кнула к тем силам, которые выступали за восстановление международной законности и за уход Ирака из Кувейта. Она поддерживала и поддерживает действия и решения, направ ленные на достижение этой цели. Но она всегда делала ак цент на использование политических средств. Эмбарго также должно применяться как средство давления, а не прелюдия к вооруженному конфликту. Необходимо сделать все, чтобы избежать войны. Мы придерживаемся этой линии и сейчас,

за день до истечения ультиматума, решение о котором принимала ООН. Необходимо избежать жесткого автоматизма между назначенным сроком и началом военных действий. Если еще возможна созыва чрезвычайной сессии Совета Безопасности, которая могла бы решить вопрос о применении иных мер, не прибегая к началу военных действий?

«Просьбу об этом можно было бы мотивировать только появлением новых фактов, — ответил министр, — но они зависят теперь лишь от Саддама Хусейна». Однако подобный вариант был весьма сомнительным, особенно после того, как встреча с Пересом де Куэльярм закончилась ничем, как об этом нам сообщил аль Фейсал. В Багдаде шло совещание всех высших чинов иракской политики, но от него мало чего можно было ждать. Министр обрисовал политику Саддама в самых неприглядных красках. «Предоставить ему дополнительное время для новых маневров, — заключил он, — значит заплатить завтра вдвое большую цену. Если же мы изгоним его сегодня, пусть даже силой, то сможем избежать больших потерь в будущем». Его мысль была предельно ясна. Мы попытались настаивать на том, что применение силы чревато серьезными осложнениями в самом антисаддамовском фронте, остававшемся до сих пор довольно сплоченным. В будущем же нельзя было исключать появления расхождений в правительствах, парламентах, в общественном мнении. Массовые демонстрации уже имели место не только в столицах арабских стран, но и в Европе, а неоднократные обращения папы находили все больший отклик. Аль Фейсал прервал меня, заметив, что накануне король Фахд, обращаясь к представителям Исламской конференции, употребил те же слова, которые были сказаны папой на площади Святого Петра: «Важно, чтобы христиане и мусульмане молились вместе». Затем министр в шутку спросил меня, как я проголосую в парламенте. Видимо, посол Торки направил ему весьма обстоятельную информацию и принц мог блеснуть своей осведомленностью в итальянских делах и в политике нашей партии. Ему было также известно, что мы скоро переименуем название нашей партии, что представлялось ему весьма интересным шагом. Он пожелал нам только не менять позицию по Персидскому заливу. Что же касается арабских масс, то Саддам, по его словам, снова заблуждается на

их счет. Не будет никакого бунта. Единственными, кому придется заплатить весьма высокую цену, будут палестинцы. Они уже сейчас расплачиваются в оккупированном Ираке ираками Кувейте. Но вся вина лежит на одном Арафате. «При встрече скажите ему, что его линия нанесла вред и его делу, и интересам палестинского народа. Как мог он, давно страдающий от оккупации, оправдать агрессию и захват другого государства?» В словах и в тоне, каким они были сказаны, мы уловили гнев и неудовольствие. «Скажите ему об этом, скажите», — произнес он почти умоляюще.

Затем он перешел к совершенно другой теме, заговорив о необходимости созыва международной конференции для общего упорядочения проблем региона, а также о системе безопасности, которая охватила бы как страны Персидского залива, так и страны Средиземноморья. «Мы сами должны быть в состоянии обеспечить свою безопасность, не прибегая больше к иностранному присутствию». Его слова подтверждали впечатление, сложившееся у нас за два дня пребывания в Риале: массивное присутствие американцев в стране вызывало замешательство по многим причинам — от стратегического до этико-религиозного характера. В Саудовской Аравии нуждались в этом присутствии и потому хорошо о нем отзывались, но желали, чтобы оно продлилось как можно меньше. Мы сделали последнюю попытку перевести разговор на приближение ужасной даты. «Не будут ли с вашей стороны предприняты действия для предотвращения войны завтра ночью?» — «Война не начнется 15 января, она началась 2 августа прошлого года». — «Мы действительно должны считать 15-е последним сроком?» — «Если это произойдет не завтра, то через несколько дней». Спокойный и решительный тон ответов свидетельствовал о том, что все уже решено, но не в силу неизбежности, а в силу убежденности. Война обязательно будет. В этот момент я сам в этом уверился, и мне стало не по себе. Не знаю почему, но я напомнил принцу притчу о верблюде и игольном ушке. Трудно, почти невозможно, но как знать... «Теперь все в руках Аллаха», — вздохнул Сауд аль Фейсал. Мы расстались без всякой надежды.

Об ухудшении положения свидетельствовали также войсковые колонны, направлявшиеся к северу, и возбужденная атмосфера, царившая в отеле «Хайят», куда мы приехали на

встречу с немногими итальянскими журналистами, находившимися в Риале. Именно они и показали нам, как в соседней комнате, в наэлектризованной и лихорадочной атмосфере американские офицеры вели настоящий торг с журналистами разных стран, договаривавшимися о быстрой переброске в Кувейт, чтобы оказаться в первых рядах зрителей на военном представлении, которое вот-вот должно было начаться. Журналисты были бы страшно разочарованы, если бы спектакль был отложен. Тут я понял, что информация благодаря прямой телевизионной связи стала составной частью самих военных действий, которые репортеры были призваны освещать, и их работа будет тем ценнее, чем страшнее окажутся показанные ими кадры. От такого открытия можно было сойти с ума. Еще одно подтверждение наших догадок мы нашли в аэропорту. Мы должны были вылететь самолетом, отправлявшимся в Рим в 23.30, но в аэропорту не было и следа гражданской авиации. Огромная толпа роилась вокруг аэропорта, напрасно надеясь попасть на какой-нибудь рейс. Таких счастливых, как мы, отвели в зал для высокопоставленных гостей, но и там кишела толпа. Это были семейства, связанные с королевским домом, родственники принцев и зажиточные люди, пытавшиеся улететь на юг. Прошла целая ночь, но ни один гражданский самолет не вырулил на взлетную полосу. Только под утро появился самолет, вылетающий в Джидду. С большим трудом нашим провожающим удалось выбить пару мест для нас. Из Джидды мы проследовали на Кипр, а оттуда в Афины и Рим. Домой мы попали как раз вовремя, чтобы узнать из теленовостей о начале военного наступления на Ирак.

Попытки ИКП предотвратить под занавес военное столкновение пошли насмарку. Еще в резолюции руководства партии от 15 января утверждалось, что имеется альтернатива войне. Если мы не отстоим ее, то исчезнут все основания для присутствия в заливе итальянского контингента, который собирался принимать участие в военных действиях. «Мы не должны участвовать в войне», — заявил Оккетто после начала военных действий. Он требовал, чтобы парламент рассмотрел свое решение с учетом создавшейся обстановки. Итальянские левые силы во весь голос требовали отзыва на-

ших воинских подразделений. Европейские левые оказались, напротив, расколоты. Наши позиции почти совпадали с позициями немецкой социал-демократии и были довольно близки к позициям бельгийских и испанских социалистов и английских лейбористов. Наша линия не была обособленной, просто в тех условиях она выглядела слабой и бесперспективной. С более сильных позиций выступал французский президент Миттеран. Он был единственным, кто выделялся собственными инициативами и предложениями и до конца боролся за предотвращение войны. Но теперь, когда дело дошло до военных действий, он созвал чрезвычайную сессию парламента, чтобы она высказала свое мнение. «В новой обстановке, — сказал Миттеран, — Франция смыкает ряды, чтобы выполнить надлежащую роль и обязанности». 523 голосами при 43 проголосовавших против парламент высказался за эту позицию. Вряд ли удостоились бы столь лестных слов за свое поведение социалистические деятели в итальянском правительстве. Министр иностранных дел Де Микелис не сумел сделать из руководимой им «тройки» сколь-нибудь действенную группу. Об этом не стоило бы и говорить, если бы не было пресловутой и малоэффективной «линии отпора», которая еще больше затруднила освобождение заложников. Но в тот момент могло показаться, что Де Микелис кое-чего добился. «Поражение Ирака станет поражением ИКП—ПДС. Уничтожение Саддама приведет к распаду ИКП—ПДС», — заявил он в интервью газете «Стампа»⁵, в котором рискнул утверждать, что с ООП отныне покончено, и обвинил в пособничестве ей движение миролюбивых сил. Иначе действовал Кракси. Выступая в палате депутатов 16 января, он нашел слова для выражения искреннего сожаления в связи с гибелью Абу Айада, убийство которого произошло, по его словам, именно в тот момент, когда тот совершал последнюю попытку добиться от имени ООП мира. Теперь Кракси рекомендовал не забывать о правах палестинского народа. Андреотти также проявлял осторожность и озабоченность и не допускал, подобно другим партнерам по правительству, воинственных заявлений.

Другое обстоятельство, возникшее в ходе войны, — использование Ираком первых ракет СКАД для обстрела Израиля — способствовало на какое-то время сплочению в об-

ществе. Солидарность проявили все без исключения. Оккетто выразил ее через Туллию Дзеви итальянской еврейской общине, а Наполитано — израильскому послу. Женщины, члены парламентской группы ИКП, встретились с главным римским раввином Элио Тоаффом «как сестры по борьбе за мир с израильскими женщинами», Виоланте, Родота и Тарантелли направили запрос с выражением солидарности Израилю и потребовали признания со стороны Святого престола Государства Израиль и созыва Международной конференции по вопросу о мире на Ближнем Востоке. Использование ракет СКАД ударило бумерангом по Саддаму Хусейну. С военной точки зрения они оказались примитивным и неэффективным оружием. Во время войны было запущено 39 ракет против Израиля и 41 — против Саудовской Аравии, которые привели к гибели, соответственно, 2 и 30 человек. По числу человеческих жертв единственной ракетой, причинившей ощутимый урон, была ракета, запущенная в американскую военную базу в Дахране и унесшая жизни 28 солдат. С политической и психологической точек зрения это «секретное оружие» оказалось настоящей пустышкой. Если, с одной стороны, это привело к стечению правоверных в ряд мечетей в Аммане и Хартуме и к уличным шествиям в отдельных городах на оккупированных территориях, то во всех западных странах Саддам стал еще более ненавистен, а Израиль, благодаря также его умной тактике нереагирования и похвальной сдержанности, быстро обрел прежнюю симпатию и солидарность со стороны общественного мнения.

Больше всех поплатились за это ООП и ее президент. Убийство Абу Айада в Тунисе в ночь с 14 на 15 января явилось для Арафата тяжелейшим ударом. И прежде всего в личном плане. Абу Айад был не просто соратником и братом, а его вторым «я». Оба были единственными оставшимися в живых из той исторической группы, которая создала Фатх. Утрата была тяжелейшей и в политическом плане. Было известно, что Абу Айад занимал в ООП умеренные позиции и весьма критически относился к иракской оккупации Кувейта и связи Арафата с Саддамом. Он прилагал усилия, чтобы ослабить эту связь и вернуть ООП и ее руководство на самостоятельные позиции. Не этому ли стремились помешать, тем более что убийцей был человек Абу Нидаля? Это предуп-

реждение перевернуло душу главе ООП, которому теперь, когда началась война, приходилось считаться с противоречиями, вызываемыми его позицией.

Оживились и расхождения в ИКП, которой через десять дней предстояло собраться на один из самых сложных и трудных съездов в ее истории. Странники двух проектов предсъездовских тезисов, представлявших меньшинство в партии, требовали отзыва из Персидского залива итальянских кораблей и самолетов. Торторелла, исходя из несколько узкого толкования резолюции ООН, утверждал, что она «не имела в виду нападения на Ирак». Массимо Д'Алема, координатор по связям с секретариатом, возражал, что проблема заключалась не в отводе войск, «что было бы слишком мизерно для такой крупной партии, как ИКП», а в требовании политического решения. «Война не должна стать препятствием для политики» — такова была выдвинутая нами новая позиция, предполагавшая прекращение огня и возобновление политической инициативы. В сенате Буфалини, Боффа, Гранелли, Розати и Акилли потребовали, чтобы правительство выступило за приостановку военных действий, с тем чтобы использовать паузу для давления на Саддама и заставить его в конечном счете уйти из Кувейта. Теперь он, должно быть, понял, что многонациональные силы действуют всерьез.

13 февраля параллельно с попыткой Примакова добиться от Саддама Хусейна согласия с новым планом Горбачева по установлению мира Оккетто и Кракси выступили с совместным заявлением, в котором выдвигалось требование немедленного прекращения бомбардировок, готовности Ирака пойти на обсуждение вопроса о прекращении огня и вывода войск из Кувейта, начала переговоров между заинтересованными сторонами по всем оставшимся нерешенным в регионе вопросам, начиная с палестинского, заявления о поддержке любой инициативы, направленной на достижение этой цели. Это была многозначительная и первая с начала кризиса в Персидском заливе совместная акция, осуществленная нашей партией (отныне ДПЛС) и ИСП, что немедленно сказалось и на действиях правительства. Впрочем, среди всех правительств стран Западной Европы Андреотти был в наибольшей степени готов поддержать инициативу Горбачева и взять ее на вооружение. В парламенте был вновь пред-

ставлен единый документ. Но было уже поздно. Саддам Хусейн ответил на новый план утверждением, что надо продолжить «ратный труд», а Соединенные Штаты развернуть наступление на суше. Судьбы войны были уже предрешены. 28 февраля, поставив на колени Саддама и его мощную армию, Буш объявил о прекращении военных действий и тут же направил Бейкера в регион для работы над осуществлением «длительного мира». Нильде Йотти, председатель палаты депутатов, быстрее всех почувствовала, что и для нас настал момент освобождения от страданий, связанных с войной в Персидском заливе. «А теперь мы понемногу приступаем к мирному строительству, — писала она в газете «Унита». — Это будет подлинно справедливый мир, которому предстоит решить все проблемы Ближнего Востока, и прежде всего связанные с драмой оставшегося без земли и родины палестинского народа и с гарантиями безопасности для Израиля»⁶.

Мирный процесс. От Мадрида до Вашингтона через Осло

После победы в Персидском заливе президент Джордж Буш предстал 6 марта 1991 года перед конгрессом США. Опираясь на всеобщую поддержку, он тут же постарался превратить военный успех в долгосрочное политическое преимущество на Ближнем Востоке. «Нам теперь надо сделать все возможное, — сказал он, — чтобы закрыть пропасть, отделяющую еврейское государство от арабских стран и израильтян от палестинцев». Линия его ясна — добиться территориального компромисса, который обеспечил бы безопасность Израиля и удовлетворил законные права палестинцев. И так, справедливость в обмен на безопасность. Это была сильная позиция, встречавшая положительный отклик со стороны союзников и Советского Союза. С такими инструкциями госсекретарь Джеймс Бейкер начинает со второй недели марта первый из своих многочисленных вояжей по Ближнему Востоку. Его задача отнюдь не из легких. Шамир и его правительство относятся с недоверием к идее начать диалог. Арафат загнан в угол, а после тяжелого поражения Саддама он оказывается, скорее, в изоляции на международной арене и выглядит сомнительно внутри своей собственной организации. Лишь французский министр иностранных дел Дюма навещает его в Тунисе, да Андреотти пишет ему, дабы заверить его в своем уважении и поддержке. Большой частью он лишен теперь финансовых вливаний и вынужден заниматься новой проблемой — растущей иммиграцией русских евреев в Израиль, вызывающей дополнитель-

ную напряженность на оккупированных территориях. Мы отчасти несли вину за создавшееся положение. С самых первых встреч Натты с Горбачевым мы настаивали на предоставлении возможности выезда за границу лицам еврейской национальности, обращавшимся с соответствующей просьбой. Нередко в различных аэропортах наши делегации, выезжавшие в Москву для защиты еврейских эмигрантов, пересекались с палестинскими делегациями, направлявшимися туда же, чтобы, напротив, умолять о сокращении их числа. По нашему убеждению, мы должны были последовательно выполнять свой долг в отстаивании гражданских прав, палестинцы же были обеспокоены тем, чтобы не нарушилось демографическое равновесие в регионе и не подхлестывалась политика строительства еврейских поселений. И они были совершенно правы, если учесть, что только в течение 1990 года в Израиль выехало свыше 100 тысяч евреев и их приток возрастал с каждым месяцем. Согласно прогнозам, через несколько лет их число составило бы свыше полумиллиона, часть из которых осела бы с помощью израильского правительства на оккупированных территориях в Трансиордании.

Преодолев трудности учредительного съезда, ДПЛС разработала свою программу международной деятельности, осуществлению которой положила начало широко освещавшаяся инициатива — первый визит секретаря нашей партии в Израиль. Ей предшествовали встречи в Риме Оккетто и Фассино, только что выдвинутого на пост заведующего Иностранным отделом ДПЛС, с советским министром иностранных дел Шеварднадзе (17 марта) и с делегацией Мапама в составе Яира Цабана и Арие Шафира (5 апреля). От Шеварднадзе мы получили подтверждение, что Советский Союз намерен поддержать Соединенные Штаты в их усилиях, направленных на политическое решение проблем Персидского залива и Ближнего Востока и на созыв международной конференции, и что восстановление дипломатических отношений с Израилем — дело ближайшего будущего. С делегацией Мапама было подписано заявление, в котором подчеркивалась необходимость одновременного утверждения палестинских и израильских прав и привязки основ будущих переговоров к формулировке «земля в обмен на мир». Разумеется, для создания условий для подобных переговоров необходи-

мы были решительные действия. Обе партии сошлись на том, что в переговорах должны участвовать все заинтересованные стороны, и следовательно ООП, и что конечная цель должна состоять в утверждении принципа «два народа, два государства». От Мапама мы получили приглашение прислать делегацию на высшем уровне, и, таким образом, Оккетто заранее сообщил о своей поездке в Израиль, которую он совершит вместе с Фассино, Мартой Дассу и Раффаэлой Кьодо. Это было не изменением курса, как некоторые пытались истолковать, а скорее «развитием линии, которую уже проводила ИКП», как уместно заметил Фассино.

Новизна этого визита заключалась в том, что в Израиль выезжал первый секретарь партии и что обстановка, в которой происходил визит, отличалась рядом особенностей. К тому же это был смелый и верный шаг со стороны партии, способствовавший снятию наслоений, образовавшихся в результате внутренних разногласий во время кризиса в Персидском заливе, начавших затихать после зверской расправы с курдами, учиненной Саддамом через несколько недель после поражения в Кувейте. Кое-какая полемика возникла и в связи с выступлением Оккетто в Международном центре за мир на Ближнем Востоке, где он говорил о сионизме и связях между левыми силами и еврейским государством. Отдельные высказывания Оккетто («сионизм уходит своими корнями в рабочее движение»; «левые силы с запозданием поняли смысл и значение сионизма, который зачастую путают с фундаментализмом, тогда как речь идет о национально-освободительном движении») были поняты некоторыми как уступка, другими — как самокритика с его стороны. По правде говоря, это была попытка дать ответ, в том числе и в теоретическом плане, на действительно очень тонкий и сложный вопрос, который нередко становился предметом разного толкования не только среди левых сил, но и в самом еврейском движении. Можно было бы возразить, что поднимать подобный вопрос следовало после соответствующего и углубленного его изучения, в том числе и в историческом плане, дабы объяснить, почему подобное учение могло дать пищу как великим идеалам национального освобождения еврейского народа, так и, особенно на более современном этапе, религиозным и политическим уклонам, вдохновив-

шим призывы типа «Эрец Исраэл». И сейчас, более чем когда-либо, в израильской политике и обществе сталкиваются сионизм светский и сионизм религиозный. Оккетто стремился добиться ясности в одном, — критика действий и поведения израильского правительства никоим образом не означала выступления против еврейского государства и его глубинных идейных побуждений, которые, напротив, нуждались в восстановлении в своем первоначальном значении. Сближение сионизма с расизмом отвергалось с самого начала и пружней ИКП. Чтобы отыскать людей, ставящих столь сомнительный знак равенства между этими двумя понятиями, надо было обращаться не к руководимой Оккетто ИКП, которая собиралась повернуться еще больше к израильскому обществу и его ценностям, а к правым силам и крайним левым группировкам. Но именно из этих ценностей следовало извлечь и основания для справедливого решения проблем, мешавших израильскому обществу спокойно жить, и прежде всего проблемы, связанной с оккупированными территориями и правом палестинцев иметь свою родину. Это был честный и прямой разговор, основные идеи которого разделялись большинством организаций, беседовавших с делегацией ДПЛС, — Ракахом, Мапамом, Раацом, Шинуи, лейбористами и некоторыми из наиболее видных представителей интеллигенции (Амос Оз, Давид Гроссман, Шломо Авнери, Галя Галанте и другие). Оккетто сумел уловить беспокойство, возникшее на пороге политического и государственного кризиса в израильском обществе, неуверенном в перспективах и раздираемом, с одной стороны, желанием вступить в диалог и необходимостью, с другой — упорно бороться с предрассудками, не желавшими уступать дорогу новым веяниям. Верным отражением происходившего стали две наиболее важные беседы с премьер-министром Шамиром и лидером лейбористов Шимоном Пересом. Если Шамир жестко отреагировал на требования секретаря ДПЛС остановить строительство поселений на оккупированных территориях и сделать «решительный шаг» в направлении диалога с палестинцами, то Перес, напротив, проявил конструктивное отношение к этому вопросу. Он утверждал, что строительство поселений «приостанавливается» и можно согласиться с предложением о проведении международной

конференции, в которой участвовали бы и палестинские представители. Единственным, чего он не мог принять, было участие ООП в переговорах. Палестинцев должны были, по его словам, представлять жители оккупированных территорий, которые войдут в состав смешанной делегации вместе с иорданцами. Активную роль в подготовке конференции Перес отводил, помимо обеих великих держав, Европе и надеялся, что итальянское правительство будет действовать в этом направлении. Важно было также иметь поддержку общественного мнения и левых сил, а также Социалистического интернационала, в который могла бы вскоре войти и ДПЛС. Перес затем предался воспоминаниям о своих многочисленных встречах с руководителями ИКП и сказал, что эта партия всегда была «в меньшей степени коммунистической и в большей степени итальянской партией, обладавшей равновесием в гораздо большей мере, чем многие политические силы среди европейских левых сил». «ДПЛС, — сказал лидер израильских лейбористов, — будет в высшей степени итальянской партией» — и подчеркнул в заключение, что он «ждет очень многого от новой партии». А пока что этот визит стал важным и позитивным событием, о чем говорили Немер Хаммад и послы крупнейших арабских стран, которых Оккетто проинформировал по возвращении в Италию наряду с Андреотти и Де Микелисом.

Подготовка международной конференции оказалась малоприятным делом. Правительство Шамира упорно этому противилось. Глава израильского правительства создавал всяческие преграды, отдалявшие ее созыв и ставившие под большое сомнение ее результаты. Он не только не желал видеть в делегации палестинских представителей, так или иначе связанных с ООП, но и не соглашался с участием в ней представителей Восточного Иерусалима. Что же касается строительства поселений, то оно, по его замыслу, должно было быть продолжено. (Переговорная тактика Шамира, как он сам объявил на следующий день после выборов, состояла в том, чтобы затянуть конференцию на 10—15 лет и создать благодаря строительству поселений такую обстановку, чтобы палестинцам фактически не оставалось никакой земли.) Если же кому-то затем придет в голову, что будущие переговоры поставят под вопрос израильское присутствие в

Трансиордании, то он должен будет оставить эту мысль. Палестинцам может быть предоставлена, максимум, гражданская, но не территориальная автономия. От Шамира, однако, не зависела возросшая решимость США, опиравшихся на укрепление своего авторитета после победы в Персидском заливе и намеревавшихся на этот раз придержать кредиты, в которых срочно нуждался Израиль для устройства сотен тысяч новых переселенцев, хлынувших из Советского Союза, стран Восточной Европы, Эфиопии, Йемена и других арабских государств. Соединенным Штатам представился случай упорядочить по своему усмотрению обстановку в Ближневосточном регионе. Европа, напротив, продолжала плестись в арьергарде. Ее помощь заключалась в заявлении Европейского совета, собравшегося в Люксембурге 28—29 июня. В нем содержался «настоятельный призыв ко всем сторонам преодолеть последние трудности», напоминалось о праве палестинцев на самоопределение и называлась *незаконной* израильская практика строительства поселений, «несовместимая с волей к достижению мира». Советский Союз, со своей стороны, осуществил последнюю значительную акцию, направив с визитом в Израиль нового министра иностранных дел Бессмертных, что означало возобновление отношений между двумя странами. Затем после тяжелого августовского кризиса закатилась звезда Горбачева и распалась Страна Советов. Теперь она стала бы, в лучшем случае, полуспонсором конференции. Все эти мотивы подстегивали американскую дипломатию к ускорению темпов.

С марта по октябрь Джеймс Бейкер совершил целых восемь поездок в регион для того, чтобы подкрепить американский план широким согласием на местах. С Израилем он был откровенен с самого начала. «Пришел момент, — заявил Бейкер, — отказаться от нереалистического представления об Израиле как о великой стране, отказаться от аннексии, положить конец строительству новых поселений, являющихся препятствием для достижения мира, обратиться к палестинцам как к соседям, имеющим политические права». Эта концепция политических прав была тут же подхвачена и расширена палестинским движением и арабскими странами. Единственной уступкой, которую Буш и Бейкер сделали Шамиру, стало неприятие ООП. Американцы, как и израилья-

не, намеревались не допускать эту организацию к переговорам и диалогу. «На Ближнем Востоке кто-то должен быть премириван (Израиль и Сирия), а кто-то — наказан (ООП и Иордания)», — заявил с некоторой долей дерзости глава американской дипломатии на следующий день после начала войны в заливе. Но речь шла о большом самообмане, ибо уже в ходе первой встрече Бейкера в Иерусалиме с делегацией десяти палестинских представителей от оккупированных территорий ему сказали, что на исполнение своих обязанностей они были уполномочены ООП и Арафатом. «Я не хочу слышать это имя, я не знаю этого господина!» — взорвался госсекретарь, обещавший израильянам ни в коем случае не допускать палестинскую организацию к переговорам. Но Бейкер зря старался: делегация, с которой он разговаривал, состояла из людей ООП. Речь шла о группе таких блестящих, политически подкованных и умных деятелей, как Фейсал аль Хусейни, Ханан Ашрави, Саэб Эракат, Сари Нусейбек, Хейдар Абдель Шафи, Захир Камаль и другие, которые поддерживали постоянную связь с палестинским руководством в Тунисе. По этой причине Арафату было также нелегко заставить своих людей согласиться с конференцией, которая, хотя бы формально, игнорировала ООП. На сессии Национального совета, созванной в Алжире в конце сентября для решения вопроса об участии в иордано-палестинской делегации, направляемой на конференцию, развернулась большая борьба. «Мир для смелых людей», по определению президента ООП, убедил не всех его сторонников. Ему пришлось прибегнуть к своим диалектическим способностям, чтобы уменьшить число несогласных. При 256 «за» и 68 «против» он, наконец, добился успеха и предоставил Центральному совету право назвать имена семерых палестинцев, которые должны были войти в состав совместной с Иорданией делегации.

ДПЛС также сыграла свою роль в разблокировании обстановки. 12 сентября Оккетто, который неделей ранее обратился с письмом к Арафату, призывая его не упускать возможности созыва конференции, встретился в Риме с Пересом и израильским послом Мордехаем Дрори. Оккетто настаивал на устранении препятствий и предварительных условий, мешавших началу переговоров, а также выступил в защиту Арафата, поддержав необходимость поиска решений,

которые не обходили бы стороной ООП. Перес заявил о своем благоприятном отношении к «немедленному прекращению строительства новых поселений» и к целям конференции, которая определила бы новый порядок для всего региона, но остался глух к идее обращения к ООП.

Жаль, ибо лидер палестинского движения действовал с большим реализмом. 19 сентября он ответил Оккетто, заверив его в «готовности ООП найти гибкие формы участия в конференции». 25 сентября Кракси и Оккетто написали Арафату, отдав ему должное в том, что «выдвинутые им предложения на сессии НСП способствуют созданию благоприятных условий для созыва мирной конференции и являются смелым вкладом в открытие, возможно, новой страницы в многострадальной истории Ближнего Востока». Они обещали, что обе партии приложат необходимые усилия для «достижения справедливого мира». Наконец, после преодоления остатков несогласия со стороны противоположных лагерей, 30 октября 1991 года в Мадриде смогла открыться Международная конференция за мир на Ближнем Востоке. Это было историческое событие, ибо впервые лицом к лицу встретились за единым столом Израиль и его ближайшие арабские соседи — Египет, Иордания и Сирия, а до начала переговоров — Израиль и палестинцы. Присутствие 4665 журналистов из 54 стран превратило эту встречу в грандиозное зрелище, на торжественном открытии которого присутствовали великие творцы этой операции, Буш и Горбачев.

Заданный конференции тон внушал надежду в отношении ее оптимистических перспектив. В том же духе были выдержаны заявления правительств и партий. От имени ДПЛС Пьеро Фассино подчеркнул, что «израильтяне и палестинцы пошли на признание взаимных доводов, исходя из возможности согласованных решений, способных признать права обеих сторон»¹. Это было, пожалуй, слишком поспешным выводом, если судить по реальным результатам конференции, оказавшимся, по правде говоря, весьма скромными. Разумеется, важен был и сам факт созыва конференции, налицо была готовность различных сторон к диалогу, стала очевидной роль палестинского движения и его позиций, опровергнувших пессимистические ожидания. Переданное всеми телестанциями мира возвышенное и благородное выступление врача из Газы

Абделя Шафи, возглавлявшего палестинских представителей, вошедших в состав иорданской делегации, произвело сильное впечатление и оставило глубокий след в общественном сознании. Перед нами предстала и до тех пор почти не известная образованная и обходительная учительница Ханана Ашрави, ставшая не только рупором палестинской делегации, но и дела своего народа. Конференция дала, к тому же, понять, что зря старались те, кто сомневался в необходимости связей с ООП, ибо палестинские представители действовали с полного согласия ООП и говорили на конференции от ее имени. Было принято также положительное решение о проведении сразу же после конференции двусторонних переговоров между Израилем и его соседями, а позднее — многостороннего диалога. Однако было очевидно, что подлинные проблемы, составлявшие блок наболевших на Ближнем Востоке вопросов, остались нерешенными и запутанными, как и ранее. Атмосфера изменилась, но сущность от этого не стала иной, как это почти сразу же выявилось на первом безрезультатном раунде переговоров, проведенных в Вашингтоне. Каковы бы ни были настроения, проявлявшиеся с той и другой стороны, их сразу уловил и Фассино, который с Леони и Чинголи снова отправился во второй половине ноября в Израиль, и Джорджо Наполитано, встретившийся в середине декабря в Риме с Абу Мазеном. Фассино вынес впечатление, что дело опять тормозится, в том числе и по причине приближавшихся парламентских выборов в Израиле. На свои настоятельные вопросы, какого рода самоуправление собираются дать палестинцам и какой территориальный компромисс мог бы быть предусмотрен на заключительном этапе переговорного процесса, он не получил ответа. В тот момент все активные силы, включая социалистическую партию, на съезде которой присутствовал Фассино, были озабочены не столько Мадридской конференцией или переговорами в Вашингтоне, сколько приближавшимися выборами, которые должны были состояться в июне того же года. Даже идею о проведении с помощью Европейского сообщества более тесного сотрудничества между израильтянами, палестинцами и иорданцами в социально-экономической сфере, с тем чтобы в будущем прийти к созданию своего рода местного Бенилюкса, мы не смогли записать в свой актив.

Кстати пришлось и моя поездка в Израиль, проходившая с 10 по 16 января в составе делегации, возглавлявшейся на этот раз таким замечательным деятелем, как Оскар Луиджи Скальфаро. В то время никто, да и Скальфаро сам, не мог подумать, что через несколько месяцев он будет избран президентом Итальянской Республики. Но он всегда был для нас всех президентом, чему способствовали его облик старейшины парламента и занимаемые им посты в выборных и правительственных органах Италии. К тому же Скальфаро был президентом Общества дружбы с Израилем, созданного при парламенте, и в нем принимали участие все парламентские группы. В этом качестве он и возглавил делегацию, которой предстояло совершить по приглашению кнессета шестидневную поездку в Израиль. Наши хозяева подготовили для нас программу, носившую наполовину политический, наполовину туристический характер. Нам любезно предложили взять с собой, соответственно, супругу или супруга. Помимо Скальфаро, в состав делегации входили республиканец Джироламо Пелликано, Иза Феррагути и я от парламентской группы ДПЛС, а также профессор Джульяна Лимити, секретарь общества. Представитель Итальянской социал-партии отказался от поездки в последний момент. Это путешествие надолго нам запомнилось, поскольку позволило объехать на микроавтобусе с провожатыми почти всю страну от Эйлата на Красном море до Голанских высот, от Синая до пограничных заграждений на границе с Ливаном, от Мертвого моря до Тивериадского озера, от Иерихона до Галилеи. Увидели мы, разумеется, и самые примечательные места, связанные с еврейской историей: Музей холокоста, гору Герцла, на которой каждый из нас посадил дерево с личной именной табличкой, Масаду, легендарную крепость на берегу Мертвого моря, где в 92 году н. э. 960 осажденных zelотов предпочли лишиться себя жизни, нежели сдаться в плен римскому завоевателю Флавию Сильве, правителю Сирии. Повсюду мы могли посетить общественные учреждения и производственные предприятия, иметь встречи и вести дискуссии. Это была исключительная возможность получить живое представление об израильском обществе, его жизнеспособности и творческом потенциале, а также противоречиях и трудностях. Непосредственно познакомились мы и с

Интифадой. Как-то вечером, когда мы спускались с Масличной горы со стороны арабской части Иерусалима, автобус забросала камнями группа мальчишек, успевшая скрыться до того, как наше сопровождение успело среагировать. Все перепугались, и больше всех Марианна Скальфаро, в которую чуть не попали камнем. Скальфаро всех успокоил, сказав, что таковы инциденты, с которыми ничего не поделаешь, поскольку речь идет о захваченной территории. В этом он был непреклонен. Скальфаро безусловно симпатизировал Израилю, принимал к сердцу его права и проблемы, но ни при каких обстоятельствах не забывал о правах другой стороны. Ему совершенно не пришлось заострять на них внимание в беседе с патриархом католической церкви в Святой земле Мишелем Саббахом, так как более ревностного защитника палестинцев трудно было найти. Патриарх крайне сурово отозвался о поведении израильских вооруженных сил в Трансиордании и Иерусалиме, а чувствительное ухо Скальфаро сразу уловило критику в адрес Святого престола, слабо выступавшего в защиту Святых мест и арабо-христианского населения. Самыми важными политическими встречами стали две встречи — в парламенте и с премьер-министром Ицхаком Шамиром. В кнессете нам был оказан поистине небывалый прием. Как только мы появились в месте, отведенном для гостей, председатель прервал дебаты и произнес приветственную речь в честь Скальфаро и делегации. Как нам сказали, такое произошло впервые. Это даже было не просто приветствие, а серьезная речь о роли парламентов, значении плюрализма и демократии, о задачах народных избранников в борьбе за мир и сотрудничество между народами. Затем последовали встречи практически со всеми группами, представленными в израильском парламенте. Разнообразие выслушанных нами мнений и суждений свидетельствовало о сложности и деликатности переживаемого страной этапа. Депутаты высказывались и «за» и «против» переговоров с палестинцами и намечаемых решений. Это было страстное и бурное диалектическое противопоставление мнений, говорившее об укоренившихся убеждениях и крайних трудностях в нахождении элементов, необходимых для сближения позиций в стране, уже охваченной предвыборной лихорадкой. Шамир старался нас успокоить: «Мирный процесс будет

продолжен и не будет прерван из-за выборов». Он выступил первым и говорил долго, рассказывая о различных этапах, через которые прошел ближневосточный кризис и израильско-палестинский конфликт. Остановился и на объяснении причин своего сопротивления до Мадридской конференции. Он-де не был против конференции и тем более против переговорного процесса. Следовало отдавать ясный отчет в том, что его правительство никогда не будет вести переговоры с такой террористической организацией, какой является ООП, и никогда не согласится с идеей о территориальном компромиссе. «Мы не уступим и пяди нашей земли», — заявил он. Такой вывод был весьма далек от идеи главы нашей делегации, хоть и расположенного к Израилю и питавшего к нему чувства подлинной дружбы и понимания.

Скальфаро хорошо подготовился к встрече. Он сразу же заверил Шамира в отношении чувств, которые питает к Израилю подавляющее большинство итальянцев и парламентариев нашей страны. Затем заговорил о надеждах на мир, открывшихся с Мадридской конференцией, а также о том, что каждая сторона должна употребить все возможные усилия, чтобы прийти к конкретным результатам. Он с удовлетворением констатировал наличие воли (о чем говорил премьер-министр) довести до конца вашингтонские переговоры, несмотря на приближение выборов. Какое бы правительство ни пришло затем к власти, сказал он, оно могло бы лишь воспользоваться положительным трудом, проделанным до него. Скальфаро разделял беспокойство израильской стороны, но столь же откровенно говорил о проявлениях, на его взгляд, жесткого подхода, не способствовавшего конструктивному исходу переговоров. Тут он собирался перейти к наиболее шекотливой части своего выступления, связанной с израильскими поселениями на оккупированных территориях, с правами палестинцев, в том числе с правом на самоопределение, с необходимостью территориального компромисса при желании предоставить землю и родину тем, кто их не имеет. Иными словами, к драме, которую никто лучше евреев не мог бы понять. Но вскоре его речь, до сих пор лившаяся плавно и свободно, стала прерываться. С расстроенным видом он старался привлечь наше внимание к своему прямому собеседнику, который в это время преспокойно

услушал, к великому смущению своих помощников. Будучи человеком с юмором, Скальфаро не смутился и с улыбкой закончил, что самое главное в подобного рода встречах состоит в том, что они записываются и при желании их можно перечитать. При легком смешке, последовавшем за этим, Шамир проснулся и решительно закивал в знак согласия. Ясно было, что он не слышал последней части выступления.

Вплоть до осени 1992 года сохранялась застойная обстановка. Разговоры в Вашингтоне продолжались, но не приносили никаких результатов и не вызвали интереса общественного мнения и средств массовой информации. Арафат, который после конференции втайне женился, к общему изумлению, на своей молодой секретарше Сухе Тавейл, 8 апреля попал в авиакатастрофу в Ливии. Врачи серьезно опасались за его жизнь. В отличие от своих несчастных спутников, он каким-то чудом выбрался живым из этой ужасной катастрофы.

Самым утешительным известием, полученным летом того же года, стали результаты выборов в Израиле, позволившие Ицхаку Рабину возглавить правительство и обеспечившие значительный успех лейбористской партии и коалиции Мерец, в которую вошли Мапам, Раац и Шинуи. После 15-летнего правления правых из блока Ликуд к власти, наконец, пришли лейбористы и другие участники блока левых сил. Этот факт был с удовлетворением отмечен в Соединенных Штатах, России и в европейских столицах. Довольно необычным было и заявление Европейского совета, собравшегося в Лиссабоне 26—27 июня, в котором он дал следующую оценку выборам в Израиле: «Это — свидетельство демократических традиций... они укрепят мирный процесс и дадут новый импульс усилиям в поисках справедливого и длительного мира». Оценки, по крайней мере публичные, со стороны арабских стран носили, разумеется, более сдержанный характер. И все же в них выражалось не меньшее удовлетворение. Лишь Арафат спустя некоторое время позволил себе словесную выходку, типичную для его темперамента. Он заявил, что не видит большой разницы между Рабином и Шамиром. Было, однако, достаточно известно, что палестинское движение возлагает надежды на утверждение антиликудовских сил и что, если еще приходилось доказывать, как утверждал позднее новый секретарь

Ликуда Бенджамен Натаньяху, что ООП прямо вмешивалась в избирательную кампанию в Израиле, дабы обеспечить преимущество лейбористам и левым силам, то не было сомнения в том, что изменения, вызванные выборами, пошли ей на руку. Оккетто также направил поздравительное послание лидерам победивших партий и Рабину. «Теперь, — писал он, — можно перевернуть страницу и дать Израилю правительство, которое было бы на высоте стоящих перед ним задач».

После окончания израильских выборов настал черед выборов американских. В Белом доме и в Госдепартаменте все взгляды были отныне устремлены лишь на предстоящий марафон. Даже Джеймс Бейкер был переброшен на избирательный фронт и заменен Лоренсом Иглебергером, не очень склонным заниматься переговорами. Дело в том, что международное положение быстро менялось и объективно было трудно ориентироваться в изменившейся обстановке. Горбачев сошел со сцены, и не было ясно, по какому пути пойдут Ельцин и множество новых государственных образований, возникших с распадом СССР. Югославия уже развалилась, и ее бывшие республики пошли войной друг на друга. Но и на Западе стабильность многих стран была сильно поколеблена. В Италии дела, связанные со взяточничеством, переплелись с кризисом политической системы, оставив совсем немного места для международной политики. ДПДС, при всех своих немалых трудностях, оставалась единственной партией, сохранившей международную инициативность и продолжавшей заниматься ближневосточными проблемами. В то время как «Унита», взявшая интервью у Арафата, Переса и Хусейни, пыталась вновь привлечь внимание итальянского общественного мнения к переговорам и причинам их проваления, Оккетто встретился 24 октября в Риме с Фейсалом Хусейни, считавшимся теперь ведущим палестинским представителем оккупированных территорий. Из поступавшей информации нельзя было почерпнуть чего-либо утешительного. Дискуссия заикнулась на определении форм и содержания палестинского самоуправления на оккупированных территориях. Правительство Рабина не представило еще новых предложений, а палестинская сторона не могла, естественно, согласиться с самоуправлением, ограниченным лишь

гражданскими вопросами, связанными с палестинским населением. Хусейни приехал, чтобы побудить западные правительства оказать давление в пользу активизации переговоров и сосредоточения внимания на проблеме самоопределения палестинского народа. Слишком многие все еще толковали о перспективе конфедерации с Иорданией, что умаляло значение выбора и требований палестинцев в отношении самостоятельности своей собственной родины.

И вновь тяжелейший инцидент привлек всеобщее внимание к израильско-палестинскому вопросу. 13 декабря группа боевиков Хамаса похитила израильского полицейского Нисима Толедано и предложила обменять его на своего лидера Шейха Ахмеда Ясина, осужденного на каторжные работы. Но когда через два дня был обнаружен труп изувеченного Толедано, Рабин велел немедленно задержать 1600 палестинцев, 416 из которых были отправлены в выжженную, пустынную ничейную полосу, служившую зоной разграничения между Израилем и Ливаном, и держать их там под дождем без пищи и крова. Инициатива Рабина была сразу же осуждена Советом Безопасности ООН и привела к новой напряженности между палестинцами и израильтянами. Арафат и руководство ООП были поставлены в крайне затруднительное положение. Они понимали, что действия Хамаса преследовали задачу подорвать вашингтонские переговоры и заставить отказаться от них. Но, с другой стороны, руководство ООП не могло оправдывать террористические акты, подобные убийству Толедано. Реакция же Рабина была импульсивной, несоизмеримой преступлению и совершенно неразумной. Наказание противоречило международному праву и Женевской конвенции, как было подчеркнуто в резолюции 799, принятой ООН. Необходимо было, следовательно, добиваться отмены этих мер как условия для продолжения переговоров. С другой стороны, все население оккупированных территорий взбунтовалось и стало требовать освобождения перемещенных лиц. Арафат и ООП не могли позволить выбить себя из седла из-за движения протеста, удержать которое от неконтролируемых действий было для них самым важным. Со своей стороны, Рабин утверждал, что успешно идти к миру можно лишь при условии твердого отпора любым террористическим актам.

Злоключения депортированных в безлюдной скалистой местности вызвали бурную полемику и в Италии, где в каждом доме благодаря мировому телевидению можно было увидеть ужасные условия, в которых вынуждены были перебиваться без всякой помощи сотни несчастных. В различных местах возникали произраильские и пропалестинские настроения прежнего толка. Еще больше масла в огонь полемики подлил израильский посол в Риме Ави Пазнер, заменивший Мордехая Дрори. В двух статьях, опубликованных в газетах «Коррьере делла Сера»² и «Унита»³, он не только защищал (это входило в его обязанности) меры, принятые его правительством, назвав «умеренной реакцией» выселение «максимум на два года(!)» 416 депортированных палестинцев, но и обрушился с критикой на какие-то неопределенные и всеобъемлющие левые силы, «закрывающие глаза на жестокий и варварский терроризм палестинских экстремистских группировок». «За последние двадцать лет, — утверждал он, — левые силы систематически игнорировали потоки слез и крови, оставляемые терроризмом на своем пути в Израиле». «Так проснитесь же!» — заключал Пазнер. Очевидно, израильский посол еще слишком мало прожил в Италии и, возможно, недостаточно изучил политическую историю различных партий. Иначе он бы провел должные различия и установил, что наша партия с самого начала осуждала любой террористический акт и что при появлении чего-то подобного, в том числе и в нашей стране, она решительнее всех боролась за его пресечение. Не говоря уже о том, что у нас никогда не было никаких отношений с Хамасом. Поэтому требовалось дать самый энергичный ответ. Конечно, необходимо беспокоиться по поводу создавшегося «вакуума на переговорах», как отмечал Фассино, или обращаться, как это сделал Оккетто, к президенту Социалистического интернационала Пьеру Моруа, с тем чтобы сделать все возможное для возвращения депортированных домой. Но важно было также внести ясность в действительные позиции каждой политической силы, тем более что вся эта история и связанная с ней полемика способствовали новому появлению антисемитских отрывков. В некоторых итальянских городах, в частности в столице, появились оскорбительные надписи, сопровождаемые ан-

тисемитскими выпадами и свастикой. Нетрудно установить, как писал Оккетто в письме, направленном Туллии Дзеви, кому принадлежат эти надписи, если вспомнить, что антисемитизм — это «гнусное явление, проявление бескультурья и нетерпимости». Вот почему надо было продолжить усилия, начатые в ходе демонстрации 17 декабря в Риме, протестовавшей против любых форм расизма.

В силу непредвиденных перемен, которые зачастую случаются в запуганной и подчас необъяснимой панораме ближневосточных событий, действия, предпринятые с противоположных сторон в ту ужасную зиму 1992/93 года, в самый разгар драмы депортированных палестинцев, заложили основы для еще более активного возобновления мирного процесса. Рабин был избран, потому что обещал привести к существенным переменам и конкретным результатам в области переговоров, а также потому, что заявил, что это невозможно без прямых переговоров с ООП. Надо было показать, что не так страшен черт, как его малюют. Арафат ко всеобщему удивлению стал принимать в Тунисе израильских журналистов, политических деятелей и отважную Айель Даян, дочь бывшего министра обороны Израиля, что немало потрясло обескураженную израильскую публику. По возвращении она прямо заявила, что пора покончить с пережитками прошлого, прекратить видеть в Арафате средоточие всех бед и начать с ним переговоры об установлении мира. «Пора перестать воображать себя осажденной нацией», — сказала она в ответ на злобную критику со стороны правых, опираясь, однако, на поддержку и восхищение той части общества, которая составляла отныне ее большинство (проведенные опросы выявили 52 процента выступавших за прямые переговоры) и желала, наконец, жить в обстановке мира. И словно этого было мало, израильское телевидение взяло интервью у Арафата, который впервые смог таким образом прямо обратиться к гражданам Израиля с призывом к установлению «мира смелых людей». 19 января 1993 года кнессет покончил с последним оплотом противников прямых переговоров, отменив закон от 1986 года, запрещавший любые контакты между гражданами Израиля и ООП.

После выборов пришла в движение и американская дипломатия. Недавно избранный президент Билл Клинтон по-

ручил в начале февраля новому государственному секретарю Уоррену Кристоферу отправиться с первой своей миссией на Ближний Восток и подготовить проведение в следующем месяце первой встречи в верхах Клинтон—Рабин. Возможно, уже на ней был обсужден вопрос о необходимости подтолкнуть переговоры к качественному скачку, дабы вытащить их из болота, в котором они увязли. Примерно месяц спустя, 14 апреля, Рабин смело решил перейти Рубикон. По окончании встречи с египетским президентом Мубараком в Исмаилии он заявил, что Израиль «в отличие от предыдущего правительства» готов к «обсуждению с палестинской делегацией на вашингтонских переговорах окончательного положения о территориях на основе резолюции 242 ООН». Это был беспрецедентный шаг вперед. Резолюция 242 требовала возвращения к границам 1967 года, и, хотя сразу же начинались оговорки и вопросы относительно того, как понимать уход — «со всех» территорий или «с отдельных» территорий, стало ясно, что заявление Рабина соответствовало центральной проблеме переговоров — «земля в обмен на мир». «Это хорошее известие, — прокомментировал по горячим следам Немер Хаммад, выступивший в итальянской печати. — Наконец можно будет начать серьезные переговоры о мире». Израильское правительство к тому же сняло запрет на включение в палестинскую делегацию Фейсала Хусейни из Восточного Иерусалима и заявило о своей готовности пересмотреть вопрос о депортированных, примерно сто из которых уже получили свободу. Первый раунд на переговорах времен Клинтон должен был состояться в Вашингтоне 20 апреля. Большие надежды, вызванные заявлениями Рабина, умерялись, однако, новым туром переговоров, на котором не удалось найти приемлемого решения в отношении поселений. Палестинская делегация требовала полного их приостановления, тогда как израильская сторона собиралась сохранить хотя бы «стратегические» центры. Спорными оставались вопросы характера самоопределения на промежуточном этапе и перехода к окончательному статусу оккупированных территорий. Для палестинцев было само собой разумеющимся, что по окончании промежуточного этапа самоуправления должна быть создана палестинская государственная структура по принципу «два народа — два государства в Палестине». Для

израильтян это был вопрос, который следовало решить после пяти лет самоуправления. Очевидно, это были весьма существенные проблемы, к тому же оставался открытым и вопрос, с какими палестинцами следует обсуждать условия установления мира. Фейсал Хусейни не переставал повторять, что они ведут переговоры от имени ООП и добиваются, чтобы США возобновили свои связи с ООП. Рабин колебался и откладывал на более позднее время возможность «расширения палестинской делегации за счет включения в нее представителей диаспоры». Складывались предпосылки для новой задержки переговоров, как об этом свидетельствовал девятый, бесполезный, раунд майских переговоров.

Именно в этой обстановке я выехал 14 июня в Тунис в сопровождении Немера Хаммада для встречи с Арафатом. С Арафатом я продолжал поддерживать дружескую связь даже тогда, когда перестал занимать партийные и парламентские посты. Он пригласил меня на обед с Хусейни, задержавшимся в Тунисе перед поездкой в Вашингтон на десятый тур бесконечной переговорной волокиты, начавшейся полтора года назад. Пока Арафат показывал, как высоко он ценит мед, который я ему привез (эту слабость я за ним заметил с первых же наших встреч в Бейруте), Хусейни рассказывал мне о состоянии переговоров с Израилем. Он поведал мне о множестве подробностей и деталей, но высказанная в заключение шутка как нельзя лучше отразила положение дел на переговорах. «Мы как два канатоходца, — сказал он, — которые не могут отступить назад, а вперед идти становится все труднее, и главное теперь — не свалиться с каната». Затем мы перешли в рабочую комнату Арафата, занятую уже некоторыми из его приближенных: Набилем Шаатом, Бассамом Абу Шарифом, Ясиром Абедом Раббо. Меня поразила атмосфера бурного ликования, и я захотел узнать, в чем дело. Но Арафат принялся представлять мне присутствовавших, хотя в этом не было никакой необходимости — со всеми я уже давно был знаком. Мы проговорили пару часов. Президент ООП вернулся к вопросу о переговорах и стал их ругать за постоянные проволочки, грозившие полным провалом. «Люди не отдают себе отчет, — сказал он, — что если эта попытка ни к чему не приведет, то на всем Ближнем Востоке

произойдет неконтролируемый взрыв и дело кончится настоящей балканизацией. Вот почему мы снова сели за стол переговоров, несмотря на драматическую историю с депортированными палестинцами». У ООП было стремление двигаться вперед, но имелись ли подобные же стремление и решимость у противной стороны? Я попытался выступить адвокатом противной стороны, подчеркнув некоторые важные шаги, которые были сделаны Израилем: отмена закона, запрещавшего израильским гражданам иметь связи с представителями ООП; интервью Арафата израильскому телевидению; важные заявления Рабина в Исмаилии. Прежде чем я продолжил свой перечень, Арафат меня прервал и задал вопрос, почему бы не сделать те же самые заявления за столом переговоров и не изъяснить готовность записать их в каком-нибудь документе. До этого дело еще дойдет, возразил я, но надо учитывать, что каждый из этих шагов наталкивается на ожесточенное сопротивление «ястребов» в самом Израиле. «А что же тогда мне говорить? — вспыхнул Арафат. — У меня своих «ястребов» полно и в ООП, и на оккупированных территориях, и среди диаспоры. Фанатиков и у нас предостаточно. Фейсалу Хусейни на прошлой неделе угрожали смертью. Против кого выступают в основном сторонники Хесболлаха и интегралисты Хамаса? И кто их финансирует? Почему никто сейчас не обращает внимания на политику Ирана?» «Старик» (Аль Хитиар), как всегда называли Арафата его сторонники, был, похоже, в отличной форме и никому не давал спуска. «Ладно, посмотрим, как у нас действительно обстоит дело с переговорами». Арафат почувствовал, что мне хотелось узнать больше, чем рассказал Хусейни за столом, и решил удовлетворить мое желание, восстановив все этапы дискуссии, начатой 20 месяцев назад. «Мы должны были начать переходный период не позже чем через год, но по прошествии 20 месяцев все еще спорим о том, как проводить выборы. Но что мы собираемся выбирать? Чисто административный или законодательный орган?.. Иными словами, какого суверенитета, какой власти мы добиваемся?» Арафат почти вырвал у меня из рук блокнот и написал в нем две большие буквы, а затем продолжил объяснение. «Первая буква, — пояснил он, — соответствует палестинскому предложению и обозначает будущий орган власти, представляю-

щий «палестинское самоуправление», вторая — это израильское предложение, в котором говорится об «упорядочении» — самоуправлении, в котором, однако, отсутствуют такие слова, как «власть» и «палестинское». Правда состоит в том, что спустя полтора года после Мадридской встречи мы все еще упираемся в нежелание признать за нами исконное право управлять нашим народом». Абу Аммар* был явно раздосадован, но больше всего в тот момент его возмущало поведение Сообщества и правительств европейских стран. Месяцем ранее он встречался с европейскими послами, присутствовавшими в Тунисе, и безуспешно пытался их раскачать. На столе переговоров лежит лишь израильско-американский проект, в котором в общих словах говорится об автономии. Возможно ли, что Европейское сообщество, первым заговорившее о праве на самоопределение, не попытается как-нибудь повлиять на проходящие трудные переговоры? Арафату не терпелось узнать, чем объясняется такое падение интереса к ближневосточному вопросу и нежелание последних итальянских правительств заниматься им. Я постарался ему объяснить, что, на мой взгляд, речь шла не только о Ближнем Востоке, но и о том, что серьезный политический кризис, возникший и продолжающийся разгораться в последнее время, заставил правительство и политические силы заниматься преимущественно внутренними вопросами. Такое объяснение годилось для меня, но не устраивало моего собеседника. Во всяком случае я заверил его, что понял его озабоченность и постараюсь довести ее до сведения нужных лиц. Наша же партия продолжала выполнять свою роль. Через несколько дней в Милане должна была состояться важная конференция по перспективам переговоров, в которой будут участвовать две делегации — израильская и палестинская по 15 человек каждая плюс группа послов и европейских и итальянских деятелей. Она созывается по инициативе Международного центра за мир на Ближнем Востоке, но и ДПЛС прилагает активные усилия для ее успешного проведения.

Прежде чем расстаться, я задал Арафату вопрос, навеянный мне новой обстановкой его рабочей комнаты. Все стены были оклеены постерами с видом Иерусалима, а за его

* Настоящее имя Ясира Арафата. — *Прим. ред.*

спиной красовалась огромная фотография мечетей аль-Акса и Куббат ас-Сахра. «Президент, — обратился я к Арафату, — мы знаем друг друга почти 20 лет и встречались в Аммане и Дамаске, в Бейруте и Алжире, в Тунисе и Каире, в Москве и Пекине, в Риме и Страсбурге, но когда же мы встретимся в Иерусалиме?» Немер не успел еще кончить перевод, как Арафат, несомненно, уловивший смысл вопроса, мгновенно поднял руку, показав мне два пальца. «Как, через два года?» — изумился я. «Да, мы увидимся в Иерусалиме через два года», — ответил он уверенно. Газета «Унита», сообщая о моей встрече, вышла с заголовком на всю вторую полосу: «Встреча в Иерусалиме через два года»⁴.

В Италию я вернулся со странными ощущениями и старался объяснить себе поразившие меня факты, внешне не связанные друг с другом. Во-первых, что означал разговор вполголоса между Немером и Набилем Шаатом, которого мы встретили при посадке в Риме. «Я лечу транзитом», — пояснил мне Набил, но Немер не удивился встрече в аэропорту и продолжал беседовать с ним до самой посадки в Тунисе. Во-вторых, это ликование, не стихавшее все утро в комнате Арафата. Даже когда тот с явной горечью рассказывал мне о скудных результатах, достигнутых за 20 месяцев после Мадридской встречи, в глазах его сотрудников не угасало удовлетворение, доставляемое лишь радостными событиями. А таковыми наверняка не были те, о которых поведал мне председатель ООП. И наконец, столь твердое и ко многому обязывающее обещание Арафата о встрече в Иерусалиме через два года. Ответ на все эти вопросы я получил только в конце июля, когда в прессу стали проникать первые неофициальные сообщения о секретных переговорах, проходивших в Осло непосредственно между ООП и Израилем. Слабые попытки опровержения с обеих сторон мало кого убеждали, и в августе все прояснилось. Уже за несколько месяцев до этого благодаря умелой и скрытой норвежской дипломатии был задействован новый канал для переговоров. Арафат не мог более мириться с мадридской формулировкой отказа от прямого привлечения ООП к переговорам, не приносившим поэтому значительных результатов, а Рабин, со своей стороны, понял, что подлинные переговоры могут вестись лишь с действительным руковод-

ством палестинской организации. Таким образом, в обстановке большой секретности обе стороны, невзирая на продолжение затянувшихся ритуальных встреч в Вашингтоне, поручили провести переговоры наиболее видным представителям миролюбивых кругов с каждой стороны, Ури Савиру и Йосси Бейлину (Израиль) и Абу Мазену и Абу Але (ООП), которые недалеко от норвежской столицы разрабатывали новый текст соглашения, весьма отличный от пожеланий, высказанных в Мадриде. Стали просачиваться также сведения об отдельных пунктах этого соглашения. Палестинское самоуправление должно было начаться на части оккупированных территорий, в секторе Газа и в определенной зоне долины Иордана с символическим центром в Иерихоне, из которых будут немедленно выведены израильские войска. Это станет промежуточным решением, которое даст возможность осуществить постепенный переход власти в различных секторах гражданской администрации и территориального управления, а также провести политические выборы, с тем чтобы демократически определить структуру самоуправления. Это должно будет сопровождаться постепенным выводом израильских войск. Лишь по окончании переходного периода на стол переговоров будут положены проекты наиболее трудных соглашений о Иерусалиме, поселениях, возвращении беженцев и решающий блок вопросов, связанных с созданием новой государственности для палестинцев. Израильяне и палестинцы решили, наконец, отказаться от предварительных условий и сохранявшихся десятилетиями предубеждений, вызванных войнами, насилием, ненавистью и фанатизмом, и начать совместные поиски пути, который привел бы их к взаимному признанию и мирному сосуществованию, что должно было быть освящено «Декларацией принципов». Рабин и Арафат отдавали себе отчет в том, что проект такого соглашения станет труднейшим шагом в их жизни. Они могли бы добиться широкого согласия, но столкнулись бы и с суровой критикой, и с упорным сопротивлением. Рабин и Перес сразу же испытывали это на себе, когда на них посыпались злобные нападки со стороны Ликуда и правых религиозных группировок, обвинявших их в предательстве исторической миссии еврейского народа по созданию «Великого Израиля», в под-

рыве безопасности страны и ее граждан, в пренебрежении судьбой поселенцев на оккупированных территориях, в потворстве зарождению государства террористов, которое постоянно будет угрожать их спокойствию и миру. В поддержку Рабина и Переса выступили новый президент израильского государства Эзер Вейцман, большинство общественного мнения, уставшего от жизни в обстановке войны и нескончаемых конфликтов, а также большинство, хотя и незначительное, кнессета. Гораздо более важную поддержку оказали выдающиеся представители интеллигенции страны. «Мы не должны бояться мира, — заявил писатель Амос Оз, пытавшийся по-новому объяснить вспышку полемических страстей. — Подлинное размежевание идет теперь не между евреями и арабами, а, скорее, между теми, кто смотрит в прошлое, и теми, кто смотрит в будущее и с той, и с другой стороны. Я думаю, что имеется хороший шанс для победы будущего над прошлым». У Арафата тоже были свои проблемы. Ему пришлось пересмотреть Хартию ООП, приостановить Интифаду, публично отказаться от насилия, оставить за скобками первого этапа соглашения вопрос о возвращении палестинцев, оказавшихся за пределами своей родины, о принадлежности Иерусалима и ограничиться расплывчатыми и туманными формулировками в отношении перспективы построения Палестинского государства. Подобная «капитуляция», как говорили его критики, не могла быть оправдана малосущественными уступками. Среди его критиков, как и следовало ожидать, оказались интеграллисты из Хамаса и проирански настроенные деятели из Джихада, прежние оппозиционеры из ООП Хаббаш и Хаватмех, которые сразу же стали пророчить еще худшие беды. Менее предсказуемым и весьма болезненным стало проявление критических настроений среди таких видных и весьма связанных с Арафатом людей, как Фарук Каддуми и поэт Махмуд Дарвиш, и некоторых крупнейших деятелей Мадридской конференции и Вашингтонских переговоров, таких как Ханан Ашрави и Абдель Шафи. В подобных случаях сомнениям подвергалось не только содержание намечавшегося соглашения, но и его применение, не оставлявшее критикам никакого поля для приложения своих сил. И вновь вина за все возлагалась на якобы авторитарное и персональное руко-

водство Арафата и на отношения взаимного попустительства в руководящих органах ООП. Особенно были разгневаны лидеры крупнейших арабских стран, ничего не знавшие о том, что замышлялось в Осло. Арафат, напротив, был убежден, что он добился значительных результатов. Тем временем последовали полное признание ООП Израилем, затем выделение первой части территории, на которой стало возможным поднятие палестинского флага (разве Арафату не аплодировали все, когда он несколько лет назад поставил цель поднять палестинский стяг хотя бы на одном квадратном сантиметре палестинской земли?), и, наконец, перспектива завершения переходного периода путем создания собственного государства. Конечно, были и тяжелые ограничения в проекте соглашения: за скобками остались Иерусалим, право рассеянных по миру палестинцев вернуться на родину, полномочия на оккупированных территориях, включая и поселения. Но борьба за их снятие составляла цель на будущее. Ни одна из намеченных ранее задач не была принесена в жертву. Однако более убедительным возражением оппозиционерам был вопрос, какую реальную альтернативу противопоставляют они проекту с учетом новых условий, возникших на международной арене, растущих трудностей (не последними среди которых были финансовые) палестинского движения и потребности в прочном мире, в котором палестинцы нуждались не меньше, чем израильтяне. Расхождения, однако, остались и открыто проявились в жестком столкновении 26 августа на Исполкоме ООП. Арафату пришлось пустить в ход весь свой авторитет, чтобы добиться большинства и согласия на продолжение и подписание соглашений. Разлад и обеспокоенность этими решениями будут чувствоваться еще долгое время. Но выбор в пользу «мира смелых людей» был уже сделан с обеих сторон. 8—9 сентября норвежский министр иностранных дел Йохан Йорген Хольст мог отправиться в путь с грамотами о взаимном признании, которые Арафат и Рабин готовы были подписать, а Билл Клинтон мог начать приготовления к праздничному украшению сада в Белом доме для одного из самых невероятных событий второй половины XX века. Еще несколько месяцев назад никто не смел и вообразить, что Абу Мазен и Шимон Перес будут готовы

поставить свои подписи под совместным заявлением, в котором ООП и Израиль не только признавали друг друга, но и обязывались приступить к совместному строительству мира. Еще труднее было вообразить рукопожатие между Арафатом и Рабином, переданное по каналам мирового телевидения. Это было «историческое событие», как окрестил его Акилле Оккетто в отправленных им поздравлениях. «Ваша радость — это наша радость», — ликовал генеральный секретарь ДПКС. Но мир очень скоро потребует тяжелых жертв и с той, и с другой стороны.

Возвращение в Палестину

1 июля 1994 года, по пути «из Египта и Синайской пустыни, почти повторив путь израильских племен, следовавших за Моисеем», как образно писал Арриго Леви¹, Арафат после 36 лет изгнания снова вступил на землю Палестины. Согласно легенде, он и раньше, по крайней мере раза два, возвращался туда, прибегая к не вызывавшим подозрений переодеваниям, но тогда он был преследуемым и разыскиваемым воином. Теперь же Арафат приехал как глава государства, приветствуемый своим народом, 27 лет ожидавшим этого события. Газа встретила его ликованием праздничной и восторженной толпы, наконец пришедшей в себя после долгой оккупации, страданий, унижений и отчаянной нищеты. Такое же торжество ждало его через несколько дней в Иерихоне. Это был первый ощутимый результат исторического соглашения с Израилем, подписанного десять месяцев назад в Вашингтоне. Соглашения, которое весь мир воспринял с глубоким удовлетворением и приветствовал как луч света и надежды на фоне международной обстановки, вновь обострившейся из-за нового всплеска националистических страстей и наступления религиозного фундаментализма.

После Вашингтона Арафат с большим восторгом был принят в тунисском аэропорту, где он заявил, что совершен «первый шаг к созданию Палестинского государства». В Израиле радость проявлялась более сдержанно, но удовлетворение было не меньшим, особенно в той части общества, которая годами боролась за

диалог, переговоры и взаимопонимание. «Нынешнее соглашение, — утверждал писатель Амос Оз в большой статье в газете «Унита»², — не сопровождается взрывом братских чувств по обеим сторонам фронта... После подписания договора мучительный путь мира не пройден еще до конца. На той и на другой стороне отважным минерам предстоит еще расчистить поля от мин страстей, пережитков долгих лет войны, стереотипов, порожденных многими годами страха и ненависти...».

В Риме удовлетворение соглашением также было всеобщим. Его сразу же выразили раввин Тоафф и президент еврейской общины Туллия Дзеви; Немер Хаммад и израильский посол Ави Пазнер впервые появились вместе на экранах телевизоров для того, чтобы отметить это событие. Главным зодчим соглашения были направлены поздравления от главы государства Скальфаро, от председателя Совета министров Чампи и от председателя палаты депутатов Наполитано, который выразил своему коллеге по кнессету пожелание плодотворной работы, с тем чтобы «предпринять еще более решительные шаги и смело открыть новые перспективы диалога и умиротворения». От имени нашей партии Пьеро Фасино заявил: «Велико наше удовлетворение, ибо именно за эту линию диалога и мирного сосуществования ДПЛС, а ранее ИКП, боролась годами, проводя в Италии постоянные акции, направленные на оказание содействия израильско-палестинскому диалогу»³. Директор газеты «Унита» Вальтер Вельтронни оказался одним из первых, кто отправился в Тунис, чтобы напрямую сообщить читателям о настроениях и впечатлениях Арафата. В большом интервью, опубликованном на двух газетных полосах, эйфория первых дней стала более умеренной, уступив место беспокойству. Арафат отдавал себе отчет, что по окончании конфликта люди ждут быстрого улучшения условий своей жизни. Но достичь этого нелегко. «Экономическое положение на местах тяжелейшее. В Газе нечего есть. На оккупированных территориях почти 60% населения — безработные. К своему правлению мы переходим в момент, когда все инфраструктуры разрушены. Мы должны начинать с нуля». Арафат возлагал надежду только на помощь. «Сейчас, — сказал он, — многое зависит от международного сообщества. Свою часть дела мы сделали, пред-

приняв трудный и смелый шаг. Теперь мир должен поддерживать, вернее, отстоять это начинание. Он должен позволить нам пойти вперед, поддержать нас морально, политически и экономически»⁴.

По правде говоря, беспокойство Арафата было не только экономического свойства. После подписания соглашения внутренняя оппозиция перешла от глухого ворчания к открытой критике. Она обвиняла лидера ООП в том, что тот подписал хрупкий и шаткий договор. Фарук Каддуми признавал, что «Заявление о принципах» было серьезным актом, а также что Израиль подписал с ООП важный документ, который означал полное признание палестинцев как народа, обладающего определенными правами и имеющего свое политическое руководство. Важной была также возможность реализации территориального компромисса, который отклонил бы окончательно иорданскую альтернативу. Но не хватало еще многих вещей, таких как самоопределение и вывод оккупационных войск, а не просто их «реорганизация», и оставшихся нерешенными проблем судьбы беженцев, Иерусалима и израильских поселений. Поэтому Каддуми назвал соглашение грубоватым словом «распродажа». Еще более резко выступил представитель палестинской интеллигенции Эдвард Саид, который без всяких обиняков завел речь о «невероятных размерах палестинской капитуляции»⁵. Такие высказывания лишь подливали масла в огонь непримиримой оппозиции фундаменталистов Хамаса и Джихада и их международных спонсоров, твердо отвергавших любые переговоры с Израилем и оказывавших еще большее сопротивление после Вашингтонского соглашения.

Не легче было Рабину и Пересу. К привычной и открытой критике Ликуда и некоторых религиозных партий добавились более скрытые высказывания главы государства Эзера Вейцмана и протесты некоторых военных кругов, опасавшихся за безопасность страны. Но особо тревожные вести поступали с оккупированных территорий, где отдельные группы поселенцев пришли в состояние сильного возбуждения. В их глазах Рабин и Перес также выглядели «предателями».

Вызов творцам «исторического соглашения» становится подчас драматическим. Отойти от соглашения было невозможно, ибо это означало конец их политической карьеры и

отказ от всякой перспективы мирного сосуществования для их народов, идти же вперед можно было лишь при условии расширения согласия и поддержки. Для их обретения Арафат должен действовать быстро и доказать на фактах, в условиях действительно изменившейся обстановки, жизненную важность соглашения. Рабин и Перес, напротив, вынуждены были поступать крайне осторожно в выполнении своих обязательств и доказать, что нет такой цены, которую нельзя было бы заплатить за безопасность Израиля и его граждан, в том числе живущих на оккупированных территориях, а также за лучшую перспективу для страны. Таким образом, обе стороны нуждаются друг в друге, но их интересы не совпадают, что не замедлит выясниться с первых же встреч комиссий, уполномоченных разработать мероприятия по проведению соглашения в жизнь. Начинается тяжкий труд по «перетягиванию каната» в больших и малых вопросах. Путь этот усеян мучительными отсрочками и отставаниями, ожесточенными спорами, доходящими чуть ли не до разрыва. Передача власти ПНА (Палестинской национальной администрации) по отдельным вопросам гражданского управления происходит крайне медленно и со скрипом, а передислокация израильских войск из Газы и Иерихона в целях предоставления возможности новым силам палестинской полиции приступить к своим обязанностям, которая на основе соглашения должна была произойти до 13 декабря, откладывается на более поздний срок.

Трудности переговорного процесса усугубляются террористическим актом, совершенным с точным расчетом и намерением похоронить соглашение и процесс мира. 25 февраля 1994 года поселенец Барух Гольдштейн проник с оружием в мечеть патриархов в Хевроне и дал несколько очередей из автомата по правоверным мусульманам, молившимся у гробницы Авраама. Это было настоящее побоище: 29 убитых и десятки раненых. Барух Гольдштейн, ученик раввина Меира Кахана, был известен в Америке, откуда он приехал. Это был фанатичный сторонник применения насилия против арабов, носитель ненависти крайне правых группировок национал-религиозного толка, таких как Ках, Гуш Эмуниум, Эйял и другие. Проповеди религиозных экстремистов заронили в его душу семена насилия, но благоприятная почва

для них была подготовлена правыми партиями и их кампанией под лозунгом «Всю землю Израилю!». Палестинские экстремисты не заставили себя ждать с ответом. В апреле в Афуле и Хадере, на израильской территории, террористы-камикадзе из Хамаса врезаются на машинах, начиненных взрывчаткой, в рейсовый и туристический автобусы. Результат ужасен: 16 убитых и около 70 раненых, большинство из которых женщины и дети. Хамас не скрывал своей цели — ради срыва соглашения с Израилем он готов наносить удары повсюду. Цели экстремистов и с той, и с другой стороны совпадают, применяемые средства одинаково ужасны.

4 мая 1994 года, как раз в тот день, когда южноафриканцы навсегда похоронили режим расистской сегрегации и выбрали своим президентом Нельсона Манделу, в Каире вновь встретились Рабин и Арафат, приглашенные Мубаракком вместе с Кристофером, Козыревым и 2500 других гостей на торжественную церемонию подписания окончательного текста соглашения о Газе и Иерихоне, о передаче власти ПНА и исполнительных мерах, связанных со вторым этапом установления палестинского самоопределения. Здесь не было больше атмосферы ликования, как восемь месяцев назад в Вашингтоне, ибо обе стороны уже испробовали на себе ответную реакцию своих неисправимых противников и поняли, насколько глубоко укоренились страх и недоверие с обеих сторон. Как бы то ни было, но уполномоченные комиссии уже проделали хорошую работу, наметили пункты согласия по ряду вопросов и сроки их осуществления: уход израильтян из Иерихона и Газы и установление там власти палестинцев, передача власти в определенных областях гражданского управления, изменение системы распределения гидроресурсов, постепенное освобождение заключенных, передача охраны Святых мест, выборы до октября месяца Палестинского совета. В дальнейшем предусматривалось начало нового этапа переговоров по установлению автономии на всей территории, а через два года — переговоры по окончательному статусу, включая возвращение беженцев на родину, вопрос о поселениях, Иерусалим и окончательные границы. Хозяин дома Мубарак заявил о «начале новой эры на Ближнем Востоке», осторожнее высказались заинтересо-

ванные стороны. Рабин хорошо отозвался о проделанной работе и достигнутых договоренностях, но сразу же призвал не впадать в преждевременный оптимизм, потому что возникнет «явное сопротивление тому, что мы делаем». Арафат, полный мыслей о своем народе, пошел по пути выражения надежды на будущее: «То, чего мы с вами добились сегодня, — это первый шаг на пути, в конце которого нас ждет Палестинское государство со столицей в Иерусалиме и полный уход Израиля с оккупированных палестинских территорий». Осторожность обоих лидеров была оправдана. Стоило Арафату упомянуть об Иерусалиме («Наша борьба закончится лишь в Аль Кудсе» — так называется Иерусалим по-арабски), как это вызвало ярость поселенцев и националистических религиозных партий. Заместитель мэра Иерусалима Шмуль Меир обещал, что городской муниципалитет «сделает почетным гражданином всякого, кто убьет Арафата», а мэр Эхуд Ольмерт заявил, что уже разработан план, как «помешать вторжению вражеских «иноземцев» на национальную территорию»⁶.

Со своей стороны, фундаменталисты Хамаса объявили о введении двухдневного траура в знак протеста против позорного соглашения в Каире.

Международное сообщество, напротив, искало конкретные способы для поддержания процесса мира. Соединенные Штаты создали экономическую комиссию совместно с Израилем, Иорданией и палестинскими властями для разработки проектов развития в регионе, а Европейское сообщество, помимо вклада в обеспечение временного международного присутствия в Хевроне (Италия также направила туда небольшой контингент), «подтвердило свое намерение оказать дальнейшую помощь в деле позитивного завершения процесса мира».

Перед Арафатом встала дополнительная проблема, явившаяся источником дальнейшей напряженности в ООП. Он должен был представить 24 члена правительства, практически министров новой власти, но соблюсти правильную пропорцию оказалось с самого начала не так-то просто. Сколько избрать от представителей территорий и сколько — от членов правительства в изгнании, сколько мест отдать ООП и сколько религиозным меньшинствам? Если неудовольствие

проявлялось уже при составлении комиссий по разработке документов Каирского соглашения, то теперь, когда речь зашла об образовании первого палестинского правительства, открыто вспыхнули споры и выявились скандальные случаи несогласия. За бортом оказались от постов глава делегации на Вашингтонских переговорах Хайдер Абдель Шафи и рупор делегации на Мадридской конференции Ханан Ашрави, по-прежнему питавшие обиду на Арафата за то, что он держал их в неведении во время секретных переговоров в Осло, а им пришлось вести бесплодные переговоры в Вашингтоне. Ко всему прочему, у Ханана Ашрави добавлялось также неудовольствие недостаточным вниманием к роли женщин в организации: «Когда встала проблема участия во властных органах, то женская проблема — и моя — стала довольно реальной. С одной стороны, мы весьма критично относились к соглашению, сознавая, к каким последствиям оно может привести, а с другой — мы рассчитывали на участие, а не на дискриминацию... Пока мы настаивали на включении женщин в органы власти, мне все больше советовали держать язык за зубами»⁷. Углубился разлад с тунисской группой, тяготеющей к Фаруку Каддуми, который не только отказывался от правительственных постов, но и ставил вопрос о руководстве и контроле самоуправления со стороны ООП. Какая судьба будет уготована палестинской организации? Уже давно не созывались ее руководящие органы, и целый год не поступало средств, даже для семей павших мучеников и для представителей за рубежом. Необходимо было выяснить соотношение между новым правительством и ООП, а также вопрос о занятии различных постов в органах власти. Мог ли Ясир Арафат быть одновременно председателем ООП и президентом правительства? И вновь посыпались обвинения в его авторитарных и единоличных методах управления. Особенно упрекали Арафата в отказе от разделения права распоряжаться и управлять финансами. В это время даже двое из его самых близких друзей, Абу Мазен и Махмуд Дарвиш, отошли от него. Арафат остановился на золотой середине. Сначала он решил, что из общего числа членов правительства 13 будут представлены людьми от территорий и 11 — привлеченными извне, с тем чтобы в наибольшей мере удов-

летворить «местных». Затем он отобрал всего 15 кандидатур, специально оставив вакантные места для противников переговоров в надежде перетянуть их со временем на свою сторону. Он нередко прибегал к такой тактике и в ООП. Затем он удовлетворил христианское меньшинство, предоставив ему два места и выбрав представителей наиболее умеренных позиций. Фейсалу Хусейни было поручено заведовать «иерусалимскими делами», которыми тот мог бы заниматься, поселившись в «Ориент-хаусе» в старой части столицы.

Возвращение 1 июля на землю Палестины, и прежде всего в Газу и Иерихон, влекло за собой старые обиды и внутренние раздоры, осложнявшие преодоление нового испытания, с которым пришлось вскоре столкнуться палестинскому народу. 70 тысячам собравшихся, приветствовавших его поднятыми руками с пальцами, изображавшими латинскую букву «V», Арафат обещал, что «скоро они все вместе будут молиться в Иерусалиме».

В 1994 году процесс мира расширил свои границы благодаря установлению дипломатических отношений между Святым престолом и Израилем и открытию «постоянных ведомств дипломатического характера» между Святым престолом и ООП, а также вследствие подписания мирного договора между Израилем и Иорданией. Начался также диалог между Израилем и Сирией.

Отношения между Ватиканом и Израилем имели длинную предысторию, в которой, не без полемики и трений, смешались теологические соображения, ссылки на международное право, религиозные и политические аргументы. Долгое время Ватикан поддерживал предложение об интернационализации Иерусалима, а после одностороннего решения Израиля, провозгласившего его своей вечной и неделимой столицей, заявил о присоединении к резолюции 478 ООН от 20 августа 1980 года, объявившей «недействительным» это решение. До тех пор пока сохранялась оккупация захваченных территорий, было невозможно, по мнению Святого престола, добиться международного определения границ Израиля. Вызывали, наконец, беспокойство гарантии в отношении культа и уважения религиозных и гражданских прав арабского христианского меньшинства.

После заключения соглашения между Израилем и палестинцами Святой престол счел, что появились новые возможности для прямого участия в будущем обустройстве региона и окончательном решении крупных спорных вопросов, прежде всего связанных с Иерусалимом. Поэтому Ватикан ускорил переговоры с Израилем, которые привели к подписанию 30 декабря 1993 года «основного соглашения» и установлению 15 июня 1994 года дипломатических отношений. Центральным пунктом соглашения стали священный характер Иерусалима, его историческая и культурная неделимость, специальный статус, под международные гарантии, в отношении охраны и использования Святых мест всеми верующими трех великих монотеистических конфессий, а также гарантии для христианского меньшинства. Итак, речь шла о «Иерусалиме как потенциальном выражении человеческой солидарности евреев, христиан и мусульман и как о Святом городе всего человечества»⁸. Что же касается весьма занозистой проблемы, связанной с суверенитетом, то она не ставилась. Забегая вперед, сразу заметим, что именно по этой причине возникли немалые споры, вызванные заявлениями Леи Рабин, сделанными 14 декабря 1995 года после встречи с Иоанном Павлом II в Ватикане. «Я слышала, — утверждала она, — как папа ясно сказал, что Иерусалим играет двойную роль: с одной стороны, это столица Государства Израиль, с другой — столица трех монотеистических религий». Это утверждение вызвало большое замешательство в Ватиканском зале для прессы и удостоилось крупных заголовков в итальянских газетах. Месяц спустя папа уточнил сказанное им в речи, обращенной к послам 161 страны. Выразив свое удовлетворение успехами мирного процесса в отношениях между израильянами и палестинцами, он тут же заметил, что «эта надежда на торжество мира может оказаться эфемерной, если не будет принято равноправное и адекватное решение такой особо важной проблемы, как проблема Иерусалима... Святые места, столь дорогие трем монотеистическим конфессиям, несомненно, важны для верующих, но они во многом утратили бы свое значение, если бы вокруг них не существовало постоянных еврейских, христианских и мусульманских общин, которые должны пользоваться подлинной свободой совести и могли бы отпирать свои религиоз-

ные, воспитательные и общественные потребности». Для этого мало было гарантий одного израильского правительства, сказал папа, а требовались и международные гарантии. Отсюда его пожелание, чтобы в 1996 году могли «начаться переговоры в отношении окончательного статуса оккупированных территорий, управляемых национальными палестинскими властями, и в равной мере в отношении деликатного положения города Иерусалима»⁹. Такой подход значительно отличался от позиции Переса, согласно которой «Иерусалим — это город, открытый с религиозной точки зрения, но закрытый с политической». 23 июля 1994 года Святой престол установил аналогичные отношения с Иорданией. За две недели до этого Рабин и король Хусейн встретились в местечке, расположенном между Эйлатом и Акабой, и фактически открыли, спустя 46 лет, границы между обоими государствами. Через четыре месяца, 26 октября, на перевале Арава в ходе торжественной церемонии в присутствии Клинтона и с участием всех главных деятелей мирного процесса, от Мадрида и далее, был подписан мирный договор. Отсутствовал на церемонии лишь Арафат: он не был приглашен.

С Сирией же дело только начиналось. Долгая и невидимая глазу работа американского посланника Дениса Росса, одного из крупнейших экспертов по ближневосточным проблемам в Госдепартаменте, дала первый результат в виде встречи двух министров иностранных дел, Шимона Переса и Фарука аль Шарая, в Нью-Йорке в ходе осенней Ассамблеи ООН, после которой были сделаны заявления о готовности к диалогу и переговорам со стороны Асада, при условии, однако, что Израиль полностью выведет свои войска с Голанских высот в определенные, но заведомо не слишком затянутые сроки. Израиль ответил, согласившись с принципом отвода войск, а Рабин сказал, что он готов «пожать руку Асаду» точно так же, как пожал руку Арафату. Он жестко ответил на неизбежные протесты поселенцев. Одному из них, который энергично заявил о намерении защищать свой дом, Рабин сухо возразил: «А что бы ты сказал в таком случае палестинцу, вынужденному оставить свой дом в Яффе 46 лет назад, после того как его предки прожили там 700 лет? Вы живете не более 27 лет на Голанских высотах, поэтому я вам советую не употреблять слово «дом» в качестве довода или

меры, определяющей значимость соглашения»¹⁰. Для ускорения начала переговоров с Сирией Клинтон нанес визит Асаду в Дамаске в конце октября 1994 года. Встреча не принесла ощутимых результатов, но создала впечатление, что мирный процесс обретает новые темпы и размеры и затрагивает весь регион. Необходимо было терпеливо работать.

Арафату же было не до терпения. Окончательно преобравшись в середине июля в Газу, он столкнулся с почти отчаянной обстановкой. Газа напоминала пороховой погреб, который того и гляди взорвется. На полоске земли, длиной в 45 и шириной в 8 километров теснилось 850 тысяч человек. Такой плотности населения (2350 человек на 1 кв. км) не было во всем мире. Среди этой массы людей, сосредоточенной главным образом в лагерях для беженцев, господствовали нищета, разложение, насилие. В этой обстановке отчаяния Хамасу и Джихаду нетрудно было найти новых сторонников. Острая нужда ощущалась в рабочих местах для безработной (свыше 60%) молодежи, в проектах создания элементарных удобств и минимальных инфраструктур, в политических жестах, таких как освобождение узников, в доказательствах на деле, что заключенные соглашения представляют не только надежду, но и реальные перемены. Но единственной переменной, которую можно было заметить спустя год после окончания вашингтонских переговоров, был палестинский флаг, водруженный на главных зданиях города и отделениях палестинской полиции, заменившей израильских солдат. Это были важные атрибуты, символизовавшие завоевание свободы и начало утверждения независимости, но условия жизни стали даже хуже, чем раньше, в связи с сокращением числа «челноков» (со 140 до 50 тыс.), выезжавших на заработки в Израиль. Израиль заменил их эмигрантами из стран Восточной Европы и более дешевой рабочей силой из азиатских стран. Президент ПНА в отчаянии обращался к Соединенным Штатам, Всемирному банку, Европейскому союзу с просьбой выполнить обязательства, которые они на себя взяли в Вашингтоне и Каире. Но помощь поступала по каплям. Арафат написал Клинтону, что ему перевели всего 58 миллионов долларов из 700 обещанных и что «без условленной помощи мир не укрепитя». Затем он

летал в Касабланку на экономическое совещание в верхах, созданное для обсуждения амбициозного проекта о «создании основ для экономического сообщества Ближнего Востока и Северной Африки». Американцы и европейцы говорили о возможном «рождении нового Ближнего Востока» и разрабатывали планы действий и широкомасштабные проекты, осуществление которых можно было бы поручить правительствам и отдельным экономическим предприятиям. Арафат пытался вернуть их к жестокой действительности накопленного реального опыта и необходимости поддержки мира на Ближнем Востоке, если есть желание обеспечить ему необходимую перспективу.

На перевале Эрец, пограничном пункте между Израилем и Газой, летом 1994 года начался ряд встреч — вдвоем или втроем — между Арафатом, Рабином и Пересом. Проходили они по весьма стереотипному сценарию. Президент ПНА, все более подстегиваемый невыносимой ситуацией, представлял перечень невыполненных обязательств и задержек и требовал ускорить передачу власти в различных областях административной и гражданской жизни, вывод войск и освобождение заключенных, назначение выборов. Но и израильская сторона имела свои проблемы. Прежде всего, проблемы безопасности страны и требования 130 тысяч поселенцев на различных территориях, часть которых под влиянием наиболее экстремистских кругов правых и религиозных группировок угрожала даже прибегнуть к оружию. Рабин и Перес сознавали, что провал Арафата был бы фатальным для процесса мира и что это привело бы и к их уходу. Поэтому они никогда не доводили дело до разрыва, но с трудом шли на соглашения из боязни подставить себя под удар оппозиции, весьма сильной и в самом Израиле. Фактом является то, что вплоть до осени 1994 года единственной частью соглашения, которую удалось осуществить, стала передача власти ПНА в области здравоохранения, труда, туризма, образования, социального обеспечения и казначейства.

Накалу обстановки, и без того весьма критической, способствовала новая волна преступлений и террористических актов. 16 октября был похищен вблизи Иерусалима Нахсон Вахсман. Похитители потребовали в обмен освобождения 160 боевиков Хамаса, сидевших в тюрьме с 1989 года,

среди которых был основатель движения шейх Ахмет Ясин. Пытаясь освободить Вахсмана, израильские солдаты устроили побоище: пять убитых, среди которых сам заложник, и 9 раненых. Ответ не заставил себя долго ждать: 19 октября боевик-самоубийца из военного крыла Хамаса подорвал себя на авиабомбе в Тель-Авиве, в то время как рядом проезжал рейсовый автобус. Это была настоящая бойня — 23 убитых и 50 раненых. 50 дней спустя в Газе обнаружили труп изувеченного гранатой активиста Джихада Хани Абеда. Все сразу подумали, что это было сделано в отместку за побоище в Тель-Авиве израильскими службами безопасности. Когда Арафат, протиснувшись со своими телохранителями сквозь огромную толпу, собравшуюся для похорон, приблизился к гробу, чтобы сказать последнее прощание, в его адрес полетели грубые оскорбления со стороны наиболее крайних группировок. «Долой израильского полицейского!», «Ты нас продал Рабину!», «Ты кончишь, как Садат!», — кричали ему, пока он с трудом выбирался из толпы. В городе начались беспорядки и произвол, сопровождаемые грабежами и пожарами, которые продолжались вплоть до того рокового дня 18 ноября, когда вспыхнуло вооруженное столкновение между палестинской полицией и исламскими боевиками. На поле сражения осталось 18 убитых и 200 раненых. Абдель Шафи пытался повлиять на обе стороны, дабы избежать риска гражданской войны между палестинцами. Стало ясно, что в Газе создавалась новая, вооруженная власть, и Арафат решил прибегнуть к жестким мерам. Он потребовал сложить оружие, арестовал 160 боевиков Джихада, закрыл исламский университет и ввел цензуру в фундаменталистских газетах.

За эти несколько дней Арафат наверняка пережил самый скверный период в своей жизни. После долгих мечтаний о свободе для своего народа он столкнулся с действительностью, заставившей его прибегнуть к репрессиям, чтобы попытаться хоть как-нибудь отстоять надежду на мир. Он превращался в полицейского собственного народа, или, как выразился Валид Джумблат, в «жандарма соглашения». Его не очень огорчало объективное совпадение точек зрения между палестинским интегрализмом и правыми фанатиками из Израиля. И те и другие пытались подорвать мирный процесс. Это можно было заранее предвидеть. Но больше всего его

угнетало и унижало чувство, будто его постоянно испытывают на прочность те, кто, напротив, должен был бы оказывать поддержку в его тяжелой задаче: американцы обещали помощь, но до сих пор выдавали ее по крохам, Рабин и Перес мешкали с осуществлением соглашения, вместо того чтобы «дать палестинцам увидеть и ощутить мир наяву». По мнению же Уоррена Кристофера, «первостепенная и безотлагательная задача Арафата должна была состоять в том, чтобы нанести поражение терроризму в контролируемых им районах»¹¹, а Рабин настаивал на том, чтобы президент ПНА пустил в ход «железный кулак».

Насколько же оказалась далекой от действительности торжественная церемония по присуждению Арафату, Рабину и Пересу Нобелевской премии мира в 1994 году! Речи, произнесенные по этому случаю, отличались выпендренностью и изобиловали надеждами и обещаниями, которые, казалось, развеялись уже спустя несколько недель, ибо ниточка, на которой держался мир, была слишком тонка. Но вместо того, чтобы сделать ее более прочной, кое-кто старался ослабить ее, а кое-кто ошибочно полагал, что процесс поставлен на прочные рельсы, с которых ничто не сможет его столкнуть. Такое впечатление можно было вынести из поведения некоторых главных субъектов (к примеру, Европейского союза), которые должны были бы проявлять большую активность, но на самом деле отмалчивались. Конечно, Европа принимала ближе к сердцу и сильнее страдала от драматического и изнуряющего конфликта, затронувшего некоторые республики бывшей Югославии, и направляла в ту сторону свои усилия и внимание. Это было вполне понятно. Труднее было понять снижение интереса к осуществлению мирного соглашения между Израилем и ООП. Существовало обязательство, взятое на себя ЕЭС 29 октября 1994 года «в отношении поддержки мира путем предоставления политических, экономических и финансовых средств в виде совместных действий Союза», а также подтвержденное 11 декабря в отношении «важной роли, которую Союз должен сыграть в Группе связи *ad hoc* в целях координации ее программ помощи, осуществляемых, по возможности, в тесной увязке с программами других стран и организаций, действующих в регионе». Но все это делалось крайне медленно, с

бюрократическими проволочками, без ясного представления о ситуации, которая вот-вот могла обвалиться. Отдельные европейские правительства также не проявляли особого беспокойства. В Италии проблемы мировой и зарубежной политики были с некоторых пор отодвинуты в сторону, а политические дискуссии разворачивались преимущественно вокруг деятельности судебных органов и мелкотравчатых выступлений отдельных партий и группировок, пытавшихся найти себе место в политической системе, получившей серьезную встряску и до сих пор не преодолевшей глубокого кризиса. С образованием правительства Берлускони и переходом отдельных ведомств к представителям Народного альянса возникла проблема презентации международной обществу политической организации, которая вела свое начало от партии фашистского толка. В Европе, особенно во Франции, уже имела место отнюдь не благосклонная реакция, высказанная Жаком Делором, но наиболее резкий протест исходил от израильских политических кругов. В Риме посол Ави Пазнер высказал «недоумение» в связи с появлением представителей Альянса в государственных органах, но решительней всех высказался министр иностранных дел Йосси Бейлин, не побоявшийся напомнить о «фашистской угрозе». Это мнение разделялось многими другими политическими деятелями Израиля, если верить тому, что поспешили донести итальянскому министру иностранных дел по поводу «споров и беспокойства в Израиле в связи с появлением в Италии некоторых министров от Национального альянса». Только газета «Иерусалим пост» бросилась на защиту итальянского правительства, обрушившись на тех, кто в Израиле «многозначительно помалкивал, когда Итальянская коммунистическая партия открыто поддерживала наиболее экстремистские группировки ООП, проводила знак равенства между сионизмом и расизмом или содействовала публикации антиизраильских школьных учебников»¹². Утробный антикоммунизм уже не впервые определял направление мыслей редакторов этой газеты, заставляя их попираť самые элементарные истины. «Мы изумлены грубыми вымыслами газеты «Иерусалим пост»», — заявил заведующий Международным отделом ДПЛС Пьеро Фассино, напомнивший, что «ИКП в свое время и ДПЛС в последние годы все-

гда боролись с любыми проявлениями терроризма и экстремизма, никогда не ставили знака равенства между сионизмом и расизмом, нигде и никогда не оказывали содействия и не спонсировали публикации антиизраильских учебников»¹³.

Дабы положить конец этой полемике, министр иностранных дел Шимон Перес вынужден был перенести в кнессет обсуждение вопроса об отношениях с Италией. Ухудшение двусторонних отношений противоречило интересам обеих сторон, даже если новые моменты в итальянской политике внесли изменения, которые, естественно, не могли прийтись по вкусу Израилю. В середине октября министр иностранных дел Антонио Мартино посетил Иерусалим, Газу, Амман, Дамаск и Каир, пытаясь поднять акции нашей страны в регионе. Результаты оказались не особенно блестящими, а сам визит не оставил заметного следа.

В Италии не только правительство, но и партии увязли в домашних делах и не очень были склонны заниматься крупными международными делами. Единственной партией, которая продолжала прилагать определенные усилия во внешней политике, оставалась ДПЛС, но и она отдавала предпочтение реструктуризации и повышению роли Социалистического интернационала, одним из наиболее деятельных членов которого она теперь стала, в боснийском конфликте и нараставших движениях в Восточной Европе. За все это время был отмечен лишь разовый обмен посланиями между новым секретарем ДПЛС Массимо д'Алемой и премьер-министром Рабином в связи с террористическим актом в Тель-Авиве 19 октября 1994 года. Д'Алема выразил, наряду с братской солидарностью, беспокойство в связи с постоянными посягательствами на мирный процесс и заявил, что партия и впредь будет добиваться у правительства выдвижения соответствующих политических инициатив и оказания экономического и финансового содействия. Рабин выразил благодарность за «сочувствие их горю» и заверил, что «террористам не удастся остановить наше стремление к миру».

Более оживленный характер носили деятельность европейского и национального парламентов, а также мероприятия по укреплению солидарности, проводимые в нашей стране. В марте делегация европейских парламентариев во главе с Паскуалиной Наполитано встретилась в Иерусалиме с депу-

татами кнессета и с представителями палестинского женского движения. Их задача состояла в том, чтобы проверить правильность направления и использования помощи, выделяемой Сообществом. Они должны были также встретиться с международными наблюдателями в Хевроне, но израильские власти воспротивились этому. В сентябре иностранная комиссия палаты депутатов запросила правительство о ходе и сроках выполнения обязательств, согласованных в международном плане. Палата жаловалась на задержки в передаче оговоренных фондов и требовала принятия новых обязательств (в счет ассигнований на сотрудничество в целях развития), направленных на решение неотложных задач, возникших, особенно в Газе, в области здравоохранения, школьного образования и др. «Италия и Европа, — отмечалось в парламентском документе, — должны быть в первых рядах в деле оказания необходимой помощи». При содействии итальянских профсоюзов был разработан «проект солидарности с Палестиной». Другие инициативы проводились на местах.

Соглашение не остановило усилий в пользу израильско-палестинского диалога. Требовалось много времени для того, чтобы дух диалога и сосуществования проник в души людей и оказался в состоянии перечеркнуть десятилетия непонимания, ненависти и насилия с обеих сторон. Но для этого недостаточно было верхушечных соглашений, и уже первый этап проведения их в жизнь показал, насколько был высок и труден барьер, который предстояло одолеть. С этой целью миланский «Центр за мир на Ближнем Востоке» провел дебаты, а в декабре 1994 года ИПАЛМ созвал международную конференцию. 12 сентября 1994 года в Ассизи состоялся круглый стол, за которым встретились палестинский деятель Файсал Хусейни, заместитель министра иностранных дел Израиля Йосси Бейлин, архиепископ Милана Карло Мария Мартини и журналист Арриго Леви для обсуждения «критического этапа», который переживал мирный процесс. «Сколько времени имеется в нашем распоряжении, чтобы добиться успеха?» — задал вопрос Леви. «Мало, — ответил Бейлин. — Необратимость процесса — это сейчас лишь надежда, а не действительность. Обстановка — очень ненадежная. И с той, и с другой стороны много недовольных людей... Существующие сегодня возможности завтра могут

исчезнуть». В том же духе высказался и Файсал: «Мы очень быстро должны идти вперед. Время не на стороне тех, кто хотел бы добиться мира между израильтянами и палестинцами. Нас окружают силы, враждебные миру, и нам надо работать без промедления. Но мир не может быть пожеланием одних только палестинцев или израильтян, для этого нужно также желание и заинтересованных международных сообществ»¹⁴.

Двигаться быстрее в осуществлении соглашения было не так-то просто. Слишком велики были противодействие и сопротивление, особенно с израильской стороны. Рабин так определил одной фразой трудности продвижения вперед: «Израильтяне обеспокоены терроризмом, палестинцы — оккупацией». В первые месяцы 1995 года действительно продолжались как террористические акты, так и строительство, хотя и в замаскированной форме, израильских поселений. 2 января в Эрец израильские солдаты убили в ходе перестрелки трех палестинских агентов. 22 января в Натанье, в 35 километрах от Тель-Авива, два боевика из Джихада подорвали себя на автобусной остановке, что привело к гибели 18 израильских солдат и одного местного жителя. 9 апреля в результате двух терактов в Газе погибли 7 и были ранены 60 человек. Правые наседали на Рабина: «Ты повинен в гибели этих людей, хватит вести переговоры с палестинцами». После теракта в Натанье пришлось вмешаться президенту Республики Эзеру Вейцману, потребовавшему «приостановить переговоры в ожидании, что ООП приложит серьезные усилия для того, чтобы призвать к порядку экстремистов». «Приостановить переговоры, — ответил ему Перес, — значило бы сыграть на руку исламским террористам». В Израиле были выступления и иного рода. После терактов в Газе израильский министр охраны окружающей среды Йосси Сарид назвал поселения в Газе «костью в горле Израиля», а директор Центра международных исследований Тель-Авивского университета Шламо Бен Ами заявил в интервью, предоставленном корреспонденту газеты «Унита» Умберто Де Джованнанджели: «Мы не можем просить Арафата обеспечить безопасность поселенцам, которые настаивают на своем проживании в секторе Газа. Никакими соображениями о безо-

пасности Израиля или «идеологическими» увертками нельзя оправдать сохранение поселений в этом секторе»¹⁵. Вопрос о поселениях мутил воду на переговорах. Израильское правительство утверждало, что речь идет не о новых поселениях, а лишь о самовольном их расширении поселенцами и что государственное строительство велось лишь по линии инфраструктур. Но положение в Иерусалиме противоречило этому утверждению. В палестинской части города продолжалась экспроприация. С 1967 года были экспропрированы 2359 гектаров земли и построено свыше 70 тысяч квартир, из которых лишь 9 тысяч достались резидентам. Таким образом, было нарушено демографическое равновесие: число евреев превысило теперь численность арабского населения (160 тыс. против 148 тыс). Процесс постепенной «евреизации» города продолжался и в 1995 году. Правительство Рабина заверяло, что экспроприаций больше не будет, «если не считать того, что уже делается для строительства четырех больших дорог в объезд арабских населенных пунктов и для обеспечения более надежных путей сообщения для поселенцев». То есть предстояло новое изъятие земель у крестьян.

Если к этому добавить вопрос, связанный с палестинскими заключенными, переполнявшими до сих пор израильские тюрьмы, и постоянную отсрочку выборов, которые должны были состояться через 10 месяцев после подписания соглашения, то нетрудно было понять, почему многочисленные встречи в Эрец и даже встреча в верхах в Каире с участием Мубарака и Хусейна, помимо Рабина и Арафата, не дали больших результатов. Одним из немногих результатов был переход контроля к ПНА за мечетями и храмами в Трансиордании и Иерусалиме.

В этих условиях возобновились напряженные и непримиримые дебаты в ООП. С большим трудом Арафату удалось собрать в Каире 9 членов Исполнительного комитета из 18 и получить от них мандат на проведение переговоров, которые, как он сам признавал, зашли в тупик. Фарук Калдуми, отсутствовавший, наряду с Абу Мазеном, на совещании в Каире, советовал ему собрать чемоданы и вернуться в Тунис, но не таково было намерение президента ПНА, который, принимая «тройку» Европейского союза, сказал Алену

Жюппе: «Так я дело не оставлю». То же самое он повторил спустя несколько недель сенатору Андреотти, нанесшему ему визит в Газе и отметившему недовольство Арафата «недостаточностью международной помощи и отходом Израиля от мирных соглашений». Иностранная печать тоже отмечала его трудности и подчас сыпала соль на раны, как это сделал Дэвид Херст в ряде корреспонденций в газете «Гардиан». «Мистер Палестина, — писал Херст, — становится историческим союзником «сионистского врага» и, следовательно, врагом палестинцев. Ради израильских интересов Арафат готов пойти на притеснение жителей оккупированных территорий и попросту предоставил судьбе аутсайдеров зарубежной диаспоры. Он систематически разрушает собственное создание ООП ради так называемой Национальной власти, распространяющейся до сих пор на 6,5% собственно палестинской территории. У него становится все меньше власти и все меньше контроля за территорией, жителями и ресурсами по сравнению с теми, которые получил самый захудалый бантустан в Южной Африке»¹⁶. Херст дошел даже до того, что сравнил Арафата с Антуаном Лахадом, командующим южноливанской армией, созданной с помощью израильтян.

В начале мая положение Арафата еще более ухудшилось. Израильское правительство объявило об экспроприации 53 гектаров в арабской части Иерусалима и 120 гектаров в ближайшей округе. Президент ПНА встал на дыбы и угрожал «сокрушительными последствиями». Наступил кризис отношений с Израилем, и перед лицом выступлений со стороны палестинцев Арафат был вынужден пойти на самокритику и признать, что и с его стороны допущены «промахи в применении соглашений». Предполагаемая экспроприация вызвала также протесты почти всех арабских стран и Святого престола, так как она затрагивала также территорию Селезианского монастыря. Проект резолюции ООН, осуждавший это решение израильского правительства, не прошел из-за американского вето, хотя за него проголосовали 14 стран, в том числе и Италия. Противодействие этому решению обошло стороной и правительство и кнессет Израиля, в котором министры и парламентарии Мереца и даже некоторые лейбористы не согласились с вышеназванным решением и готовились представить поправки. Поскольку Ликуд и

религиозные партии наверняка проголосовали бы «за», то это привело бы к кризису правительства Рабина или к формированию нового большинства в кнессете. В обоих случаях возникал риск нанесения серьезного ущерба мирному процессу. Именно в этих обстоятельствах выяснилось, насколько политические судьбы Рабина, Переса и Арафата были связаны между собой, а также необходимость того, чтобы они взаимно поддерживали друг друга. Поэтому в самый острый момент кризиса Арафат обратился к пяти арабским депутатам кнессета с просьбой отказаться от поправок, а Рабин избежал споров в парламенте, заставив правительство отказаться от экспроприационных мер и поручив специальной комиссии провести более глубокое изучение этого вопроса.

Еще большему накалу страстей и противоборства способствовала в эти недели республиканская партия Соединенных Штатов, потребовавшая устами своих наиболее видных представителей, Роберта Доула и Ньюта Гингрича, перевести посольство Соединенных Штатов из Тель-Авива в Иерусалим. Это была явная попытка торпедировать внешнюю политику Белого дома на Ближнем Востоке и участвовавшие миссии госсекретаря Кристофера, твердо вознамерившегося подсоединить также Сирию и Ливан к мирному процессу.

Середина 1995 года была и впрямь опасным периодом. Вопрос стоял так: либо удастся преодолеть взаимные нападки и обвинения, недоверие и отставание в решении острых вопросов и добиться значительного ускорения переговоров по выполнению второго этапа соглашения, либо все здание договоренностей, подписанных в Осло и в последующее время, развалится на куски. Обе стороны сознавали, что на карту поставлено все, и пытались связать разорванные нити переговоров.

С июня по сентябрь, вплоть до окончательного достижения «временного соглашения», подписанного в Табе 24 сентября, проходили непрерывные встречи, обсуждения, кропотливые уточнения каждого пункта, в которых снова приняла участие наша страна. После создания правительства Дини и назначения министром иностранных дел депутата парламента Сузанны Аньелли проблемы и обязательства, связанные с европейской, средиземноморской и ближневосточной политикой, получили определенное развитие. Наибольшей

похвалы Италия удостоилась от министра иностранных дел Израиля Переса, который поведал в печати, что в июне—июле наша страна предоставила место для секретных переговоров между Израилем и ООП, подготовивших почву для Табского соглашения. «Италия играет очень позитивную роль, — сказал он, — и не исключено, что новые переговоры будут происходить в вашей стране». Для налаживания переговоров израильтяне и палестинцы действительно нуждались в таком месте, где можно было бы провести подготовительную работу, вдали от накала страстей и в условиях полной секретности. «Мы не ограничивались переброской двух многочисленных делегаций в места, отведенные для их собеседования, и обеспечением полной конфиденциальности их работы», — подтвердил в разговоре со мной министр иностранных дел. Это было немалой заслугой в стране, где удерживать в секрете политический акт хотя бы в течение одного дня представляется почти всегда невозможным. Израильтянин Ури Савир и палестинец Абу Алаа, сопровождаемые делегациями, состоявшими из нескольких десятков экспертов и советников, могли неделями работать без помехи и прийти к конкретным результатам. Вклад Италии в возобновление израильско-палестинских переговоров не ограничился только ролью хозяина дома, но выразился также в увеличении обязательств в восстановлении самостоятельной и независимой Палестины. На встречу с палестинским лидером, состоявшуюся в Газе 4 июля, министр иностранных дел Суанна Аньелли приехала не с пустыми руками. Она подписала с Арафатом «документ о согласии», в котором перечислялись обязательства Италии в области двусторонних и многосторонних инициатив за последние два года. Речь шла о проектах почти на 37 миллионов долларов, предназначенных для здравоохранения, народного образования, увеличения гидроресурсов, развития агропромышленных комплексов и неотложных мер по удовлетворению нужд населения. «Поддержка палестинского народа и мирных усилий президента Арафата, — заявил министр, — занимает первое место в планах сотрудничества Италии». По размеру помощи наша страна отставала только от Японии.

Община Святого Эджидио, отличившаяся в деле умиротворения Мозамбика и предпринимавшая усилия для по-

исков демократического выхода из тяжелейшего кризиса, раздиравшего Алжир, также активно включилась в позитивное осуществление соглашения, создавая атмосферу диалога и взаимоуважения между израильским и палестинским народами. В этих целях в конце августа в Иерусалиме был устроен митинг с участием верующих различных конфессий. Это мероприятие было проведено в развитие встреч, начатых в Ассизи в 1986 году и получивших особое одобрение со стороны Иоанна Павла II, который с тех пор не упускал случая, чтобы обратиться к представителям трех великих монотеистических религий с призывом оказать содействие утверждению мира в Святой земле. На митинг в Иерусалиме папа направил со своим посланием кардинала Роже Эшеггаре, который вместе с православным патриархом Диодоросом I обратился к более чем 200 делегатам церквей всего Ближнего Востока. Знаменательно, что община Святого Эджидио организовала по этому случаю повторение круглого стола, проведенного в предыдущем году в Перудже, в котором приняли участие те же лица: Арриго Леви, Файсал Хусейни и Йосси Бейлин, ставший к тому времени министром экономики правительства Рабина. То, что за год положение, несмотря на не преодоленные еще трудности, сделало позитивные шаги вперед, можно было вывести из ответа Бейлина и Хусейни, который они дали на один и тот же вопрос, сформулированный еще год назад Арриго Леви: «Можно ли считать необратимым мирный процесс?». «Это — ребенок, которого мы любим, — ответил Хусейни, — но поскольку он родился преждевременно, то нуждается в дополнительной заботе». «Да, — сказал Бейлин, — если мы сумеем побороть самих себя, чтобы очиститься и переосмыслить свои собственные поступки».

Другим важным моментом стало несколько неожиданное участие 1 сентября Арафата и Переса в традиционной встрече в Черноббио, в которой приняли участие политические, финансовые и промышленные деятели. Тема была созвучной моменту: «Исламизм, фундаментализм, иммиграция: европейская политика в отношении Средиземноморского бассейна». Арафат приехал на встречу, чтобы попросить поддержки и помощи в восстановлении Палестины и побеседовать с представителями высшей власти в стране и

церкви. В Черноббио он заключил в объятия Аньелли, и вместе с ним и Пересом они обсудили вопрос о капиталовложениях и создании возможного единого рынка между Израилем, Иорданией и Палестиной. Затем Арафат встретился с Берлускони и другими предпринимателями. Его выступление на пленарном заседании было достаточно резким. Израиль, по его словам, с обескураживающей медлительностью выполнял заключенные соглашения, и это могло отрицательно сказаться на мирном процессе; международное сообщество должно было предпринять больше усилий в поддержку восстановления Палестины. Обещанная финансовая помощь также поступала в минимальных количествах и с непонятным запозданием. Арафат рассчитывал, что Европа и Италия до конца выполнят свой долг. На эту тему он говорил и в Риме с председателем Совета министров Ламберто Дини и с президентом Республики в ходе «особенно дружеской встречи». По словам Скальфоро, мы все должны были «поблагодарить Израиль и палестинцев за то, что они стремились закрыть тягостную страницу и положить начало мирному сосуществованию». В Кастель Гандольфо папа принял Арафата со словами «Добро пожаловать, господин председатель», что свидетельствовало о той степени официальности, с которой Святой престол относился к Палестинской автономии. Беседа продлилась дольше, чем было предусмотрено, и отдел печати Ватикана сообщил о ней некоторые подробности. Иоанн Павел II пожелал, чтобы «палестинцы и израильтяне стали скорее наслаждаться конкретными плодами мира». Арафат, выразив «признательность палестинского народа и свою лично за поддержку, которую Святой престол всегда оказывал делу палестинского народа», рассказал папе о развитии мирного процесса, не скрывая, что на этом пути все еще «встречается много трудностей» и что он развивается «крайне медленно». Позднее мы узнали, что на прощанье они пожелали встретиться в Иерусалиме в 2000 году, куда Арафат пригласил папу «отметить юбилейный год в Вифлееме и Иерусалиме, выехав из Рима и объединив всех сыновей Авраама — христиан, евреев и мусульман».

Встреча с Д'Алемой происходила в несколько суетливой обстановке. Подгоняемый безжалостной программой и недостатком времени, Арафат вынужден был назначить ему

встречу в аэропорту Чампино. «Я не уехал бы, если бы мы не увиделись, а теперь самолет может немного и подождать»,

сказал в начале беседы председатель ПНА. Он поблагодарил за помощь, которую наша партия оказала в благоустройстве их представительства в Риме. Арафат сказал, что он очень обеспокоен «затяжкой» мирного процесса. Надлежало ускорить его, иначе дело кончится ничем. Руководящая группа Израиля являлась, на его взгляд, жертвой внутренних противодействий, он и сам вряд ли устоит перед неудовлетворенными требованиями своего народа. («...К тому же все мы зажаты в тиски противоположных экстремистских группировок».) Надо было, главным образом, пробудить Европу, которая могла и должна была сыграть свою роль в переустройстве порядков на Ближнем Востоке и в строительстве Палестинского государства. Они говорили также о возможном породнении Рима и Вифлеема в связи с юбилейным 2000 годом. Д'Алема предложил Арафату заключить соглашение о сотрудничестве на уровне коммун и областей, которое способствовало бы созданию кадров общественного управления и общественных служб. У трапа с фирменным названием «Фалькон» Арафат обнял его и пообещал встретиться с ним в ближайшее время в Газе.

В июне—сентябре переговоры между израильтянами и палестинцами проходили весьма неровно, постоянно переменяясь с терактами, проводимыми экстремистами с обеих сторон, не отказавшимися от намерения провалить мирные соглашения. В некоторых местностях спорных территорий группы поселенцев объединились в подпольные ячейки вооруженного сопротивления. «Борцы за Эрец Исраэл» возвели в ранг национального героя Баруха Гольдштейна, руки которого были обгажены кровью бесчисленных жертв в Хевроне, а раввины-экстремисты призывали солдат к неподчинению. Для них всех «предателем» был Рабин, и против него был, главным образом, направлен их фанатизм. С другой стороны, палестинский экстремизм вернулся после нескольких месяцев относительного затишья, к постыдной практике террористических актов. 24 июля 1995 года еще один самоубийца, начиненный взрывчаткой, подорвал себя возле автобуса в Тель-Авиве, погубив 5 человек. Спустя месяц 21 августа было произведено новое покушение на автобус в Иерусали-

ме, в итоге было убито 5 и ранено 27 человек. После заключения соглашений в Осло количество израильских жертв терроризма возросло до 145 человек. Израильские правые силы восстали и громко потребовали покончить с переговорами. «Долой это правительство, прекратить переговоры с палестинцами! — заявил Шамир в интервью с Эриком Салерно. — Газа и Иерихон, Иудея и Самария — это составные части израильской земли, и они должны оставаться нашими навсегда». По мнению бывшего министра, не было «никакого смысла продолжать переговоры. Все арабы, все группировки, более или менее связанные с ООП, объединены усилиями разрушить еврейское государство». По мнению Шамира, все палестинцы были, таким образом, террористами, и с ними следовало обращаться так, «как это сделала Италия, чтобы покончить с «Красными бригадами»»¹⁷. Эти слова принадлежали молодому лидеру Ликуда Бенджамину Нетаньяху, который требовал отставки правительства и назначения новых выборов.

В августе в туристическом городке Таба, на Красном море в Египте, стало возможным определить условия соглашения по второму этапу автономии. Речь шла о переходе всех гражданских и административных властей ПНА, передислокации израильских солдат и передаче ПНА главных городов Трансиордании — Дженина, Эль-Халиля, Тулькарма, Наблуса, Вифлеема и Рамаллаха и более 420 деревень, освобождении 5 тысяч заключенных (из них 960 — при подписании соглашения, часть — накануне выборов и остальные — на основе принципов, которые будут установлены в дальнейшем); перераспределении водных ресурсов при удвоении запасов воды, выделенных для палестинцев; передаче палестинской стороне охраны и заведывания религиозными местами; выборах Палестинского совета и президента Исполнительного комитета Совета, которые должны быть намечены дней через 20 после окончания передислокации израильских солдат, проведении с мая 1996 года переговоров в отношении постоянного статуса, который должен будет рассмотреть вопросы, касающиеся Иерусалима, беженцев, поселений, границ и сотрудничества в регионе. Самым сложным и трудным был вопрос, связанный с городом Хевроном, где проживали 415 поселенцев, которых Израиль собирался взять под свою охрану. Это привело бы

к созданию в городе двух подразделений полиции и вывел бы из-под контроля палестинцев часть города, лишив их таким образом полного суверенитета. С большим основанием мэр Хеврона Мустафа Натше утверждал, что 120 тысяч арабских жителей не могли стать своего рода заложниками чуть более 400 поселенцев. Другим сложным для решения вопросом была проблема, касавшаяся права голоса палестинцев, проживавших в Восточном Иерусалиме, и проведения там выборов. Предоставить им такие же права, как и в других городах, означало бы для Израиля поставить под вопрос суверенитет над всем городом, на который он претендовал. Для палестинцев же согласиться с их отстранением от голосования означало бы отказ от прав, которых они добивались для арабского населения Иерусалима.

Потребовались многодневные и напряженные переговоры, прежде чем был найден приемлемый компромисс. В Хевроне должна была остаться на время переходного периода часть израильских солдат исключительно для защиты поселенцев, тогда как ПНА брала на себя полный контроль 85% городской территории; палестинское население Иерусалима могло бы проголосовать в 5 почтовых отделениях, а их заполненные бюллетени были бы в специальных конвертах направлены в окрестные деревни и там подсчитаны. «Временное соглашение», достигнутое, наконец, 24 сентября в Табе, было окончательно подписано 28 сентября в Вашингтоне в присутствии Клинтона, Козырева, Мубарака, короля Хусейна и Фелипе Гонсалеса, очередного председателя Европейского союза. Таким образом, Арафат и Рабин сумели сделать реальный шаг на пути к миру. Израильский премьер-министр сказал по этому поводу: «Отныне рядом с Израилем появится палестинское образование». Американский президент похвалил обоих за то, что они «сдержали слово», и заявил, что «в истории Ближнего Востока будет написана новая глава». Соглашение было принято с восторгом всеми европейскими правительствами. Не так, однако, отреагировали на него на родине обоих переговорщиков. Арафат на обратном пути из Вашингтона остановился в Тунисе для того, чтобы представить текст соглашения на рассмотрение ООП. Ему удалось добиться «принципиального» согласия, но число недовольных было достаточно велико. НФОП Хаббаша отвергал это соглашение,

ДФОП Хаватмеха его критиковал, Фарук Каддуми видел в нем лишь способ «подрыва мирного процесса и отказа от достижения справедливого мира». В единственном комментарии со стороны Сирии лаконично утверждалось, что «это соглашение долго не проживет». Каддафи поступил гораздо хуже, приказав 30 тысячам палестинцев, проживавших в Ливии, покинуть страну в наказание Арафату, «столкнувшемуся с сионистским врагом». Но и на родине Рабина не все прошло гладко. Президент Республики Вейцман раскритиковал его за то, что тот «слишком поторопился» и пошел на «слишком большие уступки». В кнессете развернулись бурные дебаты, в ходе которых два лейбористских депутата заявили, что они будут голосовать против соглашения. Рабину пришлось выдвинуть настоящий ультиматум: «Голосуйте «за», или я ухожу в отставку». В конце концов соглашение было одобрено лишь с перевесом в 2 голоса (61 против 59).

Палестинский лидер очень рассчитывал на Западную Европу. Еще до упомянутой июльской встречи в Газе с министром Сузанной Аньелли он встретился 7 июня в Иерихоне с германским канцлером Гельмутом Коелем, который передал ему в дар 10 миллионов марок и сообщил, что ряд немецких фирм взяли на себя обязательства по строительству аэропорта в Газе. В конце июля Арафат ездил в Париж по случаю такого радостного события, как рождение его дочери Захвы, а также для встречи с премьер-министром Аленом Жюппе и министром иностранных дел Эрве де Шарреттом. Арафат просил не только проследить за своевременным выполнением двусторонних обязательств с участием Франции, но и ускорить процедуры, которые позволили бы Европейскому союзу начать выплату первых траншей из 600 миллионов долларов экономической помощи, предусмотренной на пятилетие 1994—1998 годов.

Европейский союз, где председательствовала Испания, которую вскоре должна была сменить Италия, прилагал уже активные усилия для подготовки конференции «Европа—Средиземноморье», провести которую планировалось с участием 15 стран ЕС и 12 стран Южного Средиземноморья, включая НПА. В намерения ЕС входила разработка стратегии экономической интеграции, которая позволила бы справиться с двумя основными угрозами — неконтролируемым мигра-

ционным потоком и угрозой исламского фундаментализма. Эти новые явления можно было регулировать лишь путем оказания помощи странам Южного Средиземноморья в их развитии и достижении политической устойчивости. Эти цели должны были преследовать договоры, предусматривавшие установление ассоциативных связей отдельных стран с Европейским союзом, имея в виду создание в течение 5 лет зоны свободной торговли «Европа — Средиземноморье», и значительные капиталовложения через Европейский банк (3 млрд. долл. в год напрямую или в виде льготных кредитов). Арафат настаивал, не дожидаясь реализации этих долговременных проектов, на немедленном оказании необходимой помощи для поддержки усилий палестинского самоуправления. Он просил также, чтобы Европейский союз взял на себя большую политическую ответственность. Усилия европейцев в оказании помощи были, конечно, гораздо значительней, но политическую роль играли главным образом американцы. ЕС добивался стабильности, но условием последней было укрепление мирного процесса, которого можно было достичь лишь с помощью большего политического присутствия в регионе всех заинтересованных сторон. В этом духе Арафат выступил 29 октября в Аммане на экономической конференции 53 стран Северной Африки и Ближнего Востока (отсутствовали только Ирак, Ливия и Сирия, направившая своего представителя в Барселону на конференцию «Европа — Средиземноморье») с участием наблюдателей из Европы, Америки и России.

На этой конференции, явившейся продолжением подобного же мероприятия в Касабланке, также доминировали темы, связанные с крупными проектами (такими, как строительство канала «Мертвое море — Красное море» и более 1000-километрового газопровода, предложенного ЭНИ). Все эти проекты были скорее связаны с будущим, нежели с текущими потребностями. Самым важным стало, конечно, решение создать Банк для Ближнего Востока и Северной Африки с центром в Каире. Италия внесла важный вклад в принятие этого решения, преодолев сопротивление и нежелание других стран ЕС. Она обязалась вложить 5 % начального капитала, оказавшись, таким образом, на 4-м месте среди главных акционеров после США, Японии и России и

обогнав всех остальных западных и региональных участников. Экономическая конференция в Аммане безусловно стала важным моментом в разработке главных направлений развития в регионе, но очередные задачи, решения которых требовала тяжелейшая обстановка на территориях, управляемых ПНА, оставались в значительной мере отложенными. Существование этих проблем больше всего тревожила Арафата, так как они составляли наиболее уязвимое место в тех планах, к выполнению которых он был призван. Без их решения мир остался бы хрупким и непрочным.

4 ноября новое кровавое преступление привело в ужас Израиль и потрясло весь мир. На самой большой площади Тель-Авива, названной в честь иудейских царей, 27-летний студент из Бариланского университета Игаль Амир тремя выстрелами из револьвера поразил насмерть премьер-министра Ицхака Рабина, когда тот уходил с большого митинга в защиту мира, в котором принимал участие вместе с Шимон Пересом и со всеми главными представителями правительства и который превратился в настоящий праздник, где Рабин пел вместе с Пересом песню о мире «Шир ха Шалон». Цель митинга заключалась в том, чтобы показать, что выбор в пользу мира встречает широкую народную поддержку. Как рассказывает Фьямма Ниренштейн, находившаяся в нескольких шагах от Рабина в последние минуты его жизни, ему долго аплодировали, когда в середине своего выступления он сказал: «Я говорю как человек, прошедший войну, как генерал, как бывший министр обороны, а теперь как государственный деятель, который видел, как умирают многие из наших парней. Мир — это единственно возможный путь, это путь, по которому мы пошли, путь, указанный нам историей и открывающий перед нами большие возможности. В 1992 году мы получили наказ, от которого ни за что не откажемся. Мир не только в молитвах еврейского народа, но и в основе всех его чаяний»¹⁸.

Убийство Рабина явилось ужасным ударом для всего израильского общества, вызвало растерянность в сознании людей. Возможно ли, что еврей убил еврея? Об этом было страшно подумать после трагедии холокоста. Как случилось, что ненависть и фанатизм привели к убийству человека, который, будучи с 1967 года наделен высшей ответственнос-

тью, без колебаний прибегал даже к крутым мерам, чтобы защитить существование и свободу Израиля и обеспечить его безопасность? Израиль понял одну истину, которую не мог до тех пор осознать во всей ее ошеломляющей трагичности. Непрерывная злобная пропаганда врагов мира соединилась с грубым и фанатичным интегрализмом, с религиозным национализмом и фактически вооружила те группировки, которые до этого обвиняли Рабина в предательстве, называли убийцей, изображая его то в арабской кефье, то в нацистской форме, а теперь убили. Израиль понял, к каким разрушительным последствиям могло привести необузданное насилие таких группировок, как Эйял и Кахана Хай, вооруженных и фанатичных поселенцев из Кириат Арба, или интегралистское истолкование еврейской философской мысли. «Сам Бог утвердил меня в том, что человек, подвергающий народ Израиля опасности, должен быть наказан», — таковы были первые слова, сказанные молодым убийцей тем, кто его арестовал. Возмущение и боль сразу уступили место необходимости коллективного осмысления случившегося. Это нашло свое полное выражение в словах писателя Абрахама Ехошуа: «Израиль увидел сегодня свое отражение в глазах Игалья Амира и с ужасом от него отшатнулся. Это отражение пугает больше всего, ибо в нем проглядывает мессианский фанатизм»¹⁹. На скамье подсудимых оказались правые из религиозных групп и Ликуда, которые несли тяжелую ответственность за развязанную ими пропаганду ненависти и идеологически вооружили убийцу. «Разрешение на убийство мне дали раввины», — заявил полиции Игаль Амир. Леаха Рабин, вдова убитого премьера, без колебаний обвинила Ликуд и его лидера Нетаньяху, несших моральную и идеологическую ответственность за случившееся. На похоронах ей не хватило духу не подать ему руку, но затем она публично призналась, что «предпочла бы пожать руку Арафата, чем Нетаньяху». «Конечно, они виноваты, — заявила она. — Почему он и его товарищи никогда ничего не предпринимали, чтобы остановить пропаганду ненависти, проводимую крайне правыми группировками против премьер-министра? Более того. Они тоже произносили речи, полные ядовитой злобы, обвиняя нас в том, что мы якобы продаем страну. Они утверждали, что по завершении мирного процесса от Израиля

не останется ничего, способствуя тем самым созданию атмосферы для убийства»²⁰.

Растерянность, к счастью, длилась недолго. Уже через два дня после трагического убийства страна собралась с силами. В траурной церемонии прощания с Рабином на горе Герцла приняли участие все великие мира сего. Это было необыкновенным проявлением солидарности и взволнованности. Скальфаро был первым, кто простился с покойным. Никогда раньше Израиль не чувствовал себя окруженным такой сердечностью и участием. Даже от арабского мира присутствовали не только Мубарак и Хусейн, которые произнесли взволнованные и многозначительные речи, но и министры Марокко, Мавритании, Омана и Катара. В выступлениях Переса и Клинтона прозвучала не только боль, вызванная трагической гибелью Рабина, но и вновь подтвержденное обещание довести до конца, с той же смелостью и решительностью, его усилия в защиту мира.

На горе Герцла не было Арафата. Он не поехал туда «по соображениям безопасности и целесообразности», но следил у себя в Газе по телевизору за всей церемонией «со слезами боли на глазах», как поведал о том один из его сотрудников. Никого, однако, не удивило и тем более не вызвало никаких возражений, когда три дня спустя Арафат в сопровождении Абу Мазена прилетел прямо в Тель-Авив и пришел в дом Рабина, чтобы лично выразить его вдове соболезнования от своего имени и от имени палестинского народа. Арафат впервые летел в Израиль! Это был беспрецедентный жест, который еще неделю назад трудно было вообразить, но теперь казался почти обычным. Впрочем, Рабин и Арафат были главными действующими лицами мирного процесса и разделили его тяготы, риск и надежды. И теперь Арафат поверял Леахе чувства, которые он испытывал к «мужественному человеку, герою, своему личному другу». Леаха Рабин рассказала Арафату о том, как относился к нему ее погибший супруг. Это были чувства «уважения и доверия к надежному партнеру в деле достижения мира». И они оба заплакали.

Для Израиля пришла пора встряхнуться и «пробудиться», как требовала Леаха Рабин. Пробуждение было резким и тревожным. 12 ноября полмиллиона человек вышли на площадь еврейских царей, названную теперь именем погибшего

государственного деятеля. Это была одна из самых крупных народных демонстраций, когда-либо виданных в Израиле. «Какую силу ты вызвал своей гибелью! — сказала вдова в своем выступлении. — После твоей смерти мы проснулись в новом мире, и источником новой силы для нас и для будущего, лучшего общества являешься ты». Перес, которому было поручено создать новое правительство при поддержке Ликуда и Нетаньяху, обеспокоенных моральной и политической изоляцией, в которой они оказались в связи с таким поворотом событий, с большой ясностью изложил 16 ноября в кнессете свои намерения. «Мы пойдем по пути, проложенному Рабином, дело мира должно продолжаться без остановки». Более того, Перес даже добился ускорения мирного процесса. В Дженине он объявил о начале отвода израильских войск, место которых заняла палестинская полиция. То же самое должно было произойти до конца года почти во всех городах Трансиордании. Приехавший туда 19 ноября Арафат также объявил Дженин освобожденным «благодаря мирному соглашению с Израилем, которое не сможет расстрелять никакой убийца».

Менее чем за месяц, с 19 ноября по 28 декабря, из всех крупнейших городов Трансиордании — Дженина, Наблуса, Эль Халиля, Тулькарма, Вифлеема и из Рамаллаха — израильские солдаты были выведены, а властные и контрольные функции перешли к палестинской полиции и местному самоуправлению. В каждом из этих городов Арафата встречали толпы ликующего народа, который наконец мог вкушать свободу и открыто, а не тайком поднять красно-черно-белозеленый флаг палестинской независимости. Своего президента смогли приветствовать сотни тысяч людей, боровшихся с его именем на устах, но никогда не видевших его воочию. А он мог радоваться вместе с ними, потому что освобождение сел и городов Трансиордании означало первый настоящий и крупный результат переговоров, начатых два года назад в Осло. Теперь можно было сказать, что ставка на мир с Израилем была сделана правильно, что мира нельзя было добиться экстремистскими крайностями и радикальными наскоками. Поэтому Арафат мог требовать от самых непримиримых и недоверчивых сложить оружие и обратить свои уси-

лия на мирное строительство новой Палестины. В эти праздничные дни он опирался на вновь обретенное единство народа, не забывая и о тех, кто жил в изгнании или томился в израильских тюрьмах, а также на дух свободы, который должен был лечь в основу их нового опыта, и прежде всего свободы вероисповедания, ради которой он решил сделать символический жест, отправившись с женой и дочерью в христианский Вифлеем, чтобы в Рождественскую ночь помолиться в Рождественском гроте рядом с иерусалимским католическим патриархом Мишелем Саббахом. Из Вифлеема, откуда были видны куполы мечетей Святого города, он указал путь, который оставалось пройти. «В этом году мы можем молиться под палестинским флагом в Вифлееме, а потом будем молиться и в Иерусалиме. Процесс идет дальше, а пытающимся его остановить с помощью винтовок не удастся это сделать». Крупные народные демонстрации в каждом городе, освобожденном от оккупации, были для Арафата своего рода разгоночным треком для выборов, намеченных на 20 января 1996 года, в канун Рамадана. Конечно, палестинский лидер не сомневался, что его выберут, настолько были велики его популярность и оказываемая ему поддержка. В президентском марафоне у него был только один соперник: 72-летняя Самилха Халиль. Вплоть до самого начала 60-х годов эта замечательная женщина работала в Фатхе и основала Общество защиты палестинских женщин. Самилха Халиль прекрасно понимала, что она не может рассчитывать на победу, но ей хотелось утвердить некоторые пункты своей программы, которые, на ее взгляд, могли быть использованы будущим Палестинским советом: улучшение соглашений, достигнутых в Осло, создание демократической политической системы, подготовка условий для возвращения палестинцев, уехавших в другие страны, утверждение прав женщин. Это последнее требование находило поддержку среди некоторых женщин, выдвинувших свои кандидатуры на выборах (Ханан Ашрави, Интизар Вазир, Захира Камаль). «Женщины возглавляли Интифаду, и теперь не хотят возвращаться на кухню», — таков был их главный лозунг. Среди 672 кандидатов в Национальный совет было несколько крупных независимых деятелей, критически относившихся к Арафату и его линии. Это были популярнейший Абдель Шафи в Газе, быв-

ший мэром Эль-Биреха Абдель Джавад, легендарный ливанский командир Салех Таамари и некоторые другие. Большинство среди кандидатов составляли, конечно, деятели Фатха, которым практически расчистили путь к победе решения Народного фронта Хаббаша и Демократического фронта Хаватмеха, решивших бойкотировать выборы, и Хамаса, призвавшего своих сторонников воздержаться от голосования. С Хамасом велись длительные переговоры, но под конец ими было принято решение не принимать участия в голосовании из боязни придать легитимность Арафату и соглашениям, заключенным в Осло. Власть Фатха оспаривали лишь «Движение за демократию» Шафи, «Фидо» Раббо, «Фронт освобождения Палестины» Абуля Аббаса и коммунисты. В оппозиции новому Совету не было недостатка. Впрочем, за всю свою долгую историю палестинское движение никогда не знало единогласия. В конце концов, диалектическое разнообразие позиций и голосов могло принести только пользу зарождавшемуся демократическому движению. Трудно поэтому было объяснить и тем более одобрить некоторые попытки ограничить свободу печати, политические права и выдвижение кандидатур, вину за которые возлагали на Арафата, хотя такие попытки часто оказывались делом рук некоторых его слишком «усердных» сторонников в контрольных органах, что, по правде говоря, не сыграло большой роли и не сказалось на проведении избирательной кампании.

Если учесть исторические обстоятельства и экстраординарность обстановки, в которой проходила избирательная кампания, то выборы на освобожденных территориях, где еще два года назад полыхала Интифада, действительно представляли незаурядное демократическое начинание, проходившее в атмосфере спокойствия и порядка. Только один раз возникла серьезная напряженность в Газе, где 5 января был убит Йехья Айяш, неуловимый «мастер по взрывам», как его называли израильские спецслужбы, которые его, главным образом, и разыскивали. Айяш был одним из подпольных главарей вооруженного отделения Хамаса, который бахвалился своим исключительным умением использовать взрывчатку и готовить боевиков-камикадзе. В своих кругах он пользовался большой славой, и известие о его убийстве немедленно вызвало скорбь и ярость сторонников Хамаса и Джихада.

обвинявших палестинскую полицию в том, что она не помешала Израилю вернуться на их территории и нанести удар у них в доме. Арафат также осудил убийство и выразил свой протест. Он не мог позволить поставить под вопрос равновесие, уже несколько месяцев установившееся в его отношениях с Хамасом. Ему не хотелось также ссориться с сотнями тысяч людей, принявших участие во всеобщем трауре, в забастовке, а затем в похоронах. Он признал Аяйша «мучеником и борцом за дело палестинского народа». Это был единственный крупный инцидент, на несколько дней осложнивший избирательную кампанию, которая, кстати, могла почерпнуть силу в некоторых положительных фактах. Первый состоял в том, что Кристофер после встречи с Асадом в Дамаске объявил о существенном прогрессе в возможности достижения мирного соглашения между Сирией и Израилем. Начало трехсторонних переговоров в конце декабря в Мэриленде подтвердило эту перспективу, которую новый министр иностранных дел Израиля Ехуд Барак назвал «эпохальным событием для всего Ближнего Востока». Для палестинцев это было важно, так как свидетельствовало о том, что соглашения, достигнутые в Осло, продолжали оказывать воздействие на весь регион и выбивали козыри из рук просирийски настроенных раскольников. Позитивную роль также сыграло совещание министров ЕС по вопросу оказания помощи палестинцам, созванное 9 января в Париже и явившееся первым следствием перехода к Италии поста председателя этого союза. Эта конференция положила начало новому этапу оказания помощи, которая от текущих дел обратилась к перестройке и созданию инфраструктур, способных содействовать развитию. Дружеское объятие Сузанны Аньелли и Арафата в Париже свидетельствовало о взаимном удовлетворении сторон. Последним положительным фактом стало освобождение 10 января 1200 палестинских заключенных.

Выборы на 1697 избирательных участках прошли «относительно спокойно и без существенных нарушений», как отметили 650 международных наблюдателей, специально съехавшихся в Палестину. Спокойствие было бы абсолютно полным, если бы в Хевроне и особенно в Иерусалиме в выборы не вмешались правые еврейские элементы, пытавшие-

ся организовать демонстрации против голосования и помешать избирателям прийти на избирательные участки. В Иерусалиме израильские солдаты также способствовали созданию атмосферы запугивания — они окружили пять избирательных участков и фотографировали избирателей, пытавшихся отдать свои голоса, так что даже Джимми Картеру, главе американской группы наблюдателей, пришлось лично вмешаться, чтобы опротестовать подобные методы.

Если не считать этих эпизодов, то в целом международные наблюдатели отметили «корректность избирательных процедур» и «правильность голосования», а их глава, швед Карл Лидбон, заявил после подсчета голосов, что «результаты могут считаться точным отражением воли избирателей». Подобное же заявление сделали Эмилио Коломбо, наблюдатель от итальянского президиума ЕС за палестинскими выборами, и Сузанна Аньелли, похвально отозвавшаяся в одной рамаллахской школе о проявленной палестинцами «политической зрелости» и заявившая, что Европейский союз продолжит свою «неограниченную помощь в политическом и экономическом плане в целях укрепления мира на Ближнем Востоке». О «начавшемся демократическом процессе» говорил также новый израильский посол в Риме Йекуда Милло.

Результаты голосования превзошли все ожидания. 79,9 процента из чуть более одного миллиона зарегистрированных избирателей пришли к избирательным урнам. Это очень высокий процент, если принять во внимание бойкот со стороны двух фронтов и призыв Хамаса воздержаться от голосования и учесть низкие показатели, достигнутые в Хевроне и особенно в Иерусалиме, где проголосовал только 51 процент избирателей. В Газе к урнам явилось свыше 90 процентов избирателей, что стало полным провалом для Хамаса и необычно крупным успехом политики Арафата. Как обобщил Арриго Леви, «Арафат и его «процесс примирения» с Израилем одержали победу. Хамас и другие экстремистские группировки, пытавшиеся саботировать голосование, потерпели поражение. Таково политическое значение палестинских выборов...»²¹. Примерно те же выражения содержались и в приветственном послании, тут же направленном израильским премьер-министром Пересом: «Массовое участие в выборах означает поддержку мирного процесса. На-

стала пора мира и демократии». В массовой явке палестинцев к урнам отразилось их желание стать участниками демократического строительства палестинского государства. Даже в определенном разбросе голосов отражался высокий уровень демократичности и зрелости. Конечно, 87% голосов, отданных за Арафата, можно было рассматривать как своего рода народное одобрение его политики, но и в почти 10%, отданных за Самилху Халиль, и особенно в крупных личных достижениях таких кандидатов, как Абдель Шафи в Газе и Ханана Ашрави в Иерусалиме, содержалось предупреждение о необходимости сдерживать возможные авторитарные поползновения и считаться с особо насущными потребностями, такими как права женщин и гражданские права. Среди 88 избранных в Совет были и критически настроенные люди. Подавляющее большинство избранных, в том числе и среди независимых, отражало, разумеется, точку зрения Фатха, хотя и там были представители политических и религиозных меньшинств, а также отдельные сильные личности, вряд ли поддававшиеся приручению. Словом, голосование привело к не совсем полной еще, с точки зрения плюрализма, демократии, лишенной к тому же опоры на вполне определенные структуры и институты. Но в любом случае это было нечто немислимое еще несколько лет назад и намного более передовое по сравнению с историческим опытом арабского Ближнего Востока. Молодой росток, которому сразу же надо было помогать расти и развиваться. То же самое отметил и Луиджи Колаянни, присутствовавший на выборах вместе с делегацией Европейского парламента, предложившей Арафату договориться о взаимном обязательстве по установлению официальных отношений между Европейским и только что избранным Палестинским парламентами, а «тройка» ЕС сразу же предложила выделить 5 миллионов долларов для создания и налаживания работы нового представительного органа. Палестинский совет был избран для работы в переходный период, который, как утверждал Абу Мазен, закончится «провозглашением Палестинского государства». Этот период должен был продолжаться максимум три года, в течение которых надлежало обсудить огромные проблемы, касающиеся беженцев, поселений, судьбы Иерусалима, границ, исполь-

зования водных ресурсов, экономических отношений с соседями. Это были сложные для решения вопросы, заставившие Леви сказать в цитируемой выше статье, что «мир еще далек», но после выборов 20 января 1996 года он «никогда не казался таким близким». Голосованием на этих выборах заканчивался длительный этап борьбы палестинского народа за возвращение на свою землю и самоопределение. С этого момента началось строительство нового государства и новой системы отношений, основанных на сосуществовании и сотрудничестве с другими государствами и другими народами региона. Начиналась иная борьба и иная история.

Примечания

Вместо вступления

- ¹ *L'Unità*, 12 giugno 1994.
- ² См. например: *La sinistra e gli ebrei in Italia. 1967—1993*. Milano, 1995 и некоторые статьи в геополитическом журнале *Limes*, № 4, 1995.

Открытие палестинского движения

- ¹ «Archivio P. Secchia», quaderno 10, da p. 565. Milano 1978.
- ² Documenti politici dal XI al XII Congresso. Atti, 1969, p. 291.
- ³ Galluzzi C. *La svolta. Gli anni cruciali del Pci*. Milano 1983, pp. 45 e 53.
- ⁴ P. Secchia, *op.cit.*, p. 574.
- ⁵ *La Nazione*, «Luna Cronache», 10 gennaio 1969.
- ⁶ MAE. Servizio storico e documentazione, «Italia e Medio Oriente 1967—1973».
- ⁷ *L'Unità*, 6 marzo 1969.
- ⁸ TAA di Claudio Giuliani.
- ⁹ Gowers A., Walker T. *Yasser Arafat e la rivoluzione palestinese*. Roma, p. 110.
- ¹⁰ *L'Unità*, 13 settembre 1970.
- ¹¹ Ledda R. *La battaglia di Amman*. Roma 1972.
- ¹² Pajetta G.C. *Socialismo e mondo arabo*. Roma 1970.
- ¹³ Pajetta G.C. *Op. cit.*, p. 23.
- ¹⁴ Documenti politici dal XII al XIII Congresso. Atti 1972, p. 271.
- ¹⁵ Pajetta G.C. *Op. cit.*, p. 100.

1974— поворотный год

- ¹ См.: Capanna M. *Arafat*. Milano 1989, p. 18.
- ² Fallaci O. *Intervista con la storia*. Milano 1974, p. 133.
- ³ Molinari M. *La sinistra e gli ebrei in Italia. 1967—1993*. Milano 1995, p. 73.
- ⁴ Documenti politici dal XIII al XIV Congresso, vol. 1, 1972—1973, p. 82.
- ⁵ *Ibid.*, p. 323.
- ⁶ *Il Corriere della Sera*, 17 ottobre 1972.
- ⁷ Polito E. *Per un palestinese*. Milano 1979.

- ⁸ Fallaci O. *Op. cit.*, pp. 130—131.
- ⁹ *Testi della rivoluzione palestinese 1968—1976*. Verona, p. 160.
- ¹⁰ Achilli M. *I socialisti tra Israele e Palestina*. Milano, p. 162.
- ¹¹ Molinari M. *Op. cit.*, p. 69.
- ¹² Интервью с Э. Тоаффом. *L'Unità*, 12 luglio 1990.
- ¹³ Molinari M. *Op. cit.*, p. 77.
- ¹⁴ Istituto di studi comunisti. Opuscolo su *Questioni inerenti alla situazione nel Medio Oriente*, 1973, p. 165.
- ¹⁵ Atti e risoluzioni del XII Congresso del Pci. Roma 1969, p. 484.
- ¹⁶ *L'Unità*, 18 luglio 1973.
- ¹⁷ Йом-Киппур — религиозный еврейский праздник (день искупления).
- ¹⁸ Duchamps F. In *Sette giorni*, n. 334, 25 novembre 1973.
- ¹⁹ Цит. по: Gresh A. *Storia dell'Olp*. Roma 1988, pp. 174—176.
- ²⁰ Gowers A., Walker T. *Op. cit.*, p. 164.

В ливанской преисподней

- ¹ *Espresso*, 12 gennaio 1975.
- ² *L'Europeo*, 13 dicembre 1973.
- ³ *L'Unità*, 12 novembre 1975.
- ⁴ TAA di Karen Brutenz.
- ⁵ Documenti politici dal XIV al XV Congresso, vol. I (1975—76), p. 459.
- ⁶ Ledda R. *L'Europa fra nord e sud*. Roma 1989, p. 196.
- ⁷ Gowers A., Walker T. *Op. cit.*, pp. 188—189.
- ⁸ Documenti politici dal XIV al XV Congresso, vol. I (1975—76), pp. 485—486.
- ⁹ Documenti politici dal XIV al XV Congresso, vol. II (1977—79), p. 763.
- ¹⁰ *La Repubblica*, 15 dicembre 1977.
- ¹¹ Sokolowicz J. *Israeliani e Palestinesi*. Milano 1989, pp. 26—27.
- ¹² Atti parlamentari, Camera dei deputati, 1° dicembre 1977.
- ¹³ Documenti politici dal XIV al XV Congresso, vol. II (1977—79), p. 945.

Израильское вторжение в Ливан

- ¹ *L'Avanti*, 22 settembre 1978.
- ² *XV Congresso del Pci. Atti e risoluzioni*. Roma 1979, p. 28.
- ³ *La Repubblica*, 29 ottobre 1979.
- ⁴ *La Repubblica*, 25 settembre 1979.
- ⁵ Achilli M. *I socialisti tra Israele e Palestina*. Milano, 1989, p. 236.
- ⁶ Risultati delle sessioni del Consiglio Europeo (1975—1990). Dossier Mae.
- ⁷ Documenti politici dal XV al XVI Congresso, vol. II, p. 574.
- ⁸ Atti parlamentari, Camera dei deputati, 17 dicembre 1981.

- ⁹ *La Repubblica*, 16 giugno 1982.
¹⁰ Documenti politici dal XV al XVI Congresso, vol. II, p. 879.

Арафат в Риме

- * Часть этой главы взята из книги Rubbi A. *Il mondo di Berlinguer*. Roma 1994, pp. 445—465.
¹ *Jerusalem Post*, 13 settembre 1982.
² *Il Tempo*, 13 settembre 1982.
³ *L'Unità*, 16 settembre 1982.

В тунисском тылу

- ¹ *XVI Congresso del Pci. Atti, risoluzioni, documenti*. Roma 1983, p. 670.
² Pci. Documenti politici dal XV al XVI Congresso, vol. 2, p. 903.
³ *L'Unità*, Intervista a Elio Toaff, 12 luglio 1990.
⁴ *L'Unità*, 24 ottobre 1982.
⁵ *L'Unità*, 15 giugno 1984.
⁶ *Nuova rivista internazionale*, aprile 1985, n. 4, p. 129.
⁷ *L'Avanti*, 8 dicembre 1984.
⁸ *Nuova rivista internazionale*, luglio-agosto 1985, n. 7—8, p. 185.
⁹ *L'Unità*, 9 ottobre 1985.
¹⁰ Atti parlamentari, Camera dei Deputati, resoconto stenografico del 7 novembre 1985.
¹¹ *XVII Congresso del Pci*. Firenze 9-13 aprile 1986. Roma 1987, pp. 37—38.
¹² *XVI Congresso del Pci. Atti, risoluzioni, documenti*. Roma 1983, p. 40.
¹³ *Nuova rivista internazionale*, ottobre 1986, n. 10, pp. 157—158.
¹⁴ *L'Unità*, 1° agosto 1986.

Двойной визит в Израиль

- ¹ Molinari M. *Op. cit.*, p. 125.
² *Nuova rivista internazionale*, gennaio 1987, n. 1, p. 155.
³ *Sinistra e questione ebraica*, a cura di Janiki Cingoli. Roma 1989, p. 144.
⁴ *Ibid.*, p. 140.
⁵ *L'Unità*, 29 ottobre 1986.
⁶ *L'Unità*, 25 gennaio 1987.
⁷ *L'Unità*, 10 febbraio 1987.
⁸ *L'Espresso*, 2 agosto 1987.

Интифада

- ¹ *L'Unità*, 19 dicembre 1987.
² *La Voce Repubblicana*, 22 dicembre 1987.

- ³ *L'Unità*, 27 dicembre 1987.
⁴ *L'Unità*, 14 febbraio 1988.
⁵ *Nuova rivista internazionale*, n. 5, maggio 1988.
⁶ *Правда*, 31 марта 1988.
⁷ *Il Popolo*, 24—25 aprile 1988.
⁸ *Rinascita*, 14 maggio 1988. Insetto del *Contemporaneo*.
⁹ Atti parlamentari, Camera dei deputati, stenografico 19 maggio 1988.
¹⁰ *Avanti*, 12 maggio 1988.
¹¹ *Il Consiglio Europeo*, Dossier 1990, p. 315.
¹² Gowes A., Walker T. *Op. cit.*, p. 325.

Провозглашение независимости

- ¹ *Nuova rivista internazionale*, n. 3—4, marzo-aprile 1989.
² *La Repubblica*, 30 novembre 1988.
³ *Il Messaggero*, 17 dicembre 1988.
⁴ *Il Corriere della Sera*, 1 dicembre 1988.
⁵ *L'Unità*, 20 novembre, 1988.
⁶ Capanna M. *Arafat*. Milano 1989, p. 178.
⁷ *Il Corriere della Sera*, 14 dicembre 1988.
⁸ *La Repubblica*, 16 dicembre 1988.
⁹ *L'Unità*, 17 dicembre 1988.
¹⁰ *L'Osservatore Romano*, 24 dicembre 1988.
¹¹ Dossier «Il Consiglio Europeo 1973—1994», pp. 338—339.
¹² Ashrawi H. *La mia lotta per la pace*. Milano 1995, pp. 49—50.
¹³ *Avvenimenti*, 17 gennaio 1990.

ООП и война в Персидском заливе

- ¹ Ashrawi H. *La mia lotta per la pace*. Milano 1995, p. 58.
² *L'Unità*, 15 agosto 1990.
³ *L'Unità*, 14 agosto 1990.
⁴ *L'Unità*, 19 agosto 1990.
⁵ *La Stampa*, 19 gennaio 1991.
⁶ *L'Unità*, 1° marzo 1991.

Мирный процесс. От Мадрида до Вашингтона через Осло

- ¹ *Bollettino Internazionale del Pds*, n. 8, 1991.
² *Il Corriere della Sera*, 15 gennaio 1993.
³ *L'Unità*, 6 febbraio 1993.
⁴ *L'Unità*, 20 giugno 1993.

- ¹ *Il Corriere della Sera*, 1° luglio 1994.
- ² *L'Unità*, 16 settembre 1993.
- ³ *Bollettino internazionale del Pds*, n. 8, 1993.
- ⁴ *L'Unità*, 17 ottobre 1993.
- ⁵ Said E.W. *La questione palestinese*. Roma 1995, p. 247.
- ⁶ *L'Espresso*, 17 giugno 1994, pp. 83—84.
- ⁷ Ashrawi H. *La mia lotta per la pace*. Milano 1995, p. 247.
- ⁸ *L'Osservatore Romano*, 21 aprile 1991.
- ⁹ *L'Unità*, 14 gennaio 1996.
- ¹⁰ *La Repubblica*, 22 settembre 1994.
- ¹¹ *L'Unità*, 27 ottobre 1994.
- ¹² *Jerusalem Post*, 7 giugno 1994.
- ¹³ *L'Unità*, 8 giugno 1994.
- ¹⁴ *Umbria Regione*, novembre 1994, «Speciale Palestina».
- ¹⁵ *L'Unità*, 10 aprile 1995.
- ¹⁶ *The Guardian*, April 15—18, 1995.
- ¹⁷ *Il Messaggero*, 22 agosto 1995.
- ¹⁸ *La Stampa*, 5 novembre 1995.
- ¹⁹ *L'Unità*, 12 novembre 1995.
- ²⁰ *Il Corriere della Sera*, 8 novembre 1995.
- ²¹ *Il Corriere della Sera*, 22 gennaio 1996.

Художественная публицистика

Антонио Рубби

ПАЛЕСТИНСКИЙ МАРАФОН

*30 лет борьбы за мир
на Ближнем Востоке*

Редактор *О.В. Чхиквишвили*

Художественный редактор *Э.А. Смирнов*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректор *С.Ю. Чупахина*

Компьютерная верстка *А.Н. Каревой*

Эта книга посвящена многолетнему палестино-израильскому конфликту, одному из самых сложных и мучительных кризисов послевоенного времени. История этого кризиса еще мало исследована и зачастую превратно истолковывается. А. Рубби рассказывает о ней, опираясь на обширную документацию, в том числе не изданные до сих пор материалы, на свидетельства очевидцев и на собственный опыт участия в поисках мира между народами Палестины и Израиля. Страницы этой драматической истории мало известны российскому читателю.

Антонио Рубби — один из руководителей Итальянской коммунистической партии (до 1990 г.), депутат итальянского парламента, автор целого ряда книг. Две из них — «Китайский дневник» и «Мир Берлингуэра» — переведены на русский язык и вышли в свет в издательстве «Международные отношения».

ISBN 5-7133-1107-4

9 785713 1311070